

ЧЕТРАДИ ПО КОНСЕРВАТИЗМУ

ISSN 2409-2517

[№ 5 2015*]

Четвертый Форум
«Бердяевские чтения»

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Декабрь 2015 г.]

Россия и Азия. Векторы цивилизационного развития

Четвертый Форум «Бердяевские чтения»

[Август 2015 г.]

Цетради

по консерватизму

{ № 5 2015 г. }

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2015

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Ю. Зудин, Б.В. Межуев,
А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, Л.В. Поляков (председатель),
М.В. Ремизов, А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников (гл. редактор)

Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 5. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015. – 288 с.

В очередном номере альманаха «Тетради по консерватизму» представлены материалы четвертого Форума «Бердяевские чтения» «Россия и Азия. Векторы цивилизационного развития», проведенного Фондом ИСЭПИ 16–18 августа 2015 года во Владивостоке.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 59947.

© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015

Леонид Поляков
К читателю
8

Секция первая

Россия и Азия: взаимное восприятие

В.В. Ванчугов
«Географические» предпочтения русской мысли в историко-
философской ретроспекции
13

А.Ю. Минаков
Образ Востока в русской консервативной мысли начала XIX века
27

М.А. Маслин
Китайская мечта: метафизический взгляд из России
31

В.В. Сербиненко
Спор о Китае: Вл. Соловьев и Н. Данилевский
39

Тадаси Анно
Россия в японском зеркале: модернизация и поиск
идентичности. 1865–1905
49

С.В. Чугров
Взаимные образы России и Японии. Надежды на мягкую силу
75

Ли Тэрим
Имидж России в Корее
82

Лим Юл Чул
Российская идентичность и роль России на Корейском полуострове
85

Пань Давей
Сравнительный анализ самосознания и социальной идентичности
в Китае и России (на данных сравнительных исследований)
93

Секция вторая

**Современная Азия: традиционные ценности
и модернистские вызовы**

Джонго Нам
Особенности корейского консерватизма
100

К.В. Асмолов
Уроки корейской истории XIX–XX веков для современной России
105

И.Е. Денисов
Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет
«пятого поколения» руководителей КНР
112

А.А. Маслов
Традиционная политическая культура Китая, идентичность
и новые формы реализации мягкой силы
119

А.Е. Куланов
Привлекательный японский консерватизм:
генезис и трансформация. Взгляд из России
122

Арун Моханти
Ценности и основания современной индийской политики
126

Ташансу Тюркер
Административные реформы и концепции «родина» и «нация»
в империях модернизации: Турция и Россия
129

Секция третья

**«Большая азиатская сборка»: евразийское пространство
и вызовы глобализма**

Д.В. Мосяков
Страны Востока, США и современная глобализация
140

С.В. Хатунцев
Россия, Китай, Запад и «евразийская квадрига»
147

Л.Б. Карелова
Проблема европоцентризма и ориентализма в современной России
152

Содержание

В.Б. Кашин

Китайская картина будущего мира и место России в нем
159

Ли Син

*Культурные факторы в дипломатии Китая,
России и Индии как участников БРИКС*
166

Чжао Лу

*Проблемы новой международно-правовой системы
в нестабильных ситуациях и в рамках многополярного мира*
170

Секция четвертая

Пути России в Азии

О.А. Матвейчев

Россия и Китай: как наводились мосты
178

Е.С. Холмогоров

Почему Россия не Азия
192

А.Г. Гачева

Евразийство: от восточничества к всечеловечности
215

А.В. Виноградов

Притяжение Азии. Китайский опыт для России
240

В.В. Сумский

Пути Восточной Азии и путь России
249

Б.Д. Сыромятников

«Сигма»: «Восток или Запад?»
269

А.А. Тесля

Дальневосточный фронт в интеллектуальной изоляции
281

Участники Чтений

285

К читателю

Перенимая эстафету у Калининграда, четвертый Форум «Бердяевские чтения» прошел 16–18 августа во Владивостоке на гостеприимной площадке Дальневосточного федерального университета. Выбор места обусловил и тему – «Россия и Азия. Векторы цивилизационного развития», актуальность которой вполне очевидна в связи с нашим «поворотом на Восток». Является ли он лишь следствием международной конъюнктуры, или же это выбор в рамках долгосрочной геополитической стратегии? И каковы глобальные последствия такого поворота? Ответы на эти вопросы искали ведущие отечественные востоковеды, политологи, экономисты, социологи, историки и философы. А также весьма представительный корпус интеллектуалов из Китая, Японии, Республики Корея, Индии, Малайзии, Сингапура и Турции.

Два дня в формате последовательно выстроенных секций и пленарного заседания в виде «круглого стола» были посвящены дискуссиям по трем ключевым сюжетам. Первый из них – «Россия и Азия: как мы воспринимаем друг друга». Основная проблема здесь в том, как смотреть на наше общее с Востоком (и особенно – с так называемым Дальним Востоком) прошлое. Если следовать сложившейся в западном сознании интеллектуальной рамке, которую Эдвард Саид определил как «ориентализм», то российское освоение Востока могло бы предстать как один из вариантов западного колониализма.

Между тем и разработка этой проблемы российскими востоковедами, и подходы азиатских соседей позволяют преодолеть эту «рамку» и взглянуть на традицию наших отношений без западных «очков». И тогда эта традиция предстает как выстраивание уникального, взаимообогащающего цивилизационного симбиоза, который – в противовес трехсотлетнему русскому «западничеству» – может быть описан как «русское восточничество». Что отнюдь не покрывается таким идеологическим конструктом, как «евразийство», вмещающим России внутреннюю дихотомию «Европа – Азия». Напротив, «русское восточничество» предлагает искать глубинное единство России и Востока.

Каковы могут быть основания подобного единства? Ответы на этот вопрос участники Форума искали прежде всего при обсуждении следующего сюжета – «Современная Азия: традиционные ценности и модернистские вызовы». Первое, что было отмечено, это цивилизационный азиатский плюрализм, обусловленный не столько географией, сколько различным религиозно-ценностным фундаментом. Азиатские

участники Форума принципиально настаивали на том, что одним из обязательных условий преодоления навязываемого Западом «ориенталистского» фрейма является признание *многообразия* Востока.

Индуизм, конфуцианство, буддизм (в разных вариантах) и ислам в силу довольно существенных различий в ценностно-мировоззренческих и морально-практических установках задают весьма своеобразные траектории модернизационных процессов в той или иной стране. Условно весь азиатский регион может быть выстроен в единый ряд по степени успешности модернизации, понимаемой как внедрение либеральной демократии, свободного рынка и масс-культуры. Но парадокс заключается в том, что наиболее успешные варианты «осовременивания» продемонстрировали как раз те страны, в которых действовал авторитарный режим, роль государства как экономического регулятора была велика и где поверх внешнего принятия масс-культуры западного образца наблюдается ренессанс традиционных ценностей.

Этот опыт чрезвычайно важен для России, поскольку задача модернизации никак не находит своего «окончательного решения». И вполне возможно, что подсказка с Востока, состоящая в том, что нужно искать не некую внешнюю абстрактную «Современность» в качестве идеала, а повышать глобальную конкурентоспособность на основе собственного ценностного фундамента, наконец сработает. И именно здесь просматривается культурологическая и прагматическая легитимность формулы «консервативная модернизация».

Третья ключевая тема Форума – «“Большая азиатская сборка”: евразийское пространство и вызовы глобализма». Тут на первый план вышел самый важный для наших азиатских коллег (да и для нас самих!) вопрос: каково лицо той России, которая поворачивается на Восток? Какова ее идентичность, какова та мягкая сила России, которая может привлечь не только прагматичные интересы азиатских политиков, но и сердечные симпатии рядовых обитателей многомиллиардного континента?

Нашими азиатскими коллегами были сформулированы два ключевых запроса. Во-первых, Россию ожидают на Востоке как убежденного и последовательного сторонника нового миропорядка, основанного на принципах многополярности, антигегемонизма и глобальной справедливости. В этом отношении Россию приветствуют в «Азии» не как посредника в отношениях с «Европой», а как самостоятельный центр силы и влияния.

А отсюда, во-вторых, возникает запрос на выработку некоей общей, условно говоря – российско-азиатской, ценностной платформы, которая могла бы нейтрализовать претензии западного (американского в первую очередь) либерального глобализаторства на идеологическое господство. И характерно то, что в выступлениях японских, китайских и других коллег из Азии прозвучало предложение избрать в качестве такой платформы «осторожный, разумный, прагматичный» *консерватизм*.

На самом деле эти два запроса к идентичности России со стороны дружески расположенной Азии – всего лишь две стороны одной медали. Консервативная гармония свободы и порядка внутри страны естественным образом проецируется во внешнеполитический императив многополярного мира, основывающего порядок не на диктате одной «исключительной» нации, а на справедливом равенстве всех.

Перечисленные ключевые темы и основные вопросы – это лишь, так сказать, формально-логический каркас владивостокского форума, начинающего интеллектуальный и политический диалог «Россия – Азия». И – приглашение к дальнейшему чтению: будет очень интересно!

Россия и Азия: взаимное восприятие

{ Секция первая }

В.В. Ванчугов
«Географические» предпочтения русской мысли в историко-философской ретроспекции

А.Ю. Минаков
Образ Востока в русской консервативной мысли начала XIX века

М.А. Маслин
Китайская мечта: метафизический взгляд из России

В.В. Сербиненко
Спор о Китае: Вл. Соловьев и Н. Данилевский

Тадаси Анно
Россия в японском зеркале: модернизация и поиск идентичности. 1865–1905

С.В. Чугров
Взаимные образы России и Японии. Надежды на мягкую силу

Ли Тэрим
Имидж России в Корее

Лим Юл Чул
Российская идентичность и роль России на Корейском полуострове

Пань Давей
Сравнительный анализ самосознания и социальной идентичности в Китае и России (на данных сравнительных исследований)

Б.В. Межуев. Считается, что русская мысль, русская философия, русская идея обращены к Европе, к Западу. Мне представляется, мы сможем несколько скорректировать такое восприятие. Потому что образ Востока,

и образ России как восточной страны, был предметом русской мысли, русской идеи. Передаю слово Василию Викторовичу Ванчугову, который много занимался темой Востока в русской мысли.

«Географические» предпочтения русской мысли в историко- философской ретроспекции

Систематизация знания предполагает создание произвольной «системы координат», когда в потоке явлений устанавливается координация, соответствующая целям и задачам познающего субъекта. Деление мира на части света (Запад, Юг, Север, Восток) – та же систематизация, способ ориентации в пространстве. Но наряду с географическим делением, графически заметным и масштабируемым, представимым на карте, свою систему координат имеет и умозрительный мир, представленный идеями, продуцируемыми обитателями различных сфер пространства. Этот умопостигаемый мир предстает перед нами совокупностью текстов, содержащих рассуждения о метафизических свойствах «сторон света». Остановимся сейчас только на тех концептах, которые представлены в корпусе «отечественной философской мысли».

Под *философской мыслью* соотечественников, составляющих наше творческое наследие, в данном контексте я буду понимать как 1) обобщенные рассуждения относительно *смысла происходящего*, спекуляции, домыслы, предположения, основанные на тех или иных интеллектуальных практиках, предлагаемых преимущественно метафизикой, имеющей статус академической дисциплины, так и 2) частные рекомендации, продиктованные «велением сердца или души» и основываемые на этических и эстетических ценностях и предпочтениях. А потому здесь всякий раз встречаются, – когда речь заходит о философствовании по поводу России и ее месте в мире, миссии, смысле истории и перспективах, – как представители академического направления (духовные и светские высшие школы), так и сообщество свободно мыслящих, находящихся вне академического сообщества, внеинституциональных, но все же оказывающих некоторое влияние на философскую повестку дня, на формирование интеллектуальной атмосферы.

Наряду с географическим делением свою систему координат имеет и умозрительный мир: идеальное – материальное, рациональное – иррациональное, реальное – воображаемое, и прочие бинарные оппозиции, устоявшиеся в философии. Но мне хотелось бы сейчас больше внимания уделить той системе координат, которая, как может показаться на первый взгляд, не имеет применения в умозрительной сфере. Я имею в виду столь привычное деление мира на части света (Запад, Юг, Север, Восток), только уже как способ ориентации не в пространстве, а в умопостигаемой сфере. Несмотря на всю странность переноса указаний компаса на сферу умопостигаемого, это все же не только можно, но и нужно проделать, чтобы структурировать тот материал, который мы находим «по краям», в виде как пространств суждений, так и различных вкра-

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea» и бюллетеня «Самопознание». E-mail: vanchugov@gmail.com

плений во множестве текстов. Сделать это необходимо хотя бы потому, что тем самым мы получаем возможность символического описания неких особенностей нашего сознания, «коллективного разума», занятого постижением цивилизационного своеобразия, а также вычлениением культурологических предпочтений.

Конечно же, в дискурсивном освоении территорий, частей Земли и сторон света, говоря другими словами, – придании смыслов пространству и его обитателям, важнейшую роль играли путешествия. Всякого рода травелоги являются важнейшей частью общего процесса формирования российского дискурса, отражая все многообразие его развития и определяя нашу «оптику» (рецепцию и интерпретацию). Основной особенностью травелогов является их способность не только связывать события и формировать пространство, определяя границы, но и задавать векторы движения мысли в историческом и политическом контекстах. Следует особо выделить то обстоятельство, что рассуждения «о свойствах сторон света» часто велись и теми, кто сам там не бывал. Часто подобного рода авторы всего лишь довольствовались данными из других источников, из рассказов путешественников, из литературы. И такой опосредованный способ получения информации редко когда являлся предосудительным, он весьма распространен, и примеры тому мы находим повсюду – в разные времена и в разных краях¹.

Вот, к примеру, Герцен, с недавних пор оставивший Россию и проживающий в Европе, в «Западных арабесках» (1856), рассказывает современникам, что есть люди, удовлетворяющиеся малым, с бедными потребностями, с узким взглядом и ограниченными желаниями, и такого же типа народы — «с небольшим горизонтом, с странным воззрением, удовлетворяющиеся бедно, ложно, а иногда даже пошло», и далее начинает судить о качествах китайцев и японцев, нашедших, как он уверен, наиболее соответствующую гражданскую форму для своего быта, в силу чего они «так неизменно одни и те же» [10, с. 319]². Или другой пример – в связи с бракосочетанием императора Тунджи Достоевский, прежде побывавший лишь в Европе и совсем не с целями научными, а для лечения и получения новых впечатлений, обращает свой взор на Восток и в «Дневнике писателя» за 1873 год рассуждает, как в Китае «все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет», в то время как в России «все вверх дном на тысячу лет». Далее писатель заметил, что, пожалуй, мы тот же Китай, только без его порядка, и едва начинаем то, что в Китае уже заканчивается [11, с. 6–7]. Ну, а философ Н.А. Бердяев, находясь в Москве, рассуждает об Индии («Философия свободы», 1911), которая предстает ему «вечным источником идеализма», поскольку в религиозном и философском сознании Индии «можно найти не только Шопенгауэра, но и Риккерта, и весь трансцендентальный идеализм» [3, с. 87].

При всей спекулятивности подобного рода изысканий итоги таких суждений заслуживают пристального внимания как продукт интеллектуальной деятельности, дающий представление и о способах восприятия пространства, и о типах проекции своего и чужого сознания.

Начнем ретроспективный обзор с оси «Запад» – «Восток». До середины XIX века такие понятия, как «Восток» и «восточный вопрос», в русской общественной мысли ассоциировались с Ближним Востоком, Кавказом, Средней Азией, с преобладанием мусульманской компоненты, но позже начинается

¹ Например, немецкий социолог Макс Вебер, без знания китайского языка и поддержки со стороны синологов, находясь в Германии, взялся реконструировать структуру конфуцианского космоса. См. [14].

² Герцен считал, что в сравнении с деятельным Петербургом Москва погружена в летаргический сон, что придает москвичам «пекино-хунхунорский характер стоячести» («Москва и Петербург»).

фиксация и на других составных частях «Востока». Попробуем выявить те положительные и отрицательные характеристики, плюсы и минусы, которые обычно приписываются полюсам этой смысловой оси, проявляющей себя и в истории, и в геополитике. «Запад» же при всех религиозных модуляциях «Востока», от исламского до буддийского, воспринимался как его антитеза, преимущественно христианская ойкумена, не всегда дружественная для нас, но все же располагающая к себе как источник родственных ощущений и понятий.

На страницах работ наших авторов, оперирующих не только формулами, но и метафорами, перед нами предстает особого рода «Восток» и «Запад». В отечественной литературе имеются особый «Запад» и «Восток» как излюбленные *способы указания направления, направленности движения мира мысли, как способ указания правильности или неправильности мысли, приятности или неприемлемости, спасительности или гибельности состояния души*. Для иного «Запад» – правило, закон, рациональность, здравомыслие, ясность сознания, здоровое воззрение, а «Восток» – скудоумие, совокупность истощающих терпение исключений из правил... Другому все видится наоборот, ощущается иначе, «Восток» есть свод достойных правил жизни, источник света, а «Запад» – угасание цивилизации. Для третьих, настроенных на синтез, на движение своим особым, «срединным путем», и то и другое умонастроение (и «Запад», и «Восток») приводит к истине, приветствуя при этом либо движение от первого ко второму, либо наоборот.

«Запад» и «Восток» настолько закрепились в понятийном словаре философов, что стали чем-то самим собой разумеющимся. «Запад» и «Восток» воспринимаются как типы зрелости ума, своеобразные указатели движения к истине. И «Запад», и «Восток» давно обрели у нас статус фактически философских категорий. И, говоря о таких «Западе» и «Востоке», мы смотрим не на компас, а на тексты, заряженные смыслами, выраженными в особом категориальном строе.

Даже беглый обзор истории философии непременно выводит нас на полемику «западников» и «славянофилов», эволюционировавшую в противостояние между неозападничеством и неославянофильством, получившее продолжение в классическом евразийстве. Суть этого давнего спора – в каком направлении развиваться России, с какой стороны ожидать ей истинного света, к какому эталону приложить ее достижения, чтобы определить истинное предназначение и степень развития. Принимали в этом участие и метафизически ориентированные философы, и экзистенциально настроенные, и сторонники строгого знания, и политически ангажированные мыслители. Большинство при этом рассуждало о «Западе» и «Востоке», Европе и Азии как о неких частях света, насыщенных особыми смыслами, сохранившимися в преданиях и традициях, в повседневности и в особых практиках, таких как наука и искусство. Настолько насыщенных смыслами, что эти части света стали воплощенными сущностями, так что, рассуждая о них, мы обсуждаем формы истины и заблуждения, добра и зла.

Хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье, констатирующей умонастроение соотечественников прошлого, основной эмпирический материал выведен за скобки. Здесь содержатся преимущественно лишь выводы, сделанные на основе фактов, констатация положения дел по прошествии двух столетий, но все еще сказывающихся и на нашем сознании, выступающих в виде убеждений. Так что с фактологией, лежащей в основе всех подобных суждений, уместнее познакомиться в другой работе, большей по объему и иной по жанру. Здесь же дается только сжатое, конспективное указание особенностей русской мысли.

«Восток» наших мыслителей обычно большой. Он у них и как совокупность стран, и как масса людей, обладающих схожими качествами, партикулярно представляющих некую общую субстанцию, отдельных представителей

«восточного элемента» умопостигаемого космоса. И что мы здесь обнаруживаем, что находим в нашем коллективном представлении, точнее, воображении? На «Востоке» много «странных» обычаев. Упоминание одного Китая чего стоит, а там еще столь же экзотичная Индия! И множество других стран, описание которых ведется в диапазоне страха и экзотики. Без того «Востока» не обойтись, так что даже убежденный европоцентрист Гегель осторожно зажег цивилизационный огонь с Востока, ведь именно там дух явил себя в историко-философском принципе: один свободен, остальные – нет¹. И наши мыслители разделяли подобный подход, как, к примеру, софиолог В.С. Соловьев, сочетавший восторженность и настороженность в отношении «Востока». Они высекали свои «искры», рассказывая о Востоке, выставляя в качестве образца то ту, то иную страну. Но какие бы объемные книги у нас ни писались, какие бы мысли ни высказывались в дискуссиях, облаченные в восточный «материал», суть всего сказанного и написанного была одна: Бог (Разум) все же проявляет себя не там, так что культура та бедна, хотя и бесспорно своеобразна.

В этом «Востоке», несмотря на его огромность, удивительность и таинственность, все же мало имен и текстов, которые принято считать, исходя из «западных стандартов», настоящими в философском отношении. Точнее, текстов и имен в изобилии, но большинство из них более экзотичны, чем академичны, в привычном нам значении. И отношение к ним – как к диковинкам, как к словесным петардам. Все любят запускать фейерверки, любоваться их светом, сиянием огней, но все же никто не спутает их с боевыми ракетами, несмотря на внешнее сходство: стремительный старт, огненный хвост, грохот, полет в небо. Это частое «как бы» применительно к «Востоку» – родовое свойство того «Востока», о котором говорят наши мыслители.

И вот, несмотря на огромность, удивительность и таинственность Востока, там мы все же обнаруживали мало имен и текстов, которые в иной части света – на Западе – принято считать настоящими. Так что при всем восторге предпочтением (и почтением) отмечены оказались лишь немногие: Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы... Еще десяток других можно при особом желании добавить, почитав специальное пособие востоковеда, вот и все... Далее – одна экзотика, которая уже ничего не добавляет к сказанному, не прибавляет знаний, не приближает к истине. Нет в ней точности, исключительно избыточность подачи материала. В силу этого Восток предстает нашему сознанию как своеобразное «облако». Оно огромно, но если сжать, конденсировать его, то полученная масса влаги внушает меньшее изумление и своим размеренным плесканием по-прежнему напоминает о малой плотности «восточной» субстанции. Так метафорически можно представить типичные установки сознания, конечно же, не всегда точно отражающего реальное положение дел, но достаточные для ориентации в умопостигаемом пространстве, для выбора необходимых для личной жизни идей.

На фоне «Востока» привычный нам «Запад» как бы мал. К тому же чаще всего в текстах отечественных мыслителей он сводился к Европе, а та, в свою очередь, ужималась до содружества нескольких стран, захватывающих культурную гегемонию (Греция, Италия, Германия, Франция, Англия... Для многих вся Европа умещалась порой на территории двух-трех стран). Зато какое здесь множество текстов и имен, высочайшая плотность смыслов! Одно перечисление имен занимает десятки страниц типичного трактата нашего мыслителя,

¹ Гегель, как, кстати, и Макс Вебер, дает такой же пример опосредованного представления китайской цивилизации, без прямого знакомства с Китаем, что мы обнаруживаем в его «Философии истории»: «...отличительной чертой [китайского народа] является то, что ему чуждо все духовное: свободная нравственность, моральность, чувство, глубокая религиозность и истинное искусство» [8, с. 178].

как только он начнет рассуждать на вечные темы, что есть воля, истина, красота: Платон – Аристотель – Пифагор – Гераклит – Эпикур – Демокрит – Дидро – Вольтер – Кант – Гегель – Фихте – Шеллинг – Ницше... И еще сотни и сотни идут у него и в основном тексте, и в примечаниях! И каждый из них для нашего соотечественника – пример, достойный или безусловного подражания, или тщательного изучения с последующим применением принципов на практике. И этот «Запад» для него – не «как бы», а воплощение подлинности бытия, аутентичность, сторона света, где максимальное скопление выдающихся умов. Это вам не «эхо», что мы получаем, попадая в сторону «Востока», а сам «голос», артикулированный и графически представленный Логос, Разум.

Так что если иметь в виду плотность смыслов, то «Восток» и «Запад» противостоят друг другу, говоря образно, как «облако» и «глыба льда», «туман» и «камень». Конечно же, у «Запада» и «Востока» общая субстанция (мудрость), но качественность – разная. А потому и отличное воздействие на окружающую действительность: одно мягко окутывает, другое упруго, требует усилий и порой словно бьет по голове, если взяться за дело неумело. В первом случае ты так и не знаешь, куда идти, во втором случае если и не хочешь – авторитеты убеждают, что нет иного пути, кроме того, что показан и доказан.

Обозрев типичные представления о «Западе» и «Востоке» в отечественной философской литературе, можно подметить безусловную онтологизацию в ней образов «Запада» и «Востока». В этой онтологизации проявили себя и наш *логицизм*, и наша *аффективность*. Где-то нам хочется соблюдать форму, а где-то все спасение видится в аморфности; то все надежды у нас на формальную логику, то упоение и счастье в приблизительности, принимающей порой черты социального нигилизма.

В то же время у наших авторов практически отсутствует «Север» и «Юг». Транспорт туда отправляется, но мысль в том направлении не движется! На Севере промозгло, сыро, снег, северное сияние и еще много чего, только там нет философии. И «Юг», его антипод, тоже не имеет философии! Так что «Север» и «Юг» для наших мыслителей существовали лишь на уровне бытовой антропологии, наивных представлений, а то и просто обывательских домыслов.

Соединение этих двух «минусов» расположения и существования, мнимостей бытия также создает воображаемую ось. «Север» и «Юг» в нашей интеллектуальной традиции тоже два полюса, только уже небытия! Два проявления того, что в жизни все же, безусловно, есть, присутствует в географии, но в философии не было, да и не должно быть. Философ ничего найти там не может, «Север» и «Юг» для него предполагаются лишь *под ногами*, но не над головой, не в умопостигаемом, где сияют «Запад» и «Восток».

На «Севере» и на «Юге», как им казалось, никто почти не думал, не размышлял в том формате, как для нас приемлемо. Хотя и найдутся чудачки, которые пофантазируют о «Севере» и «Юге», но это все «несерьезно». Между «Севером» и «Югом» протянулась тонкая нить, составленная из домыслов Блаватской, Гурджиева, Рериха и еще нескольких авантюристов духа, мнение которых забавляет, но ничего не дает для тех, кто ищет верные ориентиры. Так что «Север» и «Юг» существуют для нас как явления географические, но не метафизические. Мир философии тянется вдоль «Запада» и «Востока». «Юг» и «Север» существуют для наших мыслителей, пока речь идет о покупке билета на поезд или пароход, но они оставляют воображение, и перестают существовать, как только необходимо порассуждать о прошлом и настоящем философии.

Таким образом, если кто и задумается о том, что такое «Север» и «Юг», то вынужден будет довольствоваться лишь негативными определениями «Севера» и «Юга». То есть идти путем негации, отрицания, получая информацию, отталкиваясь от позитивного: Север – это не Запад, Юг – не Восток. А так как

«Запад» и «Восток» – бытие, то «Север» и «Юг» – всего лишь мнимость, едва достойная мимолетного упоминания в устах русского мыслителя. «Юг» присутствовал в философской литературе, но лишь как часть «Востока», а «Север» – как часть «Запада», как окраины и маргиналии, тем самым лишь подчеркивая значимость, фундаментальность «Запада» и «Востока».

Хотя образ Китая в России формировался на протяжении длительного времени, все еще едва ли можно сказать, что он близок к реальности. Много предубеждений, представлений, доставшихся нам из прошлого. Их формирование можно уподобить кругам на воде. Камень упал в воду, скрылся с поверхности, на ней расходятся волны, достигая берега, а тот, кто, спустя время, оказался на берегу и наблюдает волны, может и не догадываться об истинных причинах волнения глади.

Повод к рассуждениям на тему Востока в контексте локализации его в той или иной стране дают различные события – от военного столкновения до мирного путешествия. Вот классический пример последнего: китаевед, начальник 9-й Российской Духовной миссии в Китае архимандрит Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин), в январе 1822 года вернувшийся в Петербург. Он привез множество книг для Публичной библиотеки в Петербурге и училища азиатских языков в Иркутске, собирался опубликовать материалы по истории Китая, чтобы познакомить соотечественников с прошлым и настоящим великого соседа и сопредельных с ним стран. Им был подготовлен капитальный труд «Статистическое описание Китайской империи» (1842), ставший одним из главных пособий для синологов. Для различных журналов («Северный архив», «Москвитянин», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский вестник», «Телескоп») он составил множество статей, не оставшихся без внимания широкой публики¹. Владыка Иакинф встречался с князем В.Ф. Одоевским, и как итог – работая над утопией «4338-й год», тот выбирает формат изложения в виде посланий китайского студента², путешествующего по России. При этом Одоевский исходит из предположения, что в будущем историки примут за основу деление от Рождества Христова и до управления миром великим империями – Китаем и Россией.

В последующем русские писатели, философы, политические деятели все чаще обращаются к китайской тематике, отчего образ этой страны становится еще более сотканым из противоречий. Как это происходит на деле, видно на примере полемики С.М. Георгиевского с Н.М. Пржевальским. В то время как Пржевальский, путешественник и исследователь Азии, причислил китайцев к «полудиким народам» и о Китае отозвался как о «стране, которая окаменела в своих преданиях» и «чужда всякому прогрессу» [17], Георгиевский, профессор Санкт-Петербургского университета, считал Китай одним из наиболее цивилизованных государств в мире, а китайский народ – одним из самых просвещенных [9]. Эта дихотомия «азиатский вариант отсталости – восточный тип про-

¹ Так, особое внимание В.Г. Белинского привлек государственный строй, в интерпретации о. Иакинфа [13, с. 220], «монархически самодержавный и вместе с тем ограниченный законом» [1, с. 220]. Белинский увидел здесь приукрашивание китайской действительности, стремление показать в идеальном виде «более Китай официальный, в мундире и с церемониями», представить Китай так, словно «в нем ничего нет оставленного на произвол судьбы и людей, все отношения определены, все юридические случайности предупреждены и обсуждены, на все существуют положительные законы; машина администрации самая многочисленная и, вместе с тем, строго систематическая; законы нередко отзываются человеколюбием и, по-видимому, представляют верные гарантии жизни, чести, благосостояния честных людей всех званий, от высших до низших» [1, с. 155–157].

² От Ипполита Цунглева, студента Главной Пекинской школы, к Лингину, студенту той же школы. Константинополь, 27-го декабря 4337-го года.

свещенности» обусловит и дальнейшие рассуждения наших интеллектуалов о своем территориальном соседе, о метафизической сущности той стороны света, которую он представляет.

Порой один компонент дихотомии, то комплиментарный, то негативный, выходил на первый план, определяя всю оптику восприятия. После периода экзальтации и умиления в России увеличивалось число тех, кто усматривал в Китае угрозу как России в частности, так и христианской цивилизации в целом. Например, А.Н. Куропаткин, занимавший пост военного министра, утверждал, что в XX веке народы, представляющие «желтую» расу, должны перейти в наступление на позиции европейских держав; Китай – неизбежный противник России в грядущем столкновении христианского мира и «язычников».

Тема «желтой расы» и «желтолицего племени» обыгрывается во многих аспектах, превращаясь в символ грядущих невзгод, и самый цвет становится синонимом опасности – «китайщины». В деле борьбы с «желтой опасностью», грозящей Европе, особая роль отводится России, располагающейся между этими частями света. Свои воззрения на Китай и его место в судьбе человечества высказал и В.С. Соловьев, в котором антропософ Рудольф Штейнер в исторической ретроспективе увидел «посредника между Западом и Востоком»¹. Князь С.Н. Трубецкой сообщал, что перед смертью Соловьев рассуждал об «убожестве европейской дипломатии», оказавшейся неспособной осознать великую опасность Китая и решить «китайскую проблему» колониальным разделом империи. Соловьев негодовал, что в России находятся люди, мечтающие «о союзе с Китаем против англичан, а в Англии – о союзе с японцами против нас» [26, с. 294]. К последним можно было отнести князя Э.Э. Ухтомского, бывшего в дружеских отношениях с Соловьевым.

Но несмотря на эти отношения, в увлечении Ухтомского Китаем Соловьев находил некоторую чрезмерность, так что даже в короткой заметке в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона не смог сдержать иронии, отметив, что во время последних событий на Дальнем Востоке князь Ухтомский, всегда склонный идеализировать азиатский быт и потому переносить центр нашей исторической жизни в Азию, выступил в печати с идеей союза между Россией и Китаем, весьма своеобразной.

Соловьев в работе «Китай и Европа» (1890), выявляя «идеалы китайца», определил, что они всецело принадлежат прошедшему, так что китаец смотрит назад, а не вперед, а потому, подобно Конфуцию, даже затеявая реформы, смотрит на них лишь как на возможность устранения «пагубных нововведений, как полнейшее возвращение к старине». Но этот консерватизм, пристрастие к традиции послужило отправной точкой для развития умозрительной мысли китайца, «совершенно китайской по своему существенному характеру, но вместе с тем представляющей такое самоуглубление национального духа, при котором окончательно теряются всякие практические мотивы жизни и все человеческие отношения сливаются в первобытном безразличии. Китаизм, как и всякое огра-

¹ «Владимир Соловьев – посредник между Западом и Востоком». Статья в еженедельнике «Гетеанум» от 1 января 1922 г. ПСС, т. 36 [30, с. 204]. «Москва и Петербург. Из лекции в Оксфорде 26 августа 1922 г. ПСС, т. 35. «Обычно не понимают, что это два разных мира, Петербург – Европа, а Москва – Россия, где еще глубоко действует восточная теократия во всей ее чистоте. Поэтому когда Соловьев развивал свою философию, она, естественно, не получилась такой, как диалектически-естественнонаучная философия Герберта Спенсера, а сделалась теософской. А Соловьев – это Москва, Соловьев – не Петербург. Я не имею в виду, что все вещи в России можно подразделить только так, географически. Достоевский, как бы он ни был прикован к Москве, как бы далеко он не заходил на восток, Достоевский – это Петербург. И все, что переживается в России, протекает между Петербургом и Москвой. Москва – Азия, если смотреть на нее с точки зрения теократии; Петербург – Европа» [30, с. 195].

ниченное начало, если ему придать абсолютное значение, приводит к нелепости и само себя разрушает. Это доведение до абсурда совершилось для китайского принципа в доктрине величайшего и, может быть, единственного умозрительного философа желтой расы – Лао-цзы. Как умозрительный философ Лао-цзы ищет абсолютного начала; как истый китаец он ищет его исключительно в прошедшем, он ищет, следовательно, безусловного прошедшего, такого, которое предшествует всему существующему» [20]¹.

Примечательно, что в том году Соловьев еще не усматривал со стороны «желтой расы» угрозы христианскому миру, воспринимая Китай всего лишь как апофеоз цивилизационной «неподвижности». Так, например, в работе «Великий спор и христианская политика» (1883) он отмечал, что чистейший образец восточной культуры представляет нам «замкнутый и неподвижный» Китай, и поэтому его культура и не входит в общую историю человечества, которая всегда есть «сложение» [19, с. 76]. Зато К.Н. Леонтьев в 1891 году уже писал о том, что китайцы «назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т.п.) дойдет до высшей своей точки».

Но уже после 1894 года (стихотворение «Панмонголизм») и особенно в конце жизни (сочинения «Три разговора» и «По поводу последних событий») Соловьев жил ощущением мировой катастрофы, надвигающейся на Запад, но не из «Востока Ксеркса иль Христа», а из «желтого» Востока, со стороны империи восходящего солнца, из Поднебесной. В своих «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899), описывая конец мира, при изображении апокалиптической картины он не жалеет «желтых» красок. Так, один из участников диалога, «Политик», отмечает, что «все эти господа, перорирующие против Европы и нашего европеизма, никак не могут удержаться на точке зрения нашей греко-славянской самобытности, а сейчас же с головой уходят в исповедание и проповедания какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины» [21, с. 695]. Далее все эти «измы» конкретизируются Соловьевым в одно понятие: «панмонголизм», которое как умственное движение возникает в Японии. Подражательные японцы, прежде перенявшие вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи и, узнав о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили идею панмонголизма, то есть собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии в целях решительной борьбы против чужеземцев, то есть европейцев.

С чтением «Краткой повести об Антихристе» Соловьев выступил даже в зале городской думы (26 февраля 1900 года), а в последние часы жизни на смертном одре его также посетили видения, связанные с Востоком. Очарованный им поэт А. Блок, подхватив тему «желтой опасности», обратил ее в пользу России, перенаправив угрозу исключительно Европе («Скифы»). Говоря о «желтой опасности», отметив тему (и культурную контрсилу) арийства, он указывает на изданную у нас книгу английского мыслителя Х.С. Чемберлена «Арийское мирозерцание» [29]. В качестве противовеса деградирующей Европе («этого Европа не осмыслит, ибо это просто, а в ее запутанных мозгах – темно») Блок выставляет «желтую расу»: «Но, презирая нас более чем когда-либо, они смертельно нас боятся, я думаю; потому что мы, если уж на то пошло, с легкостью пропустили сквозь себя желтых и затопили ими не один Реймский собор, но и все остальные их святые магазины. Мы ведь плотина, в плотине – шлюз, и никому отныне не заказано приоткрыть этот шлюз “в сознании своей революционной силы”» [5, с. 487]².

¹ См. также [24] и другие книги того же автора: [23, 25].

² В 1918 году Блок писал в дневнике: «Если вы, хоть “демократическим миром” не смаете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит, вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели

Осмысление геополитических последствий от актуализации «желтой» силы привело Н.А. Бердяева к предположению, что в результате мировой войны победить может «лишь “крайний Восток”, – Япония и Китай, раса, не истощившая себя, и “крайний Запад”, – Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится “китаизм” и “американизм”», две силы, которые могут найти точки сближения, и тогда-то осуществится «китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы» [2, с. 223].

Япония, как и Китай, представлялась нашими мыслителями как «желтая раса», то поражающая воображение, то угрожающая реальным военным вторжением. Тем же Соловьевым тема Японии была затронута в разных аспектах – от культурологического, до метафизического: был у него и очерк «Япония (Историческая характеристика)» [22, с. 153–173], и диалогический трактат «Три разговора» (1900), где описывалось «возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение панмонголизма».

Апокалиптические предчувствия Соловьева, окрашенные в «желтые тона», подхватили многие российские мыслители. Тем не менее нашлись среди них и такие, кто относился к его суждениям иронически, например В.В. Вересаев, призванный на военную службу и вернувшийся с японской войны в начале 1906 года. В рассказе «Под кедром» устами одного из персонажей (участника русско-японской войны) он обвинил «русского длиннокудрого философа» (В.С. Соловьева) в воспевании «всеевропейского позера с торчащими кверху усами» (германского императора Вильгельма), а затем привел разумные утверждения, которые должны были заставить задуматься приверженцев идеи о неизбежности «желтой опасности» [7, с. 427–428]. А в его «Записках врача» встречается и такой характерный диалог: «Я верю, что со временем Европа получит от Востока жестокое возмездие, – продолжал главный врач... Деликатный Шанцер не выдержал и заговорил о желтой опасности, об известной картине германского императора» [6].

Географически Россия – близкая к Японии страна, но культурно – невероятно удаленная. В нашем коллективном восприятии можно найти и восторженность, и осторожность, и состояние, близкое к ужасу, так что революция 1905 года воспринимается А. Белым (в романе «Петербург») как нашествие желтых азиатских полчищ, тамерлановых орд, готовых потопить в океанах крови Россию, Запад, культуру. «Желтая душа темнее для нас всякой чужой души», – предостерегал С.Н. Трубецкой [27, с. 48]. Тьма усиливается и вскоре доводит многих до ужаса, и вот уже Трубецкому вторит В.В. Розанов: «Они идут с торговой конторой, каких чрезвычайно много и в Японии; и японцы, такие же плоские прозаики, такие же желтые “янки”, тоже реалисты и техники до мозга костей – крепкожимают им руки как в сущности совершенно однородной цивилизации, как культуре совершенно в их уровень. Да, американцы даже и на один вершок не превосходят японцев (кроме обширности территории и населения): одни представляют собою последнюю минерализацию духа, его окостенение, “выветривание”, как говорят геологи о горных породах; другие представляют какую-то изначальную “желтую глину”, в которой “дух Божий на небе”. Превосходство обеих наций (особенно японской) над нами в техническом отношении есть только следствие этой специализации. Они смотрят расширенным глазом, щупают утонченным осязанием; – ну, именно потому, что они

глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся, – уже не ариец. Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ – будет единственно достойным человека» [4, с. 317].

только смотрят и щупают, не задумываясь, не воображая. Оба народа без воображения, без творческой фантазии, без страшного чувства ответственности, – как показали американцы в войне с Испанией, и японцы – в кровавой, разбойнической расправе все же с родственным и единоверным Китаем. Они умеют больно кусаться, эти крысы и мыши; они могут поесть наши хлебные запасы; разорить нашу бедность, кое-как сколоченную, скажем так. Но во всемирном смысле жизнь их была и останется отрицательною, без творчества, без идеала, без духа. Наступившая война – это разорительная, разрушительная война в отношении к идеалу, к человечности» [18, с. 166].

Русско-японская война 1904–1905 годов, наше поражение в ней, победа «цветного народа» над «белым» христианским – всё это воспринималась многими как предвестие грядущих катастроф. Среди тех, кто подогревал страсти в Европе относительно «желтой опасности», был и кайзер Германии Вильгельм II (1888–1918). После победы Японии над Китаем в 1895 году с его подачи появилась карикатура, представляющая «силы Европы, символизируемые ее гениями, призванными архангелом Михаилом соединиться, чтобы противостоять буддизму, язычеству и варварству ради защиты Креста». На Россию кайзером возлагалась миссия защитить Европу от наступления «желтой расы». В России эти ожидания и страхи перед Азией выражали и публицисты с философами, и политики с военными, вплоть до военного министра А.Н. Куропаткина (1848–1925). Однако в качестве решения проблемы он предлагал не экспансию, а политику сдерживания. Он понимал невозможность России справиться с азиатской массой. Куропаткин воспользовался термином «желтая опасность» только несколько лет спустя после того, как сложил с себя полномочия военного министра, в работе «Россия для русских. Задачи русской армии» (1910). Вплоть до 1905 года он довольствовался выражениями типа «желтый наплыв» или «цунами». «Страшно представить, чем станет Россия, раны, которые будут ей нанесены, потоки крови, которые потекут, огромные суммы, которые будут растрчены, если мы примем еще 400 миллионов китайцев или 300 миллионов индусов». В меморандуме о защите империи, поданном царю в 1900 году, отмечается, что за два века численность населения России выросла с 12 до 132 миллионов; и когда мы достигли своих «естественных» границ, следует укреплять страну изнутри, а не вынашивать захватнических планов. Не забывая, впрочем, прежних планов в отношении Константинополя, следует воспротивиться идее оккупации Маньчжурии, наступлению на Индию в союзе с Великобританией.

Будучи главнокомандующим русской армии в Маньчжурии, Куропаткин проявил себя в войне с Японией не самым лучшим образом. Большего ему удалось сделать в теоретическом труде «Русская армия», написанном в 1910 году [15], где его рассуждения о сущности наших восточных соседей сгруппированы под рубрикой «Желтая опасность». Война с Японией показала безлюдность наших территорий вблизи Китая и Японии. В свете «желтой опасности» осознается важность заселения Сибири крестьянами. Население срочно необходимо увеличить, чтобы не допустить наполнения его – после задуманного строительства железной дороги до Амура – чужаками. По мнению некоторых публицистов правого толка, Россия забыла усилия казаков, которые сражались за господство на Дальнем Востоке, что позволило «маленькому варварскому государству» [16, с. 5], такому как Япония, одержать верх над империей. Всё чаще звучали призывы направиться в сторону Сибири и образовать «сибирское царство». В тех, кто добровольно выражал желание уехать на защиту рубежей, зачастую видели достойных последователей казачьих завоеваний Ермака, сознающих важность своего поступка для выживания отечества перед лицом нового «монгольского наплыва» [28, с. 22, 11]. В итоге, как это ни парадоксально, возникает идея создания *Желтороссии*, или «желтой России».

В завершение своего краткого экскурса в прошлое хочу отметить, что я предпринял попытку выявления из текстов свойств пространства, точнее той умозрительной сферы, в которой разворачивается интеллектуальная деятельность. И потому «Восток» и «Запад» в философии в какой-то мере фикция. Но если мыслящие люди пользуются какой-то фикцией, сборкой из элементов воображения, то всё же они рассчитывают достичь положительного эффекта, прилагая усилия по освоению пространства, исходя из его метафизических свойств. Географические предпочтения русской философской мысли подчеркивают лишь особенности нашего умонастроения, а не превосходство одной культуры, ментальной ориентации над другой, показывая при этом также и аффективную природу нашего разума, предпочитающего рациональность.

И хотя ретроспекция – обращение к прошлому, обзор *прошедших* событий, все же географические предпочтения нашей мысли обнаруживаются не только в историко-философском прошлом, но и настоящем. И проекция бытия в ближайшем будущем может быть самой разной. Мы либо переосмыслим такие ментальные явления, как «Восток» и «Запад», либо придумаем свой «Север» и «Юг». И то, и другое еще окажет влияние на умонастроение политиков.

Участь России зависит от ориентации на ту или иную часть света. Это хорошо понимали наши мыслители, далекие от «центров силы» своего времени, но полезные для геополитики своим чутьем. Так, Достоевский в российском продвижении в Азию видел громадный политический смысл. В «Дневнике писателя» за 1881 год он писал, что нельзя забывать о том, что «русский не только европеец, но и азиат», обвинял общественность в том, что она до сих пор считает, что «Россия до Урала, а дальше мы ничего знать не хотим», не желает интересоваться азиатскими делами, не сознает значения азиатского направления политики, обвиняя правительство в непроизводительных затратах. Она готова отдать Сибирь «на откуп жидам, американцам, англичанам», «продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев», только бы «избавиться от этого хлама» [12, с. 73, 78–79]. С движением в Азию Достоевский связывал возрождение России, подъем ее «духа и сил». «В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы», – возражал писатель своим оппонентам. «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия». Именно здесь, по его замыслу, создастся «Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила». Там наши богатства, там «у нас океан», там наше спасение от надвигающегося с Запада коммунизма [11, с. 73, 36–38].

Контур пространства, запечатлеваемые на картах, меняются в зависимости от политической и религиозной точек зрения. Последняя формирует сакральную географию. Так, принятие христианства не только определяет контуры нашей сакральной географии, но и объясняет последующие метаморфозы политической карты. Каждая из мировых религий дает свое представление о земном пространстве, опираясь на почитание священного, соотнося те или иные объекты на культурном ландшафте с категориями священного, а возникающие со временем «святы места» и есть основные элементы «осмысленной географии».

Было время, когда у нас много и страстно писали о «китайской опасности», что дало повод В.Л. Цымбурскому заметить, что это делается с «излишней, но симптоматической истерией». Теперь Китай пытаются представить другом, а вот Европа для многих уже «плохая дама», «дряхлая старушка», о скорой смерти которой так много вещали еще в позапрошлом веке, да так и не дождалась

ее агонии. В свою очередь и Европа повела себя так, чтобы оттолкнуть нас от себя, но сделала это не по собственной инициативе, а оказавшись между двух огней, между молотом и наковальней, под действием двух сил, между Штатами и Россией. Американцы изрядно постарались, чтобы «выдавить» нас из Европы. Поэтому, поворачиваясь к Азии, Востоку, следует помнить, что и здесь возрастание нашей мощи по прошествии времени неизбежно вызовет сопротивление. Так что прав Цымбурский, и, вторя ему, можно посоветовать политикам – лучше все же более не увлекаться «похищениями» Европы, равно как и Азии, а остаться «островом», «Россией в Евразии».

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. XI.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997.
3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
4. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7.
5. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8.
6. *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне. М.: Правда, 1986.
7. *Вересаев В.В.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1961. Т. 2.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000.
9. *Георгиевский С.М.* Два исследователя Китайской империи. По поводу статьи г. Пржевальского «Современное положение Центральной Азии» и книги Ж. Симона «Срединное Царство» // Вестник Европы. 1887. № 8. С. 777–806.
10. *Герцен А.И.* Сочинения: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
11. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21.
12. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 27.
13. *Иакинф (Бичурин Н.Я.), архим.* Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842.
14. *Кильдюшов О.* Китай в оптике исторической макросоциологии Макса Вебера // Самопознание: Информационный бюллетень форума «Бердяевские чтения». 2015. № 4. С. 16–19.
15. *Куропаткин А.* Русская армия. СПб., 2003.
16. *Панов А.А.* Грядущее монгольское иго. СПб., 1906.
17. *Пржевальский Н.М.* Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 12. С. 473–524.
18. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. М., 1995.
19. *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1: Философская публицистика.
20. *Соловьев В.С.* Китай и Европа // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: в 10 т. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 6.
21. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2.
22. *Соловьев В.С.* Япония (Историческая характеристика) // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: в 10 т. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 6.
23. *Столповская А.* Выдающиеся стороны национальной жизни и национального характера китайцев. М., 1903.
24. *Столповская А.* Очерк истории китайского народа. С приложением рецензии на статью г-на В.С. Соловьева «Китай и Европа». М., 1891.
25. *Столповская А.* Сношения китайцев с иностранцами и их последствия в Китае. С приложением статьи «Восстание боксеров». М., 1903.
26. *Трубецкой С.Н.* Смерть В.С. Соловьева 31 июля 1900 г. // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991.
27. *Трубецкой С.Н.* Собр. соч. М., 1907. Т. 1: Публицистические статьи.
28. *Ухтыбижский П.* Русский народ в Азии. СПб., 1913.
29. *Чемберлен Х.С.* Арийское мирозерцание. М.: Мусагет, 1913.
30. *Штейнер Р.* О России: Из лекций разных лет. СПб., 1997. С. 204. [Штейнер. Так на обложке. – Примеч. ред.]

Аннотация. На воображаемой карте российской философии имеются особые «Запад» и «Восток» как приоритетные направления движения мысли, способ указания правильности или отклонений исторического развития. Автор предпринял попытку выявления сообщества интеллектуалов, рассуждавших о свойствах цивилизационного пространства и предлагавших воспринимать стороны света не как метафоры, а как строгие формы репрезентаций умопостигаемой сферы. Выявленные географические предпочтения русской философской мысли подчеркивают тем самым особенности нашего умонастроения, которые обнаруживаются не только в прошлом, но и настоящем, при том что некоторые моменты восприятия окружающего мира объединяют философов и политиков.

Ключевые слова: Компаративистика, страноведение, география, геополитика, культура, историософия, культурология, психология, стереотипы, мифология, идеология.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, Site politconservatism.ru. E-mail: vanchugov@gmail.com

“Geographic” Preferences of Russian Thinkers in the History of Philosophy

Abstract. The Russian philosophical map has two special notions, “West” and “East”, which serve to demonstrate the priorities in philosophical thinking and to point to the correctness or deviations of historical development. The author has tried to identify the intellectuals who focused on the properties of civilization and suggested considering cardinal directions not as a metaphor but as fixed ways of representing the intelligible and the comprehensible. The identified geographical preferences of Russian philosophers emphasize the peculiarities of our mentality, which can be found in the present as well as in the past but, despite the fact that philosophers and politicians perceive certain aspects identically.

Keywords: comparative studies, regional geography, geography, geopolitics, culture, historical philosophy, cultural studies, psychology, stereotypes, mythology, ideology.

Б.В. Межуев. Хочу обратить внимание на момент, связанный с путешествиями и в какой-то степени с Владивостоком. Действительно, зачастую в русской философии клишированные оценки Востока даются людьми, которые там не бывали. Владимир Соловьев – очень яркий в этом смысле пример. Но были и некоторые значимые путешествия на Восток. Одно из таковых – путешествие цесаревича Николая Александровича. В 1891 году на фрегате «Память Азова» он, в отличие от других наследников, посетил не западные страны, а восточные. Вчера нам посчастливилось увидеть некоторые свидетельства этого путешествия во Владивостоке.

В ходе путешествия у будущего императора родилась, возможно, великая, а возможно, трагическая идея о том, что России суждена восточная миссия, миссия объединения всей Азии, всего Востока, спасения Азии от западного, в том числе колониального, влияния. Это очень интересная тема, еще далеко не исследованная в истории русской мысли.

Но сейчас обратимся на два столетия назад, к началу XIX века. Один из выдающихся исследователей русской консервативной мысли начала XIX века Аркадий Юрьевич Минаков – об образе Востока в русском консерватизме и, в частности, об образе Китая.

Образ Востока в русской консервативной мысли начала XIX века

Этот доклад подготовлен в контексте предшествующих Бердяевских чтений, которые традиционно были посвящены консервативной проблематике.

В настоящее время я пишу книгу об одной из центральных фигур начала XIX века – Михаиле Леонтьевиче Магницком. Это один из наиболее негативно мифологизированных персонажей русской истории XIX века, либеральные современники называли его «разрушителем Казанского университета», «мракобесом», «обскурантом», ему приписывались самые зловещие планы по разрушению университетского образования в России. Деятельность Магницкого разворачивалась на территории Казанского учебного округа. Занимаясь его биографией, я обнаружил такой факт: оказывается, М.Л. Магницкий вынашивал планы создания института восточных языков в Астрахани, намеревался «поставить Казанский университет в сношение с учеными сословиями Индии и возложить на него собирание сведений обучения браминов, указав источник последнего в преданиях христианского патриарха и апостолов в Индии сохранившихся» [3, с. 42]. Эти намерения Магницкого неизбежно ставили передо мной вопрос: откуда возник такой интерес к Индии, ее ученым сословиям, учениям браминов и т.д. Поглубже погрузившись в эту тему, я обнаружил, что русский консерватизм, который возник в начале XIX века, буквально с первых своих шагов испытал сильнейший интерес к Востоку.

Этот интерес возник в среде консервативных интеллектуалов того времени в результате колоссального разочарования в просвещенческом западно-европейском проекте. Практическое воплощение этого проекта – Французская революция, начавшаяся в 1789 году, ее террор, военная агрессия, радикальная борьба с монархией, аристократией и католической церковью – вызывали у консерваторов устойчивое ощущение, что старая европейская культура, старый режим умерли и, соответственно, необходимы новые идеи, новый проект, противостоящие Просвещению, которые дали бы новый импульс этой культуре и государственному порядку.

И вот в рамках консервативного романтизма, который являлся реакцией на Просвещение и практики Французской революции, возникла мощная тяга к ориентализму, убеждение в том, что именно Восток даст ту систему ценностей, которая омолодит гибнущую в конвульсиях революций Западную Европу. Такой ориентализм должен был составить основу новой самобытной культуры, которая спасет и Россию, и Запад.

Здесь особую роль сыграли немецкие романтики – Новалис, Шеллинг, Гете и, в особенности, Фридрих фон Шлегель, который в 1808 году выпустил

*Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru*

«Очерк о языке и мудрости индийцев» [4]. Согласно Шлегелю, греческий, латинский, немецкий, арабский, персидский языки и все основные мировые религиозные идеи происходят по прямой линии от древнеиндийской культуры; соответственно, общемировые, в том числе европейские, корни находятся на Востоке, культуры Востока и Запада одинаково богаты, а истоки западной культуры коренятся в восточной.

Небольшой трактат Шлегеля оказал серьезное влияние на консерваторов Европы и России. В их среде возникла идея о необходимости изучить восточное наследие, ввести в научный оборот восточную мудрость, и как введение в оборот античных рукописей вызвало Ренессанс, так и сейчас должен произойти своего рода восточный Ренессанс, опирающийся на духовное наследие Востока.

В такой идейной атмосфере началась деятельность графа Сергея Семеновича Уварова. Это знаковая фигура и русской мысли, и русского просвещения, и русского консерватизма. Уваров – создатель знаменитой триединой формулы – «Православие, Самодержавие, Народность», которая является квинтэссенцией русского консерватизма и традиционализма. Этот лозунг противопоставлялся знаменитой французской триаде: «Свобода, Равенство, Братство». Уваров долгие годы был министром народного просвещения при Николае I. При этом он был крупным ученым, признанным европейским научным сообществом, и, что важно подчеркнуть, именно он создал систему школьного и университетского образования России в николаевское время, которая с определенными видоизменениями в своих основных параметрах существует и по сейчас.

Интерес к Востоку у Уварова был отнюдь не абстрактным, он начинал свою карьеру дипломатом, его непосредственный начальник, Александр Куракин, был представителем Александра I на переговорах с Наполеоном в Тильзите и Эрфурте в 1807 и 1808 годах. Уваров сопровождал его в качестве атташе посольства и знал, что Александр и Наполеон обсуждали возможность отобрать у Англии Индию и расчленив Османскую империю. Естественно, подобного рода масштабные намерения вызвали объективную потребность в востоковедческих исследованиях. В 1810 году из-под пера Уварова возникает документ, появление которого стало этапным моментом в русской консервативной мысли. Это был первый большой труд Уварова, который назывался «Проект Азиатской Академии» [2]. В этой идеологической программе намерения русских консерваторов в отношении Азии, их ожидания от Азии выразились в предельно ясной, четкой, концентрированной форме. В проекте впервые определились взгляды самого Уварова на то, что он понимал под традицией в ее связи с религией, историей, национальной культурой.

Уваров пытался убедить царя, российскую самодержавную власть создать первую востоковедческую Азиатскую Академию. Вслед за Шлегелем он утверждал, что Восток – колыбель мировой цивилизации, Азия – центр, откуда просвещение распространилось по всему Земному шару, и именно Азия является фундаментом грандиозного здания европейской цивилизации.

Особенно большую роль сыграла Индия. Там были сделаны первые шаги человеческой цивилизации и сразу же были достигнуты наивысшие показатели зрелости человечества – религия, философия, законы, поэзия. Европа лишь заимствовала индийскую мудрость, как писал Уваров: «греческие мудрецы искали учености в Индии, заимствовали у индийской философии свои научные и нравственные идеи» [2, с. 65]. Свои религиозные идеи греки также заимствовали с Востока – из Финикии и Египта. Затем эта мудрость перешла к Риму, римляне заимствовали от греков религиозно-философскую систему, и идеи Востока вместе с Римом сформировали современный Запад. Такова логика всемирной истории в изложении Уварова.

Что предлагал Уваров? Его записка представляет собой своего рода меморандум, как практически создавать Академию. Важнейшей целью Академии была борьба с духом материализма, атеизма и рационализма, захлестнувшего тогда Европу и Россию. С его точки зрения, обращение к восточной мудрости могло привести к новациям в изучении Библии, опровергнуть аргументы французских идеологов-просветителей XVIII века, собравших против Священного Писания все софизмы своей жалкой диалектики, опозоривших прекрасное имя «философ». То есть с Востока должны были прийти импульсы христианского обновления.

Изучение восточных языков, расширение сведений о них, с точки зрения Уварова, должно было привести к тому, что «мы обнаружим грамматическую систему настолько совершенную, насколько это достижимо для человека». Он имел в виду санскрит, в котором видел совершеннейший язык, дарованный человечеству изначально. То есть он утверждал, что высшее грамматическое совершенство существовало еще в колыбели цивилизации, и человечество, таким образом, явилось на свет во всеоружии интеллекта, что, с точки зрения Уварова, было доказательством библейского предания о сотворении мира как совершенном божественном акте [2, с. 72; 1, с. 32].

Записка Уварова содержала общую картину развития мировой философии. Философские идеи зарождаются на Востоке, затем их заимствуют Пифагор, Гераклит, Фалес, в особенности Платон, затем Пифагоро-Платоновско-Александрийская школа производит на свет гностиков, Талмуд и философию христиан, арабы приносят сочинения Аристотеля в Испанию, оттуда они распространяются по всему Западу. Европа, таким образом, обязана Востоку и схоластической средневековой философией. Поэтому необходимо собрать в Азиатской Академии все восточные тексты, осуществить их перевод, сравнить между собой, произвести классификацию и публикацию результатов, и это была бы великая услуга современной философии.

Естественно, в проекте было расписано, какие языки, какие предметы, какие произведения надо изучать будущим русским востоковедам. Но все же цель Академии – не узко-академическая: «устав от кровопролития, совершаемого именем человеческого разума, – писал Уваров, – не можем находиться в ожидании потрясений, которые бы его возобновили. Мы призваны защищать огромные развалины, восстанавливать, а не строить новые здания. Те же причины, которые двигали вперед платонизм... должны заставить нас применить к изучению древности всю ту сумму знаний, имеющихся в современной Европе» [2, с. 79]. Древние источники способны, по его убеждению, «придать разуму новые силы и свежесть, которые уверенно предвещают великие эпохи увековечиванием присутствия и творением гения» [2, с. 79]. Подобного рода консервативными, традиционалистскими установками Уваров изначально и руководствовался в своей деятельности.

Записка Уварова получила широчайший резонанс. Достаточно сказать, что на нее благожелательно откликнулись Гете, Наполеон, великая княгиня Екатерина Павловна. Жозеф де Местр поздравил Уварова с нападением на XVIII столетие, самую постыдную, по его мнению, эпоху человеческого духа, поздравил с отважной проповедью добрых старых принципов, таких как божественное происхождение человеческого общества и речи [2, с. 34]. В 1811 году Уваров был выдвинут в почетные члены Императорской Академии наук.

Всю дальнейшую жизнь Уваров как президент Академии наук (с 1818) и министр народного просвещения (с 1833) серьезно занимался Востоком и поддерживал востоковедческие проекты. При нем Россия превратилась в один из мировых центров изучения Востока [2, с. 31–32].

Таким образом, генеалогия русского консерватизма изначально включала в себя пристальный и системный интерес к Востоку. Консервативный ориента-

лизм усматривал в изучении Востока возможность создания самобытной культуры, построенной на позитивных традициях, на твердых религиозных основаниях, позволяющих избежать европейской революционной «заразы». А «Проект Азиатской Академии» С.С. Уварова необходимо поставить в один ряд с такими основополагающими манифестами русского консерватизма, как «Рассуждение о старом и новом слоге языка российского» А.С. Шишкова, «Мысли вслух на Красном крыльце» Ф.В. Ростопчина и «Запиской о древней и новой России» Н.М. Карамзина.

Литература

1. Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999.
2. Уваров С.С. Проект Азиатской Академии // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
3. Феокистов Е.М. Магницкий: Материалы по истории просвещения в России // Русский вестник. 1864. № 7.
4. Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808.

Аннотация. В сообщении рассматривается феномен консервативного ориентализма в России в начале XIX века, представленный в записке С.С. Уварова «Проект Азиатской Академии». Рецепция древних восточных традиций воспринималась русскими и западно-европейскими консерваторами как условие создания самобытной культуры, предохраняющей от революции.

Ключевые слова: ориентализм, консерватизм, русский консерватизм, С.С. Уваров, «Проект Азиатской Академии».

Arkady Minakov, Ph.D. in History, Professor, Voronezh State University; Director, Center for Conservative Studies. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Orientalism in the Russian Conservative thought of the Tarly Nineteenth Century

Abstract. The article studies the phenomenon of conservative Orientalism in Russia in the early nineteenth century, presented in S. Uvarov's work "Project of the Asian Academy". Ancient Eastern traditions were perceived by Russian and Western conservatives as a precondition for a distinctive culture which can guard against a revolution.

Keywords: orientalism, conservatism, Russian conservatism, S. Uvarov, "Project of the Asian Academy".

Б.В. Межуев. Аркадий Юрьевич обратил внимание на важнейшую фигуру Сергея Семеновича Уварова, который, помимо всего прочего, видимо, является основателем одной из самых выдающихся школ востоковедения – петербургской. В обращении России к Востоку есть великая загадка, которая была предметом внимания русских поэтов и писателей, – почему такое увлечение Востоком имело место именно в Петербурге, самом западном городе империи. Так называемые восточники, как правило, все были из Петербурга. Андрей Белый, когда он

писал свой роман «Петербург», задавался той же проблемой – о таинственной связи этого города и души Востока и в первую очередь конечно, китайской души. Именно тема Китая и Петербурга, тема Китая и Российской империи в тот момент волновала этого русского поэта и писателя.

Исходя из этого, предоставляю слово профессору МГУ, заведующему кафедрой истории русской философии Михаилу Александровичу Маслину.

Китайская мечта: метафизический взгляд из России

Предлагаемый авторский взгляд на новую идеологию китайской мечты, становящуюся все более известной в мире, – это метафизический взгляд русского философа, не являющегося профессиональным синологом. В его основе впечатления от ряда посещений Китая, общения с китайскими учеными, участия в научных конференциях, чтения курса лекций по русской философии в Пекинском педагогическом университете в осеннем семестре 2013 года. Некоторые статьи автора о русской философии переведены в КНР, у автора есть китайские ученики, защитившие диссертации по русской философии.

В настоящее время Китай стал одним из ведущих мировых центров изучения России, особенно русской литературы и отчасти философии. Уместно сказать на IV Бердяевском форуме, что на китайском языке благодаря философу и переводчику Чжан Байчуну имеется корпус переводов основных философских произведений Бердяева (чего нет до сих пор на английском языке). Россияеведение в Китае пользуется солидной государственной поддержкой. По контрасту отметим, что в США некогда развитые Russian studies больше не являются предметом федерального финансирования и стали частным делом университетов. В период холодной войны начиная с 1958 года русские исследования финансировались из федерального бюджета в размере десятков миллионов долларов. Сейчас в США на эти цели выделяются лишь скудные программы по линии госдепартамента; основные средства идут на внеученные цели, главным образом на поддержку некоммерческих организаций. Отсюда, наверное, такое невежество в отношении России дипломатов США, путающих казаков с казахами, грозящих подождать к границам Белоруссии американский флот и т.п. Всемирно известный исследователь русской философии академик Польской академии наук Анджей Валицкий, автор книги «Русская мысль от Просвещения до марксизма», предлагал издательству Стэнфордского университета ее новый расширенный вариант под названием «Русская мысль от Просвещения до религиозно-философского Ренессанса». Но ему было отказано, поэтому он опубликовал свою книгу в Европе [7].

В России в постсоветский период произошла очевидная экстенсификация китаеведения, появилась масса возможностей для поездок в Китай, изучения китайского языка и т.д. К сожалению, в области китаеведения экстенсификация преобладает в ущерб интенсификации. Конечно, есть такое великое достижение, как опубликование великолепной энциклопедии «Духовная культура Китая» в шести томах, аналогов которой, кажется, нет даже в Китае. Но при этом надо заметить, что она издана не на русские, а на китайские деньги.

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mmaslin@yandex.ru

До сих пор в отечественной науке вопрос об анализе новой китайской идеологии китайской мечты остается на уровне пожеланий будущих экспертных оценок. На мой взгляд, такая оценка – это не столько тема синологии, сколько тема философии. Не случайно среди наиболее авторитетных сиологов, руководителей вышеназванной энциклопедии, два философа – выпускники Московского университета М.Л. Титаренко и А.И. Кобзев. Они дают позитивные оценки идеологии китайской мечты. В то же время, со стороны либерально настроенных сиологов можно встретить критику в ее адрес. А.В. Лукин, руководитель департамента международных отношений Высшей школы экономики, считает китайскую мечту воинственной националистической идеологией, обосновывающей претензии Китая на мировую гегемонию: «Если на каком-то этапе националистический подход станет официальным, миру придется иметь дело с огромным государством, передовая военная и технологическая мощь которого явно не соответствует политическому сознанию, застывшему на уровне начала прошлого столетия». И далее: «Если к власти в Пекине придут люди, которые начнут всерьез утверждать, что этот режим – модель для остальных, что другие нации должны жить по заветам Конфуция и Мао Цзэдуна, что китайцы лучше других и потому они должны править миром, это изменит ситуацию коренным образом» [2].

Можно утверждать, что вокруг идеи китайской мечты идет такая же борьба, как и борьба сторонников идеи русского мира, защитников просвещенного патриотического консерватизма и ее противников – адептов либерального западничества, принципиально не могущих согласиться с тем, что модернизация немислима без опоры на традиционные духовные ценности, глубоко укорененные в национальных религиозных и философских традициях. А в этой опоре как раз и заключается истинный смысл китайской мечты как особой разновидности теории и практики модернизации.

Среди обществоведов, особенно среди перекарасившихся в либералов бывших истматчиков, как известно, длительное время бытовала точка зрения, что лишь протестантская религия (лишь она!) обладает эффективным потенциалом для модернизации – а именно религиозной трудовой аскезой, способной породить «дух капитализма». При этом обычно следовали ссылки на классическую работу Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Но такое утверждение ложно даже в пространстве наследия самого Вебера, поскольку позднее он написал другую работу «Религия Китая, конфуцианство и даосизм». В ней он утверждал, что конфуцианская традиция обладает иным типом рациональности, который, если и не сакрализует богатство на манер протестантизма и не создает особую мотивацию для первоначального капиталистического накопления, зато создает «рациональную этику», основанную на поклонении не трансцендентальным ценностям, а ценностям жизнеутверждающим, ценностям самой жизни. Конфуцианство создало трудовую этику, отличающуюся «бесконечным терпением и контролируемой вежливостью; сильной привязанностью ко всему привычному, полным нечувствованием однообразия; способностью к продолжительному труду» [8, р. 231]. Поэтому можно сказать – то, что на Западе стало называться капитализмом, существовало в Китае с древних времен. Можно сравнить такой тип этики не с протестантизмом, а с русским старообрядчеством, также осуждающим паразитизм и проповедующим трудолюбие. Для конфуцианского сознания характерен не протестантский трансцендентализм, который гарантирует воздаяние за накопление богатства в будущей жизни, а утверждение сиюминутной ценности самой земной жизни. Вебер пишет по этому поводу: «Этот мир был лучшим из всех возможных миров; человеческая природа отличалась склонностью к добру. Люди наделены этой склонностью в разной степени, но, обладая одной и той же природой и будучи способными

к неограниченному совершенствованию, все они в принципе могут исполнить моральный закон» [8, р. 227–228]. Сегодня совершенно очевидно, что никакая монополия на модернизацию в протестантизме не содержится, и подобное утверждение можно даже назвать расизмом. На самом деле идеи трудовой аскезы содержатся в самых разных религиозных и философских системах.

В условиях Китайской Народной Республики китайская мечта играет роль своего рода духовной скрепы, подобной философеме русской идеи для русского мира. Сама формулировка философемы русской идеи, данная Владимиром Соловьевым, вполне может быть распространена и на китайскую мечту: «Идея нации заключается не в том, что она думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности». Китайская мечта, как и русская идея, обладает качествами всемирной отзывчивости, открытости к миру. Свидетельством о ценностях нации здесь выступают не собственные суждения о самой себе, а ее высшие достижения, реально вошедшие в духовную сокровищницу человечества. Это то, что Г.П. Федотов назвал «кострами изумительной духовности», которые освещают путь нации в истории, одновременно освещая путь и другим нациям.

Либеральные критики китайской мечты, по сути дела, выступают против курса на стратегическое партнерство России с Китаем и готовы перенять от Китая лишь «рыночную арифметику», никак не затрагивающую идеологию китайских реформ. Экономическая литература о Китае велика по объему, однако экспертная оценка духовной сердцевины китайского возрождения экономистов не интересует и в лучшем случае откладывается в долгий ящик, на будущее.

Представляется, что назрела необходимость именно в такой философской оценке. Ведь китайская мечта, по сути, является не экономическим и не политическим, а метафизическим понятием. Перефразируя афоризм князя Ширинского-Шихматова, можно сказать, что в ее обсуждении «польза философии очевидна, а вред не доказан». Необходимо подчеркнуть, что истинной причиной успехов современного Китая по пути национального возрождения и модернизации является умелая опора на исконные духовные ценности, поэтому русский взгляд на китайскую мечту не должен быть узко прагматическим, политико-экономическим, но должен быть взглядом философским.

Можно сказать больше: успехи Китая должны оцениваться не по количественным экономическим показателям, а по качественным критериям. Китай является не только промышленной империей, но и империей науки, где вопросы науки и образования все больше и больше принадлежат государственным приоритетам. Вот чему следует поучиться у Китая, особенно если учесть, что так называемое постсоветское реформирование науки и образования никуда не годится, а реформы в этой области следует назвать не реформами, а контрреформами.

В США проблематика китайской мечты уже сейчас является предметом оживленной дискуссии. Широкий резонанс получила статья известного колумниста Томаса Фридмана в «Нью-Йорк таймс» под названием «Китай нуждается в своей собственной идее», опубликованная в октябре 2012 года. В самом начале статьи Фридман ставит вопрос: «Есть ли у Си Цзиньпина “китайская мечта”, которая отличается от “американской мечты”?». Ответ таков: «Если мечта Си о развивающемся среднем классе (как ожидается, его численность к 2025 году возрастет с 300 миллионов до 800 миллионов) будет походить на американскую мечту (большая машина, большой дом и биг-мак для всех), тогда для ее реализации понадобится другая планета» [5]. Позиция Фридмана выглядит двусмысленно. С одной стороны, он утверждает, что Китаю далеко до американского уровня модернизации, а, с другой стороны, ничего кроме американской мечты в китайском исполнении он и не предполагает для Китая.

Фридмановская версия китайской мечты сводится, по сути, к консьюмеризму по-американски. Другими словами, к пониманию модернизации исключительно как вестернизации. Такая версия китайской мечты является неадекватной. «Упростительное смешение» или «смесительное упрощение» всего и вся по американскому образцу действительно выглядит планетарной угрозой, но это нисколько не дезавуирует, но, напротив, возвышает замысел китайской мечты Си Цзиньпина. На самом деле его основу составляет не безудержный и расточительный консьюмеризм, а то, что в конфуцианской традиции называется *сяокан*, то есть достаточное, разумное потребление, достаточное благосостояние, идея которого была заложена в конфуцианской традиции еще в VI–V веках до н.э., затем была воспринята в неоконфуцианстве в Средние века («средние», разумеется, по западной хронологии), а ныне развивается в той новой версии китайской традиции, которую называют постнеоконфуцианством. Таким образом, китайская мечта Си Цзиньпина опирается на древнюю китайскую традицию, имеет глубокие метафизические основания.

Попытки Томаса Фридмана представить китайскую мечту несбыточной имитацией американской мечты вызвали критическую оценку на представительной международной конференции «Ценности в меняющемся мире», прошедшей в июне 2015 года в Пекинском педагогическом университете. Профессор Ханс-Петер Гроссханс (Hans-Peter Grosshans) из Мюнстерского университета (ФРГ) солидаризировался с моей приведенной выше оценкой статьи Фридмана и назвал версию китайской мечты Фридмана проявлением слепого экономического детерминизма и даже примитивного исторического материализма, никак не принимающего в расчет самостоятельное значение духовных, ценностных факторов, оказывающих огромное влияние на общественную жизнь. По-английски эти факторы определяются еще более сильным термином – *core values*, то есть ключевые, корневые ценности, это аналог того, что президент России называет духовными скрепами. Замысел вышеназванной двуязычной (рабочие языки – английский и китайский) пекинской конференции состоял в стремлении представить проблематику китайской мечты в аксиологическом измерении, в качестве не узко национальной, но универсальной морально-этической проблемы, актуальной для всего мира. Это, так сказать, китайская мечта как для внутреннего, так и для внешнего употребления.

Приведу названия лишь некоторых докладов китайских ученых на этой конференции: «Китайские социалистические ключевые ценности в свете христианской рефлексии»; «Креативная трансформация китайской традиционной культуры в осуществлении ключевых социалистических ценностей»; «Содержание социалистических ключевых ценностей различных социальных групп в свете китайской культуры»; «Китайская мечта о национальном возрождении и социалистические ключевые ценности»; «Фундаментальное обоснование социалистических ключевых ценностей в китайской традиционной культуре»; «Духовное возрождение и его источники в современном Китае» и т.п. В течение двух дней на пленарных и секционных заседаниях этой конференции было заслушано и обсуждено более семидесяти докладов, причем многие докладчики с китайскими именами, выступавшие как по-китайски, так и по-английски, представляли зарубежные – европейские, американские, корейские, филиппинские – университеты [6]. Это свидетельствует о том, что новая государственная идеология Китая пользуется активной поддержкой китайской диаспоры, обосновавшейся не только в традиционных конфуцианских странах, но и в Европе и Америке.

Полагаю, что либеральное неприятие китайской мечты связано именно с тем, что она сопряжена с вызывающей у либералов аллергию идеей социализма. В качестве контраргумента я бы выдвинул две русские аналогии: Пер-

вая – это русское народничество. Характерно, что у В.И. Ленина была статья «Демократия и народничество в Китае» (1912), где программа Сунь Ятсена была охарактеризована именно как народническая. Автор не называл русских имен для сравнения с Сунь Ятсеном, но я назвал бы в качестве сопоставимых с Сунь Ятсеном фигуры Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова, С.Н. Кривенко, В.П. Воронцова и других народников легального направления. Надо сказать, что вопрос об идейных течениях народнического типа для стран периферии капитализма остается по-прежнему актуальным. На закате советской эпохи он был весьма популярен наряду с дискуссией об азиатском способе производства.

Другая параллель заключается в том, что китайскую мечту можно назвать особым вариантом теории социализма, сопоставимым с теми теориями, что имеют в русской традиции большую творческую историю. Я имею в виду ранний «либерализм слева» Петра Струве, «философию хозяйства» и «христианский социализм» Сергея Булгакова, учение о государственно-частной смешанной экономике Петра Савицкого и, наконец, великую книгу Питирима Сорокина «Россия и Соединенные Штаты», написанную в 1944 году (к сожалению, она до сих пор не переведена полностью на русский язык), где он предсказывал возможность для послевоенного мира соединения преимуществ капитализма и социализма. Эта же мысль содержится и в предсмертной статье Сорокина 1968 года «Основные черты русской нации в XX столетии» [4]. Если подобные идеи и нашли какую-то практическую реализацию в современном мире, то, как представляется, именно в современном Китае.

Заметим, что со стороны русской диаспоры параллельная китайской мечте идея русского мира, к сожалению, не пользуется столь же мощной поддержкой. У меня отношение к новорусскому зарубежью вполне отрицательное, хотя и надо отличать тех интеллектуалов, которые бежали за границу от нищеты, от тех, кто отмывает там свои деньги и оплевывает родину. Среди выходцев из постсоветской России крайне редко встречаются примеры, подобные китайскому отношению к своей родине. Вот чему также можно у китайцев поучиться. Приведу пример. Крупнейший знаток конфуцианства и теоретик конфуцианского социализма Ду (Ту) Вэймин, уроженец материкового Китая, долгие годы работавший за рубежом, бывший профессор Гарвардского университета, в настоящее время вернулся в Китай и был избран пожизненным профессором Пекинского университета. В 2012 году он основал в Пекине Институт мировой этики (Institute for World Ethics), который оказывает большое влияние на мировое экуменическое движение. В свое время Ду Вэймин был советником президента Сингапура Ли Кван Ю, одним из разработчиков сингапурского экономического чуда и автором программы «Конфуцианской этики». Целью Ду Вэймина является создание конфуцианского мегапроекта, смысл которого состоит в том, чтобы превратить конфуцианство как живую традицию и мощный духовный ресурс в жизнеутверждающую философию современности. Философской основой здесь является выход за пределы характерных для западного дискурса дихотомий: дух/материя; человек/природа; субъект/объект; психическое/ментальное; творец/творение и т.д. [3].

Аналогичный путь преодоления указанных дихотомий представлен в русской философии, достаточно лишь обозначить развитую в ней традицию особенно сердечного познания и метафизики сердца (Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, Б.П. Вышеславцев), онтологическую гносеологию С.Л. Франка, учение о субстанциальном деятеле Н.О. Лосского, софиологию В.С. Соловьева, «богоматериализм» С.Н. Булгакова, философию общего дела Н.Ф. Федорова. В целом же стремление Ду Вэймина превратить древнюю философию и этику конфуцианства в жизнеутверждающую философию для современной жизни во многом напоминает идею «консервативного поворота» к истокам философской классики,

которую разделяли многие русские философы. Можно провести также аналогию с идеей Г.В. Флоровского о «неопатристическом синтезе», только вместо возвращения на новом уровне к святоотеческому наследию у Флоровского здесь имеет место переосмысление конфуцианской традиции.

В своей постнеоконфуцианской версии, получившей в официальных документах КПК определенное марксистско-ленинское обрамление, китайская мечта является тем, что в научной литературе получило название конфуцианского социализма. В качестве государственной идеологии она была провозглашена в марте 2013 года на сессии Всекитайского собрания народных представителей. Она включает три основных компонента, которые, на мой взгляд, не противоречат также идее русского мира: сильное и богатое государство; национальное возрождение; народное счастье. Последняя компонента по-русски может называться иначе, но суть от этого не меняется. Например, ее российским эквивалентом может выступать идея Ломоносова о «размножении и сохранении русского народа». Кроме того, китайская мечта нацелена на решение остро актуальных для современного Китая экологических проблем, а также на демократизацию, борьбу с коррупцией, установление в обществе «диктатуры закона». Тем самым утверждается мысль, что транзит западных либеральных ценностей и дискурс прав человека не являются единственными моделями для справедливого усовершенствования мира.

На первый взгляд, тема близости идей русского мира и китайской мечты может выглядеть как искусственная, поскольку существует слишком большая разница между теми образованиями, которые Н.Я. Данилевский называл культурно-историческими типами (в более современной терминологии цивилизациями). Но теория локальных цивилизаций развивается, различия между цивилизациями модифицируются, хотя и сохраняются. Молодой американский культурно-исторический тип стал развитой цивилизацией, а древний и, казалось бы, клонящийся к упадку во времена Данилевского китайский культурно-исторический тип (кстати, его впервые в истории мировой науки выделил именно русский ученый) бросил вызов американскому доминированию в мире. Славянский же культурно-исторический тип вопреки прогнозам автора «России и Европы» отнюдь не стал отдельной интегральной цивилизацией, но распался на ряд слабо связанных между собой политических и даже враждебных друг другу культурно-цивилизационных и государственных образований. Могила Данилевского и надгробие на ней, поставленное русскими патриотами Крыма, вообще были до недавнего времени запрещены украинскими властями для публичного посещения, поскольку оказались на территории предприятия, принадлежавшего президенту Украины Порошенко. Данилевский, предсказавший большое будущее американскому культурно-историческому типу (здесь он был прав), ошибся в отношении Китая, полагая, что возраст китайской культуры, превышающий пять тысячелетий, говорит о ее дряхлении, поскольку жизненный цикл каждого культурно-исторического типа составляет в среднем от тысячи до тысячи двухсот лет. Правда, Данилевский несколько не принижал великую ценность китайской культуры. То же справедливо и в отношении А.С. Хомякова, который в своих «Записках о всемирной истории» впервые подверг критике европоцентризм Гегеля, а также западническую историософию Чаадаева и показал огромное историческое значение китайской культуры для всего человечества.

Китай – древнейшая из земных цивилизаций, сохранившаяся вопреки прогнозам Данилевского, считавшего, что «дух жизни отлетел от Китая» и что «он замирает под тяжестью прожитых им веков» [1, с. 96]. Одна только живучесть Китая должна вызывать завистливое восхищение всякого консерватора, немеющего перед лицом столь длительно существующей традиции, давшей миру столько полезных вещей.

Организмический подход Данилевского, уподоблявший всякий культурно-исторический тип живому организму, оказался требующим коррекции. Он не учитывал того, что в истории жизнь цивилизаций оказывается циклически неровной, подверженной спадам и подъемам. Прав оказался не Данилевский, а его последователь, «предъевразиец» и предсказатель «исхода к Востоку» Константин Леонтьев, утверждавший, что «славянство есть, но славизма нет». В свою очередь он опирался на предсказания А.И. Герцена, называвшего Тихий океан Средиземным морем будущего, где будет происходить возрастание и возрождение древних цивилизаций Востока, обладающих уникальной всесторонней мудростью. Евразийский «исход к Востоку» был подготовлен всем ходом русской философии, все более клонившейся, особенно в XIX–XX веках, не к западничеству, а к восточничеству (начиная с С.С. Уварова, автора проекта «Азиатской академии»).

Согласно логике классического евразийства, Русь и Китай не только не чужды друг другу как культурно-исторические типы, но имеют много общего, поскольку характеризуются единой исторической государственной подосновой и комплиментарными месторазвитиями. Россия и Китай являются ближайшими соседями в Евразии с самой протяженной государственной границей. П.Н. Савицкий еще в первом коллективном манифесте классического евразийства «Исход к Востоку» показал, что месторазвития России и Китая органически дополняют друг друга и создают оптимальные условия для взаимного хозяйственного роста. Желтороссия, или Русский Китай (определения китаевода Артема Кобзева), входил в XIII веке в единое государство, созданное Чингизханом. Так состоялась наша общая с Китаем история. А историю надо принимать такой, как она есть. В то же время никак нельзя представить, чтобы украинские фальсификаторы, создатели антинаучного мифа об особой «цивилизации укров», могли согласиться с идеей «Русского Китая». Для русского же евразийского сознания эта идея выглядит вполне очевидной, такой же естественной, как утренняя чашка чая, который в России пьют с давних времен, в отличие, кстати, от Европы, где чай не пьют, а пьют в основном кофе (за исключением Англии).

О древности контактов Руси и Китая свидетельствует и то, что русское название Китая восходит к киданям (китайям), жителям киданьского государства, располагавшегося на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии в период формирования государства Киевской Руси. Монгольский император Китая Хубилай, основатель китайской династии Юань, вполне может быть назван в таком случае и русским правителем. Разумеется, Данилевский не мог принять подобную точку зрения, поскольку разделял карамзинскую версию русской истории, комплиментарную для московской династии Романовых, хотя и отзывался с большим уважением о соседней цивилизации, которая, по его словам, «во многом оставляет за собой цивилизацию древних греков и римлян»: «Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию, весьма, правда, несовершенную в космологическом отношении, но представляющую здравую и возвышенную для языческого народа систему этики. Когда на древних греков кометы наводили еще суеверный страх, китайские астрономы, говорит Гумбольдт, наблюдали уже научным образом эти небесные тела. Наука и знание нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае» [1, с. 95].

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне нельзя не упомянуть, что Китай и Россия понесли больше всего жертв в этой войне: Китай потерял более 30 миллионов, Россия – 27 миллионов своих граждан. Наверное, вследствие таких больших жертв трагедия войны особенно остро переживается в массовом сознании наших народов.

Русская идея и китайская мечта имеют некоторые общие черты. Первое сходство заключается в их отличии от западоцентричного понимания ценностей; русская и китайская культуры космоцентричны и социоцентричны, социально

привержены. Русская идея и китайская мечта сходным образом основываются на неиндивидуалистическом понимании социальной действительности, хотя для обеих крайне важным является понятие ценности всякой человеческой личности. Русская философия, несмотря на свою молодость сравнительно с китайской, выработала сходные с китайской интегральные качества и синкретические способности – тесную связь с историей, искусством и литературой. Кроме эстетизма китайской и русской культуры необходимо упомянуть также свойственные обеим культурам традиции метафизики сердца, идеи нравственного самосовершенствования и неприятия войны, особенно повлиявшие на Льва Толстого (хотя Толстой больше уважал Лао-цзы и спорил с конфуцианским этатизмом).

Роль китайской мечты, так же как идеи русского мира, несомненно, будет возрастать в современном мире вопреки диктату Pax Americana. Это соответствует логике развития многополярного мира, которую выражают сходные движения, такие как Испанидад, Всемирная франкофонная организация и другие культурно-цивилизационные течения, сопротивляющиеся однополярности и борющиеся за сохранение языков, культуры и традиционных ключевых ценностей.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
2. Лукин А. Китайская мечта и будущее России // Россия в глобальной политике. 2010. № 2.
3. Мигунов Н.И. Конфуцианский путь Ту Вэймина // Век глобализации. 2014. № 1. С. 13–15.
4. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии: Пер. с англ. М.А. Маслина // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
5. Friedman T.L. China Needs Its Own Dream // The New York Times. Oct. 2, 2012. P. 1.
6. Values in a Changing World: International Philosophical Forum on Values. Paper abstracts. Beijing, China. June 6–7, 2015.
7. Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015.
8. Weber M. The Religion of China. N.Y., 1951.

Аннотация. Статья посвящена метафизическому анализу новой государственной идеологии китайской мечты. Автор определяет китайскую мечту в качестве метафорического воспроизведения древней китайской традиции в области философии и духовной культуры. В настоящее время понятие китайской мечты широко используется в Китайской Народной Республике в терминах современной модернизации.

Ключевые слова: китайская мечта, китайская модернизация, конфуцианский социализм, китайская духовная традиция, русская философия.

Mikhail Maslin, Ph.D. in Philosophy; Head of Department, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Professor Emeritus. E-mail: mmaslin@yandex.ru

Chinese Dream: a Metaphysical Vision of the Phenomenon in Russia

Abstract. The article analyses the new state ideology of Chinese dream metaphysically. The author defines Chinese dream as the metaphoric reincarnation of the ancient Chinese philosophical and spiritual tradition. The notion of Chinese dream is widely used to describe contemporary modernization in People's Republic of China.

Keywords: Chinese dream, chinese modernization, confucian socialism, chinese spiritual tradition, russian philosophy.

Спор о Китае: Вл. Соловьев и Н. Данилевский

В «бичуринский период» отечественной синологии (30–40-е годы XIX века) интерес к Китаю проявляют многие деятели русской культуры. В немалой степени это общественное внимание связано с незаурядной личностью самого основоположника русского китаеведения. Н.Я. Бичурин – выдающийся ученый, активно пропагандировавший в обществе научные знания о китайской культуре и сотрудничавший во многих журналах («Московский вестник», «Московский телеграф», «Москвитянин» и др.), оказавший непосредственное влияние на А.С. Пушкина, В.Ф. Одоевского, М.П. Погодина и многих других.

Объяснение «бичуринского феномена» следует искать не только в особенностях личности ученого и не в экзотической новизне информации: образ Китая для тогдашней России ничего принципиально нового собой не представлял, будучи известным по западноевропейским образцам стиля шинуазри. Общественный интерес к деятельности Бичурина был прежде всего реакцией (далеко не всегда однозначно положительной) на трезвость и конкретность научного подхода, позволившего внезапно увидеть дальневосточную традицию во всей реальности ее культурного содержания. Соответственно, эта деятельность носила отнюдь не только «просветительский», но, что очень важно, полемический характер. Помимо участия в собственно научной полемике, нередко способствовавшей росту международного авторитета русской синологической школы (как, например, его полемика с немецким востоковедом Ю. Клапротом [10, с. 100–101]), Бичурину приходилось выступать против весьма распространенных тогда в Европе и в России представлений о Китае как символе социального застоя, косности и национализма. Недооценка китайской культурной традиции имела общеевропейские корни и нашла, например, определенное теоретическое обоснование в трудах столь авторитетных в России авторов, как И. Гердер и Г.В.Ф. Гегель¹. Естественно, влияние западных идейных стандартов способствовало формированию в русском обществе скептического отношения к истории китай-

¹ Речь идет об общей европоцентристской методологии философии истории немецких мыслителей, позволявшей, например, Гегелю не включать Китай в «пределы всемирной истории», а Гердеру писать о китайской культуре как о «тысячелетнем топтании на одном месте». Факт влияния гегелевской философии истории на русскую мысль XIX века общепризнан, об авторитетности же в России исторических воззрений Гердера свидетельствует, например, энергичное выступление Белинского в защиту «великого Гердера». См. [1, с. 67].

ской культуры¹. К тому же необходимо учитывать, что в России 1830–1840-х годов соответствующая «китайская» символика активно использовалась либеральной публицистикой в критике российского консерватизма².

И хотя всё это в конечном счете отнюдь не препятствовало растущему в обществе интересу к определенным ценностям дальневосточной культуры и даже своеобразной моде на «китайское», на разнообразные стилизации «в китайском духе» и т.п., но для глубокого общественного понимания специфики китайской культурной традиции, безусловно, создавало серьезные трудности. От трудностей такого рода неоднократно писал и сам Н.Я. Бичурин [2, с. 146–147].

Хотя и в дальнейшем, во второй половине XIX века, влияние отечественного востоковедения на формирование в обществе представлений о дальневосточной культуре не было определяющим, оно имело постоянный и глубокий характер и приносило свои плоды. В 1888 году выходит труд выдающегося русского китаевода С.М. Георгиевского «Принципы жизни Китая». Высоко оценивая значение этого сочинения для развития русского китаеведения, П.Е. Скачков писал: «С.М. Георгиевский в “Принципах жизни Китая” рассматривает главным образом конфуцианство, культ предков, даосизм, но ни один из современных ему критиков не коснулся этих проблем, ограничиваясь общими замечаниями и останавливаясь лишь на частностях» [10, с. 283]. В данном случае Скачков не совсем прав. Именно на этих аспектах работы китаевода при общей ее положительной оценке акцентирует внимание крупнейший русский философ-метафизик XIX века Вл. Соловьев в своей статье «Китай и Европа» (1890). Факт обращения Вл. Соловьева к анализу дальневосточной культуры (в том же году он публикует статью о Японии) сам по себе представляет определенный историко-философский интерес. Но, кроме того, следует учитывать, что размышления философа о специфике китайской и японской культур отразили существенные особенности развития как философских воззрений самого Соловьева, так и русской философской мысли того периода.

Решающую роль в формировании у Вл. Соловьева убеждения в необходимости специального рассмотрения дальневосточной культуры сыграла его полемика с создателем теории «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевским, а в дальнейшем – со сторонниками последнего: Н. Страховым, К. Леонтьевым и др. Начало спору положил, однако, сам Данилевский, когда в последний год жизни (1885) опубликовал статью «Вл. Соловьев о православии и католицизме», где, в частности, Соловьев критикуется за то, что в работе «Великий спор и христианская политика» (1883) он строит обоснование универсализма мировой истории на противопоставлении Запада и Востока. Активная роль при этом отводилась Соловьевым западной культуре, формирующей принцип «самодетельности» человека. Значение Востока определялось особым, созерцательно-пассивным восприятием сверхъестественного.

¹ Так, И.С. Гагарин (представитель консервативного крыла русского «западничества», впоследствии член ордена иезуитов и католический теолог) в 1842 году в письме И.В. Киреевскому противопоставляет «просвещенной» Греции косный, националистический Китай (впервые опубликовано в католическом журнале «Символ». Париж, 1980. № 4. С. 177). В славянофильской среде, в чей адрес неоднократно направлялись упреки в «китаизме», подобная аргументация воспринималась достаточно серьезно. См., например, переписку И.В. Киреевского с А.И. Кошелевым [6, с. 273].

² С этим связано, в частности, то обстоятельство, что В.Г. Белинский, отдавая должное научному значению трудов Н.Я. Бичурина, в то же время остро реагировал на имевшиеся в них, по его мнению, тенденции идеализации китайского общества. Ср. также характерное использование «китайской» символики А.И. Герценом в его иронических рассуждениях об особенностях культурной жизни в Петербурге и Москве (1842): «Летаргический сон Москвы придает москвичам их пекино-хухунорский характер стоячести, который навел бы уныние на самого отца Иакинфа [Н.Я. Бичурина. – В.С.]» [3, с. 11].

Находя такое различие западной и восточной культур слишком общим, Данилевский замечает, что оно ничего не дает для понимания своеобразия китайской культуры: «Но ни один народ в мире не заботился менее о сверхъестественной силе, как та треть человечества, которая жила в Китае, как раз на самом настоящем Востоке. Следовательно, эту неудобную и неподатливую на схемы треть человечества приходится выкинуть из истории... Выключение его мотивируется тем, что Китай уже чересчур восточен по своей замкнутости и неподвижности. Но замкнутость его происходила от чисто внешних географических причин, но по духу же и направлению не менее его были замкнуты Индия и Египет. Что же касается до неподвижности, то очевидно, что народ, сделавший большую часть основных культурородных изобретений, не мог быть неподвижным» [5, с. 275–276].

Такая оценка Китая не была для Н.Я. Данилевского чем-то новым. В «России и Европе» он неоднократно обращается к Китаю, этому символу «застоя и коснения» для европейской историографии, чтобы подчеркнуть: «Везде... где только гражданственность и культура могли развиваться, они имели тот же прогрессивный характер, как и в Европе» [4, с. 73]. Чуждость же Китая европейской культуре определяется его принадлежностью к иному культурно-историческому типу, что, однако, не может служить основанием для «умаления» достижений китайской культуры: «Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию, весьма, правда, несовершенную в космологическом отношении, но представляющую... здравую и возвышенную систему этики... Наука и знание нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае» [4, с. 74–75]¹. Социальную отсталость современного ему Китая Н.Я. Данилевский объясняет, следуя собственной общей методологии, не конкретно-историческими причинами, а неизбежным, по его мнению, для всякого оригинального культурного образования историческим регрессом.

Уже после смерти Данилевского Соловьев в ряде статей (1888–1890) резко критикует его теорию. Создатель «философии всеединства» был убежден, что учение о культурно-исторических типах в целом не соответствует реальному характеру истории и преимущественно ограничивался аргументами, подтверждающими, по его мнению, такое несоответствие: историческая универсальность христианства, распространение буддизма в Азии, генетическая связь иудаизма и христианства и т.п. В качестве же практически единственной «проблемы» для эволюционного подхода к истории Соловьев признал Китай. Более того, он даже делает вывод, что только Китай может служить доказательством правильности теории Данилевского, поскольку действительно «чужд» общему ходу развития цивилизации.

В полемике с представителями позднего славянофильства, использовавшими идеи Данилевского, Соловьев был готов объявить феномен китайской культуры просто «историческим недоразумением» и иронизировал по поводу соответствующих взглядов Данилевского: «...остается только ввести китайский язык и литературу в основу классического образования» [11, с. 337]. Однако, будучи на редкость последовательным мыслителем, Вл. Соловьев не мог долго ограничиваться подобными «оценками» и не попытаться добиться действительного решения проблемы специфики китайской культуры. И работа «Китай и Европа» представляет собой вполне определенный шаг в данном направлении.

Вл. Соловьев опирается в статье в первую очередь на конкретные исследования Георгиевского, а также на зарубежные синологические работы и переводы, стремясь определить сущность китайской культуры. При этом следует учитывать, что статья «Китай и Европа» далека от какого бы то ни было академизма. Соловьев откровенно и последовательно тенденциозен. Он ясно определя-

¹ Подробнее о дальневосточной проблематике у Данилевского см. [8].

ет свою позицию как позицию христианского мыслителя: христианская истина имеет абсолютный, вселенский смысл и все прочие явления культуры рассматриваются в соотнесении с ней. Это в полной мере относится и к его пониманию «дальневосточной» роли России. Об этом, например, совершенно справедливо пишет Б.В. Межуев: «Вл. Соловьев одобрял направленность на Дальний Восток российской внешней политики двух последних российских императоров, но для автора “Панмонголизма” была недопустима мысль о России – как азиатской, а не европейской стране. В Азии он не видел никакого залога возрождения империи, но, скорее, возможность для России реализовать свою миссию европейской и христианской державы» [7, с. 53]. Китайская культура оценивается русским философом как нечто глубоко чуждое «христианской» европейской традиции. Он писал: «Наши антипатии и опасения может возбуждать не сам китайский народ с его своеобразным характером, а только то, что разобщает этот народ с прочим человечеством, что делает его жизненный строй исключительным и в этой исключительности ложным» [12, с. 97].

Основание этой исключительности Соловьев ищет в сфере религии и философии, которым, по его мнению, принадлежала решающая роль в формировании специфического идеала нации («китайского идеала»). Анализируя различные стороны ритуальной практики китайцев (культ предков, брак, характер жертвоприношений и др.) и в целом следуя Георгиевскому, он выделяет в качестве важнейшего регулятивного принципа, действующего на всех этапах иерархии китайского общества (от семьи до государственного режима), принцип отеческой власти. Последний рассматривается им как универсальное средство, определяющее и синхронное единство общественного организма, и, что самое главное, его единство в рамках исторической традиции.

Такая оценка становится предпосылкой для обобщения самой сущности китайской культуры. Характерной определяющей особенностью последней оказывается, по Соловьеву, «безусловная власть прошедшего над настоящим и будущим» [12, с. 102]. Русский философ подвергает анализу общие принципы двух крупнейших традиционных философских систем Китая: даосизма и конфуцианства, но этот анализ, выполняя фактически иллюстративную функцию, уже ничего существенного не добавляет к сделанному им общему выводу. Так, он пишет об основателе даосизма (которого оценивал, кстати, как мыслителя очень высоко: «Как умозрительный философ Лао-цзы ищет абсолютного начала; как истый китаец, он ищет его исключительно в прошедшем, – он ищет, следовательно, безусловного прошедшего, такого, которое предшествует всему существующему»¹).

Итак, «идеал нации» выявлен и в общем оценен критически. Необходимо, однако, учесть следующие моменты. Соловьев критикует прежде всего то, что сам рассматривает как крайнюю тенденцию китайской культурной жизни. Отношение его к социальному опыту данного народа в целом отнюдь не одно-

¹ В связи с этим следует отметить неточность А. Шифмана, когда он замечает, что Соловьев «с издевкой писал о Лао-цзы как философе “желтой расы”» [14, с. 11]. Вл. Соловьев писал о Лао-цзы как о «величайшем и, может быть, единственном умозрительном философе желтой расы» [12, с. 118]. Разница, как нам представляется, существенная. Критика же русским философом даосизма и прежде всего асоциальности этого учения была, безусловно, резкой и в некоторых отношениях неточной, но ничего общего с расизмом и ксенофобией не имела. Совсем же непонятным представляется утверждение Шифмана о том, что «Лев Толстой никогда не имел ничего общего с реакционными философами типа В. Соловьева» [14, с. 50]. Как известно, отношения между этими двумя деятелями русской культуры в определенный период были весьма близкими, очень существенными были в дальнейшем и разногласия между ними. Но в целом взаимосвязь (и оппозиция) идей В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого – это интересная и до конца еще далеко не проясненная проблема истории русской мысли.

значно. Так, он пишет: «Перенося центр своей тяжести в прошедшее, в область абсолютного факта... китайская семья сама приобрела крепость незыблемого факта, над которым бессильно время» [12, с. 118]. Более того, по Соловьеву, сама привязанность к прошедшему, служение предкам «составляет истину китайского мировоззрения» [12, с. 107]. Таким образом, и непосредственно в «китайском идеале» содержится истина. Кроме того, главная цель статьи «Китай и Европа» вообще не сводится только к критическому рассмотрению культуры «чуждого» Китая.

Соловьева беспокоит положение дел не столько на Востоке, сколько в самой Европе. Идея прогресса – вот то, что, по мнению Соловьева, европейская культура может противопоставить китайской: «Противоположность двух культур – китайской и европейской – сводится в сущности к противоположению двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса – с другой. С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений, идея прогресса требует их идеального совершенства... Что Китай достиг прочного порядка – это несомненно – насколько европейский прогресс ведет к социальному совершенству – вот вопрос» [12, с. 146].

При всей своей приверженности идее прогресса Соловьев был весьма далек от безусловной уверенности в реальной возможности его подлинного осуществления европейской цивилизацией. Эти сомнения, безусловно, составляют важную особенность работы Вл. Соловьева о Китае.

Написанные им практически в одно время статьи о Китае и Японии глубоко связаны не только тематически (японская культура рассматривается в сопоставлении с китайской), но и по основным целям, которые преследовал их автор. Если «Китай и Европа» не содержит прямых ссылок на теорию Н.Я. Данилевского (хотя очевидно, что полемика с последним послужила первопричиной для обращения Соловьева к анализу китайской культуры), то статья о Японии непосредственно начинается с замечания о популярности в России теории Г. Рюккерта [12, с. 147]¹. Вл. Соловьев готов признать, что своеобразие китайской культуры служит аргументом в пользу реализма теории культурно-исторических типов, но аргументом единственным, так как китайский культурный опыт, несмотря на всё его значение, есть только исключение, своего рода историческая аномалия. И Соловьев привлекает материалы японской истории для того, чтобы показать, что, с одной стороны, эта история достаточно специфична и с не меньшим основанием, чем китайская, может быть охарактеризована как «культурный тип». С другой стороны, японская традиция рассматривается Со-

¹ Уже в XX столетии, в период проходившей в Китае дискуссии о культурах Востока и Запада, проблема специфики прогресса на Западе и в Китае оказалась в центре внимания Б. Рассела. В книге «Проблема Китая» (The Problem of China. N.Y., 1922) английский философ, как и Соловьев, скептически оценивает реальную роль идеи прогресса в современной западной цивилизации: «Этический камуфляж стремления быть причиной изменений» (с. 213) – и также подчеркивает практическую жизненную значимость достижений китайской духовной культуры (с. 7, 175). Сравнительный анализ культурологических воззрений Б. Рассела и крупнейшего китайского теоретика «культурного циклизма» Лян Шумина впервые дал А.Г. Цверганишвили [13, с. 197–200]. Генрих Рюккерт (1823–1875) – немецкий историк, предшественник Н.Я. Данилевского в разработке теории культурно-исторических типов. В настоящее время общепризнанным является мнение, что Данилевский не был знаком с его работами. В то же время в значительной степени учение Данилевского связано с философско-историческими взглядами А.С. Хомякова и А.А. Григорьева. О том же, насколько серьезно Соловьев относился к критике теории культурно-исторических типов, свидетельствует, например, то, что его положительный отклик на статью Вас. Розанова «Место христианства в истории» (1890) был прежде всего связан с оценкой автора как вероятного «союзника» в полемике с идеями Данилевского.

ловьевым, как пример, опровергающий тезис Данилевского о невозможности передачи «жизненных начал» одного культурно-исторического типа другому. Соловьев писал, что «эта оригинальная цивилизация (японская – В.С.), несмотря ни на даровитость народа, ни на островное положение страны, благоприятствовавшее национальной замкнутости, сложилась не самобытно, а обязана своим развитием живой восприимчивости японцев к образовательному влиянию чуждых начал. Япония вышла из варварства не сама собою, а лишь тогда, когда открылась двойному воздействию извне: старшей цивилизации – китайской и высшей религии – буддизма».

Можно сказать, что Соловьев исходит в своем «опровержении» теории Данилевского из двух вроде бы совершенно очевидных фактов: оригинальности японской культуры и ее генетической зависимости от китайской. И то, и другое объективно говорит против учения Данилевского: Японию в число своих десяти культурно-исторических типов он не включил (там присутствует только Китай) и полагал, что оригинальная культура путем «прививки» (термин Данилевского) развиваться не может. Позиция Данилевского, однако, совершенно последовательна: не хуже Соловьева зная о влиянии китайской культуры на японскую, он просто отказал последней в оригинальности. Логического противоречия здесь, во всяком случае, нет. Соловьев же, решив использовать в своей критике оба аргумента, столкнулся с проблемой разрешения противоречия между «очевидной» оригинальностью и «очевидной» зависимостью японской культуры. И, рассматривая историю последней, Соловьев стремился определить те исходные отличительные принципы, которые обусловили своеобразие последующей логики ее развития. Такой подход имел результатом проводимое Соловьевым на всех уровнях анализа противопоставление японской культуры исторически ей наиболее близкой – китайской.

Распространение благодаря китайскому влиянию буддизма в Японии, приведшее, как полагал Соловьев, к важным социальным изменениям в японском обществе, сыграло роль внешнего фактора. Но тезис Соловьева об изначальной «открытости» японской культуры как ее специфической особенности позволил ему интерпретировать распространение буддизма и его последствия как вполне органично соответствующие самому характеру этой культуры.

Отмечая определенное положительное значение буддийского влияния («преодоление фаллизма древних культов», «очищающий аскетизм» и пр.), Соловьев в то же время усматривает в формировании института «сёгуната» и фактическом разделении власти (как он считает, на духовную и светскую) реакцию «исторического» японского сознания на «неисторическую» и в этом смысле чуждую религию. Японская культура, таким образом, обладает способностью не только синтезировать различные духовные влияния, но и «отторгать» или корректировать все то, что может привести к ограничению этой способности.

Развитие Японии после событий Мэйдзи исин (1867–1868) Вл. Соловьев оценивал очень высоко. (Безусловно, он был одним из немногих, кто еще до японо-китайской войны 1894–1895 годов серьезно оценивал перспективы социального развития Японии.) На общем оптимистическом фоне этих оценок не столь заметны некоторые его замечания иного характера. Так, он весьма сдержан в отношении перспектив расширения сферы христианского влияния в Японии, чему, в частности, по его мнению, мешают разногласия между тремя главными христианскими исповеданиями. Вместе с тем приобщение Японии к западной культуре («внешнее культурное возрождение») без усвоения христианства русский метафизик считает недостаточным. Проблему он видит и в том, что «пережитый» (по его словам) японцами буддизм, получает распространение в христианских Европе и Северной Америке.

Представляется очевидным, что конкретный анализ дальневосточной культурной традиции показал Вл. Соловьеву всю глубину ее отличия от европейской. В первую очередь это относится к Китаю. Но, признав последний «исключением» и обратившись к Японии для доказательства этой «исключительности» китайской культуры, Соловьев пришел к результатам, далеко не во всем соответствующим его первоначальным целям.

Японская культура, несмотря на столь длительное и интенсивное китайское влияние, отличается, по Соловьеву, безусловным своеобразием. Она ничуть не меньше, чем китайская, имеет право считаться самостоятельной культурной традицией. Причину этого Соловьев ищет в ней самой, в ее уникальной способности воспринимать и синтезировать внешние культурные влияния. Причем, как показал опыт японизации буддизма, восприимчивость японской культуры имеет характер отбора, культурный организм оказывается способным «отстаивать» собственное своеобразие.

Интересно, что, убедительно показывая отличие японского варианта буддизма от китайского, Соловьев фактически снимает одно из своих прежних возражений против теории Данилевского: тезис об универсальности буддийского влияния на Дальнем Востоке. Но не это главное. Если такие столь исторически близкие и связанные глубокими традициями культуры, как китайская и японская, всё же (по Соловьеву) в корне различны (первая представляет принципиально «закрытый», а вторая – «открытый» культурный тип), то это можно объяснить двояким образом.

Либо японскую культуру следует считать не меньшим «исключением», чем китайскую, в силу ее особой способности к сохранению своих специфических черт («открытость» в этом случае приобретает относительный характер). Тогда, собственно, оказывается, что «исключений» вообще нет, а есть общее правило сохранения во всяком оригинальном культурном образовании важнейших, специфических черт, которые присущи только ему самому. Либо эта культура, будучи противоположной китайской, оказывается в своей основе практически идентичной некоторой общечеловеческой культурной традиции (фактически – западной).

Первый вывод в целом согласуется с теорией Данилевского, лишь количественно ее дополняя (японским культурным типом), так как «открытые» и «закрытые» культурные типы в этой теории различались и признавались возможность определенного влияния, но акцент делался на непередаваемость тех «жизненных начал», которые как раз и образуют подлинную специфику культурной традиции. Вл. Соловьев такого вывода, естественно, не делает. Но и определенная парадоксальность второго заключения была ему, безусловно, тоже очевидна, поскольку это означало объявить японскую культуру (противоречивый путь формирования своеобразных черт которой он только что рассмотрел), по существу, аналогичной европейской. Вл. Соловьев ограничивается гипотезой об утраченной исторической возможности христианизации Японии и явно сомневается, что эта возможность еще может быть реализована в будущем. Японская культура, хотя особенностью своего «историзма» она и близка европейской, реально отличается от нее не меньше, чем китайская.

Признавая исторический факт культурной разобщенности и серьезность проблемы взаимоотношения различных культурных традиций, Вл. Соловьев тем самым признает, хотя и косвенно, определенную реалистичность концепции культурно-исторических типов. Но в главном его позиция осталась неизменной: во взгляде на исторический процесс как смену органически не связанных между собой культур он отказывается видеть закон, выражающий общий смысл человеческой истории. Первоначально Соловьев противопоставляет такому пониманию апелляцию к другому закону общественного развития – закону прогресса (с оговорками по поводу возможности «подлинного» и «мнимого» по-

нимания прогресса эта позиция содержится в работе «Китай и Европа»). Но уже в заключении статьи о Японии в качестве вероятной альтернативы будущему мирному прогрессивному сближению различных культур рассматривается возможность их столкновения.

Тем не менее концепция прогрессивного развития «всей» истории (а не только отдельных ее культурных «фрагментов», как у Данилевского) сохраняет определенное значение в философии истории Соловьева и в «Трех разговорах» (1900). (Эту концепцию отстаивает «политик» – персонаж в целом положительный.) Но здесь теория прогресса уже только модель, фиксирующая некоторые исторические закономерности и к тому же практически полезная, а не выражение самой сущности истории. Соловьев отнюдь не превращается в исторического релятивиста: смысл и ценность культурно-исторического опыта человечества им, безусловно, признаются. Более того, он не желает ставить под сомнение эти смысл и ценность независимо от того, каковы будут фактические результаты истории и какая из двух моделей: культурного прогресса или культурного циклизма окажется более точной.

В свое время Н.А. Сетницкий, сопоставляя оценки Китая Н.Ф. Федоровым и Вл. Соловьевым, правомерно искал в соответствующих идеях последнего отражение общих крайне существенных перемен в его мировоззрении в конце жизни [9, с. 153]. Весьма интересны также анализируемые Сетницким факты, связанные с реакцией философа на события 1900 года в Китае (восстание боксеров): история публикации стихотворения «Дракон», полные сомнения слова Соловьева (из предсмертного разговора с С.Н. Трубецким) о ничтожном «нравственном багаже», с которым «европейские народы идут на борьбу с Китаем». Однако в целом подход исследователя характеризуется достаточно жесткой заданностью, которая проявляется в первую очередь в стремлении свести смысл «итога» духовной эволюции Соловьева к пророческим переживаниям «пессимистического» и «катастрофического» характера.

Сетницкий здесь явно следует влиятельной в русской религиозной философии начала века традиции противопоставления последнего произведения Вл. Соловьева («Три разговора») всей его предшествующей философской деятельности. Хотя Сетницкому, в отличие от Мережковского, Бердяева и других мыслителей, образ Соловьева – «безумного пророка» отнюдь «не близок», он настаивает, иногда вопреки им же самим отмечаемым фактам, именно на подобном однозначном прочтении последних творений Вл. Соловьева.

Сосредоточив свои усилия на установлении причин, приведших Вл. Соловьева к «ложно понятому катастрофизму», исследователь, по существу, игнорирует, на наш взгляд, самое важное – внутреннюю логику развития понимания Вл. Соловьевым дальневосточной культуры: философско-культурологические характеристики, составляющие содержание статьи «Китай и Европа», фактически не рассматриваются как недостаточно личностные («абстрактные»); не учитывается роль полемики с Н.Я. Данилевским и странным образом совсем не принимается во внимание статья о Японии.

В заключительной части «Трех разговоров», где изображается столкновение западной и восточной цивилизаций как один из последних этапов всемирной истории, рассматривается и вероятный эпилог истории взаимоотношений китайской и японской культур. Именно «подражательные японцы», узнав о существовании на Западе идеологических течений: пангерманизма, панславизма и т.п., выдвинули идею панмонголизма, с ее помощью осуществили покорение Китая и водворили там японскую династию. Богдыхан, который в дальнейшем завоевывает Европу, по матери китаец, что явно символизирует прочность и окончательность единства противостоящей Европе дальневосточной Азии.

Было бы наивно видеть в этой трактовке роли Японии какое-то «ухудшение» отношения Соловьева к японской культуре. «Подражательность» последней, приводящая к мировому конфликту, – это альтернативный исторический вариант реализации все тех же высоко ценимых Вл. Соловьевым ее особенностей: историзма, восприимчивости и др. На возможность подобного развития события он указывал и в 1890 году в своей статье о Японии. На детали же японо-китайского союза в «Трех разговорах» (условный характер всех деталей описания нового «монгольского нашествия» на Россию и Европу Вл. Соловьев специально оговаривает) повлияли, вероятно, результаты японо-китайской войны 1894–1895 годов, хотя, как уже отмечалось выше, быстрый культурный и социальный прогресс Японии после 1868 года был ему очевиден много раньше.

Критика Вл. Соловьевым теории культурно-исторических типов и его работы о Китае и Японии свидетельствуют, что даже этот столь склонный в своей философии истории к европоцентризму мыслитель отчетливо осознает необходимость понять своеобразие дальневосточной культурной традиции, ее культурно-историческое значение и исторические перспективы. Его попытка, опираясь на конкретно-научный востоковедческий материал, раскрыть сущность взаимоотношений китайской и японской культур имела результатом ряд оригинальных и глубоких наблюдений культурологического характера, а также определенный реализм в рассмотрении общественно-политической ситуации в дальневосточном регионе.

В целом же полемика между Н.Я. Данилевским и Вл. Соловьевым и эволюция философско-исторических взглядов последнего отразили продолжение в русской мысли последних десятилетий XIX века процесса своеобразной «переоценки ценностей»: серьезного переосмысления стандартов упрощенно европоцентристского подхода к восточной культуре. При всей сложности и противоречивости этого процесса (здесь рассмотрены только некоторые его аспекты) он, безусловно, происходил, причем в первую очередь под воздействием развивающейся отечественной востоковедческой науки и объективно способствовал формированию в русской культуре реалистических представлений о дальневосточной культурной традиции. В силу конкретных социально-исторических причин сфера его общественного влияния была, однако, ограничена. За непреодоленную же нереалистичность в общественно-политических оценках Дальнего Востока самодержавной России пришлось заплатить «историческую цену» уже в первые годы XX века.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2.
2. [Бичурин Н.Я.] Письма Н.Я. Бичурина к М.П. Погодину // Советское китаеведение. 1958. № 3.
3. *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. III.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871.
5. *Данилевский Н.Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.
6. *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2.
7. *Межуев Б.В.* «Пылинка дальних стран»: Александр Блок и грезы о Востоке // Самопознание: Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». 2015. № 5. С. 50–55.
8. *Сербиненко В.В.* Место Китая в концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Четырнадцатая НКОГК. Ч. 2. М., 1984.
9. *Сетницкий Н.А.* Русские мыслители о Китае (В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров). Харбин, 1926.
10. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

11. Соловьев В.С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 5.
12. Соловьев В.С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 6.
13. Цверганишвили А.Г. Лян Шумин и Бертран Рассел о китайской и западной культурах: Развивающиеся страны: Политика и идеология. М. 1985.
14. Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971.

Аннотация. В статье прослеживается эволюция восприятия Китая и китайской культуры в русской общественной мысли середины – второй половины XIX века. Автор констатирует, что полемика между Н.Я. Данилевским и Вл. Соловьевым и эволюция философско-исторических взглядов последнего отразили процесс своеобразной «переоценки ценностей»: переосмысление стандартов упрощенно европоцентристского подхода к восточной культуре. Вместе с тем, формирование в русской культуре реалистических представлений о дальневосточной культурной традиции не оказывало адекватного воздействия на широкие общественные круги. За соответствующую нереалистичность общественно-политических оценок ситуации на дальневосточных рубежах России пришлось заплатить «историческую цену» уже в первые годы XX века.

Ключевые слова: Китай; китайская культура; Н.Я. Бичурин; Н.Я. Данилевский, Вл.С. Соловьев.

Vyacheslav Serbinenko, Ph.D. in Philosophy; Professor; Head of Department of Russian philosophy, Russian State University for the Humanities; President, Zenkovsky Society of Historians of Russian Philosophy. E-mail: v.v.serbinenko@gmail.com

The Debate about China: Vladimir Solovyov and Nikolai Danilevsky

Abstract. The article traces the evolving perception of China and Chinese culture in Russia in the mid-to-late XIX century. The author assumes that the debate between N. Danilevsky and VI. Solovyov and the evolution of philosophical and historical views of the latter revealed the “rethinking of values”, the reassessment of the simplified Eurocentric approach to the Eastern culture. However, the emerging realistic view of the Far Eastern cultural tradition did not have any meaningful impact on the Russian public. In the early XX century Russia had to pay a “historic price” for the unrealistic assessments of the socio-political situation along the Russian Eastern borders.

Keywords: China; Chinese culture; N. Bichurin; N. Danilevsky; VI. Solovyov.

Б.В. Межуев. Будем считать, что прошла некая первая часть нашего симпозиума, в которой мы говорили о том, как Восток (прежде всего Китай, но также мы говорили об Индии, Японии) отражается в русском сознании, в русской философии, в русской идее, в русском восприятии. Вторая часть нашей сегодняшней панели будет

посвящена чему-то противоположному – как Россия отражается в глазах представителей восточных, как мы говорим – правильно или неправильно, может быть, ошибочно – стран. Так уж заведено, мы их называем восточными странами.

Россия в японском зеркале: модернизация и поиск идентичности. 1865–1905

Российской элите в эпоху модернизации, подобно элите Японии того же периода, приходилось иметь дело с двоякой задачей модернизации страны и определении такой идентичности, которая удовлетворяла бы ее потребность в самоуважении¹. Столкнувшись с вызовом западной цивилизации модерна, сменяющие друг друга поколения российской элиты были вынуждены импортировать западные технологии, идеи и институты в целях защиты безопасности и независимости России. Но Россия пошла гораздо дальше такого прагматического заимствования. Со времен Петра Великого российская элита в своем большинстве ощущала себя частью «Европы». Такая позитивная идентификация с «Европой» и с «Западом» обычно укреплялась, когда Россия достигала высокого положения в семье народов или была на пути к достижению такого статуса. При этом, однако, обширные заимствования с Запада могли рассматриваться как унижительные с точки зрения национальной гордости. Когда ожидалось, что Россия не сможет достичь в мире, где доминирует Запад, такого положения, которого она заслуживает, некоторые российские элиты сдвигались в направлении переоценки своих идентичностей и утверждения таких альтернативных ценностей, в соответствии с которыми России предоставлялась более почетная позиция. Такой процесс переопределения идентичностей и ценностей также оказывал серьезное влияние на направление внутренней и внешней политики России.

В настоящей статье рассматривается эволюция российских идентичностей и те следствия, которые она имела для внешней политики России в период между Крымской и Русско-японской войнами – с акцентом на параллели и контрасты, прослеживающиеся при сопоставлении с опытом модернизации в Японии. Для этого удобнее всего начать с грубой общей характеристики некоторых контрастов между теми путями, на которых Россия и Япония формировали свои идентичности, столкнувшись с воздействием модерна западной цивилизации. В этой связи я также обсужу некоторые ключевые аспекты формирования российской идентичности в восемнадцатом и начале девятнадцатого столетия, поскольку события этого периода прямо воздействовали на российские идентичности в рассматриваемый период. К середине девятнадцатого века на российской политической арене появились и стали конкурировать между собой четыре различных определения идентичности. Далее прослеживается, как эти конкурирующие идентичности отражались в отношениях России с миром в период между Крымской и Русско-японской войнами. Я покажу, что хотя попытки обеспечить

¹ Приводимые аргументы в значительной мере почерпнуты из моей неопубликованной диссертации «Либеральный миропорядок и те, кто бросал ему вызов: национализм и подъем антисистемных движений в России и Японии, 1860–1950-е годы» [30].

Тадаси Анно, доктор политологии, ассоциированный профессор в Университете «София» (Токио) по политическим наукам и по международным отношениям. E-mail: t-anno@sophia.ac.jp

безопасность, процветание и позитивный образ страны в евроцентрическом мире часто вызывали разочарование, они одновременно вели российскую элиту к изобретению новых способов осмысления России, ее отношений с Западом и места страны в окружающем мире. В заключительной части я кратко вернусь к сопоставлению России и Японии, размышляя о тех исторических ролях, которые играли эти две страны в XX веке.

Ответы Западу: российская и японская модели

Россия и Япония – «незападные» страны в том смысле, что образованные элиты в каждой из них традиционно противопоставляют свою страну Западу и рассматривают ее как лежащую за его пределами. Они также сходны в том, что активно занимались заимствованиями с Запада и сформировались как великие державы и как центры экономической активности много раньше, чем другие «незападные» страны¹. Реформы Петра Великого и реформы императора Мэйдзи в Японии часто приводятся как типичные примеры вестернизации и «модернизации сверху». Сходства, среди прочего, включают длительную поездку высших политических руководителей в Европу, выдающуюся роль, сыгранную иностранными советниками, успех военной модернизации и военную победу над европейскими великими державами. Более того, в процессе массированного заимствования с Запада элиты в обеих странах страдали от широко распространенного чувства неполноценности по отношению к нему. Попытки справиться с этой проблемой и сохранить перед лицом такого вызова чувство национального «самоуважения» образуют третью параллель между Россией и Японией. И тем не менее, когда мы сравниваем отношения России с модернизированным Западом и соответствующий опыт Японии, явно выделяются три различия.

Первый и наиболее очевидный момент заключается в том, что Россия в широком смысле принадлежит Европе, тогда как Япония – нет. Ядро российского населения относится преимущественно к славянской, «кавказской» расе² и говорит на одном из индоевропейских языков. Российская цивилизация развилась главным образом на основе греко-римской и иудео-христианской традиций. Хотя византийское влияние поставило Россию особняком по отношению к странам Западной и Центральной Европы, однако в терминах мировой истории Россия все же явно принадлежит «Европе» в широком смысле этого слова, и поэтому ее положение по отношению к тому, что стало называться «Западом», оказалось двусмысленным. В отличие от Японии и многих других стран Азии и Африки Россия была такой «не-западной» страной, в которой в принципе можно было представить себе полную интеграцию в состав Запада даже в то время, когда расовые и религиозные различия были гораздо более значимыми, чем сейчас. Как мы увидим, такая возможность полной интеграции в состав Запада придавала специфическую окраску отношению к нему российской элиты.

Второе главное отличие России от Японии заключается в том, что в то время как современная идентичность Японии понимается в контексте *триады*, включающей в себя Японию, «Запад» и «Азию», российская идентичность была определена преимущественно в рамках *диады* «Россия и Запад». Россия

¹ В общем плане вопрос о сопоставимости модернизационного опыта России и Японии рассматривается в [32].

² Термин «кавказская раса» достаточно широко применяется за рубежом для обозначения европеоидов, представителей «белой» расы. В России такое словоупотребление известно только профессионалам, практически не встречается и воспринимается широкой публикой как курьез; о кавказской расе по-русски если и говорят, то только применительно к «малой расе» – жителям Северного Кавказа, да и то далеко не всем. – *Примеч. перев.*

и Япония сходны в том, что обе страны формировались на периферии великих имперских цивилизаций (Византии и Китая)¹. В силу расовой и цивилизационной близости китайская Восточная Азия и православное славянство (Slavdom) стали для японцев и русских в современную эпоху важными «идентификационными адресами». Однако роль православного славянства для современных российских идентичностей отличалась от той роли, которую играла (Восточная) Азия в формировании идентичностей Японии.

В то время как Китай благополучно вошел в эпоху модерна как центр восточноазиатской цивилизации, Япония оставалась периферийным государством китаецентричного мира вплоть до середины XIX века, когда ее силой вынудили открыться западному влиянию. Даже в эпоху модернизации Япония оставалась относительно небольшим образованием по сравнению с Китаем и Восточной Азией – по крайней мере по территории и численности населения. По этой причине «Азия» оставалась для японской элиты уместной и правомерной точкой отсчета. Напротив, османское завоевание Византии в XV веке сделало Россию естественным центром православной славянской цивилизации². К тому же Россия в своей цивилизационной сфере была намного более обширной и населенной страной. По этой причине православное славянство за пределами России не имело того веса, который имела «Азия» в определении современной японской идентичности.

Азия для вступающей в современность Японии была не только идентификационным адресом – тем регионом, к которому принадлежала страна, – но также и *референтной группой, с которой Япония сверяла свои достижения*. С конца XIX и на протяжении всего XX века японская элита тяготела к тому, чтобы оценивать место Японии в мире, ссылаясь как на Запад, так и на Азию (остальную ее часть)³. В триадическом контексте Япония чаще всего рассматривалась как страна хотя и «отсталая» по сравнению с наиболее передовыми западными государствами, но явно более передовая по сравнению с остальной частью Азии⁴. У многих японцев мысль о том, что Япония «превосходила остальную Азию» вызывала гордость, и это способствовало компенсации того чувства неполноценности, которое многие японцы испытывали перед лицом Запада, и тем самым смягчала отторжение вестернизации⁵.

¹ Мариус Джэнсен, один из ведущих американских японистов второй половины XX века, предположил, что предшествовавший опыт массированного заимствования из Византии и Китая в последующем облегчил обеим странам заимствование с Запада [42, р. 18–48].

² Отчасти благодаря деятельности выходцев с Балкан – таких, как Юрий Крижанич, который призывал Москву играть ведущую роль в православном мире, Москва «начала ощущать себя центром мира, призванным выполнить великую миссию» [8, с. 43; обратный перевод с англ.].

³ Об этом свидетельствует начавшееся с конца XIX века и продолжавшееся до середины XX века распространение в японском языке выражения «впервые на Востоке» (東洋一). Японец эпохи модернизации, несомненно, гордился тем, что он «номер один в Азии». А вот для модернизировавшейся России славянский мир такой роли в ее самооценке никогда не играл.

⁴ Мияке Сецурэй, один из наиболее влиятельных японских мыслителей 1880–1930-х годов, писал в 1913 году в своем обзоре интеллектуальной истории эпохи Мэйдзи: «Если Европа – это произведение искусного ремесленника, то Япония часто выглядит как грубо сработанный продукт. Но для практических целей низкокачественные товары вполне подходят, и различие в качестве не меняет сущностной равноценности Японии и Европы. См. [10, с. 399–400].

⁵ Такое отношение в сжатом виде выражено в широко известном лозунге *datsu-a луи-о* («выход из Азии, вход в Европу»). В этом лозунге стремление Японии достичь полного равенства (и даже интеграции) с Западом объединено с представлением о превосходстве Японии над Азией, из которой она «выходит». См. [15, с. 9–79].

Вестернизации Японии способствовала также та символическая роль, которую играл император. С того момента, когда класс воинов-самураев «узурпировал» в XII веке реальную власть, отобрав ее у императора и двора, японский император был отстранен от коридоров власти. А это означало, что когда Япония эпохи Токугава столкнулась с влиянием Запада, император, будучи дистанцирован от сёгуната, мог быть использован как символ радикальных реформ сложившегося статус-кво. И поэтому вестернизационные реформы в Японии были проведены под знаменем имперской «реставрации». Эта идея реставрации имперской власти снабдила японских реформаторов великолепным идеологическим прикрытием. Откуда бы императорская семья ни вела свою родословную, ее «японскость» была бесспорным «фактом». В той мере, в какой вестернизационные реформы эпохи Мэйдзи проводились во имя императора, нападать на их общие направления как на «измену» национальной традиции было невозможно.

В отличие от той роли, которую в формировании японской идентичности играла Азия, православное славянство было для русской элиты всего лишь идентификационным адресом, но не референтной группой, по которой Россия сверяла бы свои достижения¹. Для большей части элиты модернизировавшейся России позиция страны в мире оценивалась в диадическом контексте, включавшем в себя Россию и Запад. Православное славянство было просто расширением самой России – а не той сущностью, с которой Россия могла бы сравниваться или которой она могла бы противопоставляться. Конечно, «Азия» или «Восток» иногда действительно оказывались чрезвычайно значимыми в российском воображении – как цивилизационное «другое», по отношению к которому подчеркивается принадлежность России Западу, или же как некий идентификационный адрес [59; 67]². Но «Азия» не занимала такого места в русском мировидении, какое она занимала в японском, а, следовательно, превосходства над Азией было недостаточно для того, чтобы компенсировать чувство неполноценности по отношению к Западу³. Народник Василий Воронцов, выступавший от лица тогдашней модернизационной элиты, писал: «Россия принадлежит семье цивилизованных наций... Это означает, что ее потребности и формы их удовлетворения должны соизмеряться не с ее собственной отсталой культурой, а с теми формами, которые вывела и внедрила в практику Западная Европа [4, с. 194]. Иными словами, в качестве способа справиться с чувством неполноценности перед лицом Запада манипуляция с исходным пунктом оценки («Мы не столь хороши, как Запад, но лучше, чем ХУ») не была настолько же легко доступной для модернизационно настроенной российской элиты, как для элиты японской.

Российские вестернизаторы (западники) были дополнительно обременены тем обстоятельством, что вестернизаторство могло рассматриваться как

¹ В японском языке слово «Азия» (Аjia), подобно слову «Европа» в британском английском, может обозначать как обширный географический регион, включающий в себя Японию, так и тот же самый регион за вычетом Японии. Напротив, представить себя «славянство» без России трудно.

² См. также ниже – «Разворот России в сторону Востока».

³ Это не столь удивительно в случае западников наподобие Чаадаева, который ехидно замечал, что роль России в Азии пока что сводилась к тому, чтобы цивилизовать «мастодонтов и других ископаемых жителей Сибири». Но ведь даже генерал Александр Киреев, известный славянофильскими взглядами, утверждал, что русские на должны удовлетворяться «выполнением цивилизационной функции по отношению к хунхузам [китайские бандиты на русско-китайской границе] и тем самым выступать в качестве терпимых, но неполноценных пристяжных западной культуры. Чаадаев цитируется в [47, р. 49f.], а Киреев – в [51, р. 91]. [Здесь цитируется – не совсем точно – письмо П.Я. Чаадаева А.И. Тургеневу. – Примеч. перев.]

измена исконным русским традициям. В противоположность японскому императору, царь был верховным правителем России задолго до того, как страна при Петре Великом повернулась к Западу. К XVI столетию Московия сформировалась как центр гордой православной цивилизации, самодержавно управляемый царем. Разворот Петра Великого на Запад никакой «реставрацией» не был. Напротив, он легко мог трактоваться как измена более древней, более подлинной русской традиции [61]. В отличие от японской императорской фамилии, русская не имела возможности поставить на вестернизационных реформах национальную, монаршую печать легитимности. Напротив, «германизация» династии Романовых после Петра III делала императорскую фамилию в глазах нарождающегося русского национализма все более подозрительной.

Однако ни недоступность альтернативной референтной группы, ни отсутствие «монаршей печати легитимности» не обрекали с неизбежностью вестернизационные реформы на неудачу. Когда позиция России в международном евроцентрическом порядке быстро улучшалась или когда Россия занимала в этом порядке высокое место, угроза культурной автономии, обусловленная интенсивным заимствованием с Запада, более чем компенсировалась выигрыванием в международном положении страны. Например, в течение большей части XVIII века позиция России в международном сообществе значительно улучшалась. Разгромив Швецию в Великой Северной войне, Россия присоединилась к системе европейских государств как полноценная великая держава. Прагматичная и выборочная вестернизация петровской эпохи расширилась в последующие десятилетия до практически всеобъемлющей культурной вестернизации элиты. Петр, а позднее Екатерина Великая приветствовались как просвещенные правители, которые трансформировали колоссальную, но нецивилизованную страну в цивилизованное европейское государство. Улучшение позиций России в «семье цивилизованных наций», подтвержденное такими европейскими светилами, как Вольтер и Дидро, создавало у новой, вестернизированной элиты стимулы к тому, чтобы гордиться Россией и ее вестернизацией [39]. Начиная с 1721 года российские правители добавили к традиционному титулу «царь» титул «император». Это означало, что царь, в дополнение к позиции лидера православного христианства, присоединился к клубу великих европейских монархов¹. Само имя страны (*Русь*) было заменено на латинизированное *Россия* [22]. Подавляющее большинство образованной элиты в России XVIII века позитивно оценивало цивилизационное и международное продвижение страны, принимая при этом ценностные критерии, приносимые мыслью эпохи Просвещения [63].

Французская и промышленная революции конца XVIII века были событиями всемирно-исторического значения, и они потрясли основы международного порядка. Эти события тоже глубоко повлияли на восприятие Россией себя и собственной идентичности. До Французской революции автократия не обязательно рассматривалась как антитеза «цивилизации» или «прогрессу». Если автократические правители были ведомы идеями Просвещения, то считалось, что такая автократия может быть благоприятной для распространения цивилизации [понимаемой здесь скорее как цивилизованность. – *Примеч. перев.*] [60, с. 19–22]. После Французской революции, однако, «цивилизация» и «прогресс» стали ассоциироваться с конституционным правлением, либерализмом и даже

¹ Интересной японской параллелью является тот факт, что между 1874 и 1936 годами император в японских дипломатических документах назывался не словом *tenno*, зарезервированным для императора Японии, а словом *Kotei*, представляющим собой родовое обозначение иностранных императоров. Так же, как русский царь принял дополнительный титул императора, поскольку Россия присоединилась к системе европейских государств, японский император, по крайней мере в дипломатических целях, стал императором, равным императорам Германии или Австрии. См. [19, с. 40–47].

с еще более радикальными идеями. Влияние этого изменения на Россию было двояким. Во-первых, типичное для эпохи модерна политическое соперничество между «левыми» и «правыми», между «прогрессистами» и «консерваторами» возникло и в Европе, и в России. Во-вторых, Французская революция повлияла как на позицию России в мировом сообществе, так и на ее образ в глазах европейцев. Хотя Россия как главный победитель в наполеоновских войнах сделалась «*вершительницей судеб Европы*»* [здесь и далее выделенные курсивом и отмеченные звездочкой слова в английском оригинале приводятся по-русски. – *Примеч. перев.*], она стала рассматриваться еще и как бастион европейской реакции. Таким образом, международный образ России, измеряемый стандартами западных прогрессистов, заметно ухудшился [54, р. 87–159]. Более того, начало промышленной революции увеличило экономический разрыв между Россией и ведущими западными странами и тем самым сократило ее военную мощь, по крайней мере в сравнительных терминах.

По мере того, как положение России в международном сообществе в первой половине XIX века стагнировало и постепенно ухудшалось, ощущение «отсталости» страны по сравнению с Западом начинало все больше беспокоить российскую элиту, а идея о том, что Россия должна следовать по пути передовых европейских стран, стала все чаще подвергаться сомнению. Поскольку манипуляция с «исходным пунктом оценки» для российской элиты была затруднена, более характерным для нее способом защиты самоуважения стал поиск, когда в этом возникала необходимость, неких ценностных критериев для ранжирования цивилизаций¹. В.В. Берви-Флеровский, экономист народнической школы, объяснял это в следующих словах [здесь и ниже цитата в обратном переводе с английского. – *Примеч. перев.*]: «Если мы продолжим двигаться по западному пути, который мы в свое время избрали, нам придется всегда плестись в хвосте цивилизованного мира... Такая ситуация не может не смущать национальную гордость любого русского». Берви-Флеровский переходил к атаке на современную европейскую цивилизацию и настаивал на том, что Россия должна двигаться к цивилизации по какому-то иному, лучшему пути. «Мне кажется, – рассуждал он, – что единственный для нас выход заключается в осуществлении великой идеи – идеи, которую еще ни один народ даже не пытался воплотить на практике» [2, с. 561 и сл.].

«Западная цивилизация обладает материальным преимуществом. Но наша цивилизация богаче духовно. И духовное превосходство выше материального превосходства. Таким образом, в целом наша цивилизация лучше» [69]. Такого рода идейные построения, имеющие целью психологическую компенсацию, многократно воспроизводятся в процессе интеллектуальной истории России. Однако в то время как интеллектуалы в Китае, Индии или Персии тяготели к противопоставлению своих «великих традиций» материалистическому вырождению Запада, это не вполне устраивало российскую элиту, поскольку западная цивилизация не была ей полностью «чужой» в том смысле, в каком Запад был чужим для элиты китайской, индийской или японской. Даже акцентируя различие между Россией и Западом, идеологи компенсации склонны были настаивать на том, что Россия представляет собой лучшую, высшую версию Запада. Французский историк попал в самую точку, заметив: «Вчера Россия говорила: “Я – это христианство”. Завтра она может сказать “Я – это социализм”»².

¹ Интересный анализ этого процесса содержится в [40, р. 549–591]. Следует заметить, что поскольку предмодернизационная японская элита искала определение идентичности Японии в рамках диады «Япония – Китай» и не имела возможности манипулировать с исходным пунктом, ею был разработан спектр идеологий, сконструированных для компенсации чувства неполноценности по отношению к Китаю. См. [18, с. 1–34].

² Цитируется в [46, р. 103].

Третье важное различие между Россией и Японией относится к тому воздействию, которое вестернизация оказала на разделение и стратификацию внутри страны. В силу географической, расовой, языковой и культурной дистанции между Японией и Западом степень «вестернизации» японской элиты до Второй мировой войны была весьма ограниченной, по крайней мере в сравнении с элитой российской¹. Более того, благодаря быстрому развитию железных дорог, через обязательное обучение и всеобщую воинскую повинность то, что было привнесено с Запада, быстро распространялось на удаленные регионы и низшие слои общества. По этой причине процесс модернизации в Японии не вел к глубокому культурному разделению страны. Хотя прогрессисты часто критиковали японскую элиту за угнетение и скверное обращение с массами, «чуждыми» и «неяпонскими» элементами их все же называли редко. В России, напротив, влияние западной цивилизации распространялось гораздо неравномернее. В то время как крестьянские массы по большей части оставались под влиянием допетровской, православной цивилизации, в российскую элиту западные веяния проникали очень глубоко. Наличие иностранных нянь и учителей, а также непосредственное знакомство с Западом через путешествия и учебу за рубежом служили мощным проводником западного влияния и вели к возникновению элиты, отделенной от крестьянских масс глубокой пропастью.

Такое социокультурное разделение оказало важное влияние на формирование российских идентичностей. В течение XVIII века, когда Россия была склонна гордиться своей вестернизацией, образованная элита рассматривалась как ядро складывающейся русской нации. Крестьянские массы были в лучшем случае потенциальными ее членами². К тому же, поскольку многие начали ставить под вопрос практику «рабского подражания Западу», категория *народ** стала превращаться в новый символ российской национальной идентичности. Значимость этой категории могла возрастать за счет нескольких факторов. Первый – это Отечественная война против наполеоновского вторжения. Второй – влияние романтизма, восславляющего простой народ как подлинного хранителя простых, здоровых истин. И все же главным фактором, объяснявшим обращение к *народу* как символу российской государственности, был, вероятно, поиск Россией новых ценностей, последовавший за ухудшением образа и позиции страны при измерении их по западным стандартам [39, p. 258].

В результате всех эти изменений к 1840-м годам появилось четыре примерных определения России. Хотя эти определения продолжали развиваться с изменениями обстоятельств, по-разному поворачиваясь и трансформируясь, основные характеристики российской идентичности, сформулированные в середине XIX столетия, оставались значимыми до самого его конца и в начале века следующего. Разработанное тогда четырехчленное разделение складывалось из простого перемножения двух политико-интеллектуальных противопоставлений, возникших в силу произошедших изменений: раскола между «прогрессистами» и «консерваторами», который является общей характеристикой

¹ Генри Розовски указывал на мощь японского «культурного барьера» с позиций исследователя экономической истории: «Двести лет изоляции придали стилю жизни такую прочность, что он не мог быть разрушен даже под мощным влиянием промышленной революции... В более экономических терминах это означало, что изоляция страны в эпоху Токугава создала эффективную защиту против разлагающего воздействия демонстрационного эффекта. В широкой линейке товаров, особенно предназначенных для повседневного пользования, пожелания потребителей по-прежнему были направлены на продукцию традиционных секторов» [65, p. 86].

² Даже Радищев, вероятно, самый суровый критик крепостного права в XVIII столетии, мог описывать крестьянские массы как «выючных животных» или «скотов», «неспособных быть гражданами и сынами отечества», поскольку они находятся в крепостном рабстве. Цит. в [44, p. 43].

современной эпохи, и разделения между «вестернизаторами» (западниками) и «нативистами» (сторонниками самобытности), представлявшими альтернативные способы артикулирования позитивного образа России в ее собственных глазах. Излишне говорить, что такие упрощенные, оперирующие идеальными типами схемы вряд ли могут быть истинными применительно к разнообразию и богатству тех мыслей относительно позиции России в мире, которые имелись у образованных русских того времени. И все же в целях предпринимаемого здесь макроисторического анализа обращение к таким упрощающим схемам неизбежно¹.

Первую позицию можно обозначить как «монархический консерватизм» [в оригинале *dynastic conservatism*, дословно «династический консерватизм». – *Примеч. перев.*]. Консерваторы-монархисты являются монархистами и консерваторами в том смысле, что они поддерживают самодержавие и православие как оплоты российской идентичности и противостоят социализму, либерализму и в особенности революционным изменениям с целью воплощения их в жизнь. Хотя консерваторы-монархисты скептически относились к прогрессивным и радикальным идеям, исходящим с Запада, они не подчеркивали уникальность российской цивилизации в противоположность цивилизации западной. Напротив, они считали само собой разумеющимся, что Россия – это полноценный член семьи цивилизованных европейских наций. Россия была европейским государством, но Европа, к которой принадлежала Россия, была доброй старой консервативной Европой, в то время как либерализм, социализм и революция рассматривались ими в качестве угроз, общих как для России, так и для европейских государств. Перед лицом этих угроз Россия должна, согласно консерваторам-монархистам, сотрудничать с консервативными европейскими монархиями, включая Пруссию (Германию) и Австрию. Фактически монархический консерватизм коренился в традиции транснационального сообщества европейских монархий, и консерваторы-монархисты иногда тесно сотрудничали со своими единомышленниками в других странах [6, с. 50–65].

Возникновение в XIX веке категории *народ* как нового символа российской государственности было вызовом характерному для консерваторов-монархистов акценту на самодержавие как ядро российской идентичности. Ответом на этот вызов со стороны консерваторов-монархистов была теория «официальной народности», сформулированная при Николае I. Хотя эта теория включала в себя принцип *народности** как одну из трех своих опор (две другие – православие и самодержавие), *народность* для консерваторов-монархистов означала прежде всего лояльность народа по отношению к царю. Такое понимание народности не предполагало подчеркивания уникальности российской цивилизации или водружения *народа* на национальный пьедестал².

Вторая позиция может быть названа либеральным прогрессизмом. Либеральные прогрессисты были вестернизаторами (*западниками**) в полном смысле слова. Согласно этой позиции, западные общества прогрессивно развивались от феодализма и абсолютизма прошлого к капитализму и либеральному конституционализму. Россия, в соответствии с таким взглядом,

¹ См. сходную типологию в [33, р. 357–393].

² Об этом свидетельствует тот факт, что М.П. Погодин, один из главных идеологов официальной народности, вполне мог сказать о народе следующее: «Удивителен русский народ, но удивителен только еще в возможности. В действительности он низок, ужасен, скотен». Необходимо, впрочем, отметить, что некоторые сторонники официальной народности трактовали народность по-другому, в результате чего их точка зрения приближалась к описанной ниже позиции «славянофилов-консерваторов». О доктрине официальной народности см. [58]. Погодин цитируется там на с. 99; предыдущая цитата дана по изд. [20, с. 34–35].

тоже с некоторой задержкой следует – и должна следовать – по аналогичной исторической траектории¹. По мнению либеральных прогрессистов, Россия как цивилизованная европейская страна должна стремиться к построению либерального конституционного строя западного образца – с надлежащими модификациями. Идея о том, что Россия может предложить некую более высокую цивилизационную модель, – это опасная иллюзия. Россия просто находится на более ранней стадии исторического развития, и было бы абсурдным оправдывать российскую отсталость, видя в ней свидетельство каких-то уникальных российских достоинств². Согласно цветистой формуле В.Г. Белинского, народность – это не «зипун, лапти, сивуха и кислая капуста»³. По мнению либеральных прогрессистов, никакого чудесного способа, который позволил бы России быстро избавиться от ее отсталости, не существует. Прогресс достижим только через постепенные реформы и образование, и направлять его может только образованная элита. Либеральные прогрессисты хотели видеть Россию в числе наиболее передовых, просвещенных стран Европы.

Идея о том, что у России нет иного выбора, кроме следования по западному пути прогресса, могла быть унижительной. Но для либеральных прогрессистов этот путь был единственным, следуя которому Россия могла достичь великого будущего⁴.

Третья позиция может быть названа славянофильским консерватизмом. Согласно данной позиции, Россия – это особая, отличная от Запада цивилизация. Консерваторы-славянофилы настаивали на том, что Россия не должна слепо следовать за Западом. При этом они отличались от консерваторов-монархистов тем, что их противостояние прогрессивным взглядам основывалось скорее на романтическом этнокультурном национализме, нежели на лояльности по отношению к династии Романовых. Переворачивая западные ценности с ног на голову, славянофилы настаивали на том, что Россия превосходит Запад как раз в силу тех своих качеств, из-за которых она обычно считалась «отсталой» страной. Пусть русские отставали в материальном плане, но зато они обладали уникальными духовными достоинствами, отсутствующими у западных народов. Эти духовные достоинства предположительно воплощались прежде всего в православной церкви и крестьянской общине.

¹ Для Тимофея Грановского, одного из наиболее выдающихся западников 1840-х годов, Запад медленно, но твердо продвигается по пути прогресса, тем самым указывая путь остальному человечеству, включая Россию. Такой же взгляд на будущее был характерен для следующего поколения западников, включая Константина Кавелина, Бориса Чичерина и Василия Ключевского. Сходным образом Михаил Стасюлевич, редактор наиболее влиятельного западнического журнала второй половины XIX века «Вестник Европы», хотел видеть «исчезнувшими все границы, разделяющие Европу». См. [16, с. 129, 308, 322].

² В своем знаменитом письме в еженедельник Александра Герцена «Колокол» Кавелин и Чичерин констатируют: «Мы с горестью сознаем, что несмотря на внешнее наше величие, мы перед народами европейскими все еще ученики. Мы видим, что еще много и много нам предстоит работы прежде, нежели мы в состоянии будем померяться с этими могучими бойцами, владеющими всеми средствами образованного мира» [9, с. 21].

³ *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. В оригинале не совсем дословно цитируется по [72, р. 131].

⁴ В качестве типичного примера может быть приведено замечание Петра Струве, хотя оно и относится к более позднему периоду: «Вся современная материальная и духовная культура тесно связана с капитализмом: она выросла или вместе с ним, или на его почве. Мы же, ослепленные каким-то непомерным национальным тщеславием, мним заменить трудную культурную работу... построениями нашей собственной «критической мысли»... Нет, давайте признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» [21, с. 288]. В оригинале цитируется английский перевод по изданию [48, р. 30].

В отличие от монархического консерватизма, консерватизм славянофильский в качестве символа российской цивилизации интересовался скорее простым народом, чем царем. Однако в глазах славянофилов простой народ не был антитезой царю. Славянофилы постоянно повторяли, что для российской политики характерен «добровольный союз» между народом и царем. Для славянофилов «русское» политическое сообщество включало русских крестьян, купцов и ремесленников, церковников, царя и, возможно, православные народы Юго-Восточной Европы. Подозрительной, с точки зрения славянофилов, была «онемеченная» бюрократия¹ и вестернизированная интеллигенция. Позднее очень существенной мишенью для исключения стали евреи.

Четвертую позицию можно назвать критическим прогрессизмом. В эту категорию попадают многие из так называемых западников середины XIX века (Александр Герцен, Николай Чернышевский и др.) и большинство более поздних интеллектуалов-социалистов (большая часть народников, многие из марксистов). Подобно либеральным прогрессистам, эта группа оставалась приверженной идеалу «прогресса». Не желая присоединяться к славянофилам в их восхвалении прошлого времен Московии, критические прогрессисты искали решения российских проблем в «просвещении» и «прогрессе». Однако в отличие от либералов критические прогрессисты перестали верить в западную капиталистическую модель. Они отказывались от капитализма в пользу социализма, доказывая, что капитализм принесет массе населения невыносимую нищету. Более того, критические прогрессисты отвергали капитализм не только как конечную цель исторического прогресса, но также и как необходимый, пусть и тяжелый этап, который должен быть пройден по пути к социалистическому будущему². Но как могла Россия достичь прогресса без копирования западного капитализма или даже прохождения сквозь него? Был ли «прогресс» не равносильным вестернизации?

Ответ на этот вопрос указывала герценовская идея крестьянского социализма. Согласно этой новой идее, существует способ, которым Россия сможет избежать бедствий капитализма. Крестьянская община, хотя сама по себе она является пережитком феодального прошлого, может послужить основой для будущего социалистического общества, коль скоро теперь стала доступной идея социализма. *Россия, обращая свою отсталость в преимущество, сможет миновать капиталистическую стадию и достичь стадии социалистической, причем предположительно раньше, чем более «передовые» западные страны*³. Несложно почувствовать уязвленную национальную гордость за этой претензией

¹ Этнические немцы были элитной стратой Балтийского региона еще со времен тевтонских рыцарей, и они стали играть непропорциональную их численности роль на гражданской и военной службе Российской империи после того, как этот регион был включен в ее состав при Петре Великом. К прибалтийским (остзейским) немцам добавились немцы, поступавшие на русскую службу. В 1855 году немцы составляли в Петербурге 8% чиновников, хотя их доля в общем населении империи была много меньше. См. [56, p. 208].

² Логически было возможно ненавидеть капитализм и все же принимать его как необходимую стадию на пути к социалистическому будущему. Такую позицию, основанную на гегелевском рационалистическом понимании истории, занимал Белинский. Но, несмотря на гегельянскую убежденность относительно исторических стадий, он затруднялся принять «стяжательскую» ментальность буржуазии. См. [72, p. 144–147]. Сходным образом, в случае Георгия Плеханова, «отца русского марксизма», догматическая марксистская вера в «законы» исторического развития позволяла ему поддерживать развитие капитализма в России, несмотря на опасения по поводу такового развития. Эмоционально, однако, проще было отвергать капитализм не только как конечную цель, но и как промежуточный пункт на пути к ней.

³ Краткое описание развития этого мотива «преимущества отсталости» в интеллектуальной истории России дано в [71, p. 116–117].

на то, что Россия сможет пройти по исторически новому пути прогресса и в итоге обогнать Запад¹. В этой теории уникального исторического пути к социализму критические прогрессисты видели способ примирить утверждение уникальных российских достоинств с прогрессивными, европейскими убеждениями.

Четыре очерченные выше позиции можно представить схематически (см. рис. 1).

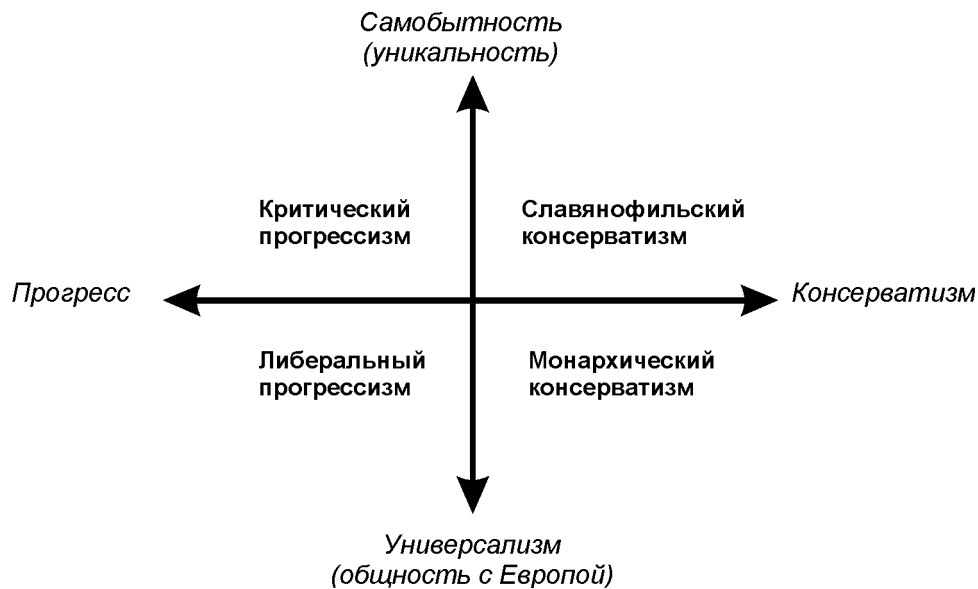

Рис. 1. Определения национальной идентичности в России в середине и второй половине XIX в.

Модернизация и поиск идентичности в России (1856–1905)

При Николае I в российской политике доминировало направление монархического консерватизма. Подавив в самом начале своего правления восстание декабристов, Николай стремился сдерживать в зародыше любое движение за политические реформы, усиливал цензуру и даже запретил использование в печати таких слов, как «прогресс» и «революция». Николай был твердым сторонником легитимизма во внешней политике и старался сдерживать распространение либерализма и национализма посредством сотрудничества с такими консервативными монархиями Европы, как Пруссия и Габсбургская империя. Император Николай I был также против индустриализации России, исходя из опасений, что развитие промышленности породит класс пролетариев и тем самым подорвет политическую стабильность. Такая последовательная и бескомпромиссная политика консерватизма всячески препятствовала решению проблемы растущей экономической отсталости России по сравнению с индустриальными странами Запада. Поражение России в Крымской войне ярко высветило все слабости такого гиганта, как Россия. Против британских и французских паровых кораблей Российский флот

¹ В дополнение к приведенной выше цитате из Берви-Флеровского, можно процитировать экономиста-народника В.П. Воронцова, который завершил одну из глав своей книги, посвященной неизбежности некапиталистического пути развития России, следующими словами: «Будем надеяться, что именно Россия и есть та страна, которая послужит ему [западному рабочему] образцом при его реорганизационной работе, что ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, если уж ей не суждено бороться за свободу» [3, с. 124].

выставил всего лишь парусные суда. Российские гладкоствольные орудия не выдерживали никакого сравнения с нарезными орудиями противников. К началу войны у России было всего 1600 км железных дорог, а сражение в Крыму происходило на удалении 1200 км от ближайшей железной дороги. И хотя боевые действия велись на территории России, страна испытывала во время этой военной кампании гораздо большие логистические проблемы, нежели французы или англичане [52, р. 37]. По словам Михаила Рейтерна, министра финансов Александра II, «Крымская война показала, что без железных дорог и механизированной промышленности Россия не в состоянии защитить даже свои нынешние границы» [5, с. 31].

Поражение в Крымской войне стало поворотным моментом в истории России, так как именно в результате него Россия столкнулась лицом к лицу с фактором Великой промышленной революции. Это поражение низвело «хозяйку судеб Европы» до уровня отсталой великой державы. Это поражение и кончина императора Николая I открыли возможности для новых идей касательно воздействия на государственную политику. В течение последующих пятидесяти лет государственная политика оказалась под влиянием целого спектра взглядов на российскую идентичность. Политическая и интеллектуальная история России этого периода содержит последовательные попытки найти решение для тех двух задач, перед которыми стояла Россия, а именно – задача модернизации страны и задача формулирования такой идентичности, которая бы отвечала потребности страны в самоуважении. Хотя поиск этих решений не привел к ясному и удовлетворительному ответу, он породил некоторые творческие соображения, которым было суждено сыграть важную роль в XX веке.

Либеральная реформа в России. Еще до поражения в Крымской войне в недрах российского государственного аппарата возникли новые политические силы, ратовавшие за реформы [26, с. 14–48; 52, р. 32–58]. После этого поражения реформаторы из армейских кругов сразу стали выступать за освобождение крестьян, аргументируя это тем, что армия, состоящая из крепостных, неспособна противостоять современным вооруженным силам Европы. Повестку реформ поддержали также некоторые судьи и высокопоставленные государственные деятели. Эти реформисты были по большей части привержены идее сохранения монархии Романовых и не разделяли конституционных чаяний прогрессистов либерального толка. И тем не менее они полагали, что для того, чтобы Россия могла оставаться великой европейской державой, ей необходимо привести свои социальные, экономические и административные институты в соответствие с западными нормами.

В конце 1850-х и в 1860-х годах реформистские силы вышли на центральное место в формировании политики, будучи поддержанными императором Александром II, который разделял их озабоченность в отношении экономической и военной мощи России [62, р. 78–80]. Либеральные настроения среди государственного аппарата прекрасно отражены во взгляде на европеизацию министра образования А.В. Головнина. В трактате, написанном в конце 1850-х годов, Головнин превозносил «успехи просвещения, достигнутые народами Западной Европы», и утверждал: «...вполне понятно, что те, кто имел возможность ознакомиться с этими преимуществами, этими результатами цивилизации и кто знаком с нынешним состоянием России, от всего сердца желают, чтобы их Родина также ими воспользовалась»¹. Подобные взгляды на исторический прогресс и вестернизацию разделяли и другие реформисты, как, например, министр финансов Михаил Рейтерн и военный министр Дмитрий Милютин². Летом

¹ Цит. по [26, с. 35].

² Милютин верил во «всеобщие законы» исторического прогресса и считал, что

1856 года один высокопоставленный чиновник в Министерстве юстиции писал: «В нынешней атмосфере все – либералы, некоторые искренне, а другие только делают вид»¹.

Своего апогея «либеральные» реформы в России достигли в период с 1856 по 1863 год. Самой значительной реформой стала, конечно, отмена крепостного права в 1861 году. Ввиду того, что крепостное право занимало центральное место в дореформенном социальном устройстве России, его отмена должна была сопровождаться реформами в других областях, включая военную реформу, судебную реформу и реформу местного самоуправления. В 1863 году была отменена предварительная цензура печати. Чтобы облегчить проведение внутренних реформ, российское правительство заняло и очень осторожную внешнеполитическую позицию. Знаменитый циркуляр министра иностранных дел Александра Горчакова от 21 августа 1856 года констатировал, что Россия готова будет предпринимать какие-либо военные действия за пределами своих границ, «только когда несомненные интересы России безусловно этого потребуют»². Политику Горчакова поддержали военный министр Дмитрий Милютин и министр финансов Рейтерн [12, с. 221–238]. Примечательным стал и отказ от «легитимистской» ориентации во внешней политике. В отличие от предыдущего периода российское правительство в первые годы после Крымской войны стало сотрудничать с Францией Наполеона III, то есть с режимом, который Николай I не признавал, считая его нелегитимным. Более того, в союзе с Францией Россия оказывала поддержку национально-освободительным и национально-объединительным движениям в Румынии, Сербии и Италии [43, р. 136–147]. Помимо поддержки национальных движений за границей, проводилась сравнительно либеральная национальная политика внутри самой Российской империи³. Либеральное направление вторглось также в сферу экономической политики, что выразилось в сокращении расходов на государственные отрасли промышленности и в торговой политике [14, с. 324–327].

Таким образом, в 1856–1863 годах российское правительство проводило ряд относительно «либеральных» реформ. При том что эти реформы осуществлялись в первую очередь ради усиления мощи России, они были важны как с точки зрения ее международного имиджа, так и с точки зрения самоидентификации. Интерес российского правительства к тому, что думают о нем в Европе, делается очевидным из того факта, что основные политические инициативы зачастую впервые объявлялись за границей, в Европе, до того, как их обнародовали в России⁴.

Великие реформы 1850–1860-х годов сравнимы с почти современными им реформами Мэйдзи в Японии в том, что и те, и другие были реформами «сверху», вызванными военным поражением в противостоянии западным державам; и те, и другие устранили жесткие социальные барьеры и заложили

западноевропейские государства (в частности Англия) представляют собой образцы для будущей эволюции России. С его точки зрения, любая реформа должна начинаться с изучения иностранных образцов. Сходным образом и Рейтерн подчеркивал необходимость учиться на западном опыте [45, р. 453].

¹ Кастор Никифорович Лебедев, цит. по [6, с. 194].

² Цит. по [23, с. 210].

³ Краткий обзор национальной политики в позднимперской России см. в [63, р. 182–207].

⁴ Например, первая декларация о намерении проводить реформы была сделана по случаю заключения Парижского мирного договора, которым завершилась Крымская война. Также и рескрипт 1857 года, запустивший процесс отмены крепостного права, был впервые опубликован в газете «Le Nord» (печатный орган российского правительства с редакцией в Бельгии) и лишь затем в России. См. [74, р. 20f].

основу для последующего развития капитализма в стране. И все же Великие реформы Александра II осуществлялись в куда более сложной политической обстановке, нежели реформы Мэйдзи. Япония в эпоху Мэйдзи была маленьким государством, новичком на международной арене, стремившимся к пересмотру «неравных договоров», которые были навязаны ему в конце эпохи Токугава. Чтобы эти договоры были пересмотрены, Японии нужно было показать западным державам, что она тоже цивилизованное государство, достойное уважения. Это означает, что у Японии был очень сильный международно-политический стимул к внутренним преобразованиям¹. Кроме того, несмотря на горячие дебаты о том, что представляет больший приоритет – народное благосостояние (*minken*) или национальная слава (*kokken*), в среде японской элиты имелся широкий консенсус относительно необходимости усиления и улучшения международного статуса Японии. Показательно, что даже социалисты, которые стали появляться в конце эпохи Мэйдзи, утверждали, что социализм – это не что иное как «завершение реставрации Мэйдзи»².

В отличие от Японии, Россия – несмотря на поражение в Крымской войне – продолжала оставаться одной из первостепенных великих держав. Ей не нужно было добиваться того, чтобы ее приняли в семью наций. Внешний стимул для внутренних реформ в России был гораздо слабее. Кроме того, как мы видели выше, к середине XIX века в рядах русской элиты произошел раскол по вопросу об идентичности России и ее национальных целях. В частности, задача умеренных реформаторов сильно осложнялась наличием радикального революционного движения. Покушение Дмитрия Каракозова на Александра II в 1866 году усилило позиции консервативных сил. А убийство царя в 1881 году положило начало периоду откровенной реакции [53, р. 161–180]. Многонациональный характер Российской империи тоже представлял собой изрядную головоломку для российских либералов. Польское восстание 1863 года заставило многих отойти от либерализма и перейти на более консервативные, националистические позиции. Даже Василий Боткин, восторженный поклонник западной цивилизации, с удивлением обнаружил в себе «националистические наклонности», о которых он до этого и не подозревал [55]. Константин Леонтьев, увлеченный ранее либеральными идеями, «стал любить монархию... стал восхищаться... статьями Каткова» [35, р. 55]. Либеральная реформа сама по себе не могла дать удовлетворительных решений тех проблем, которые стояли перед Россией.

Консерватизм – монархический и славянофильский. Несмотря на то, что отступление либерального реформизма сопровождалось возрождением консервативных идей, невозможно было просто-напросто снова возродить жесткий монархический консерватизм эпохи Николая I. Слишком глубоки были изменения во внутренней и внешней политике. На международной арене кон-

¹ В этой связи следует отметить, что разработка некоторых основополагающих японских законов (в том числе гражданского и торгового кодексов) с 1886 по 1887 год была поручена одному из комитетов в рамках Министерства иностранных дел. Внутренняя реформа в Японии эпохи Мэйдзи являлась в значительной степени частью японской внешней политики.

² Когда умеренно прогрессивный политик Окума Сигенобу в 1907–1908 годах предпринял попытку издать историю Японии с момента ее второго открытия в 1854 году, ему удалось получить материалы от самых разных авторов, представлявших полный политический спектр тогдашней Японии – от консервативного олигарха Ямагата Аритомо до либерального политолога Укита Кадзутами и христианского социалиста Абэ Исоо. Это указывает на то, что политическая поляризация в Японии эпохи Мэйдзи была относительно слабой. Сложно было бы представить появление подобного тома в России – с материалами от Константина Победоносцева до Петра Лаврова. Классическое обсуждение японского социализма эпохи Мэйдзи см. в [13].

ституционализм продолжал захватывать важные позиции как в Западной, так и в Центральной Европе, а Россия оставалась единственной абсолютной монархией Европы. В этом новом окружении консерваторы более не могли рассчитывать на ту идеологическую поддержку, которую они получали от режима Николая I¹. С точки зрения внутренней обстановки, российское общество во второй половине XIX века стало намного сложнее и намного образованнее. Отмена цензуры и общая либерализация в области культуры в ходе Великих реформ породили новую общественную атмосферу, в рамках которой формулировалось много новых идей, которые доходили до внимания все более многочисленной читающей публики. В этой обстановке жесткая доктрина официальной народности не могла эффективно конкурировать с более красочными идеями националистов и консерваторов-славянофилов, таких как Михаил Катков и Иван Аксаков. Разгромив левых радикалов, царский режим не мог себе позволить полного отчуждения от консерваторов-славянофилов, к тому же некоторые из них занимали властные и влиятельные посты [43, p. 172].

И все же с точки зрения самодержавия и консерваторов-монархистов растущее влияние более популярного этнокультурного национализма могло оказаться серьезной проблемой. Рост великороссийского национализма мог представлять опасность не только с точки зрения единства многонациональной империи, но и был чреват подрывом легитимности «германизированной» бюрократии и самой династии Романовых². Еще одним источником головной боли для консерваторов-монархистов стали выступления славянофилов в поддержку активной внешней политики России, особенно на Балканах. До Крымской войны славянофилы мало интересовались судьбой славян за пределами России. Но с началом войны славянофилы стали с энтузиазмом ее поддерживать³. После Крымской войны славянофилы обратились к благородному делу освобождения славян, утверждая, что именно Россия должна занять ведущую роль в этой борьбе. Однако с точки зрения консерваторов-монархистов, подобная политика была в высшей степени опасной, так как могла втянуть Россию в нежелательную войну с европейскими державами. При том что самодержавию – дабы совсем не оттолкнуть от себя образованную общественность – приходилось перенимать некоторые элементы славянофильского консерватизма, полностью воспринять идеи славянофилов оно было не в состоянии. Таким образом, в течение последних 50–60 лет истории царской России славянофилы и монархисты сосуществовали в рамках напряженного, неустойчивого равновесия.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов обозначила высшую точку влияния консерваторов-славянофилов на российскую внешнюю политику. Однако симпатии к братским славянским народам были свойственны не только панславистским кругам. Уже в 1867 году Второй славянский съезд, проводивший-

¹ Константин Победоносцев – самый откровенный идеолог консерватизма последней четверти XIX века – чувствовал, что он «последний из могикиан», противостоящий нарастающей волне либеральной, демократической и социалистической лжи. См. [63, p. 55].

² Во время Польского восстания 1863 года император Александр II рассматривал злобную антипольскую риторику Каткова как «полезное неудобство». Однако, когда в 1867 году Катков и Иван Аксаков ополчились против балтийских немцев, выступив в своих газетах с нападками на немецкоязычные образовательные учреждения, Александр был сильно раздосадован и заверил балтийско-немецкое дворянство в своей поддержке. «Я плюю на прессу, которая пытается поставить вас на одну доску с поляками... Я уважаю вашу национальность и останусь верен этому» [35, p. 67–69, 75–76].

³ Алексей Хомяков и Иван Киреевский горячо поддержали то, что они полагали «священной войной», а Константин Аксаков надеялся на завоевание Константинополя и создание «прочного союза всех славян под высочайшим покровительством русского государя» [34, p. 28; 35, p. 28].

ся в Москве, вызвал среди публики такой большой энтузиазм, что император Александр II и министр иностранных дел Горчаков сочли необходимым приветствовать делегатов из других славянских стран, несмотря на свое глубоко скептическое отношение к идеям панславизма¹. С наступлением Балканского кризиса 1875 года в России произошел подъем искренней поддержки братских славянских народов Балкан. В 1876 году, еще до вступления России в войну, около пяти тысяч русских добровольцев отправились воевать в рядах сербской армии с благой целью «спасения братьев-христиан от язычников-турок». Эта война была настолько популярной, что решение правительства вступить в нее было принято в значительной степени в ответ на «глас народа» [70, р. 92–97].

И все же, несмотря на военную победу России над Османской империей, для консерваторов-славянофилов результаты Русско-турецкой войны оказались весьма неутешительными. На Берлинском конгрессе 1878 года России пришлось отказаться от многих своих завоеваний у Турции, зафиксированных Сан-Стефанским договором, из которых важнейшим было создание большого болгарского государства. Война опустошила государственную казну, так и не реализовав мечту о России как стране – предводительнице всех славян. Московский Славянский комитет, основной орган распространения панславистских идей, в 1878 году был упразднен. В то же время перед лицом финансовых трудностей Россия снова была вынуждена занять осторожную внешнеполитическую позицию, по крайней мере в отношении Европы. Хотя славянофильские и панславистские идеи после Русско-турецкой войны никуда не исчезли, славянофильский консерватизм сильно потерял в привлекательности и как политическая программа, и как конкретное видение российской идентичности.

Взамен славянофильских идей образованной публике стала сверху навязываться более официозная консервативная идеология. Высочайший манифест 29 апреля 1881 года, обнародованный через два месяца после убийства Александра II, провозгласил триединую формулу «Православие, Самодержавие, Народность» [24, с. 436–437]; см. также [52, с. 174 и сл.]. Баланс между монархическим и славянофильским консерватизмом был нарушен в пользу первого. При Александре III принцип «народности» стал означать русификацию национальных меньшинств. В этом отношении новый официозный консерватизм отличался от прежнего, монархического. Однако обновленная версия официозной народности не была вполне эффективной в плане формулировки привлекательного определения российской идентичности.

Разворот России в сторону Востока. После того, как во время Берлинского конгресса 1878 года панславистские чаяния России потерпели неудачу, обозначилась новая явственная тенденция, а именно разворот в сторону «Востока» как центральная компонента и российской внешней политики, и российской идентичности. Слово «Восток» здесь означало не мир православных славян, а территории, населенные восточными народами как в пределах, так и вне границ Российской империи. Ничего нового в этом повороте России на Восток, разумеется, не было. Тем не менее как в XVIII веке, так и в течение большей части века XIX завоевание Россией обширных пространств Евразии играло, как представляется, всего лишь второстепенную роль в определении российской идентичности. Разумеется, обширность российской территории всегда была центральным элементом российского самосознания. И все же до тех пор, пока Россия пыталась подражать Западу и следовать в его фарватере, обширные российские территории в Азии являли собой скорее обременительную пери-

¹ Тысячи людей приветствовали иностранных делегатов Славянского съезда, прибывавших на железнодорожные вокзалы Москвы. Славянская этнографическая выставка, в связи с которой проводился съезд, привлекла порядка тридцати тысяч посетителей. См. [35, р. 99; 70, р. 82–83].

ферии, необжитые пространства, в лучшем случае – возможность для экспериментов по западным лекалам. Даже в середине XIX века, когда представители российской элиты стали искать цивилизационные альтернативы Западу, они находили их чаще всего либо в православной, либо в славянской цивилизации. В отличие от Соединенных Штатов, для которых завоевание Дикого Запада – со всем его живописным величием, экономическими возможностями и грубым, но эффективным индивидуализмом – стало центральным элементом национальной идентичности, в России базовая матрица «специфически российской» идентичности лежала, по-видимому, в европейской части России к западу от Урала¹.

Однако в последние два десятилетия XIX века и в первые годы XX века интерес к Востоку стал занимать все большее место в российской политике и в определении российской идентичности. Интерес к Востоку выражался в самых разных формах². Некоторые считали, что поворот России к Востоку был попыткой восстановить уверенность нации в себе после дипломатического унижения в ходе Берлинского конгресса. Незадолго до смерти Достоевский писал в своем очерке «Геок-Тепе: Что такое для нас Азия?»: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. ...цивилизаторская миссия наша в Азии возвысит наш дух... она придаст нам достоинства и самосознания – а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало»³. Предложение Достоевского можно прочесть как попытку изменить систему координат при оценке места России в мире с диады «Россия и Запад» на триаду «Россия, Запад и Азия». Путешествия Николая Пржевальского в Азии и описания этих путешествий, возможно, выполняли сходную функцию, поскольку его отчеты об отважных подвигах в Азии исходят из того, что Россия принадлежит к Европе, как из само собой разумеющегося факта [66, р. 43]. Если Вячеслав Плевэ действительно однажды сделал часто цитируемое замечание о «маленькой победоносной войне»⁴, то он, должно быть, тоже полагал, что победа на Востоке поможет предотвратить революцию внутри России, подстегнув ее уверенность в своем статусе великой державы.

Мирное, культурное проникновение России на Восток, каким его видел министр финансов Сергей Витте, конечно, отличалось от «конкистадорского империализма» Пржевальского или от потребности Плевэ в малой победоносной войне. Но тем не менее его взгляды вполне согласовывались с более воинственным видением российской экспансии в Азии в том отношении, что Витте полагал принадлежность России к Европе само собой разумеющимся фактом

¹ Это нагляднее всего видно на примере контраста между местом «Запада» в американском национальном искусстве и местом «Востока» в русском национальном искусстве. В то время как изображение американского Запада (Скалистых гор, Сьерра-Невады, Ниагары) художниками Гудзонской школы живописи стало неотъемлемой частью американского представления о своей стране, русские художники венециановской школы и передвижники концентрировали внимание на изображении людей и природы европейской части России, и именно это стало «национальным кодом» русской живописи. И только начиная с последних двух десятилетий XIX века Восток страны стал важной частью русского художественного восприятия. См. [57, р. 33–394]; см. также [31].

² Дэвид Шиммельпенник ван дер Ойе выделяет четыре различные концепции касательно предназначения России в Азии, которые возникли к концу XIX века: конкистадорский империализм, тихоокеанское проникновение (*Pénétration pacifique*), пан-азианизм и теория Желтой угрозы. Здесь я опираюсь на его типологию, см. [66].

³ В оригинале цитируется по [36, р. 1369–1375].

⁴ Сидни Харкейв, издатель английской версии мемуаров Плевэ, отмечает, что в мемуарах Куропаткина за этот же период (примерно декабрь 1903 – январь 1904) зафиксировано несколько иное замечание Плевэ. См. [73, р. 781, fn. 22].

и утверждал, что миссия России – быть предвестником европейской цивилизации на Востоке. Несмотря на расхождения между ними, и Пржевальский, и Витте шли по следам тех, кто считал Россию частью Европы, а отношения между Россией и Азией видел сквозь евроцентрическую призму.

Однако были и такие, для кого поворот к Азии значил нечто большее. Еще в середине XIX века Алексей Хомяков, выдающийся философ-славянофил, видел преимущество России перед Западом в методичном следовании «иранскому», как он его называл, принципу, сохранившемуся также у некоторых восточных народов. Хотя высказывания Хомякова по этому поводу могут быть интерпретированы как присвоение «арийской» теории, которую развивали такие немецкие мыслители, как Фридрих Шлегель, соображения Хомякова подразумевали высокую оценку некоторых азиатских стран [68, р. 74–75]. Когда в 1880-х годах композиторы – участники «Могучей кучки» пытались создать новый музыкальный язык, который был бы отчетливо русским (а не западноевропейским), они всячески полагались на музыкальные образы Востока. «Шехерезада» Римского-Корсакова, «В степях Центральной Азии» и «Князь Игорь» Бородина – яркое тому подтверждение. Критик Владимир Стасов обеспечил историческую поддержку такой интерпретации «восточной» идентичности России, утверждая, что русские народные былины являются слепокми с похожих народных сказаний Индии и Персии¹. Хотя интерес Достоевского к Азии состоял отчасти в желании преодолеть российскую «славянскую ментальность» («лакейская боязнь») и снова утвердить уверенность России в себе как великой державе, он тоже настаивал на том, что «Россия – не только в Европе. Она также и в Азии. Русские не только европейцы – они также и азиаты» [36]. В конце XIX века князь Эспер Ухтомский, сопровождавший будущего императора Николая II в большом путешествии по Азии, обнаружил, что Россия более азиатская страна, нежели европейская. «Наше собственное прошлое и прошлое Индии... сходны и родственны... Запад очень туманно отражен в нашей мыслительной жизни. Глубины, лежащие под поверхностью, оживают в атмосфере глубоко восточных взглядов и верований»². Как Ухтомский, так и философ-консерватор Константин Леонтьев настаивали на том, что Россию с Азией связывает как минимум родство с автократическим правлением. «Восток верит не меньше, чем мы – писал Ухтомский, – в самую драгоценную нашу традицию – самодержавие»³.

В течение обсуждаемого здесь периода «азиатский» взгляд на российскую идентичность оставался малоразвитым и рудиментарным. Если отвлечься от переоценки Азии и осознания того, что у России были азиатские корни и что Россию с Азией связывают автократические принципы, интеллектуального взаимодействия, похоже, было совсем немного. Пан-азианизм может в некотором смысле рассматриваться как трансформированная версия славянофильства, если «славянство» заменить на «Азию» или «Восток». Однако «пан-азианизм» подразумевал более глубокую угрозу евроцентрическим взглядам, так как «азианисты» имплицитно продвигали азиатские нации, которым до того предписывались лишь скромные, униженные места в воображаемой иерархии народов, на более достойные позиции.

Как бы сильно ни различались вышерассмотренные концепции, во всех них виден растущий интерес России к Азии, и в частности к Дальнему Востоку в последние десятилетия XIX века и в начале XX столетия. Однако поражение России в Русско-японской войне снова сорвало попытку российской элиты сформулировать новую российскую идентичность и выкроить для нее достойное место, которое, им казалось, она заслуживала.

¹ Такие произведения, как «Шехерезада» Римского-Корсакова, «В степях Центральной Азии», «Князь Игорь» Бородина и «Кавказский пленник» Пушкина – свидетельства этому. См. [67, ch. 9].

² Цитируется в [66, р. 58].

³ Там же.

От отсталости к зависимости: Россия и мировая экономика. Вторая половина XIX века была временем, когда вопрос об экономическом неравенстве России и Запада приобретал в российском сознании все большую значимость. Осознание экономической отсталости перед лицом Запада никоим образом не было новым. Стимулирование отраслей промышленности и преодоление экономической отсталости было центральной заботой Ивана Посошкова, крупнейшего русского мыслителя-экономиста петровской эпохи. Однако начиная с конца XVIII столетия, по мере того, как образованное общество становилось все более отчужденным от правительства и от осуществления власти, в «прогрессивных» сегментах образованной общественности стали заметно терять интерес к вопросам экономической отсталости, больше концентрируясь на темах, связанных со свободой и социальной справедливостью внутри страны [38, р. 11–39]. Поколения «прогрессивных» мыслителей от Радищева до Чернышевского сосредоточили свое внимание на домашних моральных, политических и социальных проблемах, игнорируя вопрос о положении России в мировой политике и экономике¹.

Экономическое неравенство между Западом и Россией нарастало в первой половине XIX века и было с болезненной ясностью продемонстрировано во время Крымской войны. Во второй половине XIX века российская экономика более тесно интегрировалась в расширяющуюся мировую экономику. В этом контексте все большее количество мыслителей начали уделять более серьезное внимание вопросу экономической отсталости и в особенности вопросу о месте России в мировой экономике. В то время как большинство российской политической элиты продолжали считать Россию просто «отсталой» страной, некоторые начали рассматривать ее как страну *зависимую** или даже *эксплуатируемую**. Одними из первых в таких терминах стали рассуждать славянофилы. Уже в 1863 году Ф.В. Чижов охарактеризовал зарубежных инвесторов как «эксплуататоров», которые «не видят разницы между русскими и американскими индейцами»². Для того, чтобы противостоять губительному влиянию таких «эксплуататоров», Чижов стремился способствовать развитию самостоятельных отраслей промышленности. Николай Данилевский в конце 1860-х годов более систематически развивал идею периферийного статуса России в мировой экономике, доказывая, что последняя представляет собой арену конфликта, на которой «город» (индустриальные страны) правит «деревней» (аграрными странами, включая Россию) [7, с. 369]³. Для Данилевского подходящей стратегией для России был бы полуавтаркический экономический блок, включающий Россию и другие славянские страны⁴. Взгляд, согласно которому Россия занимает в мировой экономике зависимое, полуколониальное положение, разделял также Сергей Витте, который в качестве министра финансов руководил быстрым экономическим развитием страны в 1890-х годах. В отличие от Данилевского,

¹ Я не утверждаю здесь, что критические прогрессисты не интересовались международным положением России. На каком-то глубинном уровне оно их очень даже интересовало, но они отказывались – имеется соблазн так думать – заботиться о положении России в плане военной или экономической мощи ровно потому, что их идея заключалась в том, чтобы улучшить глобальное положение страны через посредство создания морального, гуманного общества, которое стояло бы «выше» игр мировой политики. См. по этому поводу [49, р. 69–108].

² Цит. в [55, р. 39].

³ Такой предполагающий игру с нулевой суммой взгляд на мировую экономику разделялся другими славянофилами-консерваторами, см. [25].

⁴ Хотя Данилевский отвергал полную автаркию, он полагал, что преимущества торговли для России ограничены, поскольку у страны нет удобного выхода к незамерзающим портам, а главные реки страны текут в меридиональном, а не в широтном направлении. Также, учитывая большой размер российской экономики, Данилевский считал, что ущерб от автаркии будет минимальным. [7, с. 346, 377].

Витте разработал динамичную программу экономического роста, предназначенную для улучшения позиций России в капиталистической мировой экономике [50, p. 71–119].

Однако что оказалось для России более фатальным, так это идеи, развивавшиеся на этот счет критическими прогрессистами. В 1880-х годах два представителя «легального народничества», Василий Воронцов и Николай Даниельсон, разрабатывали более изоощренные теории, утверждавшие, что Россия не может развиваться в рамках капитализма. Центральным в их аргументации был пункт о том, что капитализм для своего развития нуждается во внешних рынках¹. По их мнению, европейские капиталистические государства были в состоянии развиваться именно на основе завоевания внешних рынков. Однако теперь, когда мировые рынки поделены между признанными промышленными державами, Россия развиваться по капиталистической модели не может. Даниельсон в своей книге 1893 года предполагал, что Россия превратится в *данника** более передовых стран, если только она не разовьет некапиталистическим путем собственные отрасли промышленности до высокого уровня Западной Европы [11, с. 550]. Даниельсон, однако, не уточнял, как Россия сможет достичь социализма в контексте мировой капиталистической экономики. Хотя он и признавал, что проблемы, стоящие перед российской экономикой, имеют корни в более широкой структуре экономики мировой, его решение по-прежнему предполагало внутреннюю трансформацию России.

Доведенные до логического конца выводы из идеи невозможности капиталистического развития в России были в дальнейшем сделаны Сергеем Южаковым, который указал также на возможный путь к социализму, призывая Россию возглавить глобальных «неимущих» в их восстании против «имущих». В статье, опубликованной в 1895 году, Южаков на основе наблюдений за международной торговлей и потоками капиталов утверждал, что страны мира делятся на *имущих** и *неимущих** [27, с. 186–187]. Для Южакова Россия явно принадлежит к «неимущим», группе стран, выплачивающих «дань» глобальной плутократии. Что могут сделать «неимущие» страны для улучшения своего положения? Один тип стратегий, открытых для «неимущих», представлен Китаем: это стратегия «слепых попыток сохранения старой системы экономической жизни». В результате этого Китай идет по пути Индии и других колонизованных стран [27, с. 197]. Японская атака на Корею и Маньчжурию, утверждает Южаков, представляет собой пример противоположной стратегии, стратегии капиталистического развития². Италия следовала по тому же пути, однако ее экспансия провалилась, «поскольку рядом не оказалось Кореи и Китая», а также в силу уравновешивающего присутствия Франции. По этому же пути пыталась следовать и Россия, хотя с меньшим успехом. И все же, по Южакову, японский путь ведет в тупик, а о китайском не приходится и говорить. Вместо этого, доказывает Южаков, России следует выбрать третий путь – путь глобальной социалистической революции. Он призывает Россию возглавить мировое восстание против плутократии,

¹ Воронцов и Даниельсон доказывали, что капитализм проистек из грубого процесса «первоначального накопления», влекущего массовое обнищание большинства населения, что лишает капитализм достаточно обширного рынка для его продуктов. Лишенный домашних рынков, он для своего выживания вынужден искать рынки за рубежом. [11, с. 425 и сл., 528 и сл.].

² Согласно Южакову, японская попытка капиталистической модернизации вызвала сельскохозяйственный и промышленный кризис, как и предсказывали Воронцов с Даниельсоном, и Япония стала искать разрешение этого кризиса в приобретении новых рынков путем завоевания [28, с. 194–200]. О развитии взглядов Южакова в Японии см. [17, с. 55–74]. Я признателен профессору Суичи Коидзиме из университета Конан за то, что он обратил мое внимание на эту работу.

восстание, которое объединит глобальную периферию с массами в развитых капиталистических странах¹.

Идеи Южакова чрезвычайно значимы тем, что они сместили акцент в анализе социальных изменений с отдельных обществ на более широкую, глобальную систему. Помещенный в этот более широкий контекст контраст между Россией и Западом уже не предстает более как вопрос об «отсталости», которая может – и должна – быть преодолена за счет внутренней трансформации российского общества. Он скорее рассматривается теперь – по крайней мере отчасти – как следствие экономического доминирования Запада по отношению к России, и разрешение этой проблемы должно быть найдено в глобальном революционном политико-экономическом преобразовании. Применяя классовый анализ к мировой политической экономике и предполагая, что Россия должна будет возглавить революцию «неимущих» против глобальной plutократии, Южаков закладывал интеллектуальный фундамент для ленинской теории империализма.

* * *

Впечатляющий успех современной западной цивилизации поставил элиту незападных стран перед трудной дилеммой. С одной стороны, западные элиты должны были модернизироваться, учась у Запада и массированно поражая ему. Но это было чревато подрывом культурной автономии и чувства самоуважения незападных элит. Большая часть истории незападных ареалов в современную эпоху может рассматриваться как история ответов на этот вызов.

К середине XIX века образованные жители России уже выработали разнообразные ответы на вопрос о российской идентичности. Каждый из этих ответов стремился так или иначе справиться с часто болезненным сравнением «России и Запада» и сформулировать какое-то видение, которое позволило бы России увеличивать и сохранять свое самоуважение. В период между Крымской и Русско-японской войнами Россия последовательно принимала различные варианты внешней и внутренней политики, которые выражали ту или иную концепцию национальной идентичности (или какую-то их комбинацию). Одно время преобладало либерально-прогрессивное видение, тогда как в другое время превалирующим оказывалось славянофильско-консервативное. Меняющаяся политика правительства влияла как на внутренние, так и на внешние условия, которые, в свою очередь, влияли на последующую эволюцию российских идентичностей. В целом стремление России к модернизации и самоуважению приносило в течение этого периода лишь неоднозначные результаты и было отмечено повторяющейся фрустрацией. Либерально-прогрессивное видение потеряло большую часть своей притягательности к концу 1860-х годов.

¹ В заключительном пассаже своей книги «Социологические этюды» он писал: «Из великих наций Англия, Нидерланды и Франция занимают позицию экономически господствующих, представляют капитал в международных отношениях. Соединенные Штаты и Германия... бьются за место таких же экономических господ. ...весьма мало шансов, чтобы еще какая-либо великая нация имела возможность подняться на ту же ступень... Из массы представителей труда возвышаются немногие представители капитала. В таком случае, Россия окажется силою вещей в числе наций, представляющих труд международных отношений и страдающих от экономического дифференцирования, от господства капитала. И не естественно ли ожидать, что на ее долю выпадет значительная роль в предстоящей борьбе за международную экономическую справедливость?» [29, с. 340]. В этом отрывке Южаков выступает в качестве одного из первых теоретиков экономической зависимости.

Славянофильское видение России как освободительницы и лидера славянских народов тоже уперлось в препятствия, а поворот России к Азии хотя и принес богатые в художественном плане результаты, политически закончился поражением в Русско-японской войне.

Повторяющееся разочарование в попытках достичь модернизации и самоуважения вынудило российскую элиту искать новые идентичности и новые решения, выходящие за рамки привычной схемы «Россия и Запад». Некоторые из тех россиян, что к концу XIX века «повернулись к Востоку», восстали против преобладающего евроцентрического взгляда на международную культурную иерархию. Еще более значимым было то, что многие образованные жители России вышли за привычные рамки «сравнения и противопоставления» России и Запада, обратившись к пониманию российской ситуации в более широком контексте мировой системы, в которой доминируют западные державы.

Как Россия, так и Япония сыграли решающую роль в эволюции современной международной системы, характеризующейся доминированием Запада. Я бы осмелился утверждать, что одной из причин этого было то, что Россия и Япония явились отчетливыми примерами того, что можно назвать статусно противоречивыми странами (*status-inconsistent countries*). При этом роли, которые они играли, были противоположными. Эта противоположность коренится в различии позиций, занимаемых двумя странами в международной системе. В то время как Япония появилась в ней как «наиболее успешно модернизирующаяся страна незападного мира», Россия была, по словам экономиста Сергея Прокоповича, «беднейшей из цивилизованных [западных] стран»¹. Японская элита современной эпохи, видевшая в своей стране «историю успеха Азии (не-Запада)», по большей части выбрала принятие преобладающих западных критериев успеха и славы и стремилась (за исключением краткого периода в 1930–1940-х годах) подражать ведущим западным странам. То, чего добилась Япония, силой примера продемонстрировало, что военные и экономические успехи в современном мире доступны не только белым европейцам и их потомкам.

Напротив, российская элита, мучимая сознанием «отсталости» своей страны в большой европейской семье, пришла к тому, чтобы бросить вызов ранжирующей страны преобладающей ценностной иерархии в целях сохранения Россией чувства самоуважения. Хотя во многих незападных цивилизациях элита тоже изобрела сходные идеологии психологической компенсации, российскую элиту отличало то, что она стремилась, как заметил Мишле, показать свое равенство Западу или превосходство над ним, используя при этом язык, доступный жителям западных стран. Это склонило российскую элиту к принятию универсалистского языка (с такими терминами, как социализм) для формулирования отличительной российской идентичности. А это способствовало тому, что поиск Россией отличительной идентичности и образа себя вылился в такие теории, привлекательность которых оказалась гораздо более широкой, чем внутрироссийская². Хотя социалистический эксперимент в России закончился неудачей, ленинизм внес свой вклад в демократизацию международной системы, снабдив мир мощным идеологическим оружием против колониализма.

Таким образом, часто приносивший разочарование поиск российской элитой во второй половине XIX века путей модернизации и способов обретения

¹ Цит. по [37, р. 31].

² В этой связи можно вспомнить знаменитое замечание Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве в июне 1880 года: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите». В оригинале цитируется по [41, р. 239].

самоуважения, не только подготовил основания для той исторической роли, которую сыграла Россия в XX веке, но и внес важный вклад в эволюцию современного мирового порядка.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая // *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 3 т. / Под общ. ред. Ф.М. Головенченко. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1948. Т. III. Статьи и рецензии 1843–1848.
2. *Берви-Флеровский В.В.* Избранные экономические произведения. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. Т. 1.
3. *Воронцов В.П.* Судьбы капитализма в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.
4. *Воронцов В.П.* Судьба капиталистической России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907.
5. *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М.: Госфиниздат, 1960.
6. *Гросул В.Я. и др.* Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М.: Прогресс-традиция, 2000.
7. [Данилевский Н.Я.] Сборник политических и экономических статей Н.Я. Данилевского. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1890.
8. *Задохин А.Г.* Внешняя политика России: Национальное сознание и национальные интересы. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2002.
9. *Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.* Письмо к издателю // *Голоса из России* / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1974. Вып. 1. Кн. 1.
10. *Кано М.* 鹿野政直編、『陸羯南、三宅雪嶺』(東京:中央公論社、1971年)、399–400頁
11. *Каратаев Н.К.* Народническая экономическая литература: Избранные произведения. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958.
12. *Киняпина Н.С.* Дипломаты и военные: генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // *Российская дипломатия в портретах*. С. 221–238.
13. *Мацудзава Х.* 松沢弘陽、「明治社会主義の思想」、日本政治学会編、『日本の社会主義』(東京:岩波書店、1968年) 所収。
14. Министерство финансов, 1802–1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902.
15. *Ока Й.* 岡義武、「国民的独立と国家理性」、唐木順三他編、『世界のなかの日本』(筑摩書房、1961年)、9–79頁所収。
16. *Российский либерализм: Идеи и люди* / Под ред. А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007.
17. *Сасаки Т.Н.* 佐々木照央、「自由主義的ナロードニキの日本観:S.N.ユジャコフ(1849–1910)の場合」、埼玉大学紀要 外国語学文学篇、第20号、55–74頁。))
18. *Саго М.С.* 佐藤誠三郎、「幕末・明治初期における対外意識の諸類型」、佐藤誠三郎・R.ディンゲマン編、『近代日本の対外態度』(東京大学出版会、1974年)、1–34頁。
19. *Синода Т.* 篠田治策、「外交上至尊の御称号と我が国号」、『外交時報』第 736号 (1936年6月1日)、40–47ページ。
20. *Славянофильство и Западничество*. М., 1991. Вып. 1.
21. *Струве П.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894.
22. *Трубачев О.Н.* Русский-российский: История, динамика, идеология двух атрибутов нации // *Русская нация: Историческое прошлое и проблемы возрождения* / Под ред. Е.С. Троицкого. М.: АКИРН, 1995.
23. *Хитрова Н.И.* Триумф А.М. Горчакова: Отмена нейтрализации Черного моря // *Российская дипломатия в портретах* / Под ред. А.В. Игнатъева. М.: Международные отношения, 1992.
24. *Хрестоматия по истории СССР*. 3-е изд. / Под ред. С.С. Дмитриева и М.В. Нечкиной. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1953. Т. 3.
25. *Шарапов С.Ф.* Русская экономическая программа // *Русь*. 1883. 1 и 15 декабря. Т. 3. № 23–24.
26. *Шевырев А.П.* Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во МГУ, 1990.
27. *Южаков С.Н.* 1894 г. Из современной хроники // *Русское богатство*. 1895. Январь.
28. *Южаков С.Н.* Японская экономическая политика и война 1894 года // *Русское богатство*. 1895. Ноябрь. С. 194–200.

29. Южаков С.Н. Социологические этюды. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1896. Т. 2.
30. Anno T. The Liberal World Order and Its Challengers: Nationalism and the Rise of Anti-Systemic Movements in Russia and Japan, 1860–1950. Ph.D. dissertation, University of California, Berkeley, 1999.
31. Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East 1840–1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
32. Black C.E. et al. The Modernization of Japan and Russia. New York: The Free Press, 1975.
33. Carr E.H. 'Russia and Europe' as a Theme of Russian History // *Richard Pares and A.J.P. Taylor, eds. Essays Presented to Sir Lewis Namier*. London: Macmillan, 1956.
34. Duncan P.J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2000.
35. Durman K. The Time of the Thunderer: Mikhail Katkov, Russian Nationalist Extremism and the Failure of the Bismarckian System, 1871–1887. Boulder, CO: East European Monographs, 1988.
36. Fyodor Dostoevsky. A Writer's Diary. Vol. 2. Chicago, IL.: Northwestern University Press, 1994.
37. Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850–1917. London: B.T. Batsford, 1986.
38. Gershenkron A. The Problem of Economic Development in Russian Intellectual History of the Nineteenth Century // *Simmons Ernest J. ed. Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1955. P. 11–39.
39. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1992.
40. Greenfeld L. The Formation of Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Resentment // *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 32, No. 3 (July 1990) / P. 549–591.
41. Isham H. ed. Remaking Russia: Voices from Within. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995.
42. Jansen M. On Foreign Borrowing // *Japan: A Comparative View* / Ed. by. Craig A.M. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1979. P. 18–48.
43. Jelavich B. St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1974. P. 136–147.
44. Kaiser J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
45. Kipp J.W. M. Kh. Reutern on the Russian State and Economy: A Liberal Bureaucrat during the Crimean Era, 1854–60 // *Journal of Modern History*, 1975.
46. Kohn H. Pan-Slavism: Its History and Ideology. Notre Dame, IN.: University of Notre Dame Press, 1953.
47. Kohn H. The Mind of Modern Russia: Historical and Political Thought of Russia's Great Age. New York: Harper & Row, 1955.
48. Laue Th. H. von. Legal Marxism and the "Fate of Capitalism in Russia" // *The Review of Politics*. Vol. 18 (1956). No. 1.
49. Laue Th. H. von. Problems of Modernization // *Lederer I.J. ed. Russian Foreign Policy: Essays in Historical Interpretation*. New Haven: Yale University Press, 1962, P. 69–108.
50. Laue Th. H. von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. Washington, DC: Columbia University Press, 1963. P. 71–119.
51. Lieven D.C.B. Russia and the Origins of the First World War. London: Longman, 1983.
52. Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1982.
53. Lincoln W.B. The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1990.
54. Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: The Belknap Press, 1999.
55. Owen Th.C. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
56. Pintner W.M. and Rowney D.K. eds. Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980.
57. Raev A. National Code of Landscape in Russian Contemporary Art // *Ritsumeikan Studies in Language and Culture*. Vol. 25. No. 1 (October 2013). P. 33–39.
58. Riasanovsky N.V. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Oakland, CA: University of California Press, 1959.
59. Riasanovsky N.V. Asia through Russian Eyes // *Wayne S. Vuchinic, ed. Russia and Asia*. Stanford: Hoover Institution, 1972.
60. Riasanovsky N.V. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford: Oxford University Press, 1976.

61. *Riasanovsky N. V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford: Oxford University Press, 1985.
62. *Rieber A. J.* Interest-Group Politics in the Era of Great Reforms // *Eklof B. et al., eds.* Russia's Great Reforms, 1855–1881. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994.
63. *Rogger H.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1960.
64. *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881–1917. London: Longman, 1983.
65. *Rosovsky H.* Capital Formation in Japan. New York: Free Press, 1961.
66. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2001.
67. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven: Yale University Press, 2010.
68. *Soojung Lim S.* China and Japan in the Russian Imagination, 1685–1922: To the Ends of the Orient. London: Routledge, 2013.
69. *Toynbee A. J.* The World and the West. Oxford: Oxford University Press, 1953.
70. *Tuminez A. S.* Russian Nationalism since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy. New York: Rowman & Littlefield, 2000.
71. *Walicki A.* The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford: Oxford University Press, 1969.
72. *Walicki A.* A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism. Redwood City: Stanford University Press, 1979.
73. *Witte Sergei.* The Memoirs of Count Witte. Armonk, NY: M. E. Shreve, 1990.
74. *Zakharova L.* Autocracy and the Reforms of 1861–1874 in Russia: Choosing Paths of Development // *Eklof B. et al., eds.* Russia's Great Reforms, 1855–1881. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994.

Перевод с английского Т.Л. Ветошкиной и П.Б. Паршина

Аннотация. В статье предпринимается попытка путем сравнения России с Японией рассмотреть на макроуровне развитие российской идентичности во второй половине XIX века. Для этого прежде всего постулируется ряд базовых исторических различий между двумя странами, восходящих к отношениям России и Японии, соответственно, с Византией и Китаем. Автор доказывает, что эти базовые исторические различия сформировали условия, в которых российская и японская элиты периода модернизации вели поиски, направленные на определение идентичности своих стран. Далее рассматриваются сходства и различия между Россией и Японией в их стремлении к модернизации и самоуважению во время «Великих реформ» в каждой из двух стран, а именно в течение полувекового периода с середины 1850-х годов до 1905 года. Японская элита периода модернизации определяла национальную идентичность Японии в «триадическом» контексте, включающем в себя Японию, Запад и остальную Азию. В этом контексте японская элита стремилась сформировать национальное «самоуважение» путем демонстрации превосходства Японии над другими азиатскими (и, шире, не-западными) странами, измеряемого посредством критериев, заимствованных на Западе. Напротив, российская элита периода модернизации определяла идентичность России в «диадическом» контексте, включающем в себя Россию и Запад. Автор доказывает, что в целях формирования самоуважения России в таком сопоставительном контексте российская элита периода модернизации стремилась оспорить доминирующие западные критерии для измерения достижений различных стран и цивилизаций и таким способом продемонстрировать равенство России с Западом или ее превосходство над ним. Завершает работу обсуждение значения, которое поиски Россией (и Японией) своей идентичности в конце XIX века имели для последующей эволюции мирового порядка.

Ключевые слова: Россия, Япония, Восток, Запад, Азия, пан-азианизм, реставрация Мэйдзи, «Великие реформы» в России, модернизация, самоуважение, вестернизация, национальная идентичность, западники, славянофилы, консерватизм, либерализм, монархизм, народничество, экономическая отсталость, Крымская война, «поворот России на Восток», компенсационные идеологии.

Tadashi Anno, Ph.D. in Political Science; Sophia University (Tokyo), Associate Professor of Political Science / International Relations. E-mail: t-anno@sophia.ac.jp

Russia in the Japanese Mirror: Modernization and the Search for Identity, 1856–1905

Abstract. This paper seeks to provide a macro-level perspective on the development of Russia's identity in the second half of the nineteenth century, by comparing Russia with the case of Japan. The paper first establishes some basic historical contrasts between the two countries, going back to the relationship of Russia and Japan, respectively, with Byzantium and with China. These basic historical contrasts, I argue, shaped the conditions under which the modern Russian and Japanese elite sought to define the identity of their own countries. The paper then turns to the similarities and contrasts in the two countries' search for modernization and self-respect in the period of "Great Reforms" in the two countries – namely, the half-century since the mid-1850s through 1905. The modern Japanese elite, it will be argued, defined Japan's national identity in the "triadic" context of Japan, the West, and the rest of Asia. In this context, the Japanese elite sought to establish Japan's national "self-respect" by demonstrating Japan's superiority over other Asian (and more generally, non-Western) countries when measured by criteria borrowed from the West. By contrast, the modern Russian elite defined Russia's identity primarily in the "dyadic" context of Russia and the West. In order to establish Russia's self-respect in this comparative context, the modern Russian elite, I argue, sought to challenge the dominant Western criteria for measuring the achievements of different nations and civilizations, and thereby demonstrate Russia's equality with or superiority over the West. The paper concludes with a reflection on the meaning of Russia's (and Japan's) search for identity in the late-19C for the subsequent evolution of the world order.

Ключевые слова: Russia, Japan, West, East, Asia, Asianism, Meiji Restoration, "Great Reforms" in Russia, modernization, self-respect, westernization, national identity, westernizers, Slavophiles, conservatism, liberalism, populism, monarchism, Crimean War, Russia's "Turn to the East", economic backwardness, ideologies of compensation..

Б.В. Межуев. Хотел бы обратить внимание, что Россия имеет точной такой же образ «выпрыгивания» из Азии, как и Япония, образ некоего рывка из евроазиатского пространства в Европу, на Запад. 1991 год для многих в России именно таковым и являлся. Неудача этого рывка определяет многие последующие поиски России своей идентичности. Почему это не удалось так, как удалось Японии после революции Мэйдзи и после Второй мировой войны?

М.А. Маслин. Когда говорят об эпохе Мэйдзи, несправедливо не упомянуть Льва Мечникова. Помимо книги «Цивилизация и великие исторические реки», у него есть написанная по-французски и до сих пор не переведенная на русский книга «Японская империя», первая в своем роде. Мечников был полиглот, знал четырнадцать языков, и последний иностранный язык, который он изучил, был японский. Он два

года преподавал в Токийском институте иностранных языков. Это был русский гений. Его брат – Нобелевский лауреат Илья Мечников, но Лев – не менее гениальная фигура. Он предсказал великое будущее японской цивилизации в двадцатом столетии.

Б.В. Межуев. Кстати, и Владимир Соловьев в статье о Японии предрекал ей великое будущее, в частности, за способность критически отнестись к своим традициям. Он очень высоко оценивал способности Японии развиваться в прогрессивном ключе, несмотря, а может быть, и в силу наличия страхов, что это развитие рано или поздно приведет к столкновению с Россией. Мы подошли к новому докладу «Взаимные образы России и Японии. Надежды на мягкую силу». Доклад представляет главный редактор журнала «Полис» Сергей Владиславович Чугров.

Взаимные образы России и Японии. Надежды на мягкую силу

В связи с новой обстановкой, сложившейся после воссоединения Крыма с Россией и санкций Запада, возникают новые мотивации для оценки перспектив взаимоотношений Москвы и Токио, для серьезного анализа параллелей в национальном мышлении, которые могут помочь в налаживании взаимопонимания. Например, сознание человека в России склонно к противопоставлению субъекта и объекта, а также субъекта и предиката. В логике японца происходит синтез этих понятий, одно как бы входит в другое. Таких примеров множество, и тема заслуживает отдельной статьи. Здесь же нас интересует, как внести коррективы во взаимные образы, омраченные многолетним непониманием и недоверием.

Образ Японии в России

Посмотрим сначала на отношение россиян к Японии, сравнив их с отношением к США и Китаю (табл. 1) [2, с. 195].

Таблица 1

Отношение россиян к США, Китаю, Японии (%)

	1995	2001	2007	2011
<i>США</i>				
В основном положительное	78	37	37	33
В основном отрицательное	9	39	45	48
<i>Китай</i>				
В основном положительное	41	39	45	43
В основном отрицательное	21	21	32	29
<i>Япония</i>				
В основном положительное	69	53	60	44
В основном отрицательное	9	16	18	31

Судя по таблице, в 1995 году отсутствие симпатий к США выказали всего 9%, а симпатию – 77–78% опрошенных. Но вскоре в умонастроениях россиян происходит примечательный перелом. Тут спусковым крючком стали силовые действия американцев и их союзников по НАТО против бывшей Югославии (весна – лето 1999 года). Агрессивная акция против близко связанной с Мо-

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор факультета международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования». E-mail: new-polis@politstudies.ru

Исследование по теме «Использование мягкой силы в АТР (опыт Японии в свете перспектив российской политики в регионе)» проведено при поддержке РФНФ (грант 13-03-00282а).

ской православной Сербии была спроецирована нашими соотечественниками на самих себя, и уже год спустя почти 44% опрошенных высказали мнение, что США в XXI веке станет для России основным источником угроз [2, с. 192].

Несколько менее сочувственным за последние годы стало и отношение к Китаю, который в середине прошлого десятилетия довольно уверенно прибавлял в рейтинге. Очевидно, «население России все-таки относится к этому азиатскому гиганту с определенной опаской», – говорится в социологическом исследовании [2, с. 194–195]. (Это мнение имеет особый смысл для нас, если принять во внимание сочлененность японского и китайского факторов в сознании россиян.) На этом фоне «регулярные демонстративные выступления некоторых японских политиков по поводу территориального спора из-за Курильских островов сбили уровень симпатий с 69 до 44%, в то время как уровень их отсутствия возрос с 9% до 31%» [2, с. 194]. В случае с США падение симпатий было вызвано акцией НАТО против Югославии, с народами которой у России традиционно сильные эмоциональные связи.

Что же за «военный конфликт» вдруг возник между Японией и Россией в 2010–2011 годах? История – весьма характерная для российско-японских отношений и тем более назидательная. Японские законодатели в нижней палате парламента 11 июня 2010 года единогласно одобрили поправки к закону «Об особых мерах для форсирования решения проблемы “северных территорий”», в которых акцентировался суверенитет Японии над четырьмя островами южной части Курильской гряды. В России это вызвало прямое негодование.

1 ноября 2010 года бывший тогда президентом России Д.А. Медведев побывал на Кунашире (поездка, кстати, была запланирована задолго до того), что подлило масла в огонь: премьер Японии назвал это «непростительной грубостью», что уже по инерции вызвало новый виток возмущения в Москве. В июле 2012 года и в августе 2015 года поездка была повторена с той лишь разницей, что Медведев приезжал уже в ранге председателя правительства. Москва и Токио почти втянулись в порочный круг взаимных обвинений и упреков. Подавляющее большинство российских граждан выступают категорически против передачи Японии островов Курильской гряды. Японская же сторона не согласна искать компромиссы.

Таблица 2

**С какими странами, по вашему мнению, у нашей страны
в настоящее время сложились наиболее прочные,
дружественные отношения?**

(Открытый вопрос, не более 5 ответов, в % [1])

	2008	2014
Китай	23	51
Белоруссия	14	32
Казахстан	8	20
Индия	7	9
Бразилия	1	4
...		
Япония	3	1
США	9	1

Несомненное воздействие на отношение россиян к Японии продолжает оказывать историческая память, которая подпитывается публикациями СМИ, но прежде всего учебниками истории. В учебниках, в частности, игнорируется то обстоятельство, что четыре южнокурильских острова до 1945 года не при-

надлежали ни России, ни Советскому Союзу. В памяти российского социума каким-то образом сохраняется и сознательно или полубессознательно транслируется новым поколениям чувство опасности, исходившей от попыток Японии закрепиться в Маньчжурии, на российских рубежах, в конце XIX века, в периоды русско-японской войны 1904–1905 годов, интервенционных действий Японии в Приморье, боевых действий на озере Хасан и реке Халкин-Гол.

Образ России в Японии

Отношение японцев к России испытывает давление негативных психологических стереотипов, сформированных на основе различий ценностных систем, культурных моделей, исторически обусловленных фобий и пр. Результат такого давления виден уже из табл. 3. [5, с. 225–226].

Таблица 3

Какая страна вам более всего НЕ нравится? (%)

Россия	15,5
Ирак	9,5
США	5,8
Северная Корея	5,7
Иран	2,9
Китай	2,8
Другие	3,0
Таких нет	44,7
Не ответили	6,4

Посмотрим на динамику симпатий японцев к России (рис. 1). Нижняя кривая (симпатии) и верхняя (отсутствие симпатий) говорят о крайне неблагоприятной ситуации в восприятии японцами России.

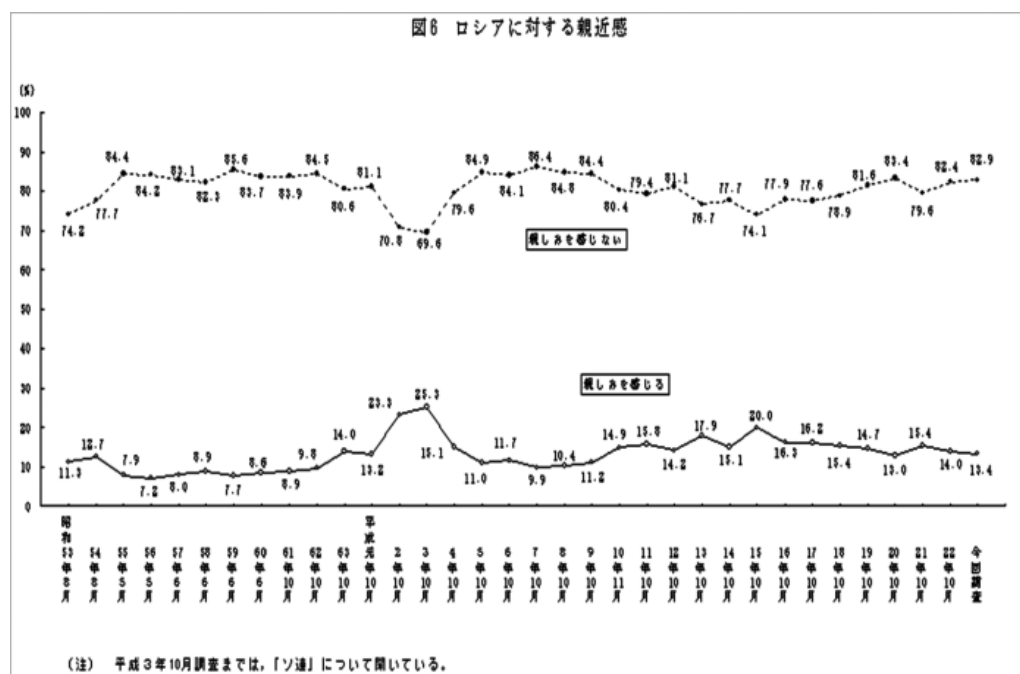

Рис. 1. Динамика симпатий (отсутствия симпатий) японцев к русским (1978–2014 гг., %) [4].

Верхний график отображает отсутствие симпатий к России (1978–2014);

нижний график – симпатии к России (в тот же период)

О том, что необходимо улучшить образ России, стали говорить даже эксперты, занимавшие ранее в отношении России крайне жесткую позицию. Поновому в Японии стали оценивать и внешнеполитический курс России [6]. В.В. Путин, пришедший на вершину власти во второй раз в 2012 году, в представлении многих японских специалистов – это уже некий «модифицированный» Путин, уточнивший свою повестку дня. Идут поиски новых способов выхода из политического тупика, обсуждаются позитивные сценарии решения территориального вопроса. Так, в июле 2013 года в «Независимой газете» появилась совместная статья профессора из Киото Кадзухико Того и бывшего посла России в Японии А.Н. Панова с предложением создать особую экономическую зону на островах Кунашир и Итуруп [3]. Статья вызвала живой отклик японских экспертов.

Эти симптомы дают основания считать, что проблема «северных территорий» в некоторой степени потеряла свою остроту на фоне обострения отношений Токио с Пекином и Сеулом. Можно говорить о том, что негативная тенденция переломлена.

Но несмотря на позитивные сдвиги, уровень симпатий к России остается недопустимо низким. Можно даже сказать, что предрассудки по отношению к России переплелись со своего рода фобиями. Подобного рода фобический комплекс существует не на пустом месте, а является результатом длительной и целенаправленной политики властей по идеологической обработке населения. Укоренению негативных чувств к России способствует школьная система преподавания национальной истории, преподносящая многие факты, связанные с Россией, в одностороннем ключе. Следует учесть также влияние антироссийски настроенных СМИ. И такая идеологическая обработка приносит свои плоды, формируя у современных японцев соответствующие мировоззренческие ориентиры.

Ключевой вопрос – почему японский внешнеполитический менталитет постоянно отвергает идею улучшения политических отношений с Россией? По результатам опросов установлено, что взаимовосприятие основано на недоверии и подозрительности. Настороженное и недоверчивое отношение японцев на уровне подсознания опирается на представления части общества о величине и непредсказуемости России, которая, как считают некоторые японцы, может «опрокинуться» на «маленькую Японию». Хотя отметим, что большая часть молодежи или равнодушна к проблеме островов, или не слышала о ней вообще. Конечно, проблема «северных территорий» – сложный проблемный узел, в котором переплелись не только нерешенность территориального спора, но и негативная историческая память. Нельзя не признать, что в основе недоверия японцев к России лежат и реальные исторические события, в которых, оценивая их с позиций сегодняшнего дня, Россия себя вела по отношению к Японии не всегда корректно.

В памяти японцев о коллизиях с Россией хранится и передается новым поколениям угроза интересам их страны, исходившая от присутствия России в Маньчжурии в конце XIX века, вылившаяся в войну в начале века XX. Удар по национальному самолюбию японцев нанесло вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 года, как обычно подчеркивают японцы, «в нарушение договора о нейтралитете». Сильным фрустрирующим психологическим ударом по надеждам японского общества стало интернирование более 600 тысяч военнопленных в Сибири. Присоединение Крыма и тема Украины восприняты болезненно не только по аналогии с Курилами, но и были искусственно подогреты в Японии с помощью СМИ.

Сегодня, на расстоянии семидесяти лет после капитуляции Японии мы ищем ответ на вопрос: в чем разница в глазах японцев между победителями в войне – Вашингтоном и Москвой? А она существенна. Американцы «компенси-

ровали» Японии бесчеловечность атомных ударов по Хиросиме и Нагасаки фундаментальными преобразованиями в экономике и социальной сфере, а главное – дали японцам надежду на успех, который потом воплотился в «японском экономическом чуде». Со стороны СССР, а потом России, подобной компенсации за удары по национальному самолюбию не последовало. Отсюда разительное отличие образов победителей в сознании японцев. В итоге японцы стараются не вспоминать слишком часто об атомных бомбардировках, американцы оказались чуть ли не благодетелями и опекунами, а россияне – увы, «агрессорами», «коварным медведем», от которого только и жди неприятностей. Историческая память вовсе не бесстрастно раскидывает костяшки на счетах в разные стороны; со временем любой факт кажется или только белым, или только черным.

По мнению Кадзухико Того, «ключевым пунктом японо-российских отношений стало то, что в итоге Войны на Тихом океане в Японии сложилась совершенно иная память по отношению к Советскому Союзу, нежели к другим странам... Даже по отношению к Соединенным Штатам, которые ответственны за гибель 500 тысяч гражданского населения в ковровых бомбардировках, включая две атомные бомбы, уничтожившие Хиросиму и Нагасаки, японский народ в целом не сохранил такое острое чувство ущемленности от свершившейся несправедливости, как в случае с Советским Союзом» [7, с. 230–231].

Прогнозы и перспективы

Парадоксально, но в России, согласно опросам в среде нашего бизнес-сообщества, тоже не наблюдается достаточно стабильного – и, главное, сильного – интереса к японским инвестициям. Конечно же, некоторый интерес к получению денег существует, но в сочетании с явным дефицитом ответственности и желания точно и в срок выполнять обязательства.

Ни в России, ни в Японии нет достаточно влиятельных социальных или лоббистских групп интересов, которые были бы кровно заинтересованы в сопряженности политических интересов и стремились бы решить спорные вопросы. При желании возможных вариантов выхода из тупика можно насчитать множество. Возникает впечатление, что Гаймусё (японское министерство иностранных дел) работает с громадной нагрузкой, изводя тонны бумаги и производя на свет бесчисленные меморандумы, целиком втянувшись в порочный круг. Все это привносит обстановку нервозности и недоверия в двусторонние отношения. Как выйти из этого порочного круга?

Основой для укрепления доверия могла бы служить мягкая сила России, опирающаяся на искренний и неизменный интерес к русской классике, прежде всего венцам творчества Толстого, Достоевского и Чехова, произведения которых по психологическому накалу и тональности близки этнопсихологическому складу мышления и смысложизненным константам мироощущения японцев. Японцы искренне восхищаются достижениями нашего театрального искусства, российской школой исполнительского искусства, приглашая на преподавательскую работу российских пианистов, скрипачей, вокалистов. Как показал контент-анализ японской прессы, однозначно знаменитые лица в Японии – это маэстро Валерий Гергиев, это кумир японцев, фигурист Евгений Плющенко. Между тем, у России нет полноценного культурного центра в Японии, как нет и организации наподобие Японского фонда. Совершить здесь прорыв – насущная задача.

Вывод: политические отношения недостаточно хороши не только потому, что есть территориальный спор. Скорее наоборот, мы не можем продвинуться в решении спора потому, что отношения недостаточно хороши, будучи основан-

ными на недоверии. Самую существенную роль тут может сыграть мягкая сила и неподдельный интерес японцев к русской культуре.

Большие надежды возлагаются на ожидающийся визит Путина в Токио. Когда Путин и Абэ смогут спокойно проанализировать исторические обиды, приблизиться к осознанию их природы и происхождения, понять, что они остались в прошлом и для них более нет актуальной почвы, обоим лидерам будет значительно легче преодолеть недоверие, а, следовательно, и внести больше ясности в перспективы решений по территориальному вопросу.

В то же время из анализа пересечений политических культур России и Японии, в первую очередь взаимных образов, можно сделать вывод, что пластичность менталитетов обоих социумов и совпадение некоторых их существенных характеристик позволяет эффективнее работать над тем, чтобы сделать образ России более привлекательным для японцев.

Литература

1. «Друзья» и «враги» России: эпоха санкций // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 2690. 09.10.2014.
2. Двадцать лет российских реформ: Итоги многолетних социологических замеров // Институт социологии РАН: Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011.
3. *Панов А., Того К.* Отсутствие мирного договора – ненормальная ситуация // Независимая газета. 2013. 18 июля.
4. Найкакүфу дайджин камбо сэйфу кохосицу. Гайко-ни кансуру ёрон тёса 2015. (Информационное бюро при канцелярии кабинета министров. Опрос общественного мнения по вопросам внешней политики 2015 году). URL: <http://www8.cao.go.jp/survey/h26/h26-gaiko/2-1.htm>
5. *Такахаси Коити, Арамаки Хироси.* Дзи кэйрэцу тёса «Нихон-но исики» хэнсэн (Японские «ценностные ориентации» в изменениях серийных опросов на протяжении 40 лет). Токио: NHK хосо кэнкюдзё. 2014. Июль.
6. *Того Кадзухико.* «Дзидай-но сэцумоку»-но тэнкан га цукиугокасу нитиро косё. Хонто-но «овари-но хадзимари» то нару ка? (Японо-российские переговоры открывают «новую главу» в истории. Станут ли они действительно «началом конца»?) // Сэкай (Мир). 2013. № 7.
7. *Togo Kazuhiko.* Japan's Foreign Policy 1945–2009. The Quest for a Proactive Policy. 3rd ed. Leiden and Boston: Brill, 2010.

Аннотация. В 2014–2015 годах Россия оказалась под прессом санкций, незаконно введенных против нее странами G7, с том числе Японией (правда, японские санкции можно назвать символическими по сравнению с аналогичными мерами США и Евросоюза). Учитывая наличие территориального вопроса между Токио и Москвой, похолодание политической атмосферы в результате событий вокруг Крыма и гражданской войны на Юго-Востоке Украины было неизбежно. В напряженной обстановке возникают новые мотивации для Москвы и Токио взвесить перспективы своих взаимоотношений, провести анализ параллелей в национальном мышлении, которые могут помочь в налаживании взаимопонимания. Несмотря на преимущественно позитивные взгляды россиян на Японию, уровень симпатий японцев к России остается крайне низким (13–15%), а предрассудки по отношению к России переплелись со своего рода фобическими комплексами. В то же время анализ пересечений политических культур России и Японии, в первую очередь взаимных образов, позволяет сделать вывод, что пластичность менталитетов обоих социумов и совпадение некоторых их важных характеристик открывают перспективы для формирования у японцев более привлекательного образа России.

Ключевые слова: Россия, Япония, взаимные образы, мягкая сила, санкции, общественное мнение, опросы.

Sergey Chugrov, Ph.D. in Sociology, Professor, Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (University); Editor-in-chief, Polis (Political Studies) Journal. E-mail: new-polis@poitstudies.ru.

Mutual Images of Russia and Japan. Hopes upon Soft Power

Abstract. In 2014-2015 industrialized states, including Japan - though Japanese sanctions may be called symbolic unlike the US and the EU ones - imposed illegal sanctions on Russia. Given the territorial dispute between Tokyo and Moscow, the chill in the relations caused by the Crimean case and the civil war in southeastern Ukraine was inevitable. The tension creates new incentives for Moscow and Tokyo to weigh the prospects of their relations, to seriously analyze the parallels in the national mindset that can help to reach mutual understanding. Despite the mostly positive image of Japan among Russians, the Japanese hold Russia in very low esteem, with only 13-15% thinking high of it, and prejudices towards Russia are intertwined with a kind of phobic complexes. In the mean time, when analyzed, the overlaps between the Russian and Japanese political cultures, primarily the mutual images, can clearly show that the flexibility of both mentalities and the similarity of some important characteristics can encourage the Japanese to enhance a more positive image of Russians.

Keywords: Russia, Japan, mutual images, soft power, sanctions, public opinion polls.

Имидж России в Корее

Современная политическая конъюнктура делает весьма актуальным осмысление имиджей России.

Будучи специалистом по России, хотела бы проанализировать, как «обычный» корейский народ воспринимает Россию. Надеюсь, это окажется полезным для лучшего понимания взаимоотношений между соседними азиатскими странами.

Представляется логичным сначала охарактеризовать тот образ России, с которым в последнее время практически каждый день корейцы сталкиваются в корейских медиа. Несмотря на то, что из-за санкций, наложенных западными странами и нашей страной против России, экономическое сотрудничество и отношения России и Кореи переживают не лучшие времена, в нынешнем августе корейцы имели возможность читать в газетах и видеть по телевидению различные сюжеты на российскую тему.

Мои соотечественники были приятно удивлены профессионально сделанным и красиво снятым рекламным фильмом компании «Корейские авиалинии», состоящем из шестнадцати серий и повествующем о путешествии четверых молодых парней по России. Исполнители главных ролей – не актеры, шесть лет назад они познакомились в купе поезда на Транссибирской магистрали, когда, будучи студентами, участвовали в научной поисковой программе на российском Дальнем Востоке. Спустя шесть лет кто-то из них стал бизнесменом, кто-то сотрудником компании, кто-то аспирантом. Они общались, созванивались и решили еще раз совершить путешествие по России. Путешествие началось во Владивостоке и завершилось в Петербурге. По его итогам участники выпустили книгу, а компания «Корейские авиалинии» сняла по ней рекламный фильм.

Никогда еще в Корее не видели Россию по телевидению так часто и в таком привлекательном виде. Есть надежда, что благодаря этому сериалу у нас в какой-то степени даже изменится образ России. Ведь дипломатическим отношениям Кореи и России всего двадцать пять лет, обмен людей не так активен. Этот фильм стал для нас новостью, даже сенсацией.

Кажется, в словах четырех героев фильма о России есть все ключевые моменты корейского образа этой страны. А именно: «Транссибирская магистраль протяженностью 9258 километров – это мечта всех путешественников», «Байкал – это невообразимое лето в Сибири», «Московский метрополитен – это самая большая галерея, которая была открыта в 1935 году», «Балет – только ради него стоило приехать в Россию», «Эта страна – самая близкая к космосу» и, наконец, «Это страна красивых девушек».

Ли Тэрим (Ю Джин; *Lee Taerim*), старший юрист компании Shin&Kim (Республика Корея) по проектам в России. E-mail: youjinlee0212@gmail.com

До сих пор Россия для гражданина Республики Корея – это далекая страна. Многие корейцы не знают, что Москва ближе, чем Лос-Анджелес. У многих возникают ассоциации со страной коммунистов, со Сталиным, который поддерживал Северную Корею в ее провокациях во время Корейской войны. Впрочем, и в недавние годы имели место неприятные инциденты, которые обсуждались в корейских СМИ. Например, русские скинхеды нападали на корейских студентов на улице, и у корейцев до сих пор осталось чувство страха, даже некоторая неприязнь к России. Честно говоря, мы тогда не понимали, какое отношение эти русские ребята имеют к неонацистам, то есть к обожанию Гитлера. Впрочем, таких фанатов везде хватает, но было очень жаль, что поначалу российское правительство и российская элита достаточно равнодушно относились к этой проблеме, которая довольно долго портила имидж России.

С идеей пропаганды нового образа России выступила маркетинговая группа компании «Корейские авиалинии». Спустя год после перехода к безвизовому режиму между Кореей и Россией поток российских туристов в Корею увеличился на 30%, но поток корейских туристов в Россию никак не увеличился. Поэтому авиакомпания решила попытаться скорректировать ситуацию сама.

После выхода серии рекламных роликов у многих людей появилось сильное желание съездить в Россию, больше узнать о ней. То есть был достигнут результат, которого российское посольство не смогло добиться за двадцать пять лет.

В нынешнем августе у нас по телевидению и в газетах активно обсуждалось и такое мероприятие, как «Евразийский поезд дружбы». Делегация в составе двухсот пятидесяти человек разных профессий проехала на поезде от Владивостока до Берлина за двадцать дней. Мы в Корее практически каждый день знакомимся с новостями этого путешествия, видели пейзажи разных городов России. Эта поездка была организована по случаю двадцатипятилетия установления дипломатических отношений между РК и РФ, а также в честь семидесятилетия освобождения нашей страны от японской оккупации.

В каждом городе, в котором делегация останавливалась, проводились различные мероприятия. Например, некоторые члены делегации искали информацию о своих предках, которые участвовали в борьбе за освобождение Кореи от японской оккупации на стороне Советского Союза и не смогли вернуться на Родину.

И хотя Корея находится на полуострове, но из-за разделения на Юг и Север, чтобы попасть на Транссибирскую магистраль, нам приходится лететь во Владивосток самолетом – как будто мы живем на острове. Поэтому для корейцев путешествие по Транссибирской магистрали представляется не только туристической мечтой, оно ассоциируется с мечтой об объединении корейской нации. И, путешествуя по Транссибу, корейцы осознают, что после объединения Россия станет очень важным соседом, с которым у нас будет общая граница.

В августе 2015 года было много новостей и о восстановлении утраченной истории наших предков на территории России.

15 августа корейцы отметили семидесятилетие освобождения страны от японской оккупации. По мере того как в России рассекречивают разнообразные архивные материалы по истории Кореи и России, мы делаем всё новые и новые открытия, прежде всего в отношении исторического периода с начала XX века и заканчивая японской оккупацией Корейского полуострова. Например, в последнее время были найдены документы о последнем корейском генеральном консуле в Петербурге, который имел хорошие контакты при дворе. После захвата Корейского полуострова Японией корейский император не смог отправить деньги на содержание дипмиссии. Новые архивные материалы показывают, что российский МИД оказал тогда корейским дипломатам финансовую поддержку.

История наших предков, которые боролись за освобождение своей страны на территории России, к сожалению, еще не в полной степени вошла в историю Кореи – после идеологического разделения на Север и на Юг. Перед учеными Кореи и России стоит общая задача – вернуть нашим народам эти страницы их истории. Представляется также важной задача дать возможность народу Южной Кореи узнать о тех знаменитых русско-корейцах, которые добились больших успехов в советском обществе и в современной России. Такое знание поможет корейскому народу стать ближе к России. Но для этого необходимы целенаправленные усилия – возможно, специальный межправительственный проект.

Говоря об имидже России в Республике Корея, нельзя не указать на то обстоятельство, что для корейцев Россия – это прежде всего страна великих писателей. В упомянутой серии рекламных роликов есть такой момент: корейские ребята, сидя в кафе, наизусть читают стихотворение Пушкина на корейском.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило

Это далеко не самое известное стихотворение Пушкина, но почему-то корейцы его знают, и я тоже знала его с детства, не имея представления, что оно русское. Наверное, именно русские стихи утешали душу корейцев, когда они переживали гражданскую войну и военную диктатуру. И такие стихи стали частью нашей литературы. Когда я участвую в различного уровня встречах представителей Кореи и России, всегда вижу, что россияне удивляются тому, что корейцы в детстве читали русскую литературу. Несмотря на то, что Республика Корея находится в большей степени под влиянием американской культуры, но почему-то литературу читают все-таки русскую, а американскую – очень мало.

В этой связи не могу не обратить внимания на такое прискорбное обстоятельство, что в Корею пока нет Российского культурного центра. Думаю, представителям российской гуманитарной науки нужно поднять этот вопрос и заявить, что корейский народ хочет лучше знать культуру России.

Как корейский русист хочу подтвердить: мягкая сила России огромна. Но государство недостаточно ее использует.

Российская идентичность и роль России на Корейском полуострове

Российская национальная идентичность

Граждане России считают свою страну «евразийским» государством. Президент Путин назвал Россию «евразийским государством», которое расположено одновременно в Европе и Азии. Исторически так сложилось, что лидеры России стремились добиться для страны статуса мировой державы и влиять на геополитику в Азии и Европе. Подход российских граждан к своей идентичности схож с видением американцев, которые говорят об «исключительности американской нации». В России также говорят об уникальном статусе страны, так как здесь сочетаются европейская и азиатская идентичности, и о превосходстве над обеими цивилизациями.

После окончания холодной войны Россия изо всех сил пытается вернуть утраченный статус сверхдержавы. Она выступает за создание многополярного мира, чтобы противопоставить его однополярной гегемонии США. В эпоху многополярности региональные державы поделят коллективную ответственность за обеспечение глобальной безопасности. Современная Россия, таким образом, подходит к вопросу прагматично и считает себя региональной державой, которая отвечает за страны, когда-то входившие в состав Советского Союза.

Чтобы отстоять данный статус, Россия позиционирует себя основным гарантом региональной безопасности в своей «сфере влияния» и выступает против тех действий региональных держав, которые она воспринимает как вмешательство и посягательство на подведомственные ей территории (в первую очередь со стороны США и НАТО). В то время как внимание российского руководства сосредоточено на отношениях с западными государствами (с Европой и с Ближним Востоком), Россия по-прежнему заинтересована в сохранении своего присутствия в Восточной Азии.

Если подходить к оценке реалистично, то в настоящее время Россия кажется недостаточно мощным государством, чтобы полностью достичь доминирующего положения среди мировых держав, поэтому внешнеполитический курс России носит «агрессивно-оборонительный» характер. Руководство выбирает военные способы воздействия на ситуацию, когда речь заходит о сохранении «региональной сферы влияния» (наглядным примером является участие России в конфликте на Украине), но в других вопросах ориентируется на сотрудничество и действует с более мягких позиций. В частности, Россия стремится к более тесному сотрудничеству с другими странами БРИКС (Бразилией, Ин-

Лим Юл Чул (Lim Eul Chul), профессор, директор по научно-исследовательской работе Института дальневосточных исследований (IFES) Университета Кеннам (Kyungnam University), Республика Корея. E-mail: eulclim@hanmail.net

дией, Китаем, Южной Африкой), чтобы эти многосторонние партнерства могли послужить альтернативой и противовесом существующему альянсу США и ЕС.

Настрой России в отношении Южной Кореи

В целом отношения между Южной Кореей и Россией выстраиваются в положительном ключе, если сравнить их с отношениями с другими странами Северо-Восточной Азии. В то время как Россия соперничает с Китаем и Японией и отстаивает свою позицию по ряду территориальных, исторических и политических вопросов, можно сказать, что в настоящий момент не существует никаких серьезных поводов для разногласий непосредственно между Россией и Республикой Корея. В начале 1990-х годов Россия даже активно стремилась к тесному взаимодействию с Южной Кореей для привлечения инвестиций в экономику.

В настоящее время Россия выработала сбалансированный подход к взаимодействию с двумя корейскими государствами и настроена на поддержание тесных отношений как с КНДР, так и с Республикой Корея. Россия признает, что Южная Корея является последовательным союзником США, что ограничивает развитие отношений южнокорейского государства с Россией (Россия поддерживает отношения с КНДР в рамках противодействия влиянию США в регионе). Тем не менее российское руководство стремится к созданию экономического партнерства с Южной Кореей в рамках более масштабной стратегии по диверсификации своей экономики. Относительно высокий уровень экономического развития и благосостояния Республики Корея дает России новое направление для развития экономического сотрудничества и снижает ее зависимость от Европы, США (и даже Китая), а также обеспечивает в лице Кореи потенциального партнера в вопросах развития дальневосточных областей России.

Итак, даже когда отношения России с США и Японией были напряженными, Россия стремилась поддерживать «дружественные» отношения с Южной Кореей как с «региональным игроком», с которым у нее есть «взаимная заинтересованность» в укреплении стабильности и экономическом развитии в регионе.

Изменения в России

В России произошли серьезные социально-экономические изменения с момента перехода к рыночной экономике. Такие изменения помогли ей восстановить в некоторой степени свое экономическое и политическое влияние на положение дел в мире. Хотя природные богатства (в первую очередь нефть и природный газ) и военная техника остаются основным источником экспорта (и влияния) страны, Россия постоянно диверсифицирует свою экономику, привлекая иностранные инвестиции в различные области производства и сферу услуг.

Однако социально-экономическому росту страны мешает возникшая вновь напряженность в отношениях между Россией и Западом. Авторитарная внутренняя политика России и ее достаточно агрессивная внешняя политика в отношении нескольких бывших советских республик вынудили Запад ввести ряд экономических санкций против России. Такие санкции (на том этапе наряду с повсеместной рецессией в мировой экономике) в значительной степени привели к приостановке роста российской экономики.

В настоящее время Россия, которая пытается найти правильный для себя баланс между противоположенными целями, сталкивается с необходимостью выбирать между социально-экономическими реформами или социально-экономической стабильностью, статусом регионального центра влияния или более тесным

партнерством с мировым сообществом; независимостью от политического вмешательства Запада и более тесными экономическими связями с Западом.

Недавно российская политика тяготела к сохранению стабильности внутри страны и регионального влияния, на что указывали поддержка, оказываемая пророссийским сепаратистам в Украине, ограничения на свободу политической мысли в стране и увеличение финансирования на модернизацию российской армии. В ближайшем будущем маловероятно, что Россия существенно изменит свою стратегию, а это означает, что напряженность в отношениях России с Европой и Западом будет сохраняться.

Несмотря на явный экономический рост в последние десятилетия, Россия по-прежнему недостаточно мощна, чтобы в одностороннем порядке бросить вызов американско-западной гегемонии или достичь экономического роста, на который не влияли бы западные инвестиции. Столкнувшись с напряженностью в отношениях с Западом, Россия продемонстрировала заинтересованность в более тесных отношениях со странами БРИКС, чтобы поддержать экономический рост. Эти усилия пока не увенчались серьезным успехом, по крайней мере не на том уровне, чтобы компенсировать экономические потери от западных санкций. Другие региональные державы, такие как Китай, признают Россию в качестве «потенциального» партнера, но еще не проявили активную заинтересованность в создании подобного партнерства.

Россия стремится изменить положение дел и стать богатой, влиятельной региональной державой в Европе и Азии. Самое серьезное опасение российского руководства заключается в том, чтобы Россия не стала страной, изолированной от международного сообщества, истощенной в экономическом плане и зависимой исключительно от такого ненадежного источника капитала, как продажа природных ресурсов.

Сейчас кажется, что Россия столкнулась с патовой ситуацией: ей удастся противостоять экономическому и дипломатическому давлению Запада, но при этом она не в состоянии увеличить свой экономический рост или геополитический капитал. Существует несколько факторов, которые повлияют на то, сможет ли Россия выйти из тупика. Прежде всего речь идет об успешном партнерстве России со странами БРИКС. Если России удастся построить более тесные отношения с Китаем, Индией и другими влиятельными региональными державами, то такой союз мог бы послужить альтернативным источником экономического роста и Россия смогла бы более эффективно противостоять влиянию США и ЕС. Другим фактором является либерализация государственной системы. Растущий средний класс в России начал выказывать недовольство коррупцией, неэффективностью работы чиновников и даже начал считать авторитарными методы работы правительства. В то время как большинство россиян в настоящее время поддерживают правительство, растет и число граждан, которые считают политические реформы необходимым фактором дальнейшего экономического роста. Если сторонников политических реформ станет больше, правительству России придется изменить политический курс, что может сказаться на стабильности в стране, но при этом положительно отразится на отношениях с Западом и будет способствовать созданию более эффективной политической системы.

У страны есть прекрасная возможность вернуть себе статус мировой державы, учитывая, что Россия обладает огромной территорией, значительными запасами природных ресурсов и высококвалифицированной рабочей силой. Для достижения этой цели Россия должна развивать различные направления в экономике, сделать систему государственного управления более эффективной и заключить надежные международные альянсы. Сейчас прогресс в достижении этих целей можно оценить как неоднозначный.

Для модернизации и диверсификации экономической системы России необходимо и дальше интегрироваться в мировую экономику, активно взаимодействуя с другими игроками. России необходимо привлекать иностранные инвестиции и заручиться поддержкой других игроков в вопросе получения и использования современных технологий. Также потребуются юридические и социальные реформы, чтобы создать надежную и прозрачную систему, привлекательную для иностранных инвесторов.

Это не означает, что Россия должна резко изменить внешнеполитический курс и занять прозападные позиции. Тем не менее продолжающаяся конфронтация с Западом в целом негативно влияет на экономический рост страны. Так как в Европе тоже осознают финансовые выгоды от взаимодействия с Россией, понимают ценность ее ресурсов, более взвешенный внешнеполитический курс может подтолкнуть Запад к тому, чтобы отказаться от невыгодных для обеих сторон экономических санкций в отношении России.

Повышение эффективности работы государственной системы также будет способствовать восстановлению статуса России в качестве мировой державы. Западная модель демократии вызывает настороженность и скептицизм у многих россиян. Однако все большая коррумпированность политиков и кумовство мешают эффективной работе государственных чиновников и подрывают доверие общества к ним.

Учитывая, что в российской политической системе скорее всего сохранятся черты авторитаризма, стоит порекомендовать российскому руководству делать более активные шаги на пути к политическому плюрализму и прозрачности системы, благодаря чему усилилась бы поддержка власти со стороны более состоятельного и хорошо образованного среднего класса. Также такие шаги положительно отразились бы и на образе России в глазах международного сообщества, что необходимо России, чтобы увеличить мягкую силу страны при создании международных альянсов.

Наконец, Россия, несмотря на свои размеры и потенциал развития, не может в одностороннем порядке навязывать свои взгляды другим игрокам на мировой арене. На самом деле вызывает сомнение способность России в одностороннем порядке даже сохранять свою региональную «сферу влияния». Многие из бывших советских республик либо прошли процесс интеграции с Европой (например, страны Балтии), либо поддерживают тесные отношения с США или с Китаем (государства Центральной Азии). В то время как очевидным является укрепление партнерства России с Китаем, его может быть недостаточно для повышения глобального влияния России. Учитывая, что экономический потенциал Китая и его возможности на мировой арене сейчас превосходят российские, Россия может не получить от китайского руководства надежную поддержку на мировой арене.

России придется вступать в различные новые альянсы, продолжая курс на улучшение отношений с другими странами БРИКС, а также со странами, которые в настоящее время имеют разногласия с Западом и США. Так как при нынешнем положении дел у России нет возможности стать лидером какого-то нового международного альянса, она может сыграть роль страны, чья позиция будет определять соотношение сил в региональных или глобальных делах. Как показала ситуация с Ираном, когда Россия выступила в качестве посредника при заключении ядерной сделки с Исламской республикой, Москва может взять на себя роль третьей стороны и содействовать прогрессу на переговорах между Западом и другими странами. Подобное влияние, если правильно им распорядиться, может повысить значимость страны в мировой политике.

Проблемы Корейского полуострова

С конца 1990-х годов Россия пытается поддерживать теплые отношения как с Южной, так и с Северной Кореей. Российское руководство стремится к созданию экономического партнерства с Южной Кореей, где уровень благосостояния выше, чем у ее северного соседа, но при этом хочет сохранить партнерские отношения и с КНДР. Для России укрепление отношений с Республикой Корея и Корейской Народно-Демократической Республикой необходимо для усиления позиций в Северо-Восточной Азии, учитывая, что в настоящее время доминирующую роль в регионе играют Китай и США.

Мирное сосуществование двух корейских государств должно входить в сферу интересов России. Благодаря политической стабильности и экономическому процветанию на Корейском полуострове России удалось бы поддерживать определенный уровень экономического развития на Дальнем Востоке и найти в лице двух корейских государств альтернативу партнерам из Китая, который сейчас увеличивает экономические инвестиции в данный регион России, а вместе с ними растет и влияние КНР. По этой причине Россия готова участвовать в трехсторонних переговорах с двумя корейскими государствами, чтобы упростить создание совместных предприятий, например, единой Транскорейской (ТКР) и Транссибирской (ТСР) железной дороги и общей зоны свободной торговли.

Влияние России на обе Кореи небольшое по сравнению с влиянием, оказываемым на них Китаем и США. Ни Южная, ни Северная Корея не считают Россию близким партнером или союзником. Тем не менее голос России зачастую может оказаться решающим при обсуждении региональных вопросов, что может быть ценно для достижения стабильности на Корейском полуострове. По сравнению с Китаем дипломатическая поддержка Россией КНДР имеет больше нюансов, но Россия по-прежнему увеличивает экономическую поддержку Северной Кореи (например, недавнее списание большей части долга КНДР России). Россия играет роль «альтернативного союзника» для государства, традиционно имеющего более тесные связи с Китаем. С Республикой Корея Россия подписала двустороннее соглашение о безвизовом режиме. Также руководство России с интересом восприняло «Евразийские инициативы», предложенные президентом Пак Кын Хе. Корейское руководство надеется, что большая открытость во взаимоотношениях с евразийскими государствами, например, Россией, будет способствовать выходу КНДР из состояния изоляции.

В интересах России продолжать параллельно развивать дипломатические отношения с двумя Кореями. В то время как Китай и США могут воспринимать Кореи как буферные государства, именно в интересах России (которая не является основным союзником ни для одного, ни для другого корейского государства) помочь в создании «нейтральной зоны» на Корейском полуострове, где влияние США и Китая было бы ограничено. Россия будет поддерживать проведение переговоров между Северной и Южной Кореями и возможное воссоединение стран, если это приведет к большей независимости Корейского полуострова от китайской и американской гегемонии.

Для достижения этой цели Россия должна не допустить распада КНДР и поглощения страны Китаем и поддержать политическую независимость КНДР во время экономических и даже политических реформ. Гарантия поддержки со стороны России может стать важным фактором, способствующим большей восприимчивости страны к реформам, и ослабит обеспокоенность политической элиты КНДР относительно независимости страны и ее дальнейшего существования.

Экономические отношения России с Республикой Корея также могут быть взаимовыгодными для обеих стран и помочь вывести КНДР из изоляции.

Несмотря на постоянные попытки со стороны Южной Кореи наладить экономическое партнерство с КНДР (например, создание промышленного парка в Кэсоне), руководство КНДР в большей степени сосредоточено на экономических отношениях страны и отношениях в сфере безопасности с Китаем и США (возможно, в знак признания того, что экономической и политической опорой Республики Корея является США). Сближение между Россией и Республикой Корея обеспечит для России большие финансовые рычаги для поддержки экономических реформ в КНДР, а РК предоставит альтернативную возможность опосредованно воздействовать на стабилизацию ситуации в регионе и налаживать сотрудничество между двумя Кореями.

Последний тезис основывается на двух предположениях. Во-первых, Россия в большей степени заинтересована в изменении текущей геополитической обстановки в регионе, чем Китай или США, так как она не получает выгоды от нынешнего положения дел, отмеченного противостоянием КНДР и Китая против Республики Корея и США. Во-вторых, Россия в состоянии завоевать доверие Южной и Северной Кореи, выступая в роли надежного арбитра, поддерживающего основные интересы каждой стороны (для КНДР ключевым интересом является сохранение режима; для РК – экономическая и политическая стабильность и сотрудничество).

Сможет ли Россия взять на себя роль «третейского судьи»?

Если ставить вопрос, хочет ли Россия обладать соответствующим влиянием в Северо-Восточной Азии, то ответ будет положительным. Россия неуклонно увеличивает свое военное присутствие, модернизирует свои вооруженные силы, а также инвестирует в Тихоокеанский регион, признавая его значимость для России, имеющей статус «евразийского государства». Если поставить вопрос, хотят ли русские мира и стабильности на Корейском полуострове, ответ также будет положительным. Есть две причины для этого. Во-первых, стабильность и экономический рост на Корейском полуострове может оказать положительное воздействие на экономическое развитие дальневосточных областей России. Во-вторых, Россия предпочитает, чтобы Корейский полуостров стал «нейтральной буферной зоной», а не сферой влияния Китая или США.

Может ли Россия стать одним из основных посредников в области мирного урегулирования на Корейском полуострове? В краткосрочной перспективе ответ отрицательный. Россия в Северо-Восточной Азии не является достаточно сильным игроком, чтобы решительно изменить региональную динамику. Рычаги воздействия России на КНДР не достаточно сильны, чтобы вынудить северо-корейский режим изменить свою внутреннюю и внешнюю политику. Россия также не в состоянии заставить Китай и США изменить свои стратегии в отношении КНДР, а также переубедить американских союзников – Японию и Корею – в значительной мере отклониться от американской региональной политики.

(К тому же существует вероятность, что продолжение противостояния между Россией и Западом, а также тактика заигрывания России с Китаем и КНДР приведет в краткосрочной перспективе к росту напряженности между морскими /США, Япония/ и континентальными /Россия, Китай/ державами в Северо-Восточной Азии.)

Тем не менее в качестве заинтересованной стороны в регионе Россия могла бы играть свою роль в осуществлении «коллективных усилий», нацеленных на то, чтобы способствовать стабилизации и установлению прочного мира на Корейском полуострове. Несмотря на разногласия по другим вопросам, и Россия, и США имеют общие интересы, направленные на экономическую ли-

берализацию и интеграцию КНДР в мировое сообщество, а также принуждение Северной Кореи к отказу от ядерного оружия. Недавние ядерные переговоры между Ираном и шестеркой стран-переговорщиков указывают, что и переговоры с КНДР по этому вопросу могут быть успешными. Легитимность достигнутых на переговорах результатов будет еще выше, если их одобрит Россия и (хотя бы частично) будет гарантировать соблюдение договоренностей (это уменьшит обеспокоенность лидеров КНДР возможным ростом зависимости от Китая).

Возможно, сегодня Россия не может играть решающую роль посредника в решении международных вопросов, но она может внести значительный вклад в сдерживание других государств региона для предотвращения эскалации региональной напряженности. Россия также могла бы обеспечить более широкие возможности для дипломатического и экономического сотрудничества и содействия процессу разрешения споров.

Скептики могут задаться вопросом, до какой степени Россия будет стремиться сохранить свою роль в решении региональных проблем Северо-Восточной Азии, учитывая, что в настоящее время она сталкивается с целым рядом внутренних и международных проблем. Могут скептики указать и на незначительное (и даже несущественное) участие России в предыдущих шестисторонних переговорах. И хотя эти суждения имеют под собой определенную основу, всё же не стоит забывать, что Россия воспринимает себя как «евразийскую нацию» и поэтому всегда будет стремиться развить свое стратегическое влияние в Северо-Восточной Азии в долгосрочной перспективе. Мы не должны сбрасывать со счетов значительный потенциал России и ее стремление к построению многополярного миропорядка, особенно в свете тех экономических и политических сложностей, которые в настоящее время переживает Запад – США и ЕС.

Вполне возможно, что Россия может вступить в период экономического спада и международной изоляции (а может быть, даже и политической нестабильности) из-за конфронтации с Западом. Соответственно, может произойти дальнейшее уменьшение ее роли в Северо-Восточной Азии. Возможно и другое: Россия преодолеет разногласия с Западом и продолжит развитие в направлении восстановления статуса мировой державы. Может быть, нам стоит задать себе вопрос: желаем ли мы дальнейшего укрепления России в надежде, что она станет катализатором конструктивных процессов на Корейском полуострове? Ответ на этот вопрос будет положительным, потому что стратегическим интересам России в регионе соответствует стабильная, «нейтральная», экономически развитая Корея.

И даже если процесс примирения двух Корей может быть запущен и без значительного участия России, в долгосрочной перспективе потребуются поддержка со стороны России, так как именно она может значительно ускорить либо, наоборот, затормозить этот процесс (если сочтет, что примирение противоречит ее целям в регионе).

Перевод с английского *Н.В. Панич*

Аннотация. С конца 1990-х годов Россия стремится поддерживать партнерские отношения как с Южной, так и с Северной Кореей. Российское руководство стремится к созданию экономического партнерства с Южной Кореей, где уровень благосостояния выше, чем у ее северного соседа, но при этом хочет сохранить партнерские отношения и с КНДР. Для России укрепление отношений с Республикой Корея и с Корейской Народно-Демократической Республикой необходимо для усиления позиций в Северо-Восточной Азии, учитывая, что в настоящее время доминирующую роль в регионе играют Китай и США.

Мирное сосуществование двух корейских государств входит в сферу интересов России. Благодаря политической стабильности и экономическому процветанию на Корейском полуострове России удалось бы поддерживать определенный уровень экономического развития на Дальнем Востоке и найти в лице двух корейских государств альтернативу партнерам из Китая, который увеличивает экономические инвестиции в данный регион России, а вместе с ними растет и влияние КНР. По этой причине Россия готова участвовать в трехсторонних переговорах с двумя корейскими государствами, чтобы упростить создание совместных предприятий, например, единой Транскорейской (TKR) и Транссибирской (TSR) железной дороги и общей зоны свободной торговли.

Благоприятным фактором для стабилизации ситуации на Корейском полуострове может стать позиция России в качестве стороны, которая способна влиять на ситуацию, поддерживая ту или иную сторону. Россия должна продолжать развивать оба дипломатических направления, так как именно в ее интересах добиться урегулирования конфликтов и создания «нейтральной зоны» (учитывая, что она не является основным союзником ни для одного из корейских государств).

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, Дальний Восток, тихоокеанское партнерство, урегулирование корейского конфликта.

Lim Eul Chul, Professor and Research Director, Institute for Far Eastern Studies (IFES), Kyungnam University. E-mail: eulclim@hanmail.net

Russia's Identity and Role on the Korean Peninsula

Abstract. Since the late 1990s Russia has attempted to maintain cordial relationship with both Koreas. While seeking to form an economic partnership with more affluent ROK, Russia maintains its "alliance" with the DPRK. For Russia, closer relations with both Koreas are necessary to increase its relevance in Northeast Asia, as China and the US are currently playing a more dominant role in the region.

It is in Russia's interest to support peaceful coexistence of the two Koreas. The political stability and economic prosperity in the Korean peninsula could stimulate economic development of eastern/Pacific regions of Russia and provide alternative partners from China, which is already increasing its economic investments and influence over Pacific Russia. For this reason, Russia has been open to trilateral talks with the two Koreas on facilitating mutual economic ventures, such as interconnecting TSR-TKR Railroads, and the mutual use of Free Trade Zone.

Russia's role as "swing" stakeholder could become a factor in shifting the regional dynamics favorably toward the stability in the Korean peninsula. Russia should continue its two-track diplomacy with the two Koreas. It is more in the interest of Russia (which is not the primary ally of either Korea), to help create a more "neutral zone" in the Korean Peninsula.

Keywords: ROK, DPRK, Far East, Pacific cooperation, Korean conflict resolution.

Сравнительный анализ самосознания и социальной идентичности в Китае и России (на данных сравнительных исследований)

Определение социальной идентичности отвечает на вопрос «Кто это?». Все личностные дескрипторы, отвечающие на вопрос «Какой это человек?», непосредственно соотносятся с социальной идентичностью или подразумевают ее [2, с. 143]. Данная работа предоставляет описание сходства и различия в структуре социальной идентичности китайцев и россиян в эпоху перемен на данных сравнительного исследования в Шанхае и Санкт-Петербурге¹.

Для сравнительного анализа самосознания и социальной идентичности жителей двух городов в нашей анкете задавались два вопроса: 1) «Кем вы себя в первую очередь считаете?»; 2) «Какие из нижеперечисленных сорока вариантов ответов больше всего соответствуют вашим повседневным чувствам?». Результаты опроса приведены в табл. 1–3.

Таблица 1

Категории идентичности, конкретные показатели и выборность (выбор трех наиболее важных, %)

Категории социальных статусов и спецификации	Шанхай N=1604	СПб. N=1300	Значение (F тест)
Этническая/национальная идентичность			
Ханец / русский	5,0	20,4	171,156***
Представитель нацменьшинств / собственной нации	0,2	3,5	45,639***
Потомок дракона / славянин	3,6	2,5	2,892
Государственная идентичность			
Гражданин Китая / России	25,7	23,1	2,609
Гражданин великой державы	2,4	8,2	52,342***
Гражданин страны, которая перестала быть великой державой	–	5,5	–
Классовая принадлежность			
Обеспеченный (человек из состоятельной семьи)	1,3	1,5	0,171
Представитель среднего класса	0,7	3,4	26,343***

¹ Совместный китайско-российский проект «Сравнительное исследование социальной структуры и социальной идентичности в обществах Китая и России» проводился в 2008–2010 годах Центром исследований России и Центральной Азии ШАОН, Институтом социологии ШАОН и Институтом социологии РАН.

Пань Давей, профессор, директор Центра исследований России и Центральной Азии Шанхайской академии общественных наук. E-mail: pdw@sass.org.cn

Категории социальных статусов и спецификации	Шанхай N=1604	СПб. N=1300	Значение (F тест)
Представитель интеллигенции	8,5	4,5	18,815***
Бедный	6,9	4,5	6,961**
Тот, кто имеет власть в обществе	0,5	0,2	2,573
Капиталист	0,0	0,3	4,947*
Житель сельской местности	1,6	–	–
Демографическая идентичность			
Молодой	17,1	19,8	3,420
Пожилый	4,6	3,4	2,586
Мужчина/Женщина	13,3	30,6	136,233***
Географическая идентичность			
Азиат/европеец	1,1	2,5	8,895**
Житель Шанхая/Санкт-Петербурга	29,5	32,5	3,102
Приезжий	6,7	0,3	81,998***
Местный	8,6	7,5	1,323
Семейная идентичность			
Отец/мать	23,1	26,6	4,806*
Сын/дочь	12,9	6,5	32,542***
Муж/жена	20,6	12,9	30,123***
Политическая принадлежность			
Член компартии / советский человек	3,9	4,4	0,488
Сторонник жесткого порядка в стране	–	2,6	–
Сторонник определенного политика, партии	–	1,2	–
Сторонник развития по социалистическому пути	1,3	–	–
Профессиональная идентичность			
Рабочий	3,1	4,7	4,663*
Член собственных профессиональных групп	11,7	7,2	17,247***
Крестьянин	0,2	0,0	--
Учащийся	5,0	4,0	1,757
Безработный	6,8	1,1	59,257***
Пенсионер	8,9	8,3	0,281
Рядовой работник	11,1	3,8	54,186***
Предприниматель	0,8	1,3	1,729
Религиозная идентичность			
Верующий	0,3	3,5	42,826***
Буддист/православный	2,2	8,7	62,634***
Комплексная самооценка			
Такой же, как все	32,1	8,4	260,533***
Человек без будущего	3,9	1,2	20,531***
Тот, кто сам определяет свою судьбу	14,4	19,6	14,180***

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 2

**Рейтинг самых важных идентификаций
в Шанхае и Санкт-Петербурге (выбор трех)**

Рейтинг (место)	Идентификации (в скобках % выбора)	
	Санкт-Петербург	Шанхай
1	Петербуржец (32,5)	Такой же, как все (32,1)
2	Мужчина/женщина (30,6)	Шанхаец (29,5)
3	Отец/мать (26,6)	Гражданин Китая (26,7)
4	Гражданин России (23,1)	Отец/мать (23,1)
5	Русский (20,4)	Муж/жена (20,6)

Таблица 3

Сравнение индексов 10 категорий самоидентичности (выбор трех)

Категории самоидентичности	Индекс идентичности ¹		Сравнение двух городов	
	Санкт-Петербург (N=1300)	Шанхай (N=1604)	Проверка F	
Относительно высокая степень идентичности	Семейная идентичность	15,36	18,87	16,340***
	Демографическая идентичность	17,95	11,49	78,480***
	Комплексная самооценка	9,72	16,78	108,632***
	Национальная идентичность	12,23	14,01	5,409*
	Региональная идентичность	10,71	11,67	2,222
Относительно низкая степень идентичности	Этническая идентичность	8,77	2,94	156,696***
	Профессиональная идентичность	3,79	5,96	74,472***
	Религиозная идентичность	6,08	1,28	102,908***
	Политическая идентичность	2,74	2,59	0,134
	Классовая идентичность	2,38	2,78	3,165

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

¹ Подсчёт индекса идентичности: (Общая выборность всех индексов, включённых в каждую из категорий идентичности / числовое значение каждой категории идентичности)*100%.

В 1990-х годах Россия и Китай хотя и разными способами, но выбрали пути рыночной экономики, что привело к всесторонней реформе общественной жизни. Прошло более тридцати лет, общества и в Китае, и в России подверглись значительным изменениям. И по сей день общества и Китая, и России стоят перед лицом дальнейших масштабных изменений. Согласно теории социальной психологии трансформаций, происходящие вслед за политиче-

скими и экономическими трансформациями изменения в социальной структуре, а также изменения в отношениях между государством и обществом – все их процессы, механизмы, результаты – аккумулируются в относительно стабильной специфике личности [4].

Кроме прошедшего за последние годы пути, с точки зрения национального духа и культуры, и Китай, и Россия пережили длительный этап авторитарного режима, в результате которого народам обеих стран были присущи такие качества, как императорская власть, преклонение перед властью, недостаточность личных творческих начал и независимости. Более того, обе нации имеют естественную склонность к коллективизму. В Китае имеется культура коллективизма, которая коренится в традиционной семейной культуре, а в России – коллективный дух, основанный на общине. Такие исторические события, как Ренессанс и другие, оказавшие огромное влияние на развитие культуры Запада, не повлияли на развитие китайского и российского обществ, поэтому в обеих странах отсутствуют традиции верховенства закона, укорененности концепций частной собственности¹. Наряду с этим следует учесть и то, что культура России хотя и отличается от культуры Запада, однако при сопоставлении с Китаем все-таки обладает явными чертами западной культуры.

Как правило, изменения психологии личности, как и изменения ценностей, требуют аккумуляции исторического времени. Замена традиционной личности современной – медленный и наиболее тяжело осознаваемый процесс модернизации. В этом плане нельзя упускать из виду то обстоятельство, что стартовые условия трансформации были различны для Китая и для России. Очевидно, что влияние десятилетнего опыта современной жизни в Шанхае и полувекового опыта современной жизни в России на личность и психологию повседневной жизни общества не одинаковое.

Сходства и различия в структуре идентичности горожан Шанхая и Санкт-Петербурга

Сходства

– Жители обоих городов имеют высокую степень идентичности по показателям национальной и региональной идентичности и достаточно низкую по политической и классовой идентичности.

– В обоих городах выигравшие чаще по сравнению с проигравшими ориентируются на индивидуалистические стратегии.

Различия

– Шанхайские жители больше подчеркивают социальный статус, а петербургские – индивидуальный статус.

– Частота выбора национальной идентичности в Санкт-Петербурге выше, чем в Шанхае, а основное различие между двумя городами приходится на статус «гражданин великой державы».

– Существуют различия в степени выбора профессиональной идентичности в двух городах.

– Петербуржцы обладают более современными личными характеристиками, шанхайцы более традиционны.

К каким выводам мы можем прийти, основываясь на этих данных? По мнению автора, по крайней мере три нижеследующих вывода несомненны.

1. В обоих городах высока степень идентичности жителей по статусам граждан своих государств, жителей городов и семейных ролей, и относительно низка степень политической и классовой идентичности. Статус жителя свое-

¹ Обсуждение качеств, характерных для России см. [1, с. 16].

го города для шанхайцев и петербуржцев обладает заметным символическим значением в системе идентичности. Это объясняется тем, что проживание в таких экономически относительно развитых городах позволяет их жителям обладать большими ресурсами и возможностями в развитии своей карьеры и личной жизни по сравнению с жителями других местностей. Согласно нашей трактовке полученных данных, система благосостояния напрямую влияет на повседневную жизнь людей и способность оказывать сопротивление рискам повседневности, очевидна важная роль этой системы в формировании и усилении социальной идентичности.

2. Исследование показало, что у шанхайцев, как правило, имеется самосознание и идентичность, ориентированные на других, на реляционную модель и на социальные характеристики, например, достаточно высока идентификация себя с такими вариантами, как «такой же, как все», «рядовой работник». Идентичность же петербуржцев, как правило, ориентирована на самих себя и личные характеристики, например, достаточно высока идентификация себя с такими статусами, как «мужчина/женщина», этническая и религиозная идентичность. Исследование также показало, что по сравнению с петербуржцами у шанхайцев более низкий уровень выбора варианта «тот, кто сам определяет свою судьбу». В этой связи вновь повторим, хотя культура России отличается от культуры Запада, однако по сравнению с Китаем она все же обладает явными чертами западной культуры. Соответственно, различия в социальной психологии и культурных особенностях китайского и русского народов не обязательно сократятся в результате дальнейшей модернизации.

Известный китайский социолог Фэй Сяотун в своей самой значимой теоретической работе «Китайская деревня глазами этнографа» [3] описал китайское общество в таких категориях, как центр – периферия, пространство сетей, и использовал термин «ассоциации различных типов»¹. По его мнению, китаец, как правило, ставит себя в определенные сети социальных отношений, чтобы определить, «кто я». Поэтому для китайца самооценка является гибкой, подверженной влиянию сетей социальных отношений, к которым он (или она) принадлежит. А в системе западных ценностей сама личность исходит из «индивида как такового» в качестве отправной точки.

По конфуцианству способность вместить как можно большее количество людей в собственное пространство, умение воспринимать радость и горе других как собственные – являются моральными принципами достойного человека. Следовательно, понятие «мы» носит моральную окраску. С этим связаны и принципы умеренности (золотой середины), скромности, осторожности и сдержанности. Этим и объясняется, почему большинство респондентов в Шанхае на вопрос «Из сорока вышеперечисленных вариантов выберите три варианта, которые в наибольшей степени отражают вашу идентичность» ответило: «Такой же, как все».

Модернизация и глобализация не в состоянии свести на нет присущий любой нации менталитет, который сформировался в результате ее исторического, культурного, социального и экономического развития.

3. В современном мире все страны, как никогда, взаимосвязаны и взаимозависимы. Мы как жители одной деревни Земля с каждым годом во всё большей степени становимся сообществом с общей судьбой. Нам не только необходимо определить то, что является для нас общим, но и уметь учитывать индивидуальные особенности каждой нации. Как говорят в Китае, о том, подхо-

¹ Этот термин Фэй Сяотун использовал для моделирования китайского общества, в котором доминируют строго упорядоченные, ранжированные, распределенные по категориям социальные связи.

дят ли туфли, узнаешь только, когда примеришь их. Никто, кроме народа самой страны, не имеет права голоса по вопросу о том, подходит ли стране выбранный ею путь развития. К сожалению, всегда найдутся люди, которые упускают из виду эту банальную истину.

Литература

1. *Лэйард, Ричард; Паркер, Джон.* Грядущий российский бум / Перевод Бай Цзе и др. Пекин: Центральное редакторское и переводческое издательство, 1997 (на кит. яз.).
2. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998.
3. *Фэй Сяотун.* Китайская деревня глазами этнографа. М.: Наука. 1989.
4. *Ян И-инь.* Изменения в личности: изучение личности с точки зрения социальных изменений // Научная газета Юго-Западного университета (социальные науки). 2010. № 4 (на кит. яз.).

Аннотация. В статье подводятся итоги сравнительного анализа самосознания и социальной идентичности жителей Шанхая и Санкт-Петербурга, основанного на социологических исследованиях 2008–2010 годов. Важнейшие из них: статус жителя своего города для шанхайцев и петербуржцев обладает заметным символическим значением в системе идентичности; шанхайцы в своей самоидентификации в большей степени ориентированы на других, петербуржцы же – на самих себя; культура России отличается от культуры Запада, однако по сравнению с китайской она все же обладает явными чертами западной культуры; никто, кроме народа самой страны, не имеет права голоса по вопросу о том, подходит ли стране выбранный ею путь развития.

Ключевые слова: социальная психология, идентичность, китайцы, русские.

Pan Dawei, Professor; Director, Russia and Central Asia Research Center, Shanghai Academy of Social Sciences (China). E-mail: pdw@sass.org.cn

Comparative Analysis of Identity and Social Identity in China and Russia (Based on Comparative Studies)

Abstract. The article summarizes the comparative analysis of identity and social identity of the residents of Shanghai and St. Petersburg based on the 2008-2010 sociological research. The most important factors are: the status of the inhabitants in Shanghai and St. Petersburg is very symbolic in the system of identity; the citizens of Shanghai rely on others in shaping their identity, while the citizens of St. Petersburg on themselves; Russian culture is different from Western culture, but compared with the Chinese, it still has clear characteristics of the Western culture; no one but the people of the country, has the right to decide whether the chosen policy and the way of development are suitable for the state or not.

Keywords: Social Psychology, Identity, Chinese, Russian.

Современная Азия: традиционные ценности и модернистские вызовы

{ Секция вторая }

Джонго Нам
Особенности корейского консерватизма

К.В. Асмолов
Уроки корейской истории XIX–XX веков для современной России

И.Е. Денисов
Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР

А.А. Маслов
Традиционная политическая культура Китая, идентичность и новые формы реализации мягкой силы

А.Е. Куланов
Привлекательный японский консерватизм: генезис и трансформация. Взгляд из России

Арун Моханти
Ценности и основания современной индийской политики

Ташансу Тюркер
Административные реформы и концепции «родина» и «нация» в империях модернизации: Турция и Россия

Особенности корейского консерватизма

Прежде чем приступить к обсуждению специфики корейского консерватизма, необходимо дать определение понятия «консерватизм».

В «Британской энциклопедии» (2015) приводится следующее определение: «Консерватизм – политическая доктрина, в которой подчеркивается значимость традиционных институтов и подходов и существующего порядка. Консерватизм отдает предпочтение унаследованным формам организации общества, в противовес абстрактным и идеальным моделям. Консерватизм традиционно опирается на органическую концепцию общества, то есть в его основе лежит убеждение, что общество представляет собой не просто совокупность разрозненных индивидов, а живой организм, включающий в себя тесно взаимосвязанных членов».

Понятие «консерватизм» многозначно, оно приобретает различную окраску и оттенки значения, будучи употребленным по отношению к различным социальным феноменам. Термин может применяться по отношению к вопросам, касающимся политической идеологии, описывать образ жизни и определенное отношение к традиции.

В социальной и культурной сферах консерватизм тесно связан с традициями некоторых стран [3, р. 31]. Общество, в котором высоко чтятся традиции и образ жизни, унаследованный от предков, следует рассматривать скорее как консервативное, нежели прогрессивное.

Таким образом, невозможно говорить о специфике корейского консерватизма, не затрагивая вопросов традиционного уклада жизни корейского общества.

Является ли консервативным корейское общество?

Прежде чем приступить к анализу корейского консерватизма, имеет смысл выяснить, является ли корейское общество консервативным.

По данным опроса, проведенного в 2013 году одной из ведущих корейских газет «Dong-a Ilbo», 33,2% респондентов заявили о своей поддержке консервативных ценностей. При этом 28,7% декларировали свою приверженность прогрессивным идеям. Остальные участники – 38,1% – либо не определились с ответом, либо охарактеризовали свои взгляды как центристские¹. В 2010 году сторонники консервативных взглядов составляли 22,6%, то есть без малого на 11% меньше по сравнению с данными 2013 года. Теперь прогрессивные идеи

¹ Dong-a Ilbo. 2013. January 1. URL: <http://news.donga.com/Politics/3/00/20130101/51974303/1>

Джонго Нам, обозреватель ежедневной газеты «JoongAng Ilbo» («Чунъан Ильбо»); Сеул, Республика Корея). E-mail: nam.jeongho@joongang.co.kr

разделяли 32,9% респондентов. Таким образом, напрашивается логичный вывод, что корейское общество становится все более и более консервативным.

Кроме опоры на приведенные выше данные, следует обратиться к свидетельствам иностранцев, долгое время проживающих в Корее, чьи оценки также весьма полезны и значимы для понимания процессов, происходящих в корейском обществе. Существует немалое количество публикаций, посвященных жизни в Корее. Во многих из них корейское общество описывается как вполне консервативное и традиционное [напр., 1]. Иностранцы, особенно представители западных стран, отмечают традиционализм поведения корейцев, который подчас выглядит для них даже странно и непривычно.

Конфуцианство как основа корейского общества

В основе мировоззрения и миропонимания корейцев лежит уходящая корнями глубоко в историю философская система ценностей и представлений, разработанная под влиянием учений китайского философа Конфуция, – конфуцианство.

Конфуцианство опирается на несколько принципов. Среди них выделяются два наиболее значимых – преданность своему обществу, включая школу, компанию и родину; уважение к старшим, причем не только к собственным родителям и предкам, но и к старым людям вообще. Конечно же, и другие принципы конфуцианства сохраняют свою значимость. Согласно конфуцианскому учению, жена должна слушаться мужа и следовать его воле. В утверждении о превосходстве мужчины над женщиной можно было бы усмотреть дискриминацию по признаку пола [4].

Подобный образ мышления, подкрепленный конфуцианскими традициями, присутствует в сознании каждого корейца и играет важную роль во всех сферах жизни корейского общества. Без правильного понимания этих принципов было бы невозможно выявить скрытые причины некоторых, казалось бы, странных традиций корейского общества.

В Корее существует множество самобытных традиций. Например, молодые люди не должны курить в присутствии старших, в особенности в присутствии своих родителей. Курение не поощряется в Корее, людей скорее стыдят за такую привычку. Сходное отношение наблюдается и к употреблению алкоголя. В отличие от курения, употребление спиртного в присутствии пожилых людей разрешено, но молодые люди должны вести себя уважительным образом. Если молодые люди участвуют в совместном застолье с родителями, либо с дедушками и бабушками, им предписывается наполовину отвернуться в сторону, прежде чем пригубить алкогольный напиток.

Конфуцианская идеология также сильно влияет на отношения между людьми в обществе и на работу учреждений. Полная преданность организации, к которой принадлежит тот или иной индивидуум, – будь то школа или компания – рассматривается как значимая добродетель и является, по сути, обязательной. Конечно, от корейцев ожидается и проявление социальной ответственности. Таким образом, предполагается, что молодые образованные корейцы должны стать ответственными общественными деятелями, чиновниками, политиками, всей душой радеющими за общее благо и готовыми служить общественным интересам [6]. Такой образ мышления предполагает, что представители корейской элиты должны стойко переносить самые серьезные трудности и лишения. Например, государственные служащие не должны жаловаться на низкую оплату труда, на разного рода переработки и т.д. Почему? Потому что они должны быть готовы принести себя в жертву во благо общества и страны.

Один из ключевых секретов успеха экономической модели Кореи заключается в том, что благодаря конфуцианской философии удалось привлечь большее число патриотично настроенных и эффективных менеджеров государственного управления. Корейские госслужащие пользуются подлинным уважением со стороны рядовых граждан.

Еще одной важной традицией является меритократия. Она подразумевает отбор и продвижение государственных служащих по их заслугам, а не по происхождению. В прошлом любой, кто хотел занять высокую должность в системе государственного управления, должен был пройти довольно серьезный экзаменационный отбор, который проводился под строгим надзором правительства. Эти специальные экзамены, в которых мог принять участие любой гражданин страны, проводились в Сеуле очень часто. Естественно, родители, которые прочили своим детям карьеру государственного служащего, заставляли их много учиться.

Хорошо известно, что азиатские матери всегда требуют от своих детей очень серьезного подхода к учебе и отличных результатов на экзамене. Это связано с тем, что в Корее существует прямая зависимость между академической успеваемостью и успешностью в жизни в целом. Если молодой человек оканчивает авторитетное высшее учебное заведение, это означает, что он может рассчитывать на отличное трудоустройство, высокую зарплату и даже на красивую жену. Другими словами, принадлежность человека своему университету является знаковой, и корейцы, как правило, судят о человеке по университету, который он окончил. Также широко распространено мнение, согласно которому акцент на образовании стал одним из главных секретов экономических успехов Кореи после обретения ею независимости в 1945 году.

Культурные отличия Кореи от Китая и Японии

Тем не менее очевидно, что Корея не только конфуцианская страна. Во многих азиатских странах, включая Китай, Японию и Вьетнам, конфуцианская традиция сильна. Особенно в Китае, где более двух тысяч лет назад и зародилось это учение. Но, похоже, что влияние и наследие конфуцианства в Корее проявляется намного отчетливее по сравнению с Японией и даже Китаем. Почему конфуцианство пустило более глубокие корни именно в Корее?

В Китае коммунистическая партия страны пыталась уничтожить эту философскую традицию, особенно во время «культурной революции». Мао Цзэдун, самый влиятельный лидер Китая за всю историю, правивший страной в течение двадцати семи лет, заявил, что старая система Китая мешала строительству коммунизма и должна быть уничтожена [2]. Мао привлек молодых коммунистов в ряды «красной гвардии» и велел им не подчиняться старым правилам. Типичным примером отхода от старых правил стал арест именитых ученых молодыми студентами. По нормам конфуцианства, это было немыслимо, недостойно.

Иначе история развивалась в Японии. Эта страна первой в Азии пошла по западному пути. Здесь с середины XIX века, когда американский адмирал Перри прибыл в Японию и заставил ее силой оружия «открыть перед ним свои двери», шло практическое изучение различных западных систем, механизмов, перенимался западный опыт. Японцы славятся своей способностью быстро перенимать и встраивать в свою систему зарубежный опыт.

В Корее, напротив, подлинная модернизация началась после освобождения от японской оккупации в 1945 году. Всего семьдесят лет назад, а не более ста пятидесяти, как в Японии. И вполне понятно, что Корея в большей степени следует традициям главным образом потому, что никто намеренно не мешал ей развиваться по избранному пути, не вынуждал отходить от традиционных взглядов. К тому же и сам период вестернизации был существенно короче.

Корея – быстро изменяющаяся страна

И все же было бы несправедливо и ошибочно считать Корею просто традиционалистской страной. В действительности, корейское общество стремительно меняется.

В 1910 году, когда Корейский полуостров был насильственно присоединен к Японии, Сеул и Токио различались кардинально во многих аспектах. Сейчас же, спустя столетие, нелегко найти принципиальные различия между этими двумя городами.

Экономический разрыв также быстро сокращается. Корейская компания “Samsung” – один из гигантов электронной промышленности – еще относительно недавно была в тени таких японских производителей электроники, как “Sony”, “Toshiba”, “Sharp” и др. Однако сегодня “Samsung” – абсолютный лидер в мире электроники.

В 1953 году, сразу после Корейской войны, ВВП на душу населения в стране равнялся всего 67 долларам [5], что даже ниже, чем в Судане. Сегодня этот показатель составляет 28 тысяч долларов, и Корея входит в десятку стран-лидеров по внешнеторговому обороту.

Естественно, и образ мышления, мировоззрение корейцев меняются стремительно. Возможно, Корея является одной из стран, способных быстро впитывать внешнюю культуру. И хотя консервативный, традиционный образ мышления всё еще преобладает в корейском обществе, эти устои серьезно трансформируются.

Ярким примером подобных преобразований является коренное изменение восприятия развода. В прошлом развод считался грехом, поэтому также греховным считалось оставлять жену или мужа. Считалось, что брак должен быть заключен лишь единожды – и на всю жизнь. Брак является обязательным для представителей старого поколения корейцев. Они не рассматривают его как один из вариантов развития отношений. Но среди молодых корейцев развод не считается больше грехом, это вопрос их личного выбора, а не табу. В 1970 году развелись 0,55 из 1000 человек, а через 30 лет число бракоразводных процессов увеличилось в четыре раза, и этот показатель составил 2,46¹. Учитывая, что все больше молодых корейцев предпочитают не создавать семью, в настоящее время также резко уменьшается число семей. Это своего рода социальный тренд, который трудно было бы даже представить себе всего тридцать лет назад.

Другие конфуцианские традиции исчезают в корейском обществе столь же быстро.

В заключение следует подчеркнуть, что корейское общество – сегодня в целом всё еще консервативное и традиционное – быстро меняется и становится похожим на любое другое западное общество.

¹ The Seoul Research Data Service. URL: <http://data.si.re.kr/node/372>

Литература

1. *Brazinsky, Gregg A.* Nation Building in South Korea: Koreans, Americans, and the Making of a Democracy. University of North Carolina Press, 2009.
2. *MacFarquhar, Roderick; Schoenhals, Michael.* Mao's Last Revolution. Harvard University Press, 2006. P. 366–372.
3. *Muller, Jerry Z.* Conservatism: An Anthology of Social and Political Thought from David Hume to the Present. Princeton: Princeton University Press, 1997.
4. *Oldstone-Moore, Jennifer.* Confucianism: Origins, Beliefs, Practices, Holy Texts, Sacred Places. New York: Oxford University Press, 2002.

5. *Seung-Soo Han*. North Korea's Choice // The Guardian, October 19, 2008. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2008/oct/19/korea>
6. *Sorensen, Clark W.* Success and Education in South Korea // Comparative Education Review. Vol. 38. № 1. Special Issue on Schooling and Learning in Children's Lives (Feb., 1994). P. 10–35.

Аннотация. В основе мировоззрения и миропонимания корейцев лежит уходящая корнями глубоко в историю философская система ценностей и представлений, разработанная под влиянием учений китайского философа Конфуция, – конфуцианство. Образ мышления, подкрепленный конфуцианскими традициями, присутствует в сознании каждого корейца и играет важную роль во всех сферах жизни корейского общества. Особенно значимой традицией является меритократия. Она подразумевает отбор и продвижение государственных служащих по их заслугам, а не по происхождению. Акцент на образовании явился одним из главных секретов экономических успехов Кореи после обретения ею независимости в 1945 году.

Очевидно, что Корея не только конфуцианская страна. Во многих азиатских странах, включая Китай, Японию и Вьетнам, конфуцианская традиция сильна. Но, похоже, влияние и наследие конфуцианства в Корею проявляется намного отчетливее по сравнению с Японией и даже Китаем. В отличие от Японии и Китая, Корея в большей степени следует традициям – главным образом потому, что никто намеренно не мешал ей развиваться по выбранному пути и не вынуждал отходить от традиционных взглядов. Кроме того, следует отметить относительно более короткий период вестернизации.

Вместе с тем образ мышления корейцев и их взгляды достаточно стремительно меняются. Вероятно, Корея является одной из стран, способных быстро впитывать внешнюю культуру. Корейское общество – сегодня в целом все еще консервативное и традиционное – стремительно меняется.

Ключевые слова: Корея, консерватизм, конфуцианство, традиции, меритократия, Конфуций, экономический успех Кореи, культурная революция, курение, алкоголь.

Jeongho Nam, Senior Reporter, "JoongAngIlbo" (Seoul, Korea).
E-mail: nam.jeongho@joongang.co.kr

Peculiarities of Korean Conservatism

Abstract. Koreans' worldview is based on a deep rooted ethical and philosophical system called Confucianism, which was based on the teachings of the Chinese philosopher Confucius.

Those Confucian traditions and ways of thinking are still lingering in Korean's mind and play a very important role in every corner of Korean society. Meritocracy is a tradition of high importance. It implies recruiting civil servants for their abilities, not for their blood. Emphasis on education has been a main secret of Korea's economic success since 1945 when Korea became an independent country.

Obviously Korea is not the only Confucianism country. Many Asian countries including China, Japan and Vietnam have strong tradition of Confucianism. But seemingly the Confucian influence and heritage are much stronger compared with Japan and even China. Unlike Japan and China, Korea has remained as a relatively more traditional country mainly because it did not experience any intentional interference forcing it to change the traditional way of thinking and it has experienced so for a relatively short period of westernization.

On the contrary, the way of thinking and attitude of Koreans are changing so quickly. Probably, Korea should be one of the countries which have absorbed external culture so quickly.

In conclusion, conservative and traditional ways of thinking still prevail in Korea, but the situation is undergoing huge changes.

Keywords: Korea, Conservatism, Confucianism, Tradition, Meritocracy, Confucius, Korean Economic success, Culture Revolution, Smoking, Drinking.

Уроки корейской истории XIX–XX веков для современной России

Тема моего доклада, возможно, покажется странной для Бердяевских чтений. Но я не философ и не востоковед. Я занимаюсь Кореей, преподавая в разных вузах востоковедной направленности историю этой страны в Новое и Новейшее время вот уже более десяти лет.

Это довольно драматичный период, куда входит и открытие страны, которая позднее других должна была ответить на вызов модернизации; и целая палитра попыток найти решение новых проблем; и колониальное закабаление Японией, чуть не превратившееся в утрату корейским народом своей национальной идентичности; и последующий раскол, когда на обеих половинах Корейского полуострова пытались найти правильный баланс между традицией и трансформацией.

Возможно, часть аудитории будет удивлена, но я напомним, что подавляющий отрыв Юга от Севера с формированием той картины, к которой мы привыкли, прошел только в конце 1970-х годов, и даже в этот период на полуострове существовало два авторитарных режима, общего между которыми было существенно больше, чем кажется. Практически все основные элементы конфуцианской политической культуры – иерархичность, коллективизм, меритократия, внимание к совершенствованию человеческой природы, приоритет морали над законом и т.п. – нашли свое отражение и в строительстве командно-административной системы на Севере, и в организации политической культуры на Юге.

И если убрать внешнее идеологическое различие, можно увидеть много общего и в методиках политической индоктринации, и в организации репрессивного аппарата, и даже в том, как каждая из Корей пыталась строить социализм или демократию с неперменной корейской спецификой, которой в данных моделях было гораздо больше, чем собственно социализма или демократии. Даже связанный в массовом сознании с Северной Кореей термин «чучхе» употреблялся и на Юге. Просто, затушевывая это сходство, мы переводили южнокорейское «чучхесон» как «национальный субъективизм», оставившийся, однако, государственной идеологией РК как раз в период решающего рывка корейского экономического чуда.

В развитии политической культуры корейских государств можно выделить три этапа, характерные как для КНДР, так и для РК. На первом этапе сформировавшиеся под влиянием своих «сюзеренов» корейские государства формально следовали той идеологии, в угоду которой они были созданы, хотя на самом деле шло простое заимствование институтов.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kvasm@mail.ru

На втором этапе традиционная политическая культура как бы абсорбировала внешние элементы, и от пришедшей извне идеологии остались только внешняя форма и некоторые социально-политические институты. Впрочем, если на Юге авторитаризм пытался в большей степени идти в ногу со временем, Север фактически вернулся к традиционной модели. С точки зрения «строительства антиутопии» северокорейская модель представляла собой не столько «ужасное будущее», сколько возвращение к традиционному прошлому.

На третьем этапе под влиянием изменившейся международной обстановки трансформироваться стала уже не внешняя надстройка, а традиционный базис: процесс пошел разными путями благодаря различному набору условий внешнего давления – постепенного истощения сил командно-административной системы на Севере, глобализации и расширения информационного поля – на Юге.

Как человек, болеющий за нашу страну и желающий ей богатства, счастья и процветания, я часто нахожу в сюжетах корейской истории множество поучительных уроков, которые, как мне кажется, могут оказаться интересными для присутствующей здесь аудитории. Эти уроки можно разбить на несколько групп.

Первый блок уроков – это история того, как традиционная Корея упустила свой модернизационный шанс, что сделало ее легкой добычей империалистических хищников. Это произошло по целому комплексу причин, отнюдь не только социально-экономического плана. Увы, но это хороший пример того, как правящая элита, озабоченная исключительно собственным благополучием и воспринимающая казну государства только как собственный карман, даже в условиях очевидной угрозы не имела желания осуществить модернизационный рывок как комплекс преобразований, слишком сильно угрожавший ее личному благополучию.

Конечно, двор много говорил о модернизации, но не предпринимал каких-либо серьезных шагов. Скорее эти лозунги использовались для того, чтобы отделить себя от более консервативно или более прогрессивно настроенных группировок. И потому официально провозглашенный в Новое время лозунг «Восточный путь – западная техника», предполагавший теоретически разумное заимствование технических инноваций при сохранении основных элементов традиционной культуры, не получил должного теоретического или методологического обоснования. Лагерь условных центристов стал убежищем тех, кто «колебался вместе с генеральной линией партии». Между тем расходы правящей семьи составляли до 40% бюджета страны, а корейский флот включал в себя 23 адмирала и один списанный лихтер – иных кораблей там не было.

Сюда же относится трагическое для Кореи отделение «патриотов» от «прогрессистов». Первые почти не представляли себе самостоятельное развитие страны без обращения лицом к корням, стремясь сделать внешние заимствования минимальными. Под влиянием конфуцианской политической культуры они связывали патриотизм и национальный суверенитет с безусловным следованием традиции, часто скатываясь на позиции ретроградов. Им казалось, что достаточно укрепить моральный дух, и страна сможет двигаться к процветанию без влияния внешнего мира и даже без заморских товаров.

Вторые (особенно на фоне вышеописанной политики двора) были настолько уверены в неспособности соотечественников самостоятельно провести модернизацию, что дискутировали в основном о том, под чьим патронажем и по чьему образцу она должна проходить. Никто из этих людей (вне зависимости от того к прорусской, прояпонской или проамериканской партии они относились), заметим, не был осознанным агентом влияния, работающим во вред своей стране и в пользу чужой. Нет, все они были искренне уверены в том, что

только внешние силы, за которыми будущее, способны навести здесь порядок. Если ставить во главу угла не суверенитет, а улучшение уровня жизни, то они не видели ничего плохого в протекторате: железной рукой погоним человечество к счастью. К тому же тогда еще было неочевидно, какие формы примет японское господство.

Как кажется автору, эта ситуация несколько коррелирует не только с противостоянием славянофилов и западников, но и с нынешним разделением демократов и патриотов, когда одни эволюционируют в сторону «патриотов чужой родины», а другие скатываются в фундаментализм.

Сюда же можно добавить и проблему фракционной борьбы, которая погубила не одно благое начинание, потому что лозунг «Если Евтушенко против колхозов, то я за колхозы» порочен сам по себе. Заметим, что ее высокий уровень был характерен не только для феодальной Кореи, но и для корейского коммунистического движения первой половины XX века, когда в рамках «противостояния оппортунистам» отнюдь не запрещалось бороться с идейными оппонентами посредством доносов в японскую тайную полицию или, если дело происходило на советской территории, в органы госбезопасности. В результате корейская компартия оказалась единственной исключенной из Коминтерна, или, если точнее, разогнанной Коминтерном.

Можно отчасти обратить внимание и на тогдашнюю систему международных отношений, в рамках которой аннексия страны не встретила сопротивления «цивилизованного сообщества». Господствовавшая тогда концепция легитимизма говорила о том, что если государство настолько слабо, что не может навести порядок на своей территории, то нет ничего плохого в том, что иностранные государства начинают внедряться в него и наводить там свои порядки, окончательно разрушая государственный суверенитет этой страны. Поэтому когда, выиграв Русско-японскую войну, основным итогом которой для Японии стал окончательный переход Кореи под ее сферу влияния, Страна восходящего солнца прибрала Корею к рукам, это не было воспринято как вопиющее нарушение международного права. Даже несмотря на то, что при этом были поправлены традиционные юридические нормы.

И сегодня, после распада биполярного мира, мы снова наблюдаем тенденцию, при которой «цивилизованное сообщество» может вмешиваться в дела государства, если оно «неправильно себя ведет» (как правило, совершает действия, объявляемые преступлениями против человечности). Протекторат или аннексия пока считаются моветоном, но свергнуть «неправильный» режим не возбраняется.

Второй блок уроков связан с развитием Республики Корея в 1960–1970-х годах. Главным общим моментом изменения политической культуры Российской Федерации и Республики Корея является переход от традиционного общества, которое теперь принято называть тоталитарным, к демократии европейского образца и «общечеловеческим ценностям». При этом в обоих случаях «тоталитарная» система находилась на излете и отчасти сама обеспечила относительно мирный и бескровный характер перехода, который не закончился до сих пор: несмотря на внешнюю вестернизацию, стереотипы традиционной политической культуры сидят достаточно крепко.

Главный источник опыта – модернизация страны в правление Пак Чжон Хи (1961–1979). Понятно, что в советское время генерал проходил в соответствующей литературе как кровавый диктатор и американская марионетка, однако в постсоветский период никто не пытался всерьез проанализировать то, как страна, которая в начале его правления находилась на уровне Нигерии и по сравнению с которой тогдашняя КНДР была динамично развивающимся аграрно-промышленным государством, к концу его правления приобрела все черты

той Южной Кореи, которую мы знаем теперь. Да, это был весьма авторитарный режим, и не случайно комплекс споров вокруг личности Пак Чжон Хи в современной Южной Корее во многом напоминает российские споры вокруг личности Сталина, с точки зрения соотношения результатов модернизационного рывка и цены, которая была за него заплачена, с точки зрения прав и свобод рядовых граждан.

Здесь я вынужден отметить, что даже современная Республика Корея отнюдь не является витриной демократии. Иногда в полемическом задоре, когда меня спрашивают о том, «как скоро Россия сравняется с Северной Кореей», я отвечаю, что для начала ей нужно догнать Южную. Это касается, например, очень жестких законов о национальной безопасности, ограничении свободы слова в Интернете и целого ряда иных вопросов.

Среди определенной группы российских либералов существует культ Пиночета, который я никогда не понимал. Потому что если сравнивать его с Пак Чжон Хи, с точки зрения как начальной, так и конечной ситуации, успешность Пака по выходу из кризиса несоизмеримо больше. Возможно, дело здесь в том, что, в отличие от Пиночета, речь идет не о неолиберальной модели и рекомендациях «чикагских мальчиков», а о совсем иной системе управления, включавшей в себя, например, пятилетние планы экономического развития, пусть и не директивные, а индикативные.

Целый ряд элементов корейского опыта, включая пропаганду чувства национальной гордости, укрепление национального самосознания национального духа, установление основ здоровой национальной этики и даже отношение к «правильному пониманию нашей истории», вполне может стать предметом дискуссии на Бердяевских чтениях с точки зрения того, что и как может быть заимствовано и творчески применено в текущей российской ситуации.

Здесь, правда, есть одна важная деталь, касающаяся национализма, который во многом послужил основой для мобилизации корейской нации. В Корее как мононациональном государстве национализм и патриотизм во многом накладываются друг на друга, и это даже вызывает некоторые негативные явления вроде пресловутого «мелкодержавного шовинизма». У нас процесс национальной самоидентификации человека не обязательно равен его этнической принадлежности, и игры с этнократией представляются мне весьма опасными.

Идеология национального субъективизма, как и сам процесс разработки этой концепции, заслуживает очень внимательного изучения, особенно на фоне неудавшейся, на мой взгляд, попытки изобрести российский вариант «чучхесон» в лице концепции суверенной демократии. Представляется, один из источников проблемы был в том, что, пытаясь сформулировать особенный российский путь развития, авторы концепции не сумели ответить на вопрос, в чем именно заключается та российская эндемика и та традиционная база, которая отличает Россию от стран Запада и формирует ее особый путь. К тому же российское общество гораздо менее патриархально, и власть традиции в нем близка к нулю. Плюс не всегда ясно, что считать традицией, – то ли дореволюционные ценности, которые нам в основном известны по литературным штампам, то ли наследие советского времени, в котором выросла и жила большая часть населения страны.

К данному блоку автор отнес бы еще две темы. В первую очередь это вопрос о том, всегда ли плох авторитаризм. Распространенная в последнее время точка зрения вообще отказывает этому варианту построения общества в праве на существование. Между тем корейский опыт дает важный пример соотношения демократии и модернизации: такие особенности авторитарной системы, как высокое быстродействие, дисциплина или способность быстро перебрасывать силы и ресурсы, хорошо подходят для управления в кризисной ситуации.

Иное дело, что «есть гражданские методы управления во время мира и военные во время войны», и их не стоит смешивать. Когда чрезвычайная ситуация заканчивается, необходимо постепенно перейти к более мягкой модели управления. Задержка этого процесса чревата перерождением в диктатуру, а сохранение авторитаризма вне чрезвычайной ситуации может принести не меньше проблем, чем проявление либерализма во время войны или острого социального кризиса. История последних лет Пак Чжон Хи (застреленного в итоге собственным начальником ЦРУ) показывает, как легко можно, начав с авторитарных мер, скатиться к тоталитаризму.

Также перед нами стоит чрезвычайно важный вопрос о том, возможно ли воплощение западной демократии в полном объеме в странах иного культурного региона и является ли эта демократия универсальной системой, показанной к применению на всех континентах вне зависимости от региональных реалий.

Для осуществления в стране демократических преобразований на более высоком уровне, чем механическое заимствование западных институтов, необходимо появление определенного типа ментальности населения и соответствующего типа политической культуры. Насажение демократии экспресс-методом в надежде получить в течение трех лет то, к чему цивилизованная Европа шла десятилетиями, чревато тем же, чем попытки тянуть ростки вверх, чтобы ускорить получение урожая. При этом в дальневосточном случае высокий риск изначального недопонимания привносимых извне ценностей связан не просто с неверной интерпретацией западной идеологии, а с подменой понятий, происходящей вследствие особенностей «иероглифического» перевода терминологии.

Третий блок уроков связан, на мой взгляд, с текущим противостоянием Севера и Юга. Здесь вначале отметим «необычную» (с точки зрения некорееведов) устойчивость северокорейского режима. Вот уже двадцать с лишним лет западные аналитики утверждают, что он «распадется через два-три года», а он живет. Возможно, нам стоит поучиться у Севера умению отстаивать свой суверенитет в условиях более чем жесткого давления, противостоять неоглобализму Вашингтона, защищая свои национальные интересы. И попробовать поискать ответ на вопрос, отчего в условиях экономического кризиса КНДР до сих пор не взорвалась. Не менее интересным для нас может быть и то, как будет выглядеть северокорейская перестройка в дальнейшем. Перемены там идут, пусть и медленно, и нынешняя Северная Корея отнюдь не «заповедник сталинизма 1950-х». Если Ким Чен Ыну удастся найти свой вариант модернизации, этот опыт может оказаться очень любопытным уроком.

Однако в основном хочется обратить внимание на опасные тенденции, которые связаны с ситуацией, когда идеология и пропаганда начинают подменять собой аналитику. Полагаю, аудитория минимально знакома с целой серией «шокирующих новостей» о КНДР, и я не знаю только, какая часть разоблачений этих душераздирающих сюжетов о «расстреле из миномета собаками» дошла до присутствующих здесь. Но при попытке размотать истоки данной новости, обычно всё упирается в «анонимный источник сообщил корреспонденту нашей (ангажированной) газеты, что...». На Западе есть термин «закон Стоунфиша», который заключается в том, что практически любой бред, который будет посвящен Северной Корее (даже если это новость о том, что там перебили всех котиков), найдет свою целевую аудиторию. Во-первых, потому что для демонизации противника сгодится и это; во-вторых, потому что проверять подлинность новости в закрытой стране действительно тяжело, в то время как образ Северной Кореи в сознании редактора (сформированный в том числе и предыдущими новостями такого рода) вполне допускает мысли о том, что при данном режиме и такое возможно. В-третьих, люди любят горячие новости, которые хорошо распространяются и привлекают трафик.

Можно сказать, что западные и южнокорейские пропагандисты идут по легкому пути и лепят из Северной Кореи образ, взятый из массовой культуры, особенно, из такого жанра, как комикс, отчего представление о Северной Корее в массовом сознании становится совершенно мифологизированным.

Возможно, это годится для пропаганды, но, во-первых, когда «мультипликационная реальность» оказывается слишком мультипликационной, она становится не объектом сопереживания, а объектом стёба и издевательств, не отличаясь в итоге от истории пастушка, который слишком часто кричал: «Волки!».

Вторая проблема ещё хуже, поскольку искаженный образ КНДР начинает утверждаться не только в умах рядовых обывателей, но и в головах лиц, принимающих решения, и даже у самих пропагандистов. А это значит, что стратегии реальной политики, которые теоретически должны быть построены на понимании оппонента, вместо этого строятся, исходя из сложившегося образа, а попытки специалистов или людей, которые там были, объяснить, что всё несколько не так, натываются на возмущение, потому что «И так всем всё понятно, что там происходит!».

А теперь обратите внимание на то, как выглядит подача новостей о современной Украине. Сюжеты про «распятых мальчиков» или новости категории «в деревне Гадюкино враги изнасиловали всех собак» получили широкое распространение. Это опасно не только потому, что деактивировать последствия взаимной демонизации значительно сложнее, чем ее разжечь, но и потому, что подобные вещи ослепляют государство и ведут его по ложному пути, предлагая, грубо говоря, противодействовать не реальным Соединенным Штатам, а «тупым пиндосам» из собственных пропагандистских мифов.

В данном контексте четвертый урок корейской истории может заключаться в том, как важно объективно изучать окружающий мир. В начале XX века искаженный образ Кореи как полностью коррумпированной и бедной страны, не способной к самостоятельному развитию, во многом повлиял на то, что и протекторат, и аннексия страны Японией прошли при практически полном невмешательстве внешнего мира. В 1945 году раскол страны по 38-й параллели, совершенно неестественный со всех точек зрения, был во многом связан с тем, что в Соединенных Штатах на тот момент специалистов по Корее практически не было, а в Советском Союзе старая гвардия корееведов попала под репрессии, а новая еще не успела сформироваться, чтобы предостеречь. В итоге два подполковника армии США должны были решить проблему за тридцать минут и по глобусу (точнее карте National Geographic). Предложенное ими решение было по своим итогам именно таким, каким бывает решение, принятое за полчаса двумя некомпетентными людьми. Представьте себе, что мы проведем линию через Бологое и скажем: есть Северная Россия и столица Питер, и Южная Россия и столица Москва.

Одним из важных направлений форума «Бердяевские чтения» я считаю, попытки изучать иной опыт и иные модели, с тем чтобы попытаться извлечь из них уроки и перенять полезное. Не менее важно, что в поисках подобных ориентиров или уроков мы смотрим не только на Запад, но и на Восток. Буду рад, если мое выступление заставит кого-то задуматься или сформирует задел для более подробного и серьезного обсуждения какого-либо из тех аспектов, на которых я остановился.

Аннотация. Как специалист по истории Кореи, автор выделяет в корейской истории ряд моментов, способных служить уроками для России с точки зрения правильного проведения модернизации или развития идеологии.

Ключевые слова: история Кореи, модернизация, идеология, уроки истории.

Konstantin Asmolov, Ph.D. in History, Professor, College of Asian and African Studies (Moscow State University). E-mail: kvasm@mail.ru

Lessons from Korean History of the 19th and 20th Century for Modern Russia to learn

Abstract. The author, who has considerable expertise in Korean history, highlights certain aspects in Korean history, which can teach Russia valuable lessons about well-run modernization and ideology evolution.

Keywords: Ideology, Modernization, History of Korea, Lessons of History.

М.В. Ремизов. Думаю, одной из целей таких обсуждений является как раз предотвращение раскола на патриотов и прогрессистов, о котором сказал применительно к Корее наш докладчик. Раскол, действительно, является одним из факторов неразвития. Нам нужны патриоты-прогрессисты.

В последние 10–15 лет для экономистов и для специалистов по международной политике одной из ключевых тем стал Китай. Всё более остро стоит вопрос о том, сможет ли он переориентироваться на стратегию развития с опорой на внутренний рынок, на внутренний спрос, на стратегию развития с опорой на до-

вольно широкий средний класс. Это продекларировано китайским руководством, насколько мы можем судить. И к этому подталкивает глобальная ситуация, когда, с одной стороны, спрос снижается на глобальном уровне, а с другой – западные страны идут по пути реиндустриализации, стараются больше производить у себя то, что они потребляют. Возможно, декларируемая в Китае верность социалистическим принципам может оказаться своего рода ресурсом для создания экономики, ориентированной на внутренний спрос и на широкий средний класс. Насколько это получится, какие здесь перспективы?

Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР

Признаемся сразу в некоторой провокационности заголовка. При желании в нем можно легко увидеть отсылку к известной работе Сталина «Об основах ленинизма». В начале этой статьи отмечается, что «изложить ленинизм – это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем» [2, с. 69]. Заканчивается же этот обзор удивительным для дистиллированной советской идеологии выводом «Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью – в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе. Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца, стиль ленинизма в работе» [2, с. 188].

Что «особенного и нового» внес Си Цзиньпин, лидер «пятого поколения» китайских руководителей в теорию «социализма с китайской спецификой» и в политическую практику КПК? Вне всякого сомнения – глубокая трансформация, которую испытывает сейчас Китай, во многом связана именно с Си Цзиньпином. Новый генсек ЦК КПК, занявший этот пост в ноябре 2012 года, гораздо быстрее, чем руководители прошлых поколений, консолидировал власть и сумел достаточно резко поменять внутривнутриполитическую повестку. Вопрос о взаимоотношении с «американской деловитостью» актуален и при анализе идеологии лидера «пятого поколения» китайских коммунистов – хотя бы отталкиваясь от того, что ключевая для Си Цзиньпина идеологема «китайской мечты» выглядит как концептуальный парафраз мечты американской. Насколько глубоки здесь параллели, и в чем отличия, попробуем разобраться чуть позже.

Сначала личное наблюдение. В ноябре 2012 года автор присутствовал на церемонии представления нового состава Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК китайским и зарубежным журналистам. Это традиционное мероприятие, которое проводится сразу же после первого пленума ЦК КПК нового созыва. Первое впечатление от речи нового генерального секретаря – его стиль публичного выступления очень сильно отличается от лидеров предыдущих поколений Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Обычно такого рода официальные речи составлены из привычных «идеологических кубиков» – одинаковы не только тематические блоки и их последовательность, но и целые выражения. Речь Си Цзиньпина обратила внимание наблюдателей необычным для строгой обстановки новаторством и в то же время – простотой.

В речи нового партийного лидера было гораздо меньше идеологических клише. Скажем, выражение «социализм с китайской спецификой» Си Цзиньпин употребил лишь однажды. Зато он совсем не упомянул об идеях Мао Цзэдуна или

Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: iedenisov@mail.ru

теории трех представительств Цзян Цзэмина. Даже «научная концепция развития», о которой много писали и говорили при только что ушедшем в отставку генсеке Ху Цзиньтао, совсем не была представлена в выступлении его преемника.

Основная тональность речи – затрагивать темы, которые действительно волнуют простых граждан, – была выбрана с расчетом на положительный общественный отклик. Даже в коротком и, казалось бы, протокольном выступлении Си Цзиньпин говорил о борьбе с коррупцией, о решении других острых социальных вопросов. Все это подавалось на фоне довольно популярных в Китае идей о «возрождении китайской нации». Само словосочетание «китайская нация» встречалось в речи Си Цзиньпина шесть раз. Абстрактное понятие «гармоничное общество», о котором партийная пропаганда много говорила в предыдущие годы, приобретало в устах Си Цзиньпина вполне конкретные черты, близкие простым людям.

«Наш народ любит жизнь, надеется на лучшее образование, более стабильную работу, более удовлетворительные доходы, более надежное социальное обеспечение, повышение уровня медицинского обслуживания, более комфортабельные жилищные условия, прекрасную окружающую среду. Надеется на то, чтобы дети смогли лучше расти, лучше работать, лучше жить» [5].

На наш взгляд, этот фрагмент больше похож на инаугурационную речь западного политика, чем на выступление китайского партийного лидера. Еще одной заявкой на новый партийный стиль и корректировку акцентов в идеологической работе стало выступление Си Цзиньпина во время посещения выставки в Национальном музее в Пекине 29 ноября 2012 года. Именно в этой речи он впервые системно изложил концепцию «возрождения китайской нации» как стержневую идею для «пятого поколения» руководителей.

Концепция китайской мечты сразу же оказалась окружена политической символикой. Она впервые была предложена публике на фоне экспозиции, показывающей путь китайской нации из «века унижения» к «веку процветания». Согласно центральной идее, вокруг которой строилась речь нового генсека, история Китая после опиумных войн представляла как сложный, но последовательный путь к процветающему и сильному Китаю. Кроме того, показательно, что свои высказывания Си Цзиньпин сделал, остановившись у фотографии китайского лидера Дэн Сяопина на Третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 года). Именно с этого времени ведется отсчет курса на реформы и открытость. Таким образом, идеологически национальное возрождение мыслится на пути дальнейшего углубления реформ, что потом было реализовано и на институциональном уровне (в ноябре 2013 года была создана Руководящая группа ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, которую возглавил сам Си Цзиньпин).

Обращение к истории традиционно для китайских лидеров, перед которыми стоит задача укрепления своей власти. После избрания в 2002 году генеральным секретарем Ху Цзиньтао посетил Сибайпо – место в провинции Хэбэй, где находилось руководство партии во главе с Мао Цзэдуном перед тем, как перебазироваться весной 1949 года в Пекин. На первый взгляд, Си Цзиньпин пошел сходным путем. Для своего первого выступления на публике он тоже выбрал тему, связанную с историческим прошлым страны. Однако в его выступлении после осмотра выставки «Путь возрождения» акценты были расставлены по-другому.

Его предшественник, направившись в «революционную Мекку», основное внимание уделил коммунистическому прошлому. В речи Си Цзиньпина наоборот – почти отсутствовали привычные политические штампы. Осмотрев выставку, Си Цзиньпин заговорил о «китайской мечте», а не о социалистической перспективе развития. Лидер «пятого поколения» построил речь на достаточно популярном в современном китайском обществе тезисе о том, что Китай рань-

ше терпел унижения, а теперь он уверенно движется к статусу великой державы. Именно на этой основе и будет проходить объединение нации для реализации нового этапа реформ.

Вышесказанное не означает, что политическая концепция Си Цзиньпина символизирует какой-то отход от социалистической идеи, наоборот, он постоянно подчеркивает необходимость сохранять «три уверенности» – в нашем пути, нашей теории и нашем строе. Между тем акцент на необходимости «собирания нации» сделан сознательно. Кризис официальной идеологии, низкое доверие к институтам власти, сложившиеся за годы реформ социальные диспропорции, растущая разобщенность граждан – всё это, с одной стороны, заставляло искать новый объединяющий стержень, которым и стала идея национального возрождения. С другой стороны – замедление экономического развития, необходимость смены модели роста, новые вызовы власти в виде развития интернет-технологий требовали более высокого уровня общественного консенсуса, а также более четко работающей и тонко настраиваемой системы государственной власти. Китайская мечта в отличие от американской является не мечтой об индивидуальном процветании, а мечтой о мощном и эффективном государстве, которое и дает возможность процветать всем.

Китайская мечта, как следует из речи генсека, строится на коллективных ценностях, на интересах всей нации. «...Будущность каждого человека и его судьба неразрывно связаны с будущностью и судьбой его страны и всей нации. Только тогда, когда хорошо стране и нации, хорошо и каждому в отдельности», – подчеркнул Си Цзиньпин [1, с. 48].

Главный вывод, который можно сделать из этого важнейшего для понимания идеологии Си Цзиньпина выступления, состоит в том, что новое руководство в момент консолидации власти более всего было озабочено проблемами стабильности в обществе. Протягивание же линии политической преемственности сквозь разные периоды истории Китая (для этого выставка и была выбрана) было призвано подчеркнуть нынешнюю миссию партии и ее ответственность, которая состоит в реализации мечты о национальном возрождении. При этом абсолютный приоритет отдается интересам развития, которое и обеспечивает легитимацию КПК. Нынешние цели Китая Си Цзиньпин выразил просто – «за отсталость бьют и... только развитие ведет к самоусилению» [1, с.48].

Си Цзиньпина гораздо с большим основанием, чем, скажем, Ху Цзиньтао, можно назвать идеологом, а не технократом или партийным бюрократом, хотя его продвижение на высшие посты было достаточно типичным для руководителя его поколения. Видимо, дело в том, как тот или иной руководитель понимает свою миссию. Для Си Цзиньпина задача состояла не только в определении повестки дальнейших реформ, но и в очень большой степени в экстренных мерах по решению наиболее острых проблем, доставшихся от предыдущих руководителей. Глубоко внедрившиеся в жизнь элиты коррупционные практики – лишь один очевидный пример. Другая, еще более многогранная и сложная проблема – усилившийся во время десятилетнего правления Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао духовный кризис в обществе. В концентрированном виде эта ситуация была рассмотрена в статье Дэн Юйвэня, заместителя главного редактора «Сюэси шибао» (открытый печатный орган Центральной партийной школы, ректором которой с ноября 2007 по январь 2013 года был Си Цзиньпин).

В статье, перепечатанной многими интернет-сайтами, Дэн Юйвэнь обращает внимание на то, что на рубеже смены поколений в китайском руководстве система общественной морали находилась в кризисе, при этом прежнему руководству не удалось создать систему ценностей, которая была бы убедительной, эффективной и принималась всем обществом. «Общество, в котором этические границы постоянно размываются, происходит распад личности, нет

даже элементарных сдержек – что добродетель, что бесчестие, когда вся нация руководствуется лишь интересами, такое общество деградирует до уровня борьбы за существование, до животного уровня», – такую безрадостную картину современных нравов рисует автор статьи [4].

Анализируя морально-политическое состояние китайского общества, Дэн Юйвэнь приходит к выводу, что старая идеология, созданная в революционную эпоху, обанкротилась, а систему ценностей, соответствующую требованиям рыночной экономики и коммерческой цивилизации, создать не удалось. Миссия «пятого поколения» среди прочего и состояла в том, чтобы предложить обществу такую новую систему ценностей.

В связи с этим уместно упомянуть *три исторические травмы*, которые, на наш взгляд, решающим образом определили идейные искания нынешнего поколения руководителей КНР, в том числе и самого Си Цзиньпина.

Первая. Травма «столетнего унижения». Череду поражений страны и слабость Цинской империи перед лицом «западных варваров» еще долго будут вспоминать в Китае. Столь далекие исторические экскурсы не должны смущать – при формулировании политических концепций обращение к прошлому традиционно для Китая, впрочем, как и для других близких по культуре азиатских стран. В данном случае обращение к исторической памяти – еще и важная часть национальной консолидации. Главные пороки периода «столетнего унижения» видятся в неэффективности и продажности цинской бюрократии, изоляционизме, отсутствии гибкости и способности реагировать на изменяющуюся обстановку. Это и привело к слабости страны, которую на новом историческом витке Китай не только сможет преодолеть, но и сделать шаги к трансферу глобальной власти, заменив со временем США. Хотя мнения о том, когда Китай сможет по всем возможным параметрам превзойти Соединенные Штаты, высказываются разные, большинство представителей политического сообщества уверены, что страна должна последовательно наращивать глобальное влияние, постепенно отходя от завета Дэн Сяопина «держаться в тени». Таким образом, идеология Си Цзиньпина – это идеология превращения Китая из большого государства в сильное, это идеология трансфера глобальной власти.

Вторая. Травма «культурной революции». Для многих представителей «пятого поколения» «культурная революция» – самая горькая часть их биографий. Детство и раннюю юность нынешнего руководителя КНР никак нельзя назвать «золотыми». В 1962 году его отца – Си Чжунсюня, тогда занимавшего пост вице-премьера Госсовета КНР, – обвинили в антипартийном заговоре. Несколько лет шло следствие, затем в 1965 году он был выслан из Пекина в провинцию Хэнань. В годы «культурной революции» Си-старший содержался под арестом и смог вернуться в столицу только в 1978 году, когда все обвинения с него были сняты. На долю Си Цзиньпина перепали вся тягота отцовской судьбы. После элитной пекинской школы, в которой обучались дети многих партийных руководителей и военачальников, пятнадцатилетний Си Цзиньпин был отправлен «учиться у крестьян», фактически так и не завершив среднее образование.

Меткую характеристику Си Цзиньпину дал один из патриархов азиатской политической сцены, отец «сингапурского чуда» Ли Куан Ю. После встречи с Си еще до его назначения на высокие посты Ли Куан Ю заметил, что тот производит впечатление «думающего человека, прошедшего через многие испытания и несчастья». По словам Ли Куан Ю, столкнувшись с трудностями, Си Цзиньпин приобрел эмоциональную стабильность, необходимую для принятия обоснованных решений.

Ключевыми для политической карьеры Си Цзиньпина были годы, проведенные на экономически процветающем юге. Там он прошел путь от вице-мэра приморского города Сямэнь до губернатора провинции Фуцзянь. Несколько

лет Си Цзиньпин проработал в соседней провинции Чжэцзян, где также зарекомендовал себя как сторонник радикальных экономических реформ.

Политика Дэн Сяопина, наследником которого по праву можно назвать Си Цзиньпина, была направлена на то, чтобы хаос левацких экспериментов 1960-х – середины 1970-х годов никогда не повторился. С этой точки зрения императивом для нынешнего руководства является продолжение всесторонних реформ в экономике и обществе. Таким образом, идеология Си Цзиньпина – это идеология продолжения реформ, причем на новом этапе, который в Китае называют выходом на «глубокую воду», когда многократно возрастает сложность решаемых задач и цена выбора ошибочной стратегии.

Третья. Травма «краха КПСС». Хотя советская политическая система существенно отличалась как от современного, так и от дореформенного Китая, в КПК тщательно изучали все, что связано с распадом Советского Союза и уходом КПСС с политической арены. При этом искали возможные параллели с развитием ситуацией в КНР, сценарии потери партией власти рассматривались вполне серьезно, особенно на фоне углубления коррупции, роста социальных диспропорций и протестной активности на низовом уровне.

При всей умозрительности аналогий с советской историей, партийное руководство Китая по-прежнему озабочено сохранением позиций КПК как правящей партии и не хочет повторения опыта КПСС. Ситуация, складывающаяся в партии, стала темой многих выступлений Си Цзиньпина, в которых обращается внимание как на борьбу с коррупцией в партийно-государственном аппарате, так и на повышение качества управления на всех уровнях. Широкий резонанс, например, вызвала его речь на «специальном заседании» Политбюро, где генсек говорил об ответственности высших чиновников, призвав членов Политбюро ЦК КПК быть примером для других, «не злоупотреблять властью в корыстных целях, не требовать к себе особого отношения».

После прихода Си Цзиньпина к власти был введен в действие ряд внутрипартийных документов, определяющих процесс принятия решений партийными органами. Ожидается, что «законодательная реформа» в КПК будет способствовать более стабильной и упорядоченной деятельности партии, позволит быстрее и гибче реагировать на внутренние и внешние вызовы, улучшит ее возможности по управлению все более усложняющимся китайским обществом. Кроме того, принимаются меры к регламентированию работы госаппарата, к тому, чтобы, по выражению Си Цзиньпина, «запереть власть в клетку системы», то есть добиться, чтобы функционирование всех органов власти было прозрачным и основанным на соблюдении четких правил.

Видимо, руководству ясно, что партия не может оставаться закрытой корпорацией, которая живет по непонятным законам и отрыв которой от потребностей общества может быть губительным для будущего страны. Таким образом, идеология Си Цзиньпина – это идеология адаптации партии к новым условиям при сохранении в руках партийных органов всех рычагов управления.

Весьма любопытен бум интереса среди китайской политической элиты к работе французского политического мыслителя Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция». Есть немало свидетельств того, что книга была рекомендована для обязательного прочтения партийными работниками высшего уровня. Причем происходило это в конце 2012 – начале 2013 года, как раз когда «четвертое поколение» руководителей передавало власть «пятому поколению» во главе с Си Цзиньпином.

Интерес к анализу истории французской революции, видимо, связан с проблемой выбора дальнейшего пути Китая, а также обеспокоенностью в связи с возможными потрясениями в Поднебесной. Наибольший отклик в Китае вызвал вывод Токвиля о том, что революции случаются не тогда, когда народные массы

испытывают обнищание и ухудшение своего имущественного положения, а, наоборот, в периоды бурного экономического роста, когда ожидания и надежды растут, многократно опережая реальные возможности, и когда правительство принимает нужные, но уже ничего не могущие изменить реформы.

Иными словами, наследие французского мыслителя XIX века было включено в контекст дискуссий о судьбе китайских реформ, и свою задачу нынешнее руководство видит в преодолении одной из главных бед «старого порядка», которую Алексис де Токвиль обозначил как «жесткое правило и вялое исполнение» [3, с. 67]. Переключки с китайскими реалиями полная. Слабость государства, эрозия партийно-государственного аппарата в виде растущей коррумпированности и потери идеалов рождали среди части партийной элиты переживания по поводу пределов существования Китая в рамках «старого порядка», и главный вопрос состоял в том – удастся ли избежать потрясений с помощью эволюционных реформ.

Незатихающая антикоррупционная кампания, затронувшая и высшие эшелоны власти, свидетельствует о том, что руководство КПК всерьез взялось за оздоровление правящей партии, стараясь искоренить негативные тенденции, которые могут лишить ее легитимности. Борьба с коррупцией – это вопрос жизни и смерти партии и государства, – в такой постановке вопроса, часто звучащей в официальных выступлениях, преувеличения нет. По информации гонконгских источников, в одном из закрытых выступлений Си Цзиньпин сравнил современное положение КПК с положением партии Гоминьдан в 1948 году, то есть накануне полного ее разгрома на материке и бегства на Тайвань. Таким образом, положение в партии расценивается руководством как весьма серьезное. Отсюда – непримиримая борьба с коррупцией, которая распространяется на армию и спецслужбы, жесткая централизация власти, ограничение влияния неформальных связей, в частности, снижение практически до нуля возможности прежних руководителей влиять на принимаемые кадровые решения.

Ранее китайские и зарубежные эксперты полагали, что лидер «пятого поколения», выступит как типичный технократ, а главную роль в политической жизни по-прежнему будут играть руководители прежнего поколения. По крайней мере такой виделась ситуация на первые пять лет после 18-го съезда партии. Прогноз оказался очень далек от реальности. Си Цзиньпин быстро укрепил личную власть, проявил себя как новатор, не побоялся пойти на риск, что, естественно, разочаровало сторонников инерционного сценария.

Сициньпинизм (подчеркнем, что этот термин в Китае не используется, хотя в партийной печати можно встретить словосочетание «идеи Си Цзиньпина») является реформаторской идеологией, идеологией нового модернизационного рывка Китая, который осуществляется в условиях турбулентной международной обстановки и многочисленных внутренних вызовов (исчерпанность прежней модели экономического роста, социальные и экологические проблемы). По значению и последствиям (впрочем, и по рискам тоже) этот процесс равнозначен экспериментам в экономике, старт которым дал в свое время Дэн Сяопин.

Литература

1. *Си Цзиньпин*. Великое возрождение китайской нации – величайшая мечта китайской нации с начала нового времени // *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. С. 47–50.
2. *Сталин И.В.* Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете // *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное изд-во политической литературы, 1947. Т. 6. С. 69–188.

3. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008.
4. 邓聿文 胡温的政治遗产 (Дэн Юйвэнь. Политическое наследство Ху-Вэня). URL: <http://biweekly.hrichina.org/repost/2172>
5. 习近平: 人民对美好生活的向往就是我们的奋斗目标 (Си Цзиньпин. Реализация чаяний народа о прекрасной жизни есть наша цель) // Жэньминь жибао. 2012. 16 ноября.

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологических концепций «пятого поколения» руководителей КНР. Автор полагает, что современную идеологическую ситуацию в Китае определяют три исторические травмы – «столетнее унижение», «культурная революция» и крах КПСС. Идеология Си Цзиньпина представляет собой идеологию реформ, служащих усилению возможностей адаптации КПК к меняющимся условиям.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, идеология, реформы.

Igor Denisov, Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: iedenisov@mail.ru

Foundations of Xijipingism. Ideological Portrait of China's Fifth Generation of Leaders

Abstract. The article examines the ideological concepts of China's fifth generation of leaders. The author argues that the current ideological situation in PRC is guided by three historical traumas – century of humiliation, cultural revolution and CPSU's fall. Xi Jinping's ideology is the ideology of the reforms aimed at the strengthening party's ability to adapt to the changing environment.

Keywords: China, Xi Jinping, Ideology, Reforms.

М.В. Ремизов. Когда Игорь Евгеньевич сказал о распаде Советского Союза и кризисе КПСС как важном источнике самоанализа и саморазвития для Китая, мне подумалось, что советский проект оказался дважды уроком для мира. В начале XX века он послужил коррекцией капитализма в сторону гуманизации, в сторону большей ответствен-

ности, большего учета роли планирования. А в конце XX века он послужил коррекцией социализма. И в обоих случаях, к сожалению, благодаря негативному примеру. Это очень по-нашему, но это тот тип уроков миру, который хотелось бы избегать в дальнейшем. Или хотя бы самим вовремя извлекать такие уроки.

Традиционная политическая культура Китая, идентичность и новые формы реализации мягкой силы

Уважаемые коллеги, говоря о традиционной политической культуре Китая, я хотел бы рассмотреть ее с точки зрения культуры, а не политики. Поэтому не буду сыпать терминами, связанными с политическими изменениями и тенденциями. Первое, на чем я хотел бы остановиться, – тезис о том, что, в принципе, часто, когда мы говорим о китайской культуре, политике, развитии китайской экономики, мы, за исключением редких специалистов, говорим о некоем наборе мифов, которые воспроизводятся или редублицируются.

Они редублицируются не только российскими и западными специалистами (не-китаистами), но и целым рядом китайских ученых. Крупнейшим мифом в российском политическом моделировании Китая является то, что мы ожидаем от Китая того, чего Китай никогда никому не обещал. Например, в последнее время, в связи с разворотом на восток, Россия ожидает от Китая инвестиций и поддержки ее политических начинаний и обижается, когда ожидаемое не появляется. Но ведь Китай этого никогда не обещал. На политическом уровне, а не на уровне научных конференций. Но в обществе на уровне политики есть миф, согласно которому Китай решит все экономические и политические проблемы России.

Другой миф – будто бы в 1980-х годах Дэн Сяопином и его последователями было найдено какое-то уникальное решение, которое позволило выдвинуть Китай в передовые страны мира. Если мы посмотрим материалы о реформах Китая, публиковавшиеся в Советском Союзе в тот период, то увидим в массовом порядке утверждения, что Китаю понадобятся сотни лет, чтобы догнать передовые страны мира. Об этом, кстати, говорил и сам Дэн Сяопин – о хождении медленными шагами. Но понадобилось, как видим, значительно меньше.

Здесь дело в заблуждении на уровне культурной перцепции, культурно-философского восприятия темпов развития Китая. Это заблуждение было заложено когда-то Вебером, с одной стороны, и Марксом, с другой – о вечно догоняющей модели Китая и догоняющей модели вообще развития Востока. Сегодня кто-то упомянул, что Вебер никогда не был на Востоке. Это правда. Но и подавляющее большинство современных авторов, пишущих о Китае, были там только на конференциях и жили в пятизвездочных отелях.

Посмотрим, что говорит нам изучение полевого материала Китая. В 2000-х годах был опубликован ряд работ (на мой взгляд, очень крупных и глубоких), которые показали целый ряд важных моментов.

Развитие Китая с исторической точки зрения и с точки зрения политической культуры предсказуемо и рассчитываемо, если взять достаточно глубокий

Маслов Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор, руководитель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: amaslov@hse.ru

горизонт исследования. Если взять не последние двадцать – тридцать лет, а большие периоды, династийные циклы. Из таких работ я мог бы назвать прежде всего очень известную работу Кеннета Померанца “The Great Divergence” («Великое различие»), в которой впервые постулирован весьма интересный вопрос. Померанц поднимает династийные хроники Китая начиная с того момента, когда они начали публиковаться, анализирует, верифицирует, насколько они справедливы, и показывает интересную вещь. Китай всегда, до середины XIX века, по всем параметрам обгонял Европу, всегда. Доиндустриальная Европа отставала от Китая, от Японии, от Индии многократно. Там много примеров – приведу только некоторые. Например, количество килокалорий на душу населения в Китае было выше, чем в Германии. Продолжительность жизни в Китае и в Японии была выше, чем в Европе. Уровень урбанизации доиндустриальной Европы был ниже, чем в Японии. Китай, в отличие от того, что писал Макс Вебер, первым основал крупные корпорации. Многие эти корпорации и сегодня существуют. И многие китайцы даже не знают, что эти корпорации были основаны в XII–XIII веках. Например, знаменитая сеть аптек – сегодня это, конечно, не корпорация – «Тунжэньтан». Именно в Китае была впервые применена схема, когда люди выходили за пределы своего семейного производства, назначали наемных менеджеров, самых удачных перекупали и так далее. Самые крупные предприятия в XII–XIII веках были также не в Европе, а в Китае – предприятия, на которых трудились по 400–500 человек. Это были именно предприятия наемного труда, например, по добыче соли.

Если посмотреть хроники уездов и торговли между уездами, мы увидим, что объемы торговли между китайскими уездами в рамках одной провинции в XIII–XIV веках были больше, чем объемы торговли по всей Европе. Между двумя провинциями, таким образом, товарно-денежные отношения в Китае были значительно более развиты, чем в Европе. Если мы посмотрим – есть разные оценки, поэтому я сейчас не буду останавливаться на их справедливости, – но есть оценка, что к началу XIX века, приблизительно к 1830 году, то есть к началу активного вторжения западных держав в Китай, Китай производил от 25 до 40% мирового ВВП. Разница очень большая. Но пусть будет 25%. Даже когда в 1860 году был заключен унижительный для Китая Пекинский договор, по которому Китай был разделен на сферы влияния, даже в этот период он производил 15% мирового ВВП. Это столько же, сколько Китай производит сейчас.

Не останавливаясь специально на этом тезисе, хотел бы подчеркнуть, что Китай был крупнейшей страной-производителем. И как раз выпадение его из мировой тенденции – то самое «унижительное столетие» – есть случайность, а не закономерность. Конечно, она исторически обусловлена, но нормативом развития китайской цивилизации не является. И потому никакого удивления по поводу того, что Китай делает сегодня рывок, нет. Это возвращение на норматив развития. Безусловно, с точки зрения экономики, макро- и микроэкономики, можно объяснить, как все произошло, но это объяснение механизма, а не исторической логики. Исторически как раз всё задано.

На эту тему есть пять-шесть публикаций. Упомяну одну, которая очень правильно называется. Я украл бы это название, если бы оно еще не было использовано. Она называется “Re-orient”, то есть и «переориентируйтесь», и «возвращайтесь на Восток». Это статья франко-американского исследователя Андре Франка, раскрывающая тенденции долгих экономических циклов развития Востока. Это большое исследование, которое показывает сочетание трех факторов: социального развития, экономического развития и культурного развития. На графиках показано, что если мы берем большие исторические циклы (не циклы Кондратьева, сразу оговорюсь, не циклы экономического развития только), то Европа и Китай шли приблизительно нога в ногу, рядом друг с другом, иногда обгоняя, иногда отставая.

Весьма вероятно, что в перспективе Китай, который вытягивает за собой другие восточные страны, начнет уходить в отрыв. Отрыв этот будет настолько серьезным, что китайская цивилизация вытянет за собой вверх всю Азию. Не только по экономическим, но и по культурно-историческим приоритетам. А как всё это китайские экономисты объясняют, не очень важно... Есть реальность и есть наши объяснения реальности, которые могут совпадать, а могут и абсолютно не совпадать. И в этом плане Китай остается – и для китайцев, и для россиян – некоей метафизической сущностью. Когда мы говорим о коротких этапах развития. Сегодня об этом уже было сказано в докладе Василия Ванчугова, поэтому повторять не буду.

Есть еще один важный момент, которым объясняется устойчивость политической культуры Китая. Многие китайские публикации, повествующие о китайской истории, характеризуются двумя важными для нас обстоятельствами. Первое: большинство книг по истории Китая, особенно китайских учебников, с точки зрения западного историка не являются серьезными исследованиями. Это набор исторических сведений. В Китае есть такое понятие «гуши» – рассказы. У нас оно часто переводится как «исторические анекдоты». Это просто набор сведений, сведенных по определенным разделам, например, по эпохам, по династиям или по событиям. Там нет анализа. И, с точки зрения читабельности, это просто чтение отрывков из династийных историй. И вот то, что нас здесь поражает, – там нет рефлексии, того, что мы привыкли видеть в истории, позитивной или негативной. В Китае не может появиться, например, книга под названием... Вот есть хорошее название – «Закат Европы». Так вот невозможно представить, чтобы там появилась книга «Закат Китая». Потому что только европейское сознание может аналитическим образом говорить о собственном кризисе, о собственном умирании. И это заложено не в тенденциях социально-экономического развития, а в тенденциях саморефлексии, в самопереживании того, что всё конечно. Это, конечно, в конце концов, восходит к религии, к христианству. И как бы ни утверждались антихристианские тенденции, какая ни была бы реформация христианства, христианская идея саморефлексии собственной вины и вины цивилизации, которую мы создаем, перед Богом, эта идея останется в исторических и политических работах. В то время как в Китае нет ни одной работы по истории, написанной с религиозной точки зрения. Поскольку единого Бога в китайской концепции не существует, не существует и ответственности перед Богом. И, как следствие, нет постоянной рефлексии самоумирания цивилизации и боязни смерти цивилизации. Китайское мышление позитивно. Всегда. Это дает некоторую уверенность в дальнейшем развитии – если позади пять тысяч лет, то и впереди пять тысяч лет. То есть бояться нечего. Пусть это даже мифологическое время.

Весь скромный пафос моего выступления заключается в том, что Восток следует осмысливать прежде всего в больших исторических отрезках. Тогда становится понятно, как и что будет развиваться. И, конечно же, осмысливать не только через политический или социально-политический анализ, но и с точки зрения культурно-социально-политического анализа. Тогда нам становятся понятными многие тенденции, которые есть на Востоке и которые отсутствуют в западной цивилизации, и наоборот.

Привлекательный японский консерватизм: генезис и трансформация. Взгляд из России

Япония имеет в современной России довольно высокий уровень привлекательности и в целом позитивно воспринимается общественным мнением – обратно пропорционально аналогичным показателям России в Японии. Причем такой эффект существует несмотря на две войны, которые наши страны вели друг с другом, и нерешенную проблему пограничного размежевания [1, с. 238]. Как представляется, одной из главных причин такого успеха является традиционное позиционирование Японии как страны, с уникальной успешностью сочетающей новаторство во всех внешних областях человеческой жизни с глубоким консерватизмом в качестве ее идейно-нравственной основы. Россияне, постоянно ищущие свою национальную идею, считают, что японцы ее уже нашли, и именно своей консервативностью Япония в массовом сознании наших сограждан выгодно отличается, например, от Америки и даже от Европы. Тем более что последние все активнее педалируют свою приверженность идеям социально-нравственного модернизма.

Разумеется, при ближайшем рассмотрении японского консерватизма мы сталкиваемся с более сложной картиной, начиная, собственно, с определения того, что представляет собою этот консерватизм, насколько он национален и уникален в этой своей национальной сущности. Что же касается исторического подхода, то взгляды на истоки привлекательного японского консерватизма, сплавленного с западным модернизмом, в целом единообразны и, по историческим меркам, свежи. Достаточно вспомнить, что так называемое открытие Японии для Европы и Америки произошло всего около ста пятидесяти лет назад, после событий Мэйдзи Исин – Реставрации Мэйдзи, которую следует определять именно как «консервативную революцию» [2, с. 9]. Вероятно, она и есть первая реперная точка, о которой можно говорить, рассуждая о японском консерватизме. Если так, если Мэйдзи Исин действительно можно воспринимать как Реставрацию, как пусть своеобразное, но возвращение к консервативным идеям, то, безусловно, в основе этих идей, в основе японского консерватизма лежат различные трактовки и осмысления национальной религии – синто, в наибольшей степени воплощающей национальную самобытность японского этноса и японского государства, а в определенный момент истории и объединившей эти понятия [2, с. 7].

Часто говорится, что синто не вполне религия в традиционном понимании этого термина. Возможно. В любом случае, синто представляет собой религиозный базис для особого японского мировосприятия, включающего осознание исключительного даже в своей особости места в мире. Фактически синто – японское выражение национальной Традиции, вокруг которого строятся меня-

*Куланов Александр Евгеньевич, историк, писатель, член правления Ассоциации японоведов.
E-mail: kodzin@mail.ru*

ющиеся с течением времени формы национальной идеи. Не случайно именно на синто основывалась та национальная идея, которую в качестве первоосновы в значительной степени используют, конечно, после глубокого переосмысления, ее поздние интерпретации и продолжения. Речь идет о *кокугакуха* – «Школе национальных наук» Мотоори Норинага и Хирата Ацутанэ, возникшей на излете XVIII века и давшей философские предпосылки для грядущей Реставрации Мэйдзи [3, с. 263–264].

Принципиально важно иметь в виду включение в *кокугакуха* идеи *сонно* (почитания императора), в корне отличающей японские представления об императоре как самом Небе от конфуцианских, где он представал лишь в образе Сына Неба. Соответственно и исключительность Японии, ее «богоизбранность» не должны были подвергаться сомнению ни при каких обстоятельствах. Оба этих фактора, несомненно, консервативного характера, сыграли важную роль в идейно-философском и даже пропагандистском обосновании Реставрации Мэйдзи. *Кокугакуха* при этом выступила в качестве противника феодализма, но это не было ее задачей. Таковой являлось возрождение консервативной Традиции.

Естественным развитием «школы национальных наук» стало возникновение концепции *кокутай*, то есть «государственного организма», «государства как единого тела». Возникшая чуть позже *кокугакуха* «школа Мито» – *Мито гакуха* синтезировала в *кокутай* и «школу национальных наук», и многие аспекты конфуцианства. Эта концепция, ставшая идеологической и правовой основой новой Японии, предполагала, что *кокутай* – специфическая японская национальная и государственная общность, объединяющая в единое целое три уровня сущего: на первом – мир богов *ками* и императора; на втором – потомков богов, то есть самих японцев, на третьем – Божественные, то есть Японские, острова [2, с. 11–13; 3, с. 278–279]. Успешности восприятия такой модели в глазах самих японцев, естественно, способствовало географическое положение архипелага, его так называемая «уникальная» удаленность от материка и многовековая история закрытости, в том числе от азиатской философии и религии, которые достигали Японии только в миссионерских, капельных формах и приживались уже после столкновения и обработки с синтоистской Традицией.

Учение о «государственном организме» существовало и в германоязычных странах Европы, причем примерно в то же время, что и *кокутай*. Принципиальная разница между ними в степени национализма. Европейская «органическая теория государства» предполагала общность подходов для всех стран и этносов. Японская имела в виду уникальность своей сущности. Основа такой уникальности в виде непрерывного правления императорского дома как продолжения божественной традиции и сегодня имеет немало сторонников в Японии [2, с. 12–13]. Однако при осуществлении Реставрации Мэйдзи (или после революции – даже исходные точки временных оценок у нас могут расходиться с японцами) концепция «рафинированной исключительности» мгновенно показала свою несостоятельность при столкновении с реалиями ворвавшегося в Японию западного мира. Япония фатально уступала Западу в уже достигнутом уровне технического прогресса, и для поддержки «божественной сущности» требовалось только одно: догнать и перегнать Запад. Было найдено то самое решение, которое до сих пор является предметом зависти у россиян. Формула *вакон-ёсай* («японский дух – западная техника») в значительной мере и сегодня является основой японской национальной идеи.

Важно отметить, что при этом под «западной техникой» или «европейской наукой» имелись в виду не только собственно технологии, но и европейские идеи демократии и устройства государственной власти. Конечно, в японском, ограниченном *вакон*, понимании. Таким образом, самые решительные, рево-

люционные преобразования Японии были поставлены под идеологический контроль ее же собственными консервативными традициями. Несмотря на обилие допущенных в страну идей и течений, включая религиозные, никакие из них не прижились и не оказали заметного влияния на существование *кокутай*.

Следующей реперной точкой в развитии японского консерватизма, вероятно, можно считать катастрофу 1945 года, ставшую в значительной мере следствием неизбежного перекоса *кокутай* в сторону ультра национализма, шовинизма, идеологического и пропагандистского оправдания идеи подчинения «нецивилизованной» Азии «богоизбранному» японскому народу. Результатом поражения в войне стало, помимо всего прочего, разрушение привычных устоев национальной самоидентификации, кардинальное изменение отношения к патриотизму, национальной гордости и, как следствие, кажущаяся гибель самого японского консерватизма [4, с. 59–60]. Однако этот период продолжался ничтожное, по историческим меркам, время. После того как шок прошел и по воле оккупационных властей японцы получили возможность не думать о том, что японцем быть стыдно (определенную роль сыграли в этом и атомные бомбардировки японских городов), начался процесс поиска новой национальной идеи, продолжающийся по сей день. Роль консерватизма в этом поиске трудно переоценить.

Следующим его выражением стала особенно популярная в 1960–1970-х годах минувшего века «теория японца» – *нихондзинрон*. С учетом изменившегося вектора представления японского консерватизма она получила еще название культурного национализма, что весьма показательно. Теперь японский консерватизм, и даже, если угодно, национализм, воспринимаются в мире как уникальный культурный традиционализм, являющийся единственной защитой от негативных факторов глобализации. При этом «культурный традиционализм», в отличие от *кокутай*, начисто лишен агрессивного оттенка и несколько свободнее по части трактовки уникальности всего японского. Иначе бессмысленно было бы пропагандировать японскую культуру – все равно она считалась бы непостижимой для иностранцев. Тем не менее и здесь все непросто. Япония видит себя и преподносит мировому сообществу как одну из наиболее развитых стран на планете. При этом общий вектор развития направлен, в соответствии с современным европейским пониманием этого процесса, в сторону глобализации [5, с. 254–259]. Разумеется, позиционирование Японии как страны традиционалистской, консервативной входит в постоянное противоречие с ее приверженностью глобализму, но тут каждая из наблюдающих за процессом сторон сама для себя определяет степень глубины этого противоречия. Россия, нуждающаяся в постоянной модернизации и утратившая после краха советского режима внятную национальную идею, цеплявшаяся то за возрождение монархии, то за президентскую республику, а в последние годы навязчиво несущая в массовое сознание образ *back in USSR*, видит корень успехов японской экономики прежде всего в японском консерватизме, не слишком задумываясь ни о его генезисе, ни о сложных внутренних проблемах и противоречиях, ни о реперных точках, часть которых совпадала с периодами настолько глубокого внешнего и внутреннего кризиса, что стоял вопрос о самом существовании Японии – и это тоже во многом благодаря традициям японского консерватизма. Понятно, что японский опыт в России должен быть востребован, но осознание того, как, когда и какими силами это должно быть осуществлено, еще не пришло.

Литература

1. Куланов А.Е. Молодяков В.Э. Россия – Япония: имиджевые войны. М.: 2007.
2. Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011.
3. Комаровский Г.Е. Синто-путь японских богов. М., 2001. Т. 1.
4. Панов А.Н. Революция Сёва. М., 2010.
5. Сакаи, Таити. Что такое Япония? М., 1992.

Аннотация. Доклад представляет собой краткий обзор основных источников возникновения современного японского традиционализма, а также наиболее важных этапов его развития. При этом основное внимание автор уделяет привлекательным для россиян чертам японского традиционализма, его уникальным особенностям и предлагает задуматься о возможностях и методике заимствования некоторых, потенциально полезных для нас, подходов к конструированию модели национальной идеи.

Ключевые слова: Япония, японский традиционализм, кокутай, консервативная революция, культурная экспансия, богоизбранность.

Alexander Kulanov, Historian, Writer, Senior Member of the Association of Japanologists.
E-mail: kodzin@mail.ru

Attractive Japanese conservatism: Genesis and Transformation. View from Russia

Abstract. The report is a brief overview of the roots of modern Japanese traditionalism, as well as the most important stages of its development. The author focuses predominantly on the most attractive features of Japanese traditionalism for the Russians, its unique features and suggests considering the possibilities and methods of borrowing some potentially useful approaches to designing a model of the national idea.

Keywords: Japan, Japanese Traditionalism, Kokutai, Conservative Revolution, Cultural Expansion, God's Chosen People.

М.В. Ремизов. Для русского консерватизма консервативная революция Мэйдзи – реставрация и революция в одном флаконе – один из модельных моментов, очень важный ориентир. Но, мне кажется, вы недостаточно нам рассказали о тревогах, которые японские консерваторы испытывают по поводу утраты японского духа. Потому что это источник всякого консерватизма – боязнь утратить себя. И судя по сеппуку Юкио Мисимы на плацу, японский консерватизм не был лишен этой тревоги.

А.Е. Куланов. Безусловно. Только напомним, что сеппуку Мисима совершал не на плацу, а в кабинете. Убивал его любовник, кстати, плохо владевший мечом.

М.В. Ремизов. Красивая история. Но мы движемся с востока на запад и переходим к стране, являющейся одним из истоков нашей европейской и индоевропейской культуры. Я имею в виду Индию. Хочу передать слово господину Аруну Моханти, руководителю Центра изучения России и Центральной Азии Университета Джавахарлала Неру.

Ценности и основания современной индийской политики

Спасибо за приглашение принять участие в этом форуме. Я остановлюсь на современной политике Индии, а также на ее религиозных аспектах. В настоящий момент человечество испытывает отрицательные последствия процесса глобализации, который имеет либеральную основу. И в этом смысле индийские ученые много говорят о незападном подходе и незападном пути развития. В Индии происходит обсуждение того, как в XXI веке будет развиваться человечество. Мы полагаем, что это будет век Азии. При этом мы понимаем, что все великие цивилизации мира развивались в акваториях морей или рек. Была Средиземноморская цивилизация, потом появилась Евроатлантическая цивилизация. А ближайшие по крайней мере пятьсот лет будут эрой Азиатской цивилизации. Произойдет мощный подъем азиатских государств, и политическая сила перейдет из Европы, от Запада – к Востоку, к Азии.

Поэтому когда мы говорим о XXI веке, то говорим главным образом об Азиатско-Тихоокеанском регионе. Здесь мы находим три великие цивилизации – индийскую, японскую и китайскую. Все они качественно отличаются друг от друга. В наступившем веке и, по-видимому, в перспективе пятисот лет основное внимание будет уделяться духовным ценностям и универсальным ценностям культуры. Хотел бы обратить ваше внимание на то, как индийская цивилизация сумела выжить в течение длительного периода. Мы придерживаемся такого ценностного принципа: единство и разнообразие.

Индия является многонациональной, мультиэтнической страной. В то же время Индия – единственная страна третьего мира, которая успешно экспериментировала с западными ценностями. Да, демократия является порождением Запада, но надо признать, что Индия достигла здесь серьезных успехов. Индийская политическая система успешно развивается и процветает, и сегодня мы имеем – мультикультуральное, секулярное и дифференцированное общество.

Принципы нашего развития были сформулированы еще премьер-министром Джавахарлалом Неру. При этом основатели и лидеры нашего государства исходили из понимания того, что Индия не сможет выжить без религии. То есть, с одной стороны, Индия является демократией а с другой – религия играет очень важную роль в развитии политической системы. Говоря о религиозных ценностях и их влиянии на политическую систему Индии, мы имеем в виду такие ценности и концепции, как дхарма, карма, данда. Эти концепции развивались в течение многих-многих столетий, даже тысячелетий.

У нас одна религия – индуизм. Но начиная уже с VII–VIII веков появилось и много последователей ислама. В Индии люди придерживаются и других веро-

Арун Моханти (Arun Mohanty), доктор политологии, ассоциированный профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Дели, Индия); директор "Eurasian Foundation". E-mail: amohantymoscow@gmail.com

исповеданий. И когда Ганди говорил о секулярной демократии, он при этом говорил и о важной роли религии в общественной и политической жизни. Это не так просто понять. Когда мы говорим о секулярном принципе, то должны понимать, что индийский секуляризм отличается от западного, потому что индийские секулярные принципы имеют религиозные истоки, тогда как западный секуляризм означает интервенцию государства в религиозную жизнь общества. Поэтому мы различаем западный и индийский секуляризм. Но спорным является вопрос о том, насколько важна роль, которую играет религия в индийском обществе. Очевидно, что Индия не сможет выжить, быть суверенным государством, если будет пренебрегать принципами секуляризма и важной роли религии в организации индийской государственности.

Зачитаю несколько выдержек из высказываний Ганди, относящихся к важности религии. Ганди был очень заинтересован в сохранении религиозной гармонии. Тем не менее он, не колеблясь, использовал религию в политических целях. Он всегда говорил, что религия будет играть важную роль в политической и экономической системе Индии. Он рассматривал ее как уникальное средство решения спорных вопросов и сравнивал с охотничьей собакой, которая помогает охотиться на зайца. Ганди не представлял себе ни на секунду анализ восприятия реальности без религиозного подтекста. И он считал, что религия должна присутствовать всегда во всех аспектах жизни. Он говорил: «Я не представляю себе какого-либо рода деятельности человека без религиозного участия».

Каким образом Ганди удавалось примирить религию и интересы государства? Нет ли здесь противоречия? Ганди говорил о том, что секуляризм нужно рассматривать с точки зрения религиозного плюрализма, как социально-культурное явление, которое должно быть неизменно плюралистичным и объединять христиан, индуистов и мусульман и которое должно также отражать достоинства религиозных меньшинств. Все равны с точки зрения закона, но каждый имеет право свободно отправлять свои религиозные надобности. Ганди хотел, чтобы Индия гарантировала свободу вероисповедания каждому члену общества. И как-то раз, обращаясь к христианскому сообществу, он сказал: «В глазах всевышнего творца все конфессии равны, независимо от того, ислам это или христианство».

Поэтому наши представления о секулярных принципах отличаются от западных. На Западе секуляризм явился результатом автономии от морали. И западные секулярные взгляды на судьбу и на религию, как это толкуется в энциклопедиях, служат отрицанием религиозной морали. Ганди утверждал, что религия – это судьба. Но судьба – это сверхъестественное явление, и Ганди не пытался использовать религию в качестве основополагающего принципа морали. Мораль для него была одной из сторон религии.

Многие ученые не разделяют довольно противоречивые подходы Ганди к религии. Но тем не менее благодаря именно этой концепции единства и разнообразия Индия до сих пор крепко держится на ногах и выживает в условиях мультикультурного общества, в котором приверженцы индуизма составляют более 30%, а ислам – 12%. Думаю, что роль религии и ее влияние в поддержке секулярного общества останутся важнейшим фактором, который позволяет нам выживать и учиться друг у друга.

М.В. Ремизов. Следующий доклад посвящен еще более западной цивилизации и сравнительному взгляду на развитие Османской и

Российской империй. Пожалуйста, директор Центра изучения Евразии, России и Восточной Европы господин Ташансу Тюркер.

Административные реформы и концепции «родина» и «нация» в империях модернизации: Турция и Россия

На основе анализа сочинений ведущих историков, литераторов и публицистов XIX – начала XX века предполагается проследить, как менялось восприятие понятий «империя» и «нация» просвещенной элитой двух государств. Иными словами, цель работы состоит в том, чтобы выявить влияние коренных перемен, происходивших в султанской Турции и царской России, на эволюцию общественной мысли, а опосредованно – и на судьбы названных государств.

Выбор указанных ключевых терминов неслучаен. Современная политическая ситуация в мире позволяет говорить о начавшемся разрушении модели национального государства в силу процессов глобализации и регионализации, массовых миграций, радикально меняющих состав населения наиболее развитых стран Запада. Исследователи полагают, что завершается трехсотлетний исторический период, когда теории национализма и национального строительства определяли не только действия политиков, но и направленность исторических изысканий. Нынешний интерес к наднациональным образованиям побуждает ученых вновь обратиться к истории возникновения и упадка империй, чтобы «подвергнуть анализу наследие империй, ушедших в прошлое, и поразмышлять о будущих формах государственного устройства» [11, с. 33].

Цель исследования заключается в выявлении на основе сравнительного изучения ситуации в Османской империи и России типологически общих черт реакции османского и российского обществ на процесс модернизации в XIX – начале XX века, что предполагает решение следующих задач:

- охарактеризовать исторический фон, на котором разворачивались модернизационные преобразования в Османской империи и России;
- проанализировать характер изменений, вызванных осуществлением реформ в обеих империях на основе западных образцов, обратив особое внимание на изменения в характере мировидения, ценностных ориентациях и поведении представителей османской и российской интеллектуальной элиты;
- определить особенности процессов самосознания (идентичности) в османском и российском обществах на протяжении XIX – начала XX века;
- раскрыть причины и следствия негативного восприятия вестернизаторских преобразований определенной частью османских и российских интеллектуалов;
- рассмотреть на основе анализа взглядов представителей османской и российской образованной элиты сложный процесс противоборства и взаимовлияния традиционного (*имперского?*) и современного (*национального?*) самосознания, присущий общественной мысли в обеих империях [40; 38].

Ташансу Тюркер, кандидат исторических наук, директор Центра исследований Евразии, России и Восточной Европы Университета Анкары (Турция).
E-mail: Tasansu.Turker@politics.ankara.edu.tr

Индикатором реакции просвещенных элит Османской империи и России на модернизаторские реформы в XIX – начале XX века выступает различное восприятие ими понятий «империя» и «нация». Чтобы лучше понять суть противоречий, следует учитывать состояние обеих держав [45; 2, с. 394–400].

В XVIII веке Османская империя вступила в эпоху упадка. Ее правящая верхушка осознала происходящее позже, чем об этом начали писать османские интеллектуалы. То, как понимали процесс падения мощи и возможностей державы разные представители ее административного механизма, и определило дилемму первых реформаторских усилий [34, р. 38]. Начавшиеся преобразования не были выражением сознательного стремления к модернизации или вестернизации, но предпринимались для усиления позиции империи в развернувшемся противоборстве с Западом [25, р. 20–100, *passim*]. Подобное представление о сути реформ сохранялось, по существу, до конца XIX века. Усилия реформаторов с самого начала исходили из признания превосходства Запада не только в военной сфере и в промышленности, но и в других областях общественной жизни. Чем яснее они осознавали масштабы отставания, тем все более широкий охват имели их начинания. При этом целью преобразований оставалась забота о защите и сохранении целостности государства [32, р. 86].

Если обратиться к причинам упадка, то они в своей основе связаны с геополитическим положением Османской державы в XVIII веке. На севере ей противостояла мощь России, на западе – столь же сильным соперником была Австро-Венгерская империя. На востоке ее возможности ограничивал Иран, оправившийся от внутренних неурядиц и успешно противостоявший замыслам Порты. Недостаточный морской потенциал Османов делал невозможным их выход к океану на юге. В сложившейся ситуации следует искать причины нарушения того ритма жизни, который был присущ Османскому государству с момента его основания. Невозможность сохранения прежних порядков предопределила и неизбежность разрушения традиционной османской системы [24, *passim*].

С остановкой внешней экспансии пошатнулись устои империи, построенной на завоеваниях и развивавшейся благодаря военным победам. Когда же в результате географических открытий Средиземноморье утратило ведущую роль в международной торговле, к политическим неудачам добавились и торговые потери. Они привели к дальнейшему уменьшению роли условных земельных пожалований – тимаров – в системе сельскохозяйственного производства и углублению экономического упадка. Хозяйственные бедствия способствовали перебоям в работе государственного механизма. Столь же быстрым оказался развал провинциальной системы управления, которая перестала удовлетворять потребности центра. Отмеченные процессы имели еще одно, очень важное следствие: они подорвали авторитет султанской власти и способствовали усилению центробежных сил в провинциях. Усиление противников сильной центральной власти и традиций автократии стало причиной потрясений института *султаната* [21, р. 17–38; 19], на котором держалась вся традиционная османская система власти. Его деградация с неизбежностью вела к дезорганизации государственных порядков.

Именно в такой обстановке и начинались реформы. Вполне естественно, они первоначально были ориентированы не на вестернизацию, но на практические нужды империи [33]. Их инициаторы пытались преодолеть те слабости государственного механизма, о которых речь шла выше. Лишь при Селиме III и особенно во время правления Махмуда II сфера действий реформ начала расширяться, а затем изменилась и их направленность. В итоге процесс преобразований обрел характер вестернизаторских начинаний [18, р. 117].

Основным результатом тех перемен в жизни государства и общества, произошедших под влиянием вестернизации, было складывание интеллекту-

альной элиты, которая впервые оказалась способной понять достижения западной цивилизации. В этом смысле отправной точкой можно считать учреждение в 1821 году *терджоме одасы* (палаты переводчиков). Воспитанные в этом учреждении молодые люди не только овладевали западными языками, но и знакомились с западной культурой. Они и стали в дальнейшем интеллектуальной элитой, благодаря усилиям которой реформы вышли из-под монопольного контроля государства.

Что же касается связи между реформами и понятиями «империя» – «нация», то она прослеживается в процессе складывания национального сознания, происходившего в основном внутри империи. Этот процесс первоначально развивается в христианской, а не в турецкой среде, позже он выявился у мусульман нетурецкого происхождения. Сами же турки-османы были озабочены главным образом идеей спасения государства, но этим государством была именно Османская империя [43].

В традиционной структуре империи, построенной на системе *миллетов*¹, не было условий для появления националистического мышления. Османская империя сохранила эту практику, объединив ее с исламским правом. Само понятие *миллет* образовалось от термина *милле*. В арамейском языке он первоначально означал «слово», а следовательно, и «логос», в итоге же стал восприниматься в значении «вера». Этимология термина позволяет лучше понять сущность системы миллетов. Она основывалась на том принципе, что все общины любого вероисповедания на османской территории признавались государством и им предоставлялось право решения всех их внутренних дел. Каждый миллет был организован как закрытая группа. Результатом подобной замкнутости было то, что разделенными оказывались и единоверцы, и носители одного языка. Если и родился, несмотря на ограниченную общность бытовой и материальной культуры, общий стиль османской жизни, то данное обстоятельство еще не означает появления общей османской идентичности ни в литературном, ни в научном смысле [35].

Так как руководство миллетом и ответственность за него лежала на *миллетбаши* (его главе), а каждый индивид оставался внутри коллектива, внешнее влияние сводилось до минимума. Поселение каждого миллета было закрытым в своем квартале или деревне. Лишь в равнинных областях ситуация менее сложна. В таких регионах, как Балканы, Западная Анатолия и Причерноморье, жители равнин оказываются в среде, которая не позволяет им создать свою особую культуру [35].

В ее рамках каждая религиозная община существовала автономно, но при условии сохранения общей лояльности по отношению к центру. Внутри этих общин нашли себе приют самые разные по языку и этническому происхождению элементы. Поэтому развитие современного националистического мышления угрожало не только османскому правлению, но и ведущей роли миллетов. Тем не менее на протяжении XIX века подобный образ мыслей развивался очень быстро, что привело к расщеплению Османской державы [39, р. 108]. В такой ситуации основной заботой османских интеллектуалов стал поиск альтернативы идеям национализма. Ибо увлечение ими шло явно во вред усилиям по спасению государства. До тех пор, пока в интеллектуальной среде не утвердилась идеология тюркизма, национальной идентификации противостояли сторонники традиционного имперского порядка.

Если обратиться к западническим и противостоящим им концепциям, то нетрудно заметить, что систематическая разработка соответствующих идей османскими интеллигентами была запоздалой и слабой. Слабость западнических

¹ Понятие, которое в современной Турции воспринимается как «народ» и «нация».

представлений и двойственное отношение к западничеству, присущее зачинателям реформ, явно мешали развитию альтернативного подхода и в какой-то мере ослабляли его. Однако сама жизнь подталкивала искать возможностей сочетания западных ценностей с традиционными османскими нормами и тем самым способствовала рождению идей, которые защищали бы империю [39, p. 108].

В таких обстоятельствах усиливалась значимость идеологии османизма. Смешение западных понятий «родина» и «патриотизм» с традиционными представлениями о верности и справедливости должно было оправдать усилия по созданию единой османской нации [39, p. 108; 29, *passim*]. Неудачу данного предприятия нельзя объяснить лишь поверхностным подходом к этому начинанию. Ясно, что возможности государства в подобных делах играют решающую роль. Однако в XIX веке нужной притягательной силы у Османской державы уже не было. К тому же внешнее давление способствовало развитию националистических настроений среди немусульманских подданных султана. Готовность правящих кругов следовать принципам османизма определялась не только наличием внутри империи националистических тенденций, но и вмешательством таких государств, как Россия и Австрия, пользовавшихся влиянием в ее владениях.

Важная особенность османизма вытекала из того обстоятельства, что эпоха *Танзимата* была временем власти османской бюрократии [36, *passim*]. Сфера деятельности султана была заметно уменьшена бюрократической элитой. В ее идеологии появилось понятие *ватан* (родина), существенно потеснившее прежнее представление о роли правителя как объекта традиционной верности. Согласно положениям программы «Новых османов», сам термин «родина» должен был дополняться понятиями *катылымджилык* (единение всех национальных элементов) и *ватандашлык* (гражданство) [29, *passim*; 27; 26, *passim*]. Они были убеждены, что благодаря конституции, обеспечивающей доступ к управлению представителям различных миллетов, последние останутся лояльными по отношению к государству. Сколь бы наивной ни выглядела эта идея, предполагалось, что она сможет обеспечить, даже на длительный срок, устойчивость империи. Другой вклад идеологии «Новых османов» состоял в уже упомянутом альтернативном подходе к Западу. Первое систематическое изложение их оппозиционных взглядов было связано с интерпретацией султанского «*Ислахат ферманы*» (декрета о реформах 1856 года) как свидетельства западного вмешательства. Сущность оппозиционности определялась в большей степени требованием сопротивления вмешательству, которое в рамках «патриотизма» можно было бы интерпретировать как требование сохранения независимости османского государства. Подобное противостояние, по сути дела, должно было расколоть приверженцев османизма, поскольку немусульманские элементы в этой ситуации воспринимались как проводники западного влияния. В первом же внутреннем конфликте идеология османизма потерпела серьезный урон именно из-за внешнего вмешательства [30, *passim*; 31].

То обстоятельство, что вопреки замыслам инициаторов модернизаторских реформ территория империи продолжала сокращаться, а численность немусульман уменьшаться, позволило приверженцам имперской идеи использовать ислам как критерий идентификации. В конечном счете исламу можно воспринимать и как специфический вариант западной (националистической) идеологии. Ибо, теряя свое значение религии и превращаясь в свойственный современной идеологии показатель идентификации, ислам в той или иной степени мог способствовать утверждению влияния западных идей [20, p. 269]. Однако в реальной жизни более важной оказалась другая сторона исламу. Ведь данная концепция не столько противостояла османизму, сколько его поддерживала. Поскольку идея спасения государства в конце XIX века обратилась в заботу о спасении того, что еще осталось, следовало, с

одной стороны, использовать принцип исламской идентификации, но, с другой стороны, стараться не оттолкнуть немусульманские элементы. Вместе с тем исламская идентификация при всей ее утопичности все же выступала как альтернатива национализму. Исходя из идеи о том, что подчеркивание различий противоречит постулатам ислама, она призывала к единению всех мусульман [44, p. 227–228].

Поскольку националистические настроения всё же развивались среди арабов и в еще большей степени среди албанцев, постольку в сознании османской бюрократической элиты возрастала значимость идеологии тюркизма [14, passim]. Сам термин «тюркизм» появился в Османской империи явно позже того времени, когда другие этносы, входившие в состав ее населения, обрели свое национальное сознание. Он впервые начал использоваться лишь в начале XX века [22, passim]. Идеология, опирающаяся на это понятие, не была до конца сформулирована ни в годы балканских войн, ни в период Первой мировой войны. Не получив общей поддержки в интеллектуальной среде, тюркизм первоначально оставался частью исламизма. Как и в исламизме, добавка «пан» к самому термину никогда не означала действительно иного его значения. Внутреннее содержание этого понятия выявилось лишь после создания Турецкой Республики в ходе систематического сопоставления с термином *гарбчилык* (западничество). Тюркизм и вестернизация выступали в сознании кемалистской элиты как разные версии современного национализма. Устранение добавки «пан» способствовало утверждению представления о независимой турецкой нации, которой суждено занять свое место в ряду современных наций. Впрочем, идеология тюркизма, как и те, которые ей предшествовали, сохранила некий налет имперского наследия, поскольку продолжала придерживаться принципа *капсаиджылык* (гражданской общности) в противовес принципу *дышлаиджылык* (национальной особенности), который составляет один из основных элементов национализма. В этом смысле современная Турецкая Республика и курс кемализма представляются гибридом двух неоднородных понятий «родина» и «нация». Организация государства и общества на основе подобной модели показывает, что сторонники тюркизма придерживались прозападной ориентации, но вместе с тем опасались диктата Запада. Они понимали необходимость вестернизации, но хотели бы продолжать курс на самосовершенствование, делали ударение на роль турецкой нации, но опирались на принцип гражданства [13].

При рассмотрении ситуации в России первое бросающееся в глаза ее отличие от Османской империи состоит в постоянном увеличении могущества государства. Начавшееся в ходе реформ Петра I систематическое освоение западного опыта привело к усилению российской державы. Если османские усилия были направлены на сохранение существовавших границ, Россия открыла для себя на востоке замечательную зону новых территориальных приобретений. Как расширение границ страны, так и укрепление ее центральной власти и устранение противников самодержавия, позволили Петру обеспечить России высокий уровень не только военного, но и политического могущества [2, passim]. Этот подъем, продолжавшийся и при преемниках Петра I, сопровождался значительным прогрессом в сфере просвещения и культуры. Для дворянской по своему происхождению российской элиты были созданы образовательные и научные учреждения, существенно повысившие общий потенциал государства. В начале XIX века без учета мнения России нельзя было решить ни одного европейского вопроса [41, p. 211–221].

Для темы настоящего исследования важно отметить первую черту, свойственную российскому интеллектуалу и заключающуюся в широте его интересов. В то время как османский интеллигент был погружен в искания относительно спасения страны, представители российской образованной среды, в силу достигну-

тых государством успехов, могли обратиться к решению более широкого круга проблем политического, социально-экономического и культурного характера. Другая особенность российского интеллектуала была связана с его происхождением. В Османском государстве подобный человек типологически был выходцем из бюрократической среды, в России же в большинстве случаев он имел дворянское происхождение, но ни аристократические корни, ни разночинный статус не имели существенного значения для его общественной позиции [28, *passim*].

Рассмотрение упоминавшихся выше реформ Петра I и особенно их кульминации в период правления Екатерины II позволяет увидеть еще одну важную особенность. Суть ее в том, что реформы в России начали осуществлять твердо и решительно, что и определило реализацию их замыслов. В отличие от непоследовательной модернизации в османском варианте, модернизаторские преобразования в России должны были обеспечить и обеспечили ей статус великой державы в Европе. Первым результатом реформ XVIII века можно считать двойственную реакцию, сложившуюся в России по отношению к Западу, которая характеризовалась, с одной стороны, системной и глубокой оппозицией Западу, а с другой – не менее последовательной прозападной ориентацией. Первая из них впервые выразилась в антизападной постановке вопроса «кто мы?» и, естественно, отразилась в появлении «русской» идентификации. Она отражала сущность явления, которое можно назвать ранним консерватизмом [46, р. 48–55].

Следует сказать и о появившейся в это же время прозападной ориентации, которую в настоящей работе можно охарактеризовать как «ранний либерализм» [15; 12, с. 162–176]. В ее основе лежала концепция, поддерживавшая процесс вестернизации России и выступавшая за западные ценности и создание новой системы общественных отношений. При ее анализе нетрудно заметить, что использование разработанных на Западе понятий «родина» и «патриотизм» предполагает также и обращение к теме политической борьбы. Важно отметить, что сопутствующие современному понятию «родина» политические требования относительно ограничения самодержавной власти становились неперемennыми положениями политики [17, с. 106–175]. По существу, не будет преувеличением сказать, что по своей сути эта концепция схожа с османизмом, ибо на указанном понятии выстраиваются в обеих странах и заимствованная на Западе модель организации власти, и политический курс на объединение всего населения. В России такой либерализм пришел в полное противоречие с негативным восприятием Западом. Первые свидетельства тому обнаружались в ходе дискуссий 1840-х годов [16, с. 96–119].

В ходе идейной борьбы, известной в русской истории как спор западников и славянофилов, в противовес выдвинутым западниками положений раннего либерализма славянофилы, стоявшие на позициях раннего консерватизма, сделали первый шаг в определении русской идентичности и выдвинули свою, вполне законченную концепцию. В ней русская идентичность была представлена как переходная от национальной идентичности к цивилизационной [5, с. 192–231]. В наиболее четко сформулированном виде она выступает как такой вид национального сознания, который включает имперские элементы и отрицание понятия границ. Ее невозможно сопоставить с обычным национальным самосознанием. Но этой модели присуща особенность, которая позволяет взглянуть на нее по-другому и существенно ее ослабляет: она предполагает аполитизм, а не выступление против самодержавия.

Первоначальное изменение указанной позиции проявилось в потере веры русских просвещенных аристократов в Европу. Это разочарование, особенно четко проявившееся у Герцена, нашло свое выражение в идее о необходимости, наконец, политизировать русскую идентичность. То обстоятельство, что именно западник пришел к выводу о несостоятельности западной точки зрения, не-

сказанно увеличило веру и убеждение в противостоящую Западу русскую идентичность [3, с. 34; 23, р. 128–134; 4, с. 118].

Процесс политизации подобных идей и убеждений реализовался благодаря Данилевскому, который, объединив немецкую философию с революционностью французов, заново определил смысл панславизма в России. В своих соображениях, высказанных на страницах книги «Россия и Европа» [6, *passim*], он, предвосхищая Шпенглера, обосновал понятие «цивилизация» и сформулировал тезис о превосходстве славяно-русской цивилизации над западной. Хотя это положение и касается союза славян, но, по существу, в рамках этого союза в качестве центра следует поставить русскую общность как самую мощную силу данной цивилизации. В связи с этим следует признать, что из членов названного союза равноправных братьев именно Россия призвана в качестве старшего брата или даже отца создать подобный союз и политически преобразовать мир в новую высшую цивилизацию. Примечательно, что основным мотивом в рассуждениях автора выступает противостояние Западу, а понятие о границах никак не влияет на полемику. Та идеологическая конструкция, которую приняло российское государство, даже Ф.М. Достоевского превратила в проповедника идеи военного освобождения православных славян Османской империи и посредством давления общественного мнения вынудила власти принять панславизм в качестве ориентира внешней политики [42]. Потому что живущая за пределами государства большая масса людей была тоже его частью и могла это доказать.

Во времена Александра III панславистский вектор внешней политики отошел на задний план, и основное внимание властей обратилось на внутреннюю ситуацию. Здесь, несмотря на сохранение в прежнем виде тройственной формулы «самодержавие, православие и народность», составлявшей суть официальной идеологии, одновременно резко активизировался курс на русификацию. Несомненно, что в эпоху подъема национализма традиционной официальной идеологии было слишком трудно удерживать империю от распада [37].

Хотя в политике и в общественной мысли сохранялась ориентация на понятие «родина», но в качестве основной идеи уже было принято, что Россия отличается от Запада, и это отличие всеми разделялось. Иными словами, была подорвана сила тех, кто защищал это понятие западными средствами. В противовес распространялись другие идеи, делавшие, как правило, упор на русской идентичности.

В развернувшейся полемике заслуживает внимания позиция, представленная одним из последних защитников имперского политического мышления. Леонтьев был представителем имперского космополитизма, основанного на традициях Рима и Византии [9, с. 54]. По его мнению, необходима была новая альтернатива для противостояния Западу, и ей могла стать новая Византия. Поддерживая идею славянского союза, он выступал не за сам союз, но за новую систему, которая не была бы в своей основе западной. Леонтьев полагал, что славян не за что любить, разве что за славянство [8]. Цивилизационная полемика в то время увлекла всех русских интеллектуалов, даже анархистов. Один из них – Бакунин – полагал, что социализм может быть построен в России или в Турции, где народные массы не развращены западной цивилизацией.

В дальнейшем при всех спорах всё же сохранялась тенденция к превращению Российской империи в Русскую державу [5, *passim*]. Однако с ней покончил ленинизм, проводивший политику, в основе которой лежало понятие «родина», и выдвинувший проект союза наций на базе еще более «высокого», классового, понимания общности в виде пролетарского интернационализма. И хотя эта идеология основывалась на праве наций на самоопределение в форме отдельных государств, тем не менее в ней на первый план вместо понятия «нация» вновь была выдвинута «родина». Таким образом, спустя столетие реализовался

замысел инициаторов движения декабристов, которые в начале XIX века добились его осуществления в рамках «раннего либерализма». Начался период, отмеченный тесной связью понятий «гражданство» и «социализм» и ведущей ролью коммунистической партии.

* * *

В качестве ключевых слов, определявших противостояние двух начал, выступали: «традиционная империя», «модернизм», «родина», «реакция», «нация». Хотя обе державы представляли, каждая по-своему, традиционную империю, но в начале XIX века они уже различались по уровню политического могущества. Оно имело разную основу. Османской империи, много раньше пережившей свой классический период, модернизация была навязана, тогда как Россия в процессе модернизации стала подлинной империей. Процесс модернизации Османская империя пережила в очень облегченной форме, Россия – в очень жестком варианте. Из-за этого антизападные настроения в Османском государстве были столь же слабыми, сколь в России они были сильными. В подобных условиях османский духовный мир еще был полон чувства имперского превосходства, в России же очень рано зародилось национальное сознание. У османов на первом плане был имперский статус, в России упор делался на «русской идее» [1, passim]. С распадом Османской державы на османском географическом пространстве утвердилась западная модель государственной организации, а в России противостояние Западу только усилилось, реализовавшись в альтернативной модели.

Если попытаться установить какие-то временные границы, то в османском варианте традиционная имперская структура существовала вплоть до *Гюльханейского декрета*, провозгласившего начало эпохи *Танзимата*. В интеллектуальной среде России при сохранении официальной идеологии начало быстро оформляться националистическое сознание, западническое понимание слова «родина» после восстания декабристов 1825 года осталось в прошлом [7, passim]. В османском обществе идеология «османизма» вплоть до 1878 года опиралась на представление об имперской нации; в России с появлением понятия «цивилизация» приверженцев национальной империи оказалось значительно больше, чем сторонников классической империи. Османы вплоть до 1908 года в рамках концепции исламизма пытались оживить традиционную имперскую модель государства. В России она уже была заменена моделью национальной империи [10, passim]. С разложением османской системы западное влияние привело к утверждению национального государства в ущерб «гражданству», а российская имперская структура смогла сохранить связи с «гражданством».

Если обратиться к нынешним временам, то и в России, и в Турции эпоха дискуссий о «родине» и «нации» осталась в прошлом. Какое из этих понятий займет ведущее место в данной стране, такой субъект в ней, по сути дела, и окажется связанным далее с реформами и проблемой противостояния Западу.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2004.
2. Геллер М. История Российской империи. М., 2001. Т. I.
3. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1955. Т. 5: Письма из Франции и Италии.
4. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 7: О развитии революционных идей в России.
5. [Гросул В.Я.] Русский консерватизм XIX столетия / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003.
7. Ильин П.В. Новое о декабристах. СПб., 2004.
8. Леонтьев К. Византизм и славянство [1875]. URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>

9. Леонтьев К. Национальная политика как оружие всемирной революции. М., 1889.
10. Меньшиков М. Национальная империя. М., 2004.
11. Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.В. Миллера. М., 2004. С. 35–66.
12. Рудницкая Е.Л. Поиск Пути. М., 1999.
13. Тюркер Т. Республиканский туркизм, имперский фундамент, националистический мотив // Ломоносов 2008. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2008. С. 31–34.
14. Фадеева И.Л. От империи к национальному государству: Идеи турецкого социолога Зии Гёк Алпа в ретроспективе XX века. М.: Восточная литература РАН, 2001.
15. Шкуринов П.С. П.Я. Чаадаев. М., 1960.
16. Щетинина Г.И. Идеальная жизнь русской интеллигенции. М., 1995.
17. Янов А.Л. Патриотизм и национализм в России: 1825–1921. М., 2002.
18. Akşin, Sina. Siyasal Tarih // Türkiye Tarihi / (ed.) Sina Akşin. Tom 3. İstanbul, 1995.
19. Bosbach, Franz. The European Debate on Universal Monarchy // Theories of Empire; 1450–1800 / (ed.) David Armitage. P. 81–99.
20. Çetinsaya G. İslami Vatandaşlıktan İslam Siyasetine // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
21. Figgis J.N. The Divine Right of Kings. Bristol: Thoemmes, 1994.
22. Georgeon F. Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri. İstanbul, 2005.
23. Gertzen A. From the Other Shore and the Russian People and Socialism. London, 1956.
24. İnalcık, Halil. The Ottoman Empire. The Classical Age. 1300–1600. London, Weidenfeld & Nicolson, 1973.
25. Jung D., Piccoli W. Yol Ayrımında Türkiye / ev. Berna Kurt. İstanbul: Kitap, 2004.
26. Kemal, Namık. Vatan yahud Silistre. İstanbul: BodoSiyah, 2004.
27. Koçak C. Namık Kemal // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002. P. 244–249.
28. Kohn, Hans. The Mind of Modern Russia: Historical and Political Thought of Russia’s Great Age. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1955.
29. Mardin, Şerif. Yeni Osmanlı Düşüncesinin Doğuşu. İstanbul: İletişim, 1996.
30. Neumann Ch.K. Araç Tarih, Amaç Tanzimat: Tarihi Cevdetin Siyasi Anlamı. İstanbul: çev. Meltem Arun, Tarih Vakfı Yurt, 2000.
31. Neumann Ch.K. Paradigmalar Arasında, Ahmet Cevdet ve Aidiyet // Düşünen Siyaset, 1999, 7–8. P. 219–236.
32. Neumann Ch.K. Tanzimat Bağlamında Ahmed Cevdet Paşanın Siyasi Düşünceleri // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
33. Ortaylı, İlber. Batılılaşma Sorunu // Tanzimattan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. Tom 1. İletişim Yay., 1983. P. 134–138.
34. Ortaylı, İlber. Osmanlı’da 18. yüzyıl Düşünce Dünyasına Dair Notlar // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
35. Ortaylı, İlber. Osmanlı İmparatorluğunda Millet // Tanzimattan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. Tom 4. İletişim Yay., 1985. P. 995–1001.
36. Ortaylı, İlber. Tanzimat Adamı ve Tanzimat Toplum. İstanbul, 1986.
37. Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the Invention of National Politics // The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 4. P. 659–682.
38. Rowley D.G. Imperial versus National Discourse; the Case of Russia // Nations and Nationalism. Vol. 6, Issue 1, January 2000. P. 23–42.
39. Somel S.A. Osmanlı Reform Çağında Osmanlılık Düşüncesi // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce; Tanzimat ve Meşrutiyetin Birikimi / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
40. Suny, Ronald Grigor. The Empire Strikes Out. Imperial Russia, “National” Identity, and Theories of Empire // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union, 1917–1953 / Ed. by R.G. Suny and T. Martin, Oxford, 2001. P. 23–66.
41. Thaden E.C. Interpreting History. Boulder: Columbia Univ., 1990.
42. Türker, Taşansu. Karamazov Karezler’de Politik Sembolizm // SBF, 61:3. P. 220–246. URL: http://www.politics.ankara.edu.tr/dergi/pdf/61/3/8_tasansu_turker.pdf
43. Türker, Taşansu. “Türkiye” de Vatandaşlık Kavramının Oluşumu, İdari Yapıdan Siyasal Kimliğe Dönüşüm // XXI. Esrin Türk Devletlerinde Kimlik Seçimi / (ed.) Leila Alieva, Taşansu Türker. Baku: MBAM, 2011. P. 264–272.
44. Türköne, Mümtazer. Siyasi İdeoloji Olarak İslamcılığın Doğuşu. İstanbul: İletişim, 1991.
45. Uzunçarşılı, İsmail Hakkı. Osmanlı Tarihi. Tom 4:1, Ankara: TTK, 1956. P. 24–47.
46. Vernadsky G. Russian History: A History / Ed. by S. Pushkarev, translated by N. Lupinin. Belmont (Mass.), 1978.

Аннотация. Как Российская, так и Османская империя на протяжении последних трех столетий, с одной стороны, пользовались, а с другой – испытывали на себе последствия своей географической и, следовательно, культурной близости к Западу. Эти три столетия стали эпохой реформ для обеих стран. Начавшись в административном секторе, реформы продолжались в остальных областях современной России и Турции. Автор ставил своей целью осмыслить и проанализировать ход этих реформ не только в отрыве от других явлений, но и посмотреть на их политические последствия, которые можно обобщить в предложениях, касающихся политической идентичности, и в политических курсах обоих государств. На становление политической идентичности оказали влияние реформы, и идентичность можно простроить в таких понятиях, как «родина», «империя» и «нация». В статье, которая сопоставляет ситуацию в России и Турции, затрагиваются два основных вопроса: реформы, приведшие к становлению имперской идентичности, и консервативные проблемы, которые были вызваны данными реформами, которые привели к формированию таких понятий, как «родина», а на более позднем этапе – «нация». Автор также видит своей задачей достижение определенного воздействия на современную политику двух стран в рамках преемственности реформ и формирования политических идентичностей.

Ключевые слова: Россия, оттоманы, империя, реформы, модернизация, консерватизм, нация, Родина.

Taşansu Türker, Ph.D. in History; Director, Research Center for Eurasian, Russian and East European Studies, University of Ankara (Turkey). E-mail: Tasansu.Turker@politics.ankara.edu.tr

Administration Reforms and the Concepts of “Motherland” and “Nation” at the Empires of Modernization; the Cases of Russia and Turkey

Abstract. Both Russian and Ottoman Empires have enjoyed and suffered the result of their geographic and hence cultural closeness to the West for the last three centuries. Those three centuries can be explained as the era of reforms for the both countries. Those reforms which had begun in the administrative area have continued in all spheres of the two countries till today. In this article the essence and the ways of those reforms are tried to be explained not only in themselves, but also in the context of the political results of those, which can be summarized by the political identity proposals and policies of two states. Those political identities were formed by the reforms and their results, and can be categorized to their references like “motherland”, “empire” and “nation”. Reforms forming the concept of imperial identity and the conservative challenge, which was motivated as well by the reforms, creating the concepts of “motherland” and later on “nation” are the main themes of the article in a way of comparing two cases of Russia and Turkey. Finally it is aimed to reach some results for contemporary politics of two countries in the framework of the continuity of reforms and the political identities.

Keywords: Russia, Ottomans, Empire, Reforms, Modernization, Conservatism, Nation, Motherland.

М.В. Ремизов. Мне представляется знаменательным, что мы заканчиваем наше заседание именно на турецкой страновой модели, на дилемме турецкого консерватизма и модернизма. Турция является интересным примером и уроком для нас, уроком страны, которая переболела своим имперским универсализмом и преодолела его в период Кемаля Ататюрка – чтобы на новом этапе вернуться к нему. Я имею в виду нынешний период, двухтысячные годы. Турция вернулась

к имперскому универсализму, уже опираясь на дееспособное, консолидированное национальное государство с четким этническим ядром. Думаю, это вполне реалистичный сценарий для современной России – отбросить фантомные боли имперского универсализма, консолидировать национальное ядро, с тем чтобы на следующем этапе оно обрело достаточную гравитацию для воссоздания сферы влияния, напоминающей прежнюю империю.

«Большая азиатская сборка»: евразийское пространство и вызовы глобализма

{ Секция третья }

*Д.В. Мосяков
Страны Востока, США и современная глобализация*

*С.В. Хатунцев
Россия, Китай, Запад и «евразийская квадрига»*

*Л.Б. Карелова
Проблема европоцентризма и ориентализма
в современной России*

*В.Б. Кашин
Китайская картина будущего мира и место России в нем*

*Ли Син
Культурные факторы в дипломатии Китая, России и Индии
как участников БРИКС*

*Чжао Лу
Проблемы новой международно-правовой системы
в нестабильных ситуациях и в рамках многополярного мира*

Страны Востока, США и современная глобализация

Сегодня наиболее развитые страны Востока, участвующие в процессе глобализации, все активнее формулируют собственную повестку дня, выстраивают модель жизнеустройства, которая отвечала бы их национальным интересам. Такие страны, как Китай, Индия или Турция, все меньше оглядываются на западные рецепты национального строительства и международной политики и формируют новую реальность исходя из своих традиций, интересов и принципов. Этим они опровергают ключевые положения, сформулированные западными «отцами» современной модели глобализации, о том, что глобализация – это процесс формирования в странах Востока открытой экономической модели, либерального политического режима, открытой культурной позиции или, говоря словами Д. Хэлда и Э. Макгрю, «реконфигурации политической власти, формирования глобальной экономики и эрозии национальной культуры с возникновением глобальных культурных и информационных потоков» [см. 6].

В странах Востока к модели глобальной интеграции существует двойственное отношение: с одной стороны, взаимозависимость наиболее развитых стран Востока и Запада, огромные возможности, которые возникают у участников глобальных рынков из числа стран Востока в ускорении экономического роста и повышения уровня жизни в национальных сообществах. С другой – существующая модель глобализации отражает господство интересов США и других стран Запада, которые распространили по всему миру стальные нити потоков финансового капитала, опутали его интересами разнообразных транснациональных корпораций и глобальных финансовых структур. В их интересах и существует современная глобальная система, которая, по словам нобелевского лауреата Дж. Стиглица, часто обозначается «как механизм глобального управления без глобального правительства» [2, с. 41], причем само это глобальное управление до сих пор находится вне контроля стран Востока. Ответом на очевидную и сегодня подчиненность восточных обществ западному диктату и правилам является усиление антизападных тенденций в экономической и общественно-политической жизни в ряде стран Востока, подъем традиционализма, патриотизма и регионализма.

Ситуация развивается не совсем так, как предсказывали западные аналитики, полагавшие, что «глобализация предполагает конец национального в качестве сферы обоснованной стратегии для экономических субъектов и что ничто существенное в финансовом и экономическом плане не может стать более предметом размышлений на национальном уровне – ни крупные сектора экономики, ни банковская сфера ни даже валюта» [5, р. 12].

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. E-mail: mosyakov.d@gmail.com

Даже в такой ключевой сфере, как «реконфигурация политической власти», которая должна была основываться на распространении норм либеральной демократии в странах Востока, никакого заметного движения не отмечается. А между тем большинство аналитиков на Западе не раз утверждали, что «этому нет альтернативы» [см., напр., 1, с. 95], что формирование по всему миру однородных либерально-демократических политических систем есть один из фундаментов глобального развития. В странах же Востока не либеральные, а авторитарные по своему устройству режимы, с коммунистическими партиями во главе (как, например, в Китае или во Вьетнаме), показывают сегодня наибольшие темпы экономического роста. Их влияние в мире, особенно это касается КНР, растет настолько, что не исключено и такое: Пекин через некоторое время вполне сможет предложить мировому сообществу свой, а не американский глобализационный проект.

Высокие темпы экономического роста демонстрируют и страны Юго-Восточной Азии, где авторитарные режимы в той или иной форме господствуют и в Сингапуре, и в Малайзии, и в Таиланде, и в Лаосе, и в Бирме. Причем Сингапур, Малайзия и Таиланд и даже Вьетнам (с единственной руководящей силой – компартией) интегрируются в проект глобализации, практически не меняя политических и идеологических основ своего устройства. Если к этим странам добавить еще и Турцию, где установился авторитарный режим Т. Эрдогана, то вывод о том, что для участия в глобализационном проекте странам Востока необходимо формировать либеральную политическую систему, оказывается ошибочным. Страны Востока показывают, что в действительности форма и характер правящего режима для интеграции в глобальные рынки особого значения не имеют. Значимо другое: насколько эффективна политика правящего режима и насколько благоприятные условия для притока и вывоза капитала этот режим способен создать.

Еще одним примером особенности участия стран Востока в глобализации может служить ситуация с заимствованием и аккультурацией западных культурных стереотипов в восточных социумах. Опыт этих стран подтверждает слова А. Ападураи о том, что «центральная проблема сегодняшнего глобального взаимодействия состоит в напряжении между культурной гомогенизацией и культурной гетерогенизацией» [4, р. 251]. Причем если задаться вопросом, что несет с собой культурная глобализация – усиление однородности или разнородности человечества, то ответ на него будет совсем неоднозначен. Как справедливо замечает Р. Робертсон, «усвоение определенных норм и представлений о единстве современного мира соседствует, а то и сопровождается усилением ориентации на свою национальную культуру со всеми вытекающими в плане ренационализации политики, распространении религиозного фундаментализма последствиями» [7]. Эволюция культурных доминант в странах Востока во многом подтверждает этот тезис. Так, например, Турция, которая, несомненно, является одним из интегрированных членов глобальной семьи, сегодня все решительнее движется не по пути укрепления основ светского государства, а скорее возрождает исламизм как государственную идеологию, жестко выступает с критикой культурных стереотипов, приходящих с Запада. В этой стране авторитарный политический режим, ориентированный на сближение с Европой, превратился в авторитарный режим, ориентированный на пантюркизм и культурную интеграцию в исламский мир. При этом архаизация системы образования и даже способа мышления, которые все больше возвращаются в религиозные рамки ислама, не мешает Турции показывать и высокие темпы экономического роста и без серьезных проблем интегрироваться в глобальные рынки.

Усиление тенденций традиционализма и регионализма отчетливо просматриваются в Индии, в странах Юго-Восточной Азии, вполне интегриро-

ванных в глобальные рынки. Их правящие элиты всячески поддерживают и распространяют традиционные культурно-духовные координаты, постоянно указывают, что современные западные культурные образцы не являются для них примером для подражания. И в большинстве стран Востока западный стиль жизни распространяется и доминирует в довольно узких, преимущественно городских, социальных стратах, так или иначе в глобальной интеграции задействованных. Они могут быть влиятельны и активны, но численно многократно уступают сегодня не менее активным в восточных социумах традиционалистским силам. Во многих странах даже возникает определенная оппозиция настроениям наиболее успешной части городских слоев мегаполисов, живущих существенно лучше, чем подавляющее большинство сельского и городского населения. Углубление социальной дифференциации и, соответственно, многообразных противоречий может угрожать стабильности глобализационного вектора развития этих стран.

Из всего этого следует, что принятие восточными социумами западного образа, стиля и атрибутов жизни не является значимой предпосылкой для участия в процессе глобализации. В этот проект успешно интегрируются восточные сообщества, ориентированные в целом на сохранение традиционных ценностей. Достаточно только того, чтобы в них существовала сравнительно небольшая по численности, принявшая западные ценности социальная страта, которая и выступает главным посредником с глобальным рынком.

Как мы видим, в настоящее время в странах Востока глобализация не является таким всеохватывающим и сложным процессом, каким была в свое время модернизация. В рамках длительного и противоречивого процесса модернизации происходили глубокие перемены во всех сферах жизни общества – в способе мышления, образовании, стандартах жизни, политических и культурных идеях, в системе политической и экономической власти. Причем процесс перемен затрагивал и широкие слои населения, и правящие, и интеллектуальные, и бизнес-элиты. В глобализации такого размаха перемен и близко нет. Перемены в странах Востока носят социально узкий и, можно сказать, прикладной характер. Во многих из них сегодня можно видеть такую картину: стоят суперсовременные предприятия, связанные с глобальным рынком, и в то же время рядом крестьянин мотыгой обрабатывает веками принадлежавший ему земельный участок. Подобная ситуация ведет к несбалансированности национального развития, подрывает заинтересованность в продолжении глобализации. Правящие элиты большинства стран Востока уже не скрывают и своего недовольства существующей моделью глобализации, и готовность участвовать в ней только до тех пор, пока это будет выгодно их стране. Любой кризис или снижение позитива от глобальной взаимозависимости могут разрушить ориентированный на интересы США экономический механизм. Альтернативой ему многие рассматривают стремительно растущий и в Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке да и в Восточной Азии регионализм.

Еще некоторое время назад регионализм рассматривался западными авторами как позитивная тенденция, которая в определенном роде готовит страны того или иного региона к более широкой интеграции в рамках глобализации. Теперь отношение к этому явлению несколько изменилось, так как выяснилось, что региональное сотрудничество не столько помогает глобализации, сколько создает в том или ином регионе вполне жизнеспособные замкнутые на регион системы, которые скорее тормозят интеграцию своих членов в глобальные рынки. Дело заключается еще и в том, что большинство западных ТНК доминирует в международном пространстве, а на региональном и тем более национальном уровне их интересы отнюдь не решающие – в наиболее успешных странах Востока преобладает экономика национальная, чаще всего основанная не на господ-

стве частных акционерных обществ, а на смешанном государственно-частном партнерстве. В Сингапуре, Турции, Южной Корее, Китае и Вьетнаме, да и в Японии роль государства в экономике несравнимо более значима, чем в США.

В этой связи можно утверждать, что на Востоке до сих пор существует интересный феномен, когда отдельные элементы, казалось бы, давно канувшей в прошлое социалистической модели модернизации остаются актуальными и поныне. Даже если не брать примеры Китая и Вьетнама, где государство жестко контролирует экономику, планирует ее развитие, владеет значительной частью производственных мощностей и финансовых ресурсов, а взять примеры либерально-капиталистические – Сингапур и Южную Корею, то и там влияние идеологии социализма проявляется вполне явно. Ли Куан Ю, создавший современный Сингапур, начинал свою карьеру как левый политик, как адвокат рабочих профсоюзов и был долгое время близок с коммунистами и социалистами. А Пак Чжон Хи – «отец корейского экономического чуда» – в молодости вообще являлся членом компартии. Знакомство с социализмом позволило им нащупать успешную модель развития, когда национальная экономика развивается не столько как частная, сколько как смешанная, с огромной долей государственно-частного партнерства, где решающее слово всегда за государством. Именно такая экономика и в Китае, и в Южной Корее, и в Индии, и в Турции, и в Сингапуре – основа формирования национального ВВП и главный источник национального экспорта. Несмотря на регулярно повторяющиеся попытки прозападных либеральных политиков под предлогом неэффективности разрушить госсектор или сделать его незначительным, госпредприятия продолжают и сегодня выступать в качестве ядра национального развития. Для правящих элит во многих странах Востока представление о сильном государстве стойко связано с сильным госсектором, который создает ощущение их потенциальной независимости.

Особняком среди наиболее развитых и влиятельных стран Востока стоит Иран. Эта страна не интегрировалась в глобальные рынки. И даже наложенные на нее западные санкции и ограничения не помешали ей стать одним из политических гегемонов Ближнего и Среднего Востока. Опыт Ирана свидетельствует, что в современном мире, чтобы быть сильным, необязательно участвовать в глобализационном проекте, что глобализация и национальная мощь суть разные понятия и можно быть сильным в мире и без интеграции в глобальную экономику.

В связи со всем вышесказанным следует отметить, что перспективы современной модели глобализации сегодня уже не представляются настолько бесспорными, как раньше. По крайней мере на Востоке правящие элиты во многих странах все чаще задают вопрос – где начинается национальный суверенитет и где находятся главные центры существующей политико-экономической системы (впрочем, как и штаб-квартиры ТНК, и насколько их интересы совпадают с интересами национальных государств). Такую тенденцию отмечал еще С. Хантингтон, указавший в своем исследовании, что «живущим за пределами Запада очевиден... тот разрыв, который существует между провозглашаемыми принципами Запада и его действиями. Лицемерие, двойная мораль, игра в “да” и “нет” – вот цена его претензий на универсализм» [3, с. 537].

Анализ политик правящих элит в странах Востока дает основания для вывода: они ищут альтернативу глобализации и ограничивают свое участие в ней чисто экономической выгодой. Всё остальное, что связано с современной моделью этого процесса, особенно в плане адаптации новых культурных доминант, всё больше рассматривается как непосредственная угроза суверенитету и решительно отвергается. Такие настроения господствуют сегодня везде – от Турции и до стран Юго-Восточной Азии.

Возможно, именно в связи с таким сопротивлением в последнее время наблюдается определенное замедление процесса глобализации. Выясняется, что навязываемая со стороны США и других стран Запада модель этого процесса неспособна не только охватить большую часть населения планеты, но и сформировать прочный, устроенный на международном праве мир. И хотя существует точка зрения, что глобализация – это не одномерный процесс, как по времени, так и по своему внутреннему содержанию, что по времени она дискретна – периоды ускорения глобальной интеграции перемежаются с периодами долгого застоя, – факт остается фактом: в последние годы мы наблюдаем нарастание проблем в продвижении этого процесса. Причин называется множество: от влияния глобального экономического кризиса 2008 года до новых политических рисков, связанных с усилением в странах Востока национализма, традиционализма и регионализма. Но главная причина все-таки в другом: в Вашингтоне не удовлетворены тем, что происходит на Востоке, где растут вызовы американскому доминированию. У сформулированной на Западе модели глобализации оказался существенный дефект – отсутствие реальных механизмов политического давления и контроля за внутренними процессами в странах Востока. То, что было в эпоху модернизации, отсутствует в эпоху глобализации. В результате вместо блока либеральных прозападных режимов, тянущихся к США, там укрепились политические режимы авторитарного и полувластного толка, ориентированные больше на защиту национальных интересов, чем на участие в глобальном проекте, отвечающем интересам США. Поэтому в Вашингтоне уже не так активно ратуют за глобализацию и, наоборот, скорее стремятся спровоцировать в ключевых регионах Востока новые конфликты, чтобы подорвать процессы глобализации и регионализации.

Трудно назвать момент перехода к такой стратегии. Вполне вероятно, это рубеж 2005–2006 годов, когда после американского вторжения в Ирак выяснилось, что вместо замирения в стране при участии американцев происходят разрушительные процессы, а оккупационная власть мало что способна сделать, чтобы остановить рост экстремистских и террористических организаций в этой стране. Более полное выражение новая стратегия получила в 2011 году с началом так называемой арабской весны. Все тогда задавались вопросом: зачем американцы стремятся ликвидировать относительно стабильные режимы в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии, зачем открывают дорогу религиозным фанатикам и ненавистникам США. Ответ можно дать сегодня, когда эта новая стратегия всё более явно проявляется не только на Ближнем Востоке, но и всюду, куда простираются интересы США. Появление и распространение так называемого «Исламского государства», поставившего в состояние неопределенности и хаоса весь Ближний Восток, события на Украине, в Афганистане, попытки дестабилизировать власть военных в Таиланде, правительства Наджиба Разака в Малайзии, противодействие любым попыткам межкорейского урегулирования и разжигание конфликтов по всему миру – это, по всей видимости, и есть новая американская стратегия, которую можно определить как стратегию формирования глобальной нестабильности. Смысл ее в том, чтобы путем актуализации даже латентных конфликтов раскалывать и устойчивые национальные и региональные объединения, которые претендуют на независимость и, так или иначе, создают помехи политике США. В Вашингтоне рассчитывают, что, с одной стороны, разжигаемые и подталкиваемые к взрыву новые конфликты ослабят потенциальных конкурентов, а с другой – позволят США манипулировать их участниками.

В Юго-Восточной Азии, например, они выстраивают целую антикитайскую цепь, пытаясь привлечь на свою сторону Вьетнам, параллельно готовя там «оранжевую революцию», убрать неуступчивых тайских военных и заменить их куда более близкими себе политиками. В Камбодже всё готовится к тому, что-

бы проамериканские силы одержали победу на будущих выборах и отправили в отставку премьера Хун Сена, превратившего эту страну в главного друга Китая в АСЕАН. В Бирме, где президент Б. Обама побывал уже дважды, американцы подталкивают местных генералов к новым военным конфликтам с Китаем, как это уже было недавно в районе Коканга, а также продвигают «своего человека» – правозащитницу и Нобелевского лауреата Аун Сан Су Чжи на ключевые посты в государстве. Если добавить к этому списку еще и воинственно антикитайских политиков на Филиппинах, куда уже вернулись американские войска, то выстраивается целая цепь стран, которые в скором времени будут призваны развязать конфликт с Китаем, подорвать его имидж, поглотить его энергию в конфликтном потенциале. В результате целый регион вместо успешного и стабильного развития окажется на военном положении и в существенной зависимости от США.

Подводя итоги, подчеркнем: западная концепция глобализации и реальные процессы в странах Востока по ключевым позициям расходятся друг с другом, а способом противодействия этому расхождению американцы выбрали старую как мир римскую политику «разделяй и властвуй». Но если проследить векторы современного развития стран Востока, их расхождение с США имеет явную тенденцию к увеличению. На Востоке власть по большей части носит авторитарный характер, старается в целом избежать чрезмерного социального неравенства, сохранить трудовую основу распределения национального дохода и ориентировать институты регулирования экономики на долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил. В разных странах это происходит по-разному, но они все же образуют некую самобытную и независимую целостность, что позволяет им не только определять свою судьбу, но и векторы развития глобального мира.

Литература

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции М., 2003.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М., 1999.
4. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Robertson R., White K. (ed). Globalization. Critical Concept in Sociology. Vol. 1. L., 2003.
5. Chagnolland J-P. Relations internationales contemporaines. Un monde en pertes dereperes. Paris; Montreal, 1999.
6. Held D. and McGrew A. (eds) Governing Globalization. Power, Authority and Global Governance. Cambridge, 2002.
7. Robertson R. Globalization or Glocalization? // Robertson R., White K. (ed). Globalization. Critical Concept in Sociology. Vol. 3. L., 2003. P. 31–51.

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых аспектов процесса глобализации на Востоке. Рассматриваются вопросы политической либерализации, особенности формирующегося в странах Востока экономического механизма, тенденции в духовно-культурной сфере. Делается вывод о том, что глобализация на Востоке развивается существенно в ином ключе, чем это предполагали политологи и желали политики в США и других странах Запада.

Ключевые слова: глобализация, смешанная экономика либеральный политический режим, социализм, аккультурация, национальная культура, регионализм, авторитаризм.

Dmitry Mosyakov, Ph.D. in History, Professor; Deputy Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science; President, South-East Asia, Australia and Oceania Research Center. E-mail: mosyakov.d@gmail.com

The Countries of the East, the US and Contemporary Globalization

Abstract. This article analyzes the key aspects of globalization in the East. It deals with political liberalization in Eastern countries, peculiarities of the emerging economic mechanism, and spiritual and cultural trends. The author concludes that globalization in the East develops in a largely different way than political scientists anticipated and US and other Western politicians aspired.

Keywords: Globalization, Mixed Economy, Liberal Political Regime, Socialism, Acculturation, National Culture, Regionalism, Authoritarianism.

Л.В. Поляков. Спасибо, Дмитрий Валентинович, за такую содержательную и провокационную постановку вопроса, за отождествление модернизации и глобализации. Я думаю, что у

нас еще будет повод это дополнительно обсудить. Я прошу присоединиться Станислава Витальевича Хатунцева. У него будет рассуждение о сотрудничестве незападных держав Евразии.

Россия, Китай, Запад и «евразийская квадрига»

Несмотря на открытие и освоение Нового Света, на политические и экономические успехи США, центром тяжести мировой цивилизации продолжает оставаться ее колыбель, Евразия.

Западные и восточные окраины этого мегаконтинента втянуты в так называемое западное сообщество, упорно провозглашающее себя сообществом мировым и узурпирующее право говорить от имени всего человечества. Это сообщество включило в себя европейскую цивилизацию, из недр которой и вышло, большую часть лимитрофных земель, отделяющих ее от российской цивилизации и соединяющих с ней, поглотило или продолжает поглощать такую важную часть Великого Лимитрофа, как Балканы. Сейчас на Украине и в Белоруссии оно накладывает свою длинную руку на лимбовые территории российского культурно-исторического мира¹. На Тихом океане западное сообщество оторвало от материнской восточноазиатской цивилизации Японию, Южную Корею, Тайвань, а в арабском мире раздувает пожары, подбирающиеся к воротам России, Китая, Индии и пылающие у самого порога Ирана – государств, не входящих в состав западного сообщества и обладающих значительной степенью суверенности по отношению к нему. Запад же старается закрепиться в Центральной Азии (представляющей собой еще один сегмент все того же Великого Лимитрофа, расположенный между вышеназванными державами), обладает важными позициями в Афганистане, ключевой стране региона и Великого Лимитрофа в целом. Подобно анаконде Запад душит Иран, Россию, а при необходимости может начать удушение Китая и Индии. Это его привычная историческая практика, которая стала вырабатываться еще на заре Нового времени – с конца XV столетия. Индия стала колонией растущего Запада; сильнейший натиск последнего столетиями испытывали Китай, Иран и Россия, которая, в отличие от государств Южной Азии, сумела отстоять свою независимость. Подобно удавке, Запад ограничивает степени свободы и возможности для развития всей этой четверки, заставляет ее, по мере сил и возможностей, обслуживать исключительно собственные интересы.

Поэтому в политическом плане Запад представляет собой проблему, причем самую серьезную политическую проблему для «евразийской четверки». Общую проблему нужно решать общими же усилиями. Стратегические – средне- и долгосрочные – интересы России, Китая, Индии и Ирана требуют их

¹ Об авторской версии Великого Лимитрофа, о лимитрофных землях и лимбовых территориях см. [1; 2].

сотрудничества и партнерства для создания альтернативы третирующему эти державы западному миропорядку. «Евразийская четверка» должна стать «евразийской квадригой» – альянсом стратегических партнеров. Консолидирующая основа, ось, на которой возможно формирование этого альянса, – связка Москва – Пекин.

США контролируют стратегически значимые для Китая морские и океанские пути – пути, по которым в Китай поступают импортные товары, в частности, основная масса сырья и углеводородов, пути, по которым КНР экспортирует свою продукцию. Таким образом, стратегически Китай весьма уязвим.

Для преодоления этой стратегической уязвимости Пекину необходима диверсификация транспортной инфраструктуры с использованием сухопутных, континентальных коридоров, а также Северного морского пути. И китайское руководство это хорошо понимает, планируя создание транспортных коридоров по программе «Экономического пояса Шелкового пути» и скоростных магистралей, проходящих, в том числе, по территории Российской Федерации.

Этот мегапроект – идея масштабная, однако имеющая и слабые стороны. Объекты, в которые собираются вложить немалые средства, расположены на территориях, входящих в состав Великого Лимитрофа, отличительная черта которого – хроническая, врожденная нестабильность, нестабильность как системообразующая черта. И эта нестабильность становится всё более грозной благодаря действиям различных сил, в том числе – сил, «подогреваемых» Западом. Таким образом, ряд аспектов проекта «Экономический пояс Шелкового пути» подвержен сильным геополитическим рискам.

Гораздо меньшие риски связаны с транспортными путями, которые будут проходить по землям Казахстана. Еще менее рискованна в этом отношении Монголия, но наиболее безопасна все же Россия. И потому гораздо логичнее, чтобы транспортные пути шли именно здесь – надежные в геополитическом плане выходы на европейский рынок находятся только в Российской Федерации. Это белорусская граница и балтийское побережье России.

Идея же провести транспортный коридор в Европу через Среднюю Азию – Киргизию, Узбекистан, Туркмению, Кавказ и Турцию – более чем сомнительна: выпадение любого звена в этом геополитическом пазле, который, кстати говоря, нужно еще собрать, обрушит всю цепь и обесмыслит огромные инвестиции.

Этим обстоятельством могут воспользоваться и обязательно воспользуются Соединенные Штаты, имеющие на Кавказе и в Средней Азии сильные инструменты влияния. Следовательно, строить трансконтинентальные магистрали лучше сразу через Россию, задействовав при этом пространства Монголии и Казахстана.

Это касается и сооружения нефте- и газопроводов. К тому же трубный газ заведомо дешевле сжиженного. Поэтому позиция, занятая китайским руководством в данном вопросе по отношению к российской «Силе Сибири», не вполне понятна. Стратегические интересы КНР требуют получения дешевого энергосырья, доставляемого наиболее безопасным способом. Этим условиям газопроводы, питаемые газом, добытым именно в России и пролегающие по территории РФ, отвечают наилучшим способом из всех мыслимых. Боюсь, что стремление китайских чиновников, отвечающих за энергетический комплекс своей державы, выжать из трубопроводных сделок с Россией как можно больше выгод и бонусов, страдает близорукостью, зауженностью стратегического мышления. Чем быстрее трубопроводы из лимитрофной Средней Азии, которой все более угрожает воинственный исламизм, будут «подстрахованы» газопроводами, лежащими в глубине российской территории, защищенными российскими ПВО и вооруженными силами в целом, тем меньше Китай будет зависеть от коллективного Запада, тем больше возможностей строить внеш-

нюю и внутреннюю политику, исходя из собственных интересов. Не говорю уже об СПГ-проектах, то есть об обременительно дорогим для китайской экономики газе, идущем морским путем.

Полагаю, что для обеспечения своей энергетической безопасности Китаю целесообразно закупать в России и транспортировать по ее территории от трети до половины потребляемого им газа. Для него, особенно в условиях наметившейся на нескольких участках-фронтах экономической и санкционной войны между Вашингтоном и Пекином, было бы полезно иметь на российской территории и значимые резервные мощности в видах возможной прокачки дополнительного количества газа (а также нефти) по направлению к китайской границе. Но всё это должно быть выгодно и самой России – создание вышеоцененной инфраструктуры и продажа углеводородов по себестоимости никак не отвечают ее национально-государственным интересам.

От того, построят ли газопроводы и скоростные, имеющие большую товаропропускную способность транспортные системы через РФ и как скоро это произойдет, зависит будущее Китая и всего мирового порядка – быть ли Поднебесной индустриальной услугой Запада или державой наивысшего ранга.

В США это понимают. И бьют сейчас по России, дабы, в том числе, не дать подняться Китаю. К сожалению, Россия в плане внутреннего своего положения намного уязвимее Китая, она – «слабое звено» благодаря въевшемуся в ее сознание, в ее плоть и кровь западоцентризму, переходящему зачастую в открытое западопоклонство. Западоцентризм и западопоклонство – это системы взглядов, концентрирующиеся вокруг идей и представлений о том, что лучшее из всего имеющегося на Земле, находится именно на Западе, придумано и сделано там; при этом собственная родина мыслится чем-то ущербным, второ-, а то и третьесортным, неким расходным материалом, которого не жаль для воплощения высших, «общечеловеческих», ценностей. Западоцентризма и западопоклонства довольно мало в Китае, не так уж много в Иране, но благодаря колониальному прошлому весьма прилично в Индии, ее правящем классе, политическом и экономическом. Впрочем, в этом плане Индии далеко до России.

«Евразийская четверка» сопряжена геополитически. Сфера этого сопряжения – уже упоминавшаяся Центральная Азия, часть Великого Лимитрофа, взрываемаемая США с помощью своих союзников и исламистских движений. Это и «Аль-Каида», и «Талибан», и «Исламское движение Восточного Туркестана», действующее в СУАР, и «Исламское движение Узбекистана», и партия «Хизб-ут-Тахрир», наконец, это «Исламское государство», провозгласившее «халифат». Именно в Центральной Азии необходимо наладить стратегическое взаимодействие «евразийской квадриги», причем в различных форматах – двух-, трех-, четырехстороннем, который должен увенчать создание предполагаемого альянса. Центральная Азия может и должна стать его надежным стратегическим тылом. Ей самой это принесет желаемое благополучие и спокойствие. Россия, Китай, Иран, Индия способны обнулить геополитическое влияние Запада в этом регионе, выдать из него американских «агентов влияния» настолько, насколько это возможно.

Во многих отношениях концепция «евразийской квадриги» является синтезом выдвинутой во время визита в Индию 21 декабря 1998 года тогдашним премьер-министром Российской Федерации Е.М. Примаковым идеи «стратегического треугольника» Москва – Пекин – Дели и мыслей В.Л. Цымбурского о связующей Москву, Пекин и Тегеран заинтересованности в судьбах Великого Лимитрофа, прежде всего – центральноазиатского сегмента последнего [4, с. 104–114].

Многим Соединенные Штаты видятся новым, если принять традиционную русскую классификацию, четвертым Римом. Но США – не Рим, а Карфаген,

возомнивший себя Римом. Не будем уподобляться сенатору Катону Старшему и требовать, чтобы Карфаген был разрушен. Это и негуманно, и нереально. Антиамериканская паранойя контрпродуктивна. Если «евразийская четверка» соберется и запряжет квадригу, то долее середины текущего века американское превосходство в мире не проживет и сформируется полноценный многополярный мир.

Российские псевдолибералы любят говорить о некоей «китайской угрозе», рассуждают об опасности со стороны Поднебесной. Впрочем, не только российские, но и западные. К примеру, политолог Ян Бреммер предполагает наступление эпохи Большого нуля (*G-0*)¹, в которую США сбросят с себя имеющиеся у них финансовые обязательства. Китай – главный держатель этих обязательств, и такое развитие событий поставит его на грань экономической и политической катастрофы. Поэтому возникнет необходимость, по выражению политолога Дмитрия Дробницкого, «чем-то задобрить» Пекин. Бреммер предлагает «задобрить» его нефтеносной Сибирью и дальневосточными просторами России [3].

Но всяческие рассуждения и проекты такого рода основаны на непонимании и подмене истинных интересов Китая и России. За такими попытками манипулировать общественным мнением этих стран – стремление направить политику Москвы и Пекина в нужное манипуляторам русло.

Онтологический интерес России – в создании крепкого экономического и политического блока в рамках российско-евразийской цивилизации. Онтологический интерес Китая – в создании аналогичного блока в пределах восточноазиатского (Китай, Корея, Япония) культурно-исторического мира и в подтягивании к нему лимитрофной Юго-Восточной Азии. Таким образом, сфера китайских стратегических интересов лежит не в Сибири, а в иных районах Земного шара. И реализовать эти интересы мешают прежде всего Соединенные Штаты, которые раскололи восточноазиатский мир и не дают ему объединиться на цивилизационной основе так, как это произошло в Европе.

Если в Старом Свете Вашингтон способствовал интеграционным процессам, которые были ему на руку, вводя европейские пространства в сферу атлантического господства, то в Восточной Азии благодаря победе КПК в гражданской войне с Гоминьданом в 1946–1949 годах такой сценарий не мог быть реализован. Главной жертвой восточноазиатского раскола стала – и остается ею до сих пор – соседка России и Китая Корея.

Представляется, что ключевым шагом в создании единого восточноазиатского пространства станет инкорпорация в состав Большого Китая острова Тайвань – по модели, аналогичной тем, которые были применены в отношении Аомыня-Макао и Сянган-Гонконга. Без инкорпорации Тайваня никакие серьезные движения в этой области, а также прорыв Китаем стратегического американского окружения, атлантистской «анаконды», выход Поднебесной и ее военно-морского флота в Мировой океан решительно невозможны. Поэтому фундаментальная цель, фокус геополитических усилий Китая – Тайвань. Он для него не менее, а то и более важен, чем для России Крым. В данном отношении Тайвань и Крым – вполне сопоставимые величины. И Москва могла бы способствовать достижению этой стратегической цели Пекина, подобно тому как Китай в известной степени помог России в ситуации с Крымом.

¹ См.: [5; 6; 7].

Литература

1. Харин А.Н. Межцивилизационные пространства: Промежуточный регион или Великий Лимитроф? // Власть. 2014. № 1.
2. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2.
3. Хатунцев С.В. Южное направление китайского удара. Конец «Чимерики» и будущее Евразии. URL: <http://topwar.ru/19281-yuzhnoe-napravlenie-kitayskogo-udara-konec-chimeriki-i-budushee-evrazii.html>
4. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011.
5. Bremmer, Ian; Roubini, Nouriel. A G-Zero World. The New Economic Club Will Produce Conflict, Not Cooperation // Foreign Affairs. March/April 2011. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2011-01-31/g-zero-world>
6. Bremmer, Ian. The G-Zero Order // The New York Times. Oct. 26, 2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/27iht-edbremmer27.html?_r=0
7. Bremmer, Ian. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. N.Y., 2012.

Аннотация. РФ, КНР, Индия и Иран должны составить стратегический альянс – «евразийскую квадригу». Основой для его формирования может стать связка Москва – Пекин. КНР зависима от морских путей и намерена преодолеть эту зависимость созданием «Экономического пояса Шелкового пути», значительная часть которого пройдет по Великому Лимитрофу. Однако присущая последнему нестабильность не позволит Пекину достичь поставленной цели. Поэтому транспортные коридоры гораздо логичнее было бы проложить по территории России, Казахстана и Монголии. Если к тому же Китай будет снабжаться российскими углеводородами, он получит возможность строить свою политику исходя исключительно из собственных интересов. Важнейшим полем взаимодействия для членов «евразийской квадриги» является Центральная Азия. Они заинтересованы в том, чтобы максимально устранить американское влияние здесь и установить в регионе систему многосторонних взаимосвязей друг с другом, что принесет ему стабильность и процветание.

Ключевые слова: цивилизационная геополитика, цивилизации, Россия, Китай, Иран, Индия, Запад, США, Великий Лимитроф, «евразийская квадрига».

Stanislav Khatuntsev, Ph.D. in History, Assistant Professor, Department of Russian History, Historical Faculty, Voronezh State University. E-mail: staskhat@comch.ru

Russia, China, the West and the “Eurasian Quadriga”

Abstract. Russia, China, India and Iran should form a strategic alliance, “Eurasian quadriga.” It can be based on the Moscow – Beijing axis. China is dependent on sea routes and seeks to overcome its dependence by creating “the Silk Road Economic Belt”, much of which will run through the Limitrophe states. However, the inherent instability of the latter would not allow Beijing to achieve the aim. Therefore, it would be much more sensible to build transport corridors through Russia, Kazakhstan and Mongolia. If, moreover, China is supplied with Russian oil and gas, it will be able to build its policy relying solely on its self-interest. Central Asia is the most important area of interaction for the “Eurasian quadriga”. They are interested in eliminating the American influence here to the full and establishing a regional system of multilateral relationships that will bring them stability and prosperity.

Keywords: Civilizational Geopolitics, Civilization, Russia, China, Iran, India, West, United States, Limitrophe States, “Eurasian Quadriga”.

Проблема европоцентризма и ориентализма в современной России

Сегодня, в условиях стремительной динамики в направлении к многополярному миру, когда всё очевиднее роль незападных цивилизаций в мировой экономике, политике и культуре, их потенциал в решении глобальных проблем, приверженность европоцентристским установкам становится всё менее адекватной современным реалиям.

Несмотря на то что критика европоцентризма в России имеет давнюю историю, восходящую к началу XIX века, в явной или скрытой форме он продолжает существовать в России, существенно сужая горизонты.

Укорененность европоцентристской парадигмы имеет ряд причин, в том числе то обстоятельство, что исторически Запад выступал в качестве *значимого Другого*, по сравнению с которым осознавалась и выстраивалась российская идентичность; остаточное влияние марксизма, имеющего в своей основе гегелевские идеи линейного прогресса и единства исторического процесса; наследие «цивилизаторского» опыта по отношению к нашей собственной Азии; прозападная ориентация части политиков, ученых, представителей либеральной интеллигенции, инерция системы образования и др.

То, что выходит за пределы европоцентристской рамки, которая часто принимается неосознанно, или не замечается, или девальвируется. В результате многое попросту исчезает из поля зрения. Это мешает принимать во внимание и анализировать достижения незападных стран, ценностно-смысловый ресурс их цивилизаций, учитывать опыт незападных моделей модернизации и модернизаторский потенциал традиции в современном мире. Стереотипы препятствуют преодолению ксенофобии и созданию благоприятных условий межкультурной коммуникации, которая невозможна в случае, если у сторон нет хотя бы элементарных знаний друг о друге и нет стремления к их корректировке и углублению [2, с. 11].

Дело вовсе не в том, что значительная часть россиян ассоциирует себя с западной цивилизацией, европоцентризм может быть присущ и тем, кто считает себя азиатом. Достаточно вспомнить лозунги «выхода из Азии», «избавления от Азии» в Японии.

В чем проявляется современный европоцентризм в России, и почему он поддерживается и сохраняется?

Чаще европоцентризм существует в скрытой форме, когда, с одной стороны, признается значимость незападных цивилизаций, но точкой отсчета и единственным критерием оценки чего бы то ни было являются смыслы, представления, стандарты, практики, возникшие в рамках именно западной цивилизации.

Карелова Любовь Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: lbkarelova@mail.ru

При выстраивании стратегий развития и реформировании институтов в качестве эталонных принимаются западные практики, даже в тех случаях, когда эффективность их в российских условиях весьма сомнительна. Определяющим аргументом часто становится «необходимость вхождения России в мировое цивилизованное сообщество».

Прежде всего *европоцентристские стереотипы* закладываются нашей системой образования.

Хотя нельзя не отметить, что в Примерной основной образовательной программе основного общего образования, одобренной в 2015 году и размещенной на сайте Министерства образования и науки РФ, в курсе всеобщей истории предусматривается изучение тем по истории стран Азии и Африки; в то же время в большинстве учебников по всеобщей истории, входящих в перечень рекомендуемых учебников, утвержденный приказом № 253 от 31.03.2014 Минобрнауки, а также в рабочих программах по истории средних школ, конкретизирующих содержание предметных тем образовательного стандарта и распределяющих учебные часы по разделам курса, наблюдается значительный дисбаланс между «восточной» и «западной» тематикой.

На практике наиболее подробно изучается лишь древняя история стран Востока, тем самым создается впечатление, что это самый значимый период его истории, и таким образом формируется картина деградирующего Востока, пережившего период расцвета в глубокой древности.

Если взять, к примеру, рабочие программы по истории средних школ, привязанные к линии учебников издательства «Просвещение»¹, наиболее часто используемых в учебном процессе, можно увидеть следующее. В шестом классе из 28 часов всеобщей истории на тему «Народы Азии, Америки и Африки в Средние века» приходится 2 часа, в седьмом классе из 26 часов на тему «Традиционные общества Востока. Начало европейской колонизации» – 2 часа, в восьмом классе из 26 часов, отводимых на историю Нового времени, на незападные страны приходится только 2 часа, за которые рассматривается тема «Традиционные общества в XIX веке: новый этап колониализма», куда входит очень фрагментарная информация о Китае, Японии, Индии и Африке. В то же время 26 часов отводится на историю Европы и Америки. В девятом классе в общем курсе истории XX века только 1 час приходится на изучение темы «Восток в первой половине XX века. Латинская Америка в первой половине XX века» – и всё [см.: 1]. Получается, что всемирная история – это история стран Европы и их колонизации отсталых азиатских стран.

Аналогичная картина нередко наблюдается в вузовских программах² (за исключением специальных востоковедных факультетов). Изучение истории и культуры незападных цивилизаций если и включается в программы, то, как правило, носит эпизодический несистемный характер.

В курсах по философии даже на философских факультетах в лучшем случае изучается мысль древних Китая и Индии, которые причисляются к ряду предфилософии, формирования зачатков философского знания, далее разработчики курсов в развитии философской мысли этим цивилизациям отказывают.

¹ Имеются в виду следующие учебники: Агибалова Е.В., Донской Г.М. История Средних веков: Учебник: 6 класс / Под ред. А.А. Сванидзе; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Всеобщая история: История Нового времени: 1500–1800: Учебник: 7 класс / Под ред. А.А. Искендерова; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Всеобщая история: История Нового времени: 1800–1900: Учебник: 8 класс / Под ред. А.А. Искендерова; Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история: Учебник: 9 класс.

² См., например: URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/3992/study/courses/>

Пример – программы курсов истории зарубежной философии на философском факультете МГУ. К основным разделам общего курса «История зарубежной философии» относятся 1) Древневосточная философия, 2) Античная философия, 3) Средневековая философия; 4) Философия эпохи Возрождения в странах Западной Европы, 5) Философия Нового времени, 6) Немецкая классическая философия и 7) История современной западной философии¹.

В результате многие коллеги, занимающиеся различными философскими проблемами, часто говорят, что в незападных культурах полноценной философской рефлексии не было.

Утверждая это, они не принимают во внимание тот факт, что в незападном культурном контексте возможна иная проблематизация, что возможны разные типы рациональности, в том числе и отличные от западного, что видение мира в другом ракурсе не является чем-то ущербным. Распознать это и как-то объяснить и использовать – вот в чем задача.

При рассмотрении общих философских проблем без учета идей и подходов незападных философов поле зрения значительно сужается. В то же время в мире всё более утверждается межкультурный подход, появилось такое направление, как межкультурная философия.

Тесно связано с европоцентризмом и такое явление, как ориентализм в восприятии незападных стран, получивший классическое описание в книге Эдварда Саида «Ориентализм». Европоцентристская рамка порождает стереотип смыслового и культурного единства Востока и дихотомию двух разных миров – Востока и Запада.

В таком ключе недифференцированный образ Востока присутствует и в современной России.

В общественном сознании, СМИ и даже подчас в работах политологов и философов нередко встречаются представления в духе ориентализма, описанного Саидом, когда азиатские цивилизации объединяются понятием «Восток», подразумевающим некое культурное целое, которое наделяется мифическим смысловым единством и определенными псевдочертами, такими как мистицизм, иррационализм, фанатизм, инертность, склонность к деспотии, подавление личности и пр. в противоположность рациональному, прогрессивному, демократическому и ценящему свободу Западу. Присутствует репрезентация Востока как чего-то утрированно экзотического и загадочного. Налицо такие черты, как чрезмерно широкие обобщения, аисторизм, способствующие восприятию восточных культур как застывших и препятствующих «прогрессивному развитию».

Яркие примеры можно найти на различных интернет-сайтах, в блогах, которые активно заполняют лакуны, имеющиеся в системе образования. Вот выдержки из статьи «Делать или само сделается? Вечный спор двух систем» в одном из блогов:

«Предполагаю, Дорогой Читатель, что Ты, как и я, вырос на стыке двух миров – Азии и Европы. От Европы в наше подсознание въелся стереотип (прочной сложившаяся модель поведения, мышления) “надо делать, нечего ждать”. Азия нас одарила другой привычкой – “расслабься, и все произойдет само собой”.

Западный подход – очень умный. Здесь принято полагаться на знания и очень ценится умение оперировать ими. Восточный подход – интуитивный. Он практически полностью отвергает ум и знания и говорит, что все это мертвый и бесполезный груз, который лишь останавливает Ваш личностный рост» [3].

Подобного рода пассажи воспроизводятся и тиражируются в студенческих рефератах, укореняются в массовом сознании. Получается, что не Восток

¹ См.: URL: <http://philos.msu.ru/kaf/izf/guides/>

закрыт для нас, а мы сами закрываемся для Востока, закрываемся от Востока, не имея возможности его увидеть.

Что нам может дать знакомство с историей и культурами незападных стран, если избавиться от стереотипов, которые делают нас дальтониками?

Перед нами открывается картина культурной полифонии и диалога. На самом деле культуры не обладают суверенной территорией, их границы открыты. Культуры развиваются во взаимодействии, они не остаются неизменными, а постоянно обновляются новыми смыслами. Происходит постепенное изменение и их ценностного содержания. Поэтому иное со временем может стать своим, что и происходит в процессе культурной глобализации и гибридизации.

Разнообразие – это преимущество, поскольку оно предоставляет выбор различных практик, идей, опыта. Мир быстро меняется, и неизвестно, чья модель существования, чьи ценности окажутся более эффективными в будущем.

Так, идеи и ценности, предполагающие неконфликтные способы взаимодействия, выработанные в азиатских культурах, обладают колоссальным потенциалом, который может обеспечить устойчивое развитие, стать духовным ресурсом для всего человечества в решении глобальных проблем.

К такого рода идеям можно отнести принадлежащий буддийской традиции принцип взаимозависимого происхождения (санскр. *пратитья самутпада*). В его основе лежит представление о взаимосвязанности всего сущего, о том, что своим возникновением и существованием каждый индивид обязан всей совокупности окружающих его живых и неживых объектов и в силу этого должен заботиться о них, как о самом себе, и должен проникнуться чувством ответственности за свое ближнее и дальнее окружение. Идея социальной включенности и взаимозависимости не чужда и конфуцианской традиции.

Идеал гармонии и консенсуса является социальным регулятором в дальневосточных культурных традициях и прежде всего в Японии. Здесь нередко достижение консенсуса важнее отстаивания собственной правоты путем конфликта с окружающими. Этот идеал восходит к древнекитайскому представлению о единстве через гармонию разнородного (кит. *хэ тун*), согласно которому стоит чему-либо возобладать надолго, начинается разрушение.

Современные японские и китайские ученые и политики предлагают этот идеал в качестве нормы взаимоотношений в глобальном обществе. Современная этико-политическая мысль Китая экстраполировала принцип единства и гармонии разнородного на внешнеполитические отношения.

Японский Консультативный совет по культурной дипломатии выступил в 2005 году с докладом премьер-министру, в котором рекомендовал способствовать распространению в мире таких ценностей японской культуры, как дух гармонии (яп. *ва*) и уважение к совместному сосуществованию (яп. *кёсэй*), рассматривая их не только как статичное духовное наследие, которое должно быть сохранено, но и как то, что должно активно развиваться и пропагандироваться в ситуации, когда ведется речь о столкновении цивилизаций [6].

Японский профессор Университета Аояма Гакуин Сакамото Хякудай, автор проекта глобальной биоэтики, пишет, что глобальная биоэтика не должна исходить из каких бы то ни было абсолютных принципов, абсолютной справедливости или категорического императива. По его словам, «единственным принципом должно стать достижение консенсуса любым способом, даже если это кажется абсурдным». Он называет эту политику «политикой диалога и согласования». Это должно стать единственно возможным путем реализации азиатского идеала гармонии в условиях глобализма третьего тысячелетия» [7, р. 16–18].

Еще один пример, который невозможно не упомянуть, – идея ненасилия, сформулированная Махатмой Ганди в форме концепции *сатьяграха*. Он говорил о необходимости встать на точку зрения врага или оппонента и попытаться по-

нять его, найти формы сотрудничества с ним. Цель – не победа над противником, а решение проблемы.

Важной задачей в современном мире является сопряжение ценностей, поиск точек соприкосновения, диалог смыслов. В контексте дальневосточной мысли отсутствует почва для зарождения метанарративов, таких как идея прогресса, абсолютной свободы, торжества тех или иных принципов в мировом масштабе. Ситуационное мышление, когда любая истина относительна и привязана к своему контексту, позволяет действовать более гибко. Такой подход позволял сочетать вещи, которые казались несовместимыми. Взять, к примеру, в Китае концепцию единства трех учений – буддизма, конфуцианства и даосизма, или в Японии – буддизма, конфуцианства и синто, а также принцип соединения западных искусств и наук и национального духа.

Хотя культурный контекст формирования ключевых традиционных ценностей наших соседей в Восточной Азии и отличается, мы можем найти для них параллели и в собственной культуре.

Рассмотрим систему ценностей идеального гармоничного общества в формулировке современного китайского философа Ду Вэймина.

1. Государство воспринимается как позитивная сила, обеспечивающая социальную стабильность, а не как «неизбежное зло».

2. Хотя закон является базовым минимумом для обеспечения социальной стабильности, необходимо воспитание «органической солидарности», поддерживаемой обычаями и ритуалами.

3. Семья – основа общества, именно внутри семьи человек учится быть человеком, правильно выстраивать отношения с людьми другого пола, возраста, статуса.

4. Гражданское общество как посредник между семьей и государством.

5. Образование как «гражданская религия».

6. Поощрение к моральному самосовершенствованию, ориентированному на выстраивание гармоничных отношений [см.: 3, с. 12–17].

Перечисленные так называемые конфуцианские ценности относятся к более универсальной категории традиционных ценностей, которые присущи не только Азии. Большая часть этих ценностей не является чем-то абсолютно чуждым для нас. Ценности коллективизма, семьи, социальной солидарности, образования, да и государства, которым хотелось бы гордиться и ощущать его защиту, вполне позитивно воспринимаются многими россиянами, и, более того, они имеют корни в нашей культуре.

Они не противоречат демократическим ценностям и не обязательно предполагают деспотизм и авторитаризм. В частности, исследования профессора политологии Университета Миссури (США) Доу Чул Шиня демонстрируют, что приверженность крепким семьям в конфуцианских обществах помогает упрочить доверие и толерантность в обществе в целом, а патерналистская меритократия не является препятствием для демократизации. При этом он, исходя из социологических опросов, показывает, что «в демократических странах конфуцианского региона только очень незначительное число граждан безоговорочно привержены либеральным демократическим реформам и число этих убежденных сторонников намного уступает числу тех, кто поддерживает нелиберальное демократическое правление, многие из них заново открывают и адаптируют традиционные конфуцианские ценности в ответ на мощные волны модернизации и глобализации» [5, р. 324].

Тем не менее до сих пор существуют стереотипы Востока и Запада как двух полюсов, между которыми следует сделать выбор.

Несомненно, сейчас образование должно формировать уже другую рамку – заменив картину «Запад и его цивилизаторская роль с одним-един-

ственным центром» на картину взаимодействия и взаимовлияния цивилизаций.

До сих пор востоковедные знания в значительной степени остаются замкнутыми на довольно узкий круг специалистов. Причем в большинстве своем мы себя активно предлагаем, стараемся как-то влиять на систему образования, участвовать в обсуждении общих проблем. Гораздо реже к нам обращаются за экспертным заключением. Хотелось бы, чтобы в процессе проводимой реформы организации науки, направленной на ее оптимизацию, востоковедные направления заняли подобающее место, а не оказались отодвинутыми далее на периферию.

Современная ситуация диктует необходимость понимания того, что востоковедение нужно не только для дипломатов, экономистов и предпринимателей, чья деятельность непосредственно связана с азиатскими странами. Образование не может более оставаться ограниченным исключительно рамками только одной цивилизации. Востоковедные знания должны быть инкорпорированы в систему образования и перейти из разряда специальных знаний в разряд знаний общих. Требованием времени является системное межкультурное образование и межкультурный подход в самых различных сферах.

Литература

1. Всеобщая история: Рабочие программы: Предметная линия учебников А.А. Вигасина – О.С. Сороко-Цюпы: 5–9 классы: пособие для учителей общеобразовательных организаций. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 2014. URL: <https://catalog.prosv.ru/attachments/f0c38d62-d207-11e0-8eef-001018890642.pdf>
2. Книга учителя «Диалог культур»: учебно-методическое пособие и хрестоматия. М.: ФГБОУ, 2014.
3. Павленко Г. Делать или само делается? Вечный спор двух систем // Как развить интуицию. URL: <http://www.gennadij.pavlenko.name/best-life/intuition2>
4. Ту Вэймин. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Полис. Политические исследования. 2012. № 1.
5. *Doh Chull Shin*. Confucianism and Democratization in East Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
6. Japan Echo. URL: <http://www.japanecho.com/sum/2005/320609.html>
7. *Sakamoto Hyakudai*. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology // East Asian Culture Seminar “Globalization and East Asian Culture” East-West Center, Honolulu, Hawaii, December 5–6, 2003. Tokyo: University Research Center, Nihon University.

Аннотация. В статье рассматриваются истоки европоцентризма и ориентализма в современной России, в частности особенности системы образования, которая, как показывает автор, продолжает создавать и воспроизводить основания для формирования европоцентристской рамки. Наряду с этим внимание уделяется проблеме поиска точек соприкосновения между Россией и западными странами на уровне сопряжения ценностей и смыслов. В связи с этим автор останавливается на выработанных в азиатских культурах ценностях и принципах, предполагающих неконфликтные способы взаимодействия, которые могут выступать в качестве духовного ресурса для всего человечества в решении глобальных проблем. С другой стороны, на примере конфуцианских ценностей обозначаются параллели между традиционными ценностями в различных культурах.

Ключевые слова: европоцентризм, ориентализм, Запад, Восток, образование, стереотипы, ценности, востоковедение.

Liubov Karelova, Ph.D. in Philosophy, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. E-mail: lbkarelova@mail.ru

The Problem of Eurocentrism and Orientalism in Modern Russia

Abstract. The article discusses the origins of Eurocentrism and Orientalism in modern Russia, with particular emphasis on the characteristics of the education system, which, the author shows, continue to create and reinforce the basis for the Eurocentric framework. Along with this, the article also revolves around the problem of finding common ground between Russia and non-Western states through overlapping values and visions. In this regard, the author dwells on values and principles in Asian cultures that involve non-conflict methods of interaction, which can serve as spiritual instruments for the humanity to address global challenges. On the other hand, the author studies Confucian values to demonstrate parallels between traditional values of different cultures.

Keywords: Eurocentrism, Orientalism, West, East, Education, Stereotypes, Values, Oriental Studies.

Китайская картина будущего мира и место России в нем

В настоящее время Китай переживает период переоценки своего места в мире и пересмотра многих основополагающих принципов внешней политики, сформированных на раннем этапе эпохи реформ в конце 1970-х и в 1980-х годах. Происходящие изменения в китайских взглядах на мироустройство и будущую роль Китая в нем жестко обусловлены качественными изменениями, которые пережили китайская экономика и демография. Современная китайская экономика отличается более высокой, чем когда либо ранее, зависимостью от внешнего мира. Выработка внешнеполитического курса, отвечающего этим изменениям, является для КНР вопросом выживания.

Китайская внешняя политика до начала 2010-х годов следовала принципам, заложенным архитектором китайских реформ Дэн Сяопином и получившим название *тао гуан ян хуэй* (韬光养晦 – крылатое выражение, означающее «скрывать свои способности и ждать своего часа»). Концепция была кратко описана Дэн Сяопином в так называемой формуле из двадцати четырех иероглифов в 1990 году и выглядела следующим образом: «Хладнокровно наблюдать, крепко стоять на ногах, спокойно решать проблемы, выжидать в тени, вести себя скромно, никогда не претендовать на лидерство» (冷静观察，站稳脚跟，沉着应付，韬光养晦，善于守拙，绝不当头).

Эта концепция была выработана в условиях слабости и глубокого экономического, технологического, культурного, социального и военного отставания Китая от ведущих мировых держав. Ее оформление произошло на фоне угрозы международной изоляции после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Фактически Дэн призывал к введению своего рода «особого периода» для китайской внешней политики, когда КНР должна устранить от активной роли в решении любых международных проблем, не затрагивающих напрямую ее жизненно важные интересы (территориальная целостность, суверенитет, политический строй и т.п.).

Китай должен был избегать любых проявлений лидерства во внешней политике и всеми силами уклоняться от прямых столкновений с другими крупными державами. При необходимости Китай должен был ради этой цели жертвовать престижем и отношениями со старыми друзьями. Концепция была основана на предположении, что Китаю необходимо несколько десятков лет непрерывного, спокойного развития, для того чтобы преодолеть (или сократить до приемлемого уровня) свое отставание, решить острейшие внутренние проблемы и тогда уже занять законное место в международных делах.

Концепция была сформулирована в окончательном виде в 1990 году, но созрела в течение 1980-х. Предполагалось, что важную роль в ней сыграл бы

Кашин Василий Борисович, старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий. E-mail: v_kashin@yahoo.com

СССР, существование которого позволяло КНР заниматься балансированием между Москвой и Вашингтоном, добиваясь максимально благоприятных условий сотрудничества от обеих сторон. Уже в первой половине 1980-х Китай начал постепенное движение в сторону нормализации отношений с Советским Союзом; в 1989 году в ходе визита Михаила Горбачева в Пекин эта цель была достигнута.

Распад СССР в 1991 году нанес опасный удар по этой концепции. Но последующее неудачное развитие отношений между Россией и Западом, переход Москвы с 1996 года к многовекторной внешней политике – всё это позволило Китаю добиться своих целей. С середины 1990-х Россия превращается в основного оппонента Запада по целому ряду международных проблем, в том числе тех, где экономические интересы Китая были выражены сильнее, чем интересы России. В 1990-х годах это были иракская проблема и ситуация в Судане, подходы к теме «гуманитарных интервенций», в последующем – иранская ядерная проблема, ситуация в Зимбабве и многие другие.

Сложилась практика, при которой Россия выступает как бы основным оппонентом западного мира, в то время как Китай, с которым российская позиция согласуется, ограничивается общими словами в ее поддержку.

Подобная структура взаимодействия сложилась вместе с установлением российско-китайского стратегического партнерства в 1996 году и была закреплена российско-китайским договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года, предполагающим обязательное проведение консультаций по вопросам, представляющим угрозу международному миру и безопасности. Нарботана значительная практика подобных консультаций; российский посол в Пекине – один из наиболее авторитетных российских дипломатов в ранге заместителя министра иностранных дел. Он, как и его китайский коллега в Москве, обладает широкими полномочиями по согласованию вопросов и принятию решений.

На протяжении длительного времени такая система отношений идеальным образом отвечала стратегическим интересам Китая. Россия при минимальной китайской поддержке относительно эффективно сдерживала давление Запада, тормозила американские инициативы, касавшиеся вопросов глобального управления, препятствовала усилению дипломатического давления на режимы, проводившие не зависимую от США или антиамериканскую политику. В 2014 году торговля Ирана с КНР составляла 52 млрд долларов США, а торговля Ирана с Россией – 1,5 млрд (возможно, еще несколько миллиардов приходилось на торговлю через третьи страны). При этом в усилиях по снятию санкций с Ирана и разрешению иранской ядерной проблемы Россия играла роль основного «незападного» переговорщика, а роль КНР была почти незаметна. Россия подвергалась критике как друг и защитник Ирана, а Китай тем временем спокойно строил планы увеличения товарооборота с Тегераном до 200 млрд долларов в год к 2024 году и едва ли вообще упоминался в западной прессе в связи с проблемой.

Подобная ситуация была и остается исключительно комфортной для КНР. Россия не имеет выбора: она ведет борьбу, пытаясь обеспечить свои интересы, свою безопасность и предотвратить собственную изоляцию и стратегическое окружение создаваемой США системой союзов и партнерств. Отказаться от противодействия Западу Россия едва ли может. Но главным выгодополучателем от затяжной и во многих случаях безрезультатной борьбы между Москвой и Вашингтоном был и остается Пекин.

Главная проблема для Китая в этой ситуации заключается в том, что за спиной у России невозможно отсиживаться вечно. Китайская экономика и китайские глобальные интересы выросли до таких чудовищных масштабов, что

защищать их при помощи России, не вступая в конфликт с единственной мировой сверхдержавой, становится все сложнее.

Современный Китай почти на 60% зависит от импорта нефти и является крупнейшим ее импортером в мире. Китай импортирует нефти больше, чем годовой, например, объем ее экспорта Россией. В 2014 году Китай импортировал более 300 млн т нефти, а Россия экспортировала 224 млн т. Даже если Россия переориентирует весь свой экспорт нефти на Китай (а это невозможно физически), Китаю этого не хватит.

Отметим также, что Китай пока остается более бедной страной, чем Россия. С учетом паритета покупательной способности его душевой ВВП вдвое ниже российского. Таким образом, даже достижение КНР уровня жизни и стандартов потребления современной России или некоторых восточноевропейских стран ЕС должно привести к новому невероятному росту потребления всех видов ресурсов, львиная доля которых будет закупаться на мировом рынке. Речь идет не только о нефти и газе, но и о лесе, сельхозпродуктах, металлах и т.д.

Из этого следует важный вывод. Ни один отдельно взятый регион мира и ни одна страна мира не способны удовлетворить потребностей китайской экономики в ресурсах. Китаю необходимо обладать мировой империей – сферой преобладающего (или значительного) экономического и политического влияния. Если для США такая империя – вопрос сверхприбылей корпораций и возможностей среднему классу чаще менять автомобили, то для КНР это вопрос выживания.

Уже сейчас Китай – первый, самый крупный торговый партнер Африки и Ближнего Востока. Он также третий по значению торговый партнер Латинской Америки и крупнейший для некоторых крупных латиноамериканских государств. И он уже накопил объем прямых инвестиций за рубежом более 600 млрд долл. Значительная часть этих средств вложена в активы в нестабильных странах развивающегося мира, где у КНР пока нет военного присутствия и серьезного политического влияния, а у конкурентов КНР есть и то, и другое.

Важной поворотной точкой в осознании того, насколько эта империя уязвима, стала ситуация в Ливии. Ливия не играла важной роли в китайском потреблении нефти, но в этой стране китайцами реализовывались крупные инфраструктурные проекты, здесь работали десятки тысяч китайских рабочих, поставлялось большое количество оборудования. В момент голосования в Совете Безопасности ООН по вопросу о введении в Ливии бесполетной зоны в марте 2011 года режиму Муаммара Каддафи оставались, вероятно, считанные дни до окончательного подавления восстания. Традиционная модель взаимодействия с Россией тогда дала сбой. Россия заблокировать предложенную Францией резолюцию отказалась по комплексу внешне- и внутривнутриполитических причин. Китай действовать в одиночку не решился. Неспособность брать на себя лидерство и действовать самостоятельно дорого обошлась Пекину.

Если потери России были относительно скромными и исчислялись несколькими миллиардами долларов, потери китайцев только по строительным контрактам составили 16,6 млрд долл. Из Ливии пришлось эвакуировать 35 тысяч человек, которые потеряли высокооплачиваемую работу. С учетом упущенной выгоды общие китайские потери исчислялись, вероятно, десятками миллиардов долларов. Китайские дипломаты в дальнейшем, как всегда, наладили контакт с новыми властями Ливии и заручились гарантиями не разрывать старые, «дореволюционные», контракты. Но последующий распад Ливии лишил эти гарантии всякого смысла.

Пекин получил жестокий урок; китайцам было показано, что внешнеполитическая пассивность оставляет их экономические интересы в мире без защиты. Реальные же экономические и внешнеполитические интересы России

являются слишком узкими по сравнению с китайскими: во многих частях мира Россия почти не присутствует. Экономические возможности России ограничены. США, пытаясь играть роль мирового полицейского, во-первых, плохо справляются с этой ролью, а во-вторых, изначально не настроены защищать права и интересы стран, не входящих в число американских союзников. Таким образом, Китай стал слишком большим, чтобы продолжать отсиживаться в тени России.

Дискуссии о необходимости пересмотра прежнего курса велись и ранее, теперь они обострились. Ученые, интеллектуально оформлявшие идеи, связанные с новым курсом, например, директор Института современных международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтуан, начинают пользоваться подчеркнутым вниманием руководства страны. Есть ряд радикальных публицистов, как правило, связанных с Народно-освободительной армией Китая, которые выступают за создание системы формальных военных союзов и развертывание войск за рубежом. Среди них популярностью пользуется и идея формального союза с Россией. Вообще жесткая российская внешняя политика рассматривается зачастую как привлекательная модель поведения. Определенной популярностью в Китае пользуется в силу этого и российский президент Владимир Путин – вплоть до приписывания ему апокрифических изречений по разным вопросам (по аналогии с тем, как в российском Интернете поучительные изречения по самым разным вопросам приписываются Уинстону Черчиллю).

Но сильна и инерция: ряд ветеранов китайской внешней политики публикуют статьи с призывом сохранять осторожность: несмотря на ливийский провал, старый курс был слишком успешным, чтобы от него отказаться. Довод только один – «ведь до сих пор все было хорошо», – но он работает. Отбросить курс, проводившийся на протяжении почти трех десятилетий с триумфальным успехом, – трудное, ответственное и рискованное решение для любого политика.

Поэтому пересмотр внешнеполитических приоритетов происходит постепенно. После прихода к власти нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином процесс ускорился. В 2013 году Си выступил с инициативами «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути». Обе инициативы на первый взгляд включают в себя главным образом экономические и инфраструктурные проекты. Однако, согласно официальным китайским документам и заявлениям, они подразумевают также «политическое согласование» и «народные связи» (под последними понимаются культурные контакты, туризм, пограничная торговля и т.п.). Таким образом, эти инициативы, получившие название «одного пояса и одного пути», представляют собой не только экономический проект, а концепцию выстраивания новой системы международных отношений, системы, в центре которой будет находиться Китай.

«Один пояс и один путь» – это, по сути, внешнеполитический аспект более общей концепции «китайской мечты», выдвинутой Си Цзиньпином в 2013 году вскоре после прихода к власти. «Китайская мечта», при всем многообразии толкований, понимается прежде всего как «великое возрождение китайской нации», обретение ею своего законного, исторически присущего ей места в мире. И заявления об «одном поясе и одном пути», и заявления о «китайской мечте», содержат многочисленные ссылки на исторический опыт, прежде всего на времена правления династий Хань и Тан, когда имперское величие Китая достигало наибольших масштабов.

Материальная база для новой внешней политики строится давно, и этот процесс довольно хорошо изучен. Если говорить о военной мощи, то Китаем уже сейчас создан сильный океанский флот, который по возможностям проецирования силы в удаленные районы мира далеко опережает российский флот и отчасти даже ВМФ СССР образца 1980-х годов. Этот флот уже сейчас накопил обширный опыт дальних плаваний; для китайских кораблей больше не являются

необычными походами протяженностью более полугода, а в начале XXI века это было еще немыслимо. Китайские корабли побывали на всех континентах; в ходе учебных походов посещались порты таких далеких стран, как Польша и Перу. Тысячи китайских военнослужащих пропущены через контингенты ООН в Африке, где они получили опыт службы в других странах и других климатических зонах. Одновременно Китай вкладывает значительные средства в развитие стратегических ядерных сил, и это позволяет предположить, что прежняя стратегия «минимального ядерного сдерживания» будет в перспективе отброшена. Создается мощная стратегическая военно-транспортная авиация. В ноябре 2015 года была официально открыта первая военная база Китая за рубежом – пункт материально-технического обеспечения китайского флота в Джибути.

Материальная база для активной глобальной внешней политики строится очень давно, в нее уже вложены десятки миллиардов долларов. На довольно продвинутой стадии находится строительство океанского военно-морского флота, очень большие изменения происходят в ядерной промышленности, и вообще в развитии стратегических ядерных сил КНР. Однако соответствующие политические шаги начали проявляться только сейчас. Например, демонстративные совместные учения с Россией в Восточном Средиземноморье (рядом с зоной конфликта) с участием китайского флота; такая же демонстративная в начале этого года эвакуация китайцев из йеменского порта Аден с установлением морской пехотой контроля над частью порта – это сигналы того, что изменения китайской роли в мире начались.

Какую систему международных отношений хотел бы в перспективе выстраивать Пекин? В этой области у китайцев имеется гигантский исторический опыт. Китаецентричная система международных отношений существовала в Китае с перерывами на протяжении почти двух тысячелетий до середины XIX века. Разумеется, от эпохи к эпохе она меняла свой облик, но основные принципы ее устройства оставались постоянными. Речь идет о так называемой даннической системе, подразумевавшей иерархическую систему связей с Китаем в роли центра и главного арбитра. Исторически Китай занимал роль не только крупнейшего государства, но и главной экономики региона, отношения с которой были жизненной необходимостью для соседей. Эти отношения могли поддерживаться только в рамках определенного формата, подразумевавшего отправку иностранными государствами посольств в Китай с формальным выражением покорности и принесением дани. Экономическое значение этой дани в большинстве случаев было незначительным. Часто император мог отправить ответные дары, которые превышали эту дань. Как правило, формальным было и выражение покорности. К тому же Китай не имел ни ресурсов, ни желания вмешиваться во внутреннюю политику своих вассалов, ограничиваясь формальным утверждением происходивших там смен правителей и династий.

Тем не менее пышный китайский дипломатический церемониал имел и реальное, практическое значение. Из ритуального принесения дани и выражения покорности следовала готовность подчиненного государства следовать в торговле и дипломатии неким общим правилам игры, которые устанавливались в регионе царствующей в Китае династией. Помимо доступа на китайский рынок, участие в даннической системе давало подчиненным странам и некоторые другие выгоды. В обмен на свое право формализовать отношения и выстраивать правила Китай брал на себя роль арбитра и защитника и, в некоторых случаях, был готов ее выполнять на деле, защищая своих вассалов от посягательств стран из-за пределов «даннической системы». Можно вспомнить помощь Китая корейцам в их войне с Японией в конце XVI века и попытки противостоять французской экспансии в Индокитае, которые привели к франко-китайской войне 1884–1885 годов.

Из нынешнего поведения и выступлений китайских лидеров можно сделать вывод, что, за вычетом средневековой церемониальной мишуры, новая модель китайского регионального и глобального лидерства будет отличаться высокой степенью исторической преемственности. Китайский подход, уже проявляющийся в отношениях с рядом стран Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, предполагает отказ от вмешательства во внутренние дела стран-партнеров; защиту их от внешнего давления со стороны третьих стран (пока с опорой на Россию, но во все большей степени – и своими силами); отказ от агрессивного экспорта своих ценностей и образа жизни. Главным требованием Китая к партнерам будет прежде всего отказ от вступления в любые союзы и коалиции без китайского участия и решение всех спорных с Китаем вопросов строго на двусторонней основе. Китай стремится развивать собственные механизмы политического и экономического взаимодействия и согласования, в рамках которых ему будет принадлежать роль верховного арбитра.

Китайская модель лидерства весьма привлекательна для многих развивающихся стран, причем ее привлекательность резко выросла после серии «цветных революций» в разных частях мира. Ряд государств уже близок к фактическому вхождению в эту создающуюся систему: характерными примерами в Азии являются Лаос и Камбоджа, полным ходом в сторону китайской сферы влияния движется Таиланд под властью военного правительства. В Африке небольшое государство Сейшелы в 2011 году само попросило КНР разместить на своей территории китайскую военную базу, но на тот момент встретило отказ. Для лидеров многих развивающихся стран партнерство с Китаем является способом укрепить собственную власть и получить защиту ценой дозированных экономических уступок.

Россия, не вписываясь в создаваемую Китаем систему международных отношений, была и остается ключевой страной, от которой зависит успешность построения этой системы. До последнего времени именно Россия обеспечивала Китаю возможности для спокойного развития, служа громом отводом для западного недовольства и давления. Теперь, когда прямые противоречия между Китаем и Западом нарастают, Россия в большей степени превращается в важный фактор энергетической, экономической и даже военной безопасности Китая. Тесное партнерство с Россией гарантирует Китай от угрозы блокады, санкций, стратегического окружения, резко сокращая потенциал Запада по давлению на Пекин. Пока эта система будет строиться, отношения с Россией будут иметь для Китая первостепенное значение. Но в дальнейшем самой России надо будет делать выбор относительно своего места в мире и отношения к двум конкурирующим иерархическим системам – американской и китайской.

Аннотация. Статья посвящена перспективам трансформации внешней политики КНР и влиянию этого процесса на будущее российско-китайских отношений. По мнению автора, происходящий пересмотр китайского внешнеполитического курса будет сопровождаться попытками Китая выстроить китаецентричную систему международных отношений сначала в Восточной Азии, а затем и за ее пределами. Партнерство с Россией является одним из краеугольных камней китайской внешнеполитической стратегии, и такая ситуация сохранится в обозримом будущем. Но рано или поздно России придется делать выбор, какой модели будущего мироустройства она хотела бы отдать предпочтение.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, реформы.

Vasily Kashin, Senior Fellow, Center for Analysis of Strategies and Technologies.
E-mail: v_kashin@yahoo.com

Chinese Picture of the Future and Russia's Place in It

Abstract. The article examines the prospects of the ongoing transformation of the Chinese foreign policy and possible outcomes of that transformation for Russia. The author argues that that China is at the early stage of building a new Sino-centric system of international relations first in the East Asia and later globally. While partnership with Russia is and will remain essential for the Chinese foreign policy strategy, at some point Russia will have to make a difficult decision about its vision of the future global order.

Keywords: China, Foreign Policy, Reform.

Культурные факторы в дипломатии Китая, России и Индии как участников БРИКС*

Что такое культура и что такое политическая культура? Как и какую роль играет политическая культура в международных отношениях и внешней политике? Почему из государств Евразии именно Китай, Россия и Индия образовали такое сообщество, как БРИКС?

Культура представляет собой совокупность материальных и духовных богатств человечества. Цивилизация – важнейшая составляющая культуры. Политическая культура сводится к социальному строю, идеологии, религиозным конфессиям, человеческим ценностям, историческим традициям, народному характеру. Всё это тесно связано с международной политикой. Политическая культура в современных международных отношениях играет немаловажную роль. Дипломатические особенности и обычаи той или иной страны в значительной степени определяются именно культурными факторами. А культурно близкие страны зачастую составляют и некую общность дипломатической деятельности на мировой арене. Культура многообразна и универсальна одновременно.

Китай, Россия и Индия географически близки и являются государствами, обладающими богатейшим историческим и культурным наследием. Россия богата энергетическими ресурсами, в Китае и Индии проживает большая часть населения планеты. Можно сказать, что в нынешней структуре международной политики Россия принадлежит к третьему миру в первом мире, а Китай и Индия относятся к первому миру в третьем мире. Поэтому мы – три страны – лицом к лицу стоим перед общими или сходными вызовами, имеем общие стратегические задачи и геополитические интересы. Что же касается положения наших трех стран в мировой экономической системе, Китай, Россия и Индия входят в группу «новых» экономик, являясь пионерами, в том числе среди развивающихся стран. Впрочем, на мировом рынке эти три державы еще не имеют прочных позиций и не в состоянии оказывать значимое влияние на определение цен на международные товары.

Все три державы являются многонациональными и многоконфессиональными. Русское православие и российский ислам, китайские даосизм и буддизм, китайское конфуцианство, индийский индуизм – все они однозначно

* Статья подготовлена в рамках научных проектов Китайского национального фонда общественных наук (код 14BGJ039) и Пекинского фонда философских и общественных наук (код 13KDB039), а также при поддержке “The Fundamental Research Funds for the Central Universities”.

Ли Син, доктор политических наук, профессор Института государственного управления Пекинского педагогического университета, научный директор Научно-исследовательского центра российеведения при Министерстве образования КНР. E-mail: xingli530@sina.com

свидетельствуют о выдающейся роли культуры, души, мысли и истории в человеческой жизни и не видят в материальных ценностях довлеющего фактора общественной организации. Кроме того, на территории всех трех странах существуют угрозы экстремизма, сепаратизма и терроризма [3].

В культуре всех трех стран наличествуют черты различных цивилизаций. В культурном аспекте они взаимодополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом. На основании универсальности, многообразия и равноправия разных культур три державы выступают за многополярность и демократизацию на мировой арене, они категорически возражают против гегемонизма и односторонних действий. При этом Китай, Россия и Индия твердо придерживаются независимой и самостоятельной внешней политики, стремятся к статусу одного из центров сил в мирополитической системе, выступают против тех стран, которые навязывают свою волю другим, и против вооруженного вмешательства во внутренние дела других стран.

Вместе с тем культура в различных странах имеет свои особенности. Соответственно и все три страны представляют различные пути развития в соответствии с собственной культурной спецификой. Все культуры равноправны и представительны, поэтому три страны с учетом своих культурных, национальных и исторических ресурсов критикуют «западоцентризм» и нашли не западную, а восточные модели развития, которые отличны от модели развития англосаксонской цивилизации (христианство, рыночная экономика, свобода и демократия, западная культура).

Культуры равноправны, однако в современном мире объективно сосуществуют сильные и слабые культуры. Сильная культура занимает выгодную позицию в конкуренции со слабой. Культура – это мягкая сила, эффективность которой зависит также от экономических, военных и других факторов жесткой силы. В глобализирующемся мире лидирующую позицию, безусловно, занимает западная культура. Но влияние Китая, России, Индии и других незападных стран непрерывно усиливается, хотя пока еще находится на относительно слабом уровне по сравнению с влиянием западной культуры. При этом Китай, Россия, Индия и другие страны БРИКС имеют общие или сходные интересы в нынешней мирополитической структуре и занимают сходные позиции по многим глобальным и региональным проблемам. Китай и Россия уже выстроили отношения стратегического взаимодействия и партнерства, так называемые протосоюзнические отношения, не ориентированные на третью сторону. По украинскому кризису и крымской проблеме Китай не следовал в фарватере Запада и не предпринял экономических санкций против России. Напротив, Китай усиливает сотрудничество с Россией в различных областях, в том числе в военной, энергетической и гуманитарной. Приверженность китайской мечте побеждает «китайскую угрозу». Президент России Владимир Путин высказывал благодарность Китаю и Индии за их позиции по украинской и крымской проблемам. Потому естественным было стремление России к сопряжению проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути – это стратегический, мудрый выбор [4, с. 299]. Традиционно дружественными являются и российско-индийские отношения. Россия и Китай поддерживают намерения Индии вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве равноправного члена, а также играть более активную роль в региональных и международных делах. Несмотря на существующие пограничные споры между Китаем и Индией, две гигантские страны также поддерживают отношения стратегического сотрудничества.

Китай, Индия и Россия – страны – победители во Второй мировой войне, внесшие решающий вклад в разгром фашизма и милитаризма, в дело мира для всего человечества. Они уважают славную историю друг друга и высоко ценят суверенитет, свой и партнеров.

Резюмируя, можно сделать вывод, что Китай является крупнейшей развивающейся страной с авторитарным режимом, Россия – крупнейшая трансформирующаяся страна, Индия – крупнейшая развивающаяся демократическая страна.

В действительности, БРИКС – это группа стран второго мира, которые не являются типичными ни для первого, ни для третьего мира. Страны БРИКС действуют в интересах всего человечества, в том числе участвуя в G-20 [2]. В обозримой перспективе – дипломатия БРИКС, политика БРИКС, экономика БРИКС, культура БРИКС [1]. Учитывая, что и Китай, и Россия, и Индия расположены на огромном континенте Евразия, в перспективе возможно и обретение евразийского (евроазиатского) сознания – через последовательное осуществление 3D-диалога доверия, действия. Это будет способствовать дальнейшему укреплению и организационному развитию БРИКС.

Литература

1. *Ли Син.* К вопросу о политике и дипломатии стран БРИКС // Сравнительная политика. 2015. № 1. С. 54–64.
2. *Ли Син.* Китайский интерес в евразийском проекте // Международные процессы. 2014. № 3. С. 70–82.
3. *Ли Син.* Культурные элементы в треугольнике отношений между Китаем, Россией и Индией // Россия и современный мир. 2013. № 1. С. 179–181.
4. *Ли Син, Братерский М.В.* Россия и Китай в евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.

Аннотация. Политическая культура в современных международных отношениях играет немаловажную роль. Дипломатические особенности и обычаи той или иной страны в существенной степени определяются собственными культурными факторами. Как участники БРИКС Китай, Россия и Индия географически близки и являются евразийскими державами, обладающими богатейшим историческим и культурным наследием. При этом Китай, Россия, Индия имеют общие или сходные интересы в нынешней мирополитической структуре и занимают сходные позиции по многим глобальным и региональным проблемам. Они относительно легко и хорошо понимают друг друга. Они уважают славную историю друг друга и высоко ценят суверенитет, свой и партнеров. Поэтому они составляют новый образ современной мировой экономики и политики.

Ключевые слова: культура, БРИКС, Китай, Россия, Индия.

Li Xing, Ph.D. in Political Science, Professor, School of Government and Law, Beijing Normal University; Academic Director, Research Center for Russian Studies affiliated to the Ministry of Education of China. E-mail: xingli530@sina.com

Cultural Interpretations of Diplomacies of China, Russia and India

Abstract. Culture plays a special and crucial role in international politics or international relations. Diplomatic peculiarities and traditions of a country are to a large extent shaped by its culture. China, Russia and India are located close to each other and as Eurasian BRICS states have their own rich history and culture. With the same or similar international status in the world order and interests in modern world economics and politics, these three countries have same or similar vision, foreign strategy and policy towards many global and regional issues that are different from both the traditional developed countries and the typical developing states. They hold each others' long and unique culture in high esteem and respect their own and their partners' sovereignty. That is why they have created a new landscape in current world economics and politics.

Keywords: Culture, Diplomacy, BRICS, China, Russia, India.

Л.В. Поляков. Большое спасибо, профессор Ли Син. Конечно, ваш проект «евразийской сборки» в 3D – это уже почти видимая реальность. Прекрасный лозунг. Мы испытываем дефицит практических лозунгов. И, в соответствии с китайской традицией, вы предложили нам лозунг, который действительно мобилизует,

который указывает цель и который практически осуществим. Мы действительно ведем диалог, мы прямо сейчас это делаем. Мы готовы действовать, потому что у нас значительно больше общего и больше совместных интересов, чем различий. А доверие – оно выстраивается в ходе таких встреч.

Проблемы новой международно-правовой системы в нестабильных ситуациях и в рамках многополярного мира

«То было лучшее из времен, то было худшее из времен», – писал Чарльз Диккенс в «Повести о двух городах». И мы сейчас живем как раз в такое время, когда никто не может предсказать, будет ли завтра хуже или лучше, чем сегодня. Мировой порядок меняется так же быстро, как типы айфонов, причем скорость и глубина наблюдаемых изменений разнообразны и неоднозначны. Происходящие трансформации порождают фрустрирующее ощущение тревоги перед лицом нарушения стабильного порядка вещей.

По-видимому, новый международный правопорядок все же уже наступил. У него есть хорошие стороны, есть и плохие. Хорошие не всегда компенсируют плохие, но и плохие не всегда портят хорошие или умаляют их значимость. Бельгийский историк А. Самюэль в книге «Новый мировой пейзаж» еще четверть века назад констатировал переход от биполярного мира к комплексному и непредсказуемому переходного мира [3]. Вместе с тем, стало очевидно, что проблемы международных отношений больше не могут решаться и даже обсуждаться в терминах равновесия военных сил.

В течение последних десятилетий и в Азии, и в Европе имели место многочисленные неожиданности, чрезвычайные ситуации, конфликты между государствами, породившие кризис международной правовой системы. Это во многом результат ускорения глобализации, обострения политических и экономических различий между странами. Налицо необходимость их изучения, в том числе методами социологически-правового исследования. В центре внимания – права и обязанности государств в международном сообществе и правовые отношения между государствами и международными организациями. Отсутствие международно-правового регулирования чревато катастрофическими перспективами. Несмотря на наличие многочисленных действующих договоров, соглашений, международных правил, в международном сообществе во всё большей степени проявляются беспорядок и иррациональность, что в скором времени может привести к кризису всей международно-правовой системы.

Приходится констатировать, что войны и создание нового международного правопорядка всегда идут рука об руку. Крах одного типа международного порядка вызывался либо масштабными войнами, либо революциями. Эта закономерность свидетельствует о неустойчивости международного правопорядка. Две исторически последние международные системы – Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская – стали юридическим оформлением результа-

Чжао Лу, доктор юридических наук, доцент Юридического института и Научно-исследовательского института уголовного права Пекинского педагогического университета, научный сотрудник Научно-исследовательского центра руссиеведения при Министерстве образования КНР. E-mail: zhaoyilu5945@sina.com

тов мировых войн. В частности, Ялтинско-Потсдамская система базировалась на новом соотношении сил, сложившемся в результате Второй мировой войны. Наиболее характерным для нее было усиление международных позиций США и СССР. Комитет начальников штабов США в своих рекомендациях Государственному департаменту еще в августе 1944 года отметил: «После разгрома Японии только США и СССР останутся первоклассными военными державами, что объясняется сочетанием географического положения и огромного военного потенциала». Определяющее влияние СССР и США на всю систему международных отношений придавало ей биполярный характер. Позднее СССР и США стали называть двумя сверхдержавами послевоенного мира. Впрочем, биполярность Ялтинско-Потсдамской системы не была абсолютной – сверхдержавы не могли контролировать все субъекты и события международной жизни. В 1950-х годах деколонизация способствовала формированию Движения неприсоединения. Будучи вынужденными считаться с глобальной биполярностью, его участники стремились преодолеть логику блокового противостояния.

И хотя в период холодной войны не произошло каких-либо радикальных международно-правовых трансформаций, сама холодная война реально влияла на международный правопорядок. Она сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, чреватой перерастанием в Третью мировую войну.

Кризис Ялтинско-Потсдамской системы стал результатом поражения Советского Союза в холодной войне и его распада. Кардинальные перемены, происшедшие на рубеже 1980–1990-х годов, со всей остротой поставили перед исследователями и политиками вопрос о характере и закономерностях международных отношений. Вопреки оптимистическим ожиданиям некоторых идеалистически настроенных политиков и части научной общественности, не произошло сближения Азии и Европы на основе универсальных ценностей и становления общемирового сообщества, основанного на принципах взаимопомощи и сотрудничества всех со всеми.

В самый момент перехода к новому историческому этапу казалось, что мировой процесс идет в исключительно позитивном направлении. 31 января 1992 года на первом в истории Организации заседании Совета Безопасности ООН на высшем уровне с участием глав государств и правительств было признано, что в современный период после окончания холодной войны значительно уменьшилась угроза ядерной конфронтации между Западом и Востоком и сложились реальные предпосылки для осуществления заложенных в Уставе ООН возможностей обеспечить путем сотрудничества государств – членов Организации предупреждение и урегулирование различного рода конфликтов [1].

Вместо этого с распадом СССР, возникновением на политической карте мира новых независимых государств, на фоне роста глобальной взаимозависимости шло разрастание этнических конфликтов и усиление сепаратистских тенденций, обретение международным терроризмом угрожающих масштабов. В итоге вся прежняя структура международной безопасности была подорвана.

Неожиданность глобальных перемен является одной из ключевых проблем для международно-политической, экономической и правовой науки. Проблема наличия закономерностей в развитии международных отношений остается одной из наименее разработанных и наиболее дискуссионных. Это объясняется прежде всего самой спецификой данной сферы общественных отношений, где особенно трудно обнаружить повторяемость событий и процессов и где поэтому чуть ли не главной характеристикой выявляемых закономерностей является их относительный, вероятностный, непредопределенный характер. Степень приблизительности в сфере международных отношений настолько велика, что многие исследователи склонны говорить не о законах или закономерностях, а лишь о вероятности наступления тех или иных событий.

Тем не менее одной из наиболее привлекательных черт теории права является стремление обосновать тезис, согласно которому в основе международной политики лежат объективные и неизменные законы политического поведения, корни которых следует искать в самой человеческой природе. Центральное же понятие политического реализма – «интерес, определенный в терминах власти», – связывает существование законов международных отношений с потребностями людей в безопасности, процветании и развитии, которые и должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности.

О сохраняющемся стремлении к научной объективности говорит и другое положение политического реализма – о необходимости рассматривать международные отношения не с точки зрения какого-либо идеала, сколь бы хорош он ни был, а с точки зрения сущности всякой, в том числе и международной, политики и правопорядка. Не отрицая необходимости создания гармоничного и мирного международного правопорядка, основанного на демократии, универсальных ценностях и верховенстве права, политические реалисты настаивают на том, что в современном мире одной из главных особенностей является стремление великих держав к сохранению существующей на мировой арене ситуации.

Сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают гораздо большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе мало средств эффективного влияния на происходящие процессы. Современные международные отношения дают всё меньше оснований рассматривать их только как межгосударственные взаимодействия, ибо происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», либо теряют свой смысл, либо приобретают новое значение.

Одновременно характерной особенностью развития современного мира является все усиливающаяся тенденция к сближению интересов государств, народов и индивидов. В ходе научно-технической революции многочисленные проблемы – экономические, энергетические, экологические, информационные, демографические, религиозные – выходят за пределы государственных границ и регионов, перерастая в глобальные. В результате этого процесса изменяется основа мирового прогресса, в которой все большее значение приобретает общечеловеческий интерес. Новые очертания получает идея порядка в межгосударственных отношениях.

Эти процессы, естественно, воздействуют и на международное право. С точки зрения неопералов, главными регуляторами международных отношений выступают универсальные нравственные нормы, которые кодифицируются и становятся правовыми императивами, на этих нормах базируются международные институты. Некоторые ученые и политики считают, что основой и средствами поддержания международного порядка должны быть нормы, структуры, институты и процедуры вненационального или даже наднационального характера. И всё же те и другие признают: несмотря на то, что современные тенденции в международном праве демонстрируют тесную связь с мировой политической, нельзя отрицать, что здесь происходят существенные изменения. Исход

конфликта между глобальной солидарностью и приверженностью интересам конкретного государства, ценностям конкретной культуры или этнонациональной группы не предопределен. Поэтому нет серьезных оснований считать, что международное «общество» станет «обществом» универсальных ценностей и норм, заменивших и сделавших достоянием истории ценности и нормы государств, этносов и культур. И тем не менее попытки регулирования международных отношений на основе универсальных ценностей и общеобязательных норм вовсе не обязательно обречены на провал, так как в мировой политике, как подчеркивал еще Г. Шварценбергер, существует не только закон силы, но и закон взаимодействия и даже закон координации и согласования [4].

Значение дипломатии в начале XXI века, несомненно, возрастает. Это обусловлено прежде всего тем, что силовые решения международных проблем, несмотря на их продолжающееся использование, становятся всё более опасными. Перестройка международных отношений, связанная с процессами глобализации, выходом на мировую арену негосударственных акторов, ставит перед дипломатией задачи активного вовлечения в создание нового облика мира. Проблематика нового международного правопорядка представляется особо актуальной в свете тех перемен, которые произошли на международной арене. Мы не должны ждать, пока в третий раз начнется мировая война.

Война оправдывает и узаконивает международную систему статусов, на вершине которой находятся великие державы, и такая система рассматривает войну как средство своего сохранения [см. 2]. Это определение следует учитывать при корректировке новой международно-правовой системы.

Литература

1. Болгов О.Е. Роль ООН в обеспечении международной безопасности после окончания «холодной войны». Международно-правовые вопросы. Дис. ... кандидата юридических наук. Киев, 1999. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-oon-v-obespechenii-mezhdunarodnoi-bezopasnosti-posle-okonchaniya-kholodnoi-voiny-mezhdun>
2. *Modelski, George; Morgan, Patrick M.* Understanding Global War // *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 29, No. 3 (Sep., 1985), P. 391–417.
3. *Samuel A.* Nouveau paysage international. Bruxelles, 1990.
4. *Schwarzenberger G.* Power Politics: An Introduction to the Study of International Relations and Post-War Planning. London: Jonathan Cape, 1941.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы влияния трансформаций международной системы на становление нового международного правопорядка. Автор констатирует, что такие понятия, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», в настоящее время либо теряют свой смысл, либо приобретают новое значение. Тем не менее попытки регулирования международных отношений на основе универсальных ценностей и общеобязательных норм не обязательно обречены на провал, так как в мировой политике существуют не только закон силы, но и закон взаимодействия.

Ключевые слова: международный правопорядок; международные отношения.

Zhao Lu, Ph.D. in Law; Associate Professor, Law Institute and Research Institute of Criminal Law, Beijing Normal University; Research Fellow, Research Centre for Russian studies affiliated to the Ministry of Education of China. E-mail: zhaoyilu5945@sina.com

Challenges of a New International Legal System in an Unstable Situation and in Multipolarity

Abstract. The article deals with the issues related to the transformation of the international system and its impact on the evolving new international order. The author assumes that such concepts such as “security”, “territorial integrity”, “national sovereignty”, “loyalty to the authorities”, now lose their meaning, or take on a new meaning. However, the attempts to regulate international relations which rely on universal values and universally binding rules are not necessarily doomed to failure, as world politics is characterized by interaction rules as well the rule of force.

Keywords: International Legal Order; International Relationships.

Л.В. Поляков. Большое спасибо, доктор Чжао Лу за ваш вклад в дискуссию. Действительно, одна из ключевых задач мирового сообщества – создание нового правового порядка. Потому что жить в состоянии хаоса и непредсказуемости мы, имея такие глобальные проблемы как неконтролируемое распространение ядерного оружия, различных инфекционных болезней, терроризма, экстремизма, позволить себе такую роскошь не можем. Наши культуры различны, но мы – единое человечество. И потому ваша постановка вопроса абсолютно актуальна. Мне представляется, это будет один из плодотворных результатов наших дискуссий на Бердяевских чтениях. Теперь подведем предварительные итоги работы секций.

Б.В. Межуев. В первой секции речь шла о проблемах восприятия Востока в России, в русской мысли, в русской философии и, соответственно, восприятия России глазами людей Востока. Мне представляется, что мы подошли к интересным выводам. Доклад профессора Ванчугова носил несколько структуралистский характер и позволил выявить определенные бинарные оппозиции, которые определяют в российском сознании противоположность Запада и Востока. Было обращено внимание на то, что эта оппозиция Запада и Востока является фундаментальной для российского сознания, в отличие от более важной для Европы оппозиции Севера и Юга – особенно важной с учетом нынешнего состояния дел в Европейском Союзе, где различие между Севером и Югом ярко проявляется.

Затем было сообщение о патриархе российского востоковедения, одновременно являющемся и патриархом русского консерватизма. В силу такого парадоксального совпадения министр народного просвещения Сергей Уваров был человеком, который задал некую формулу русского консерватизма русского традиционализма, по крайней мере характерную для XIX – начала XX века. И одновре-

менно это был человек, который стоял у истоков российского востоковедения. На это парадоксальное сочетание обратил внимание профессор Аркадий Юрьевич Минаков.

Презентации профессоров Московского университета и Российского государственного гуманитарного университета Михаила Александровича Маслина и Вячеслава Владимировича Сербиненко носили характер острой полемики с теми людьми, кто как бы недооценивает значение Востока в русской мысли, значение китайского начала в русской мысли, «китайской мечты», как сказал профессор Маслин.

Условная вторая часть секции началась с интереснейшего доклада профессора Анно, посвященного сравнению опыта модернизации Японии и России. Было подчеркнуто некое особое положение Японии как азиатской страны, но как страны, которая видит свою идентичность в том, что она сделала усилие вырваться из общего азиатского контекста. Но, как мне кажется, это очень характерно и для России, хотя, может быть, наше восприятие такого рывка не является столь же оптимистичным, как у Японии. И здесь возникла некая проблема, которая в еще большей степени была акцентирована в выступлении профессора МГИМО Сергея Владиславовича Чугрова, посвященном образам России и Японии в контексте проблемы мягкой силы. Было подчеркнуто, что отношение к Японии в России является неустойчивым, впрочем, не настолько, как, например, отношение к Америке. Помимо этого были сделаны интересные выводы относительно восприятия России в Японии.

Завершилась наша панель двумя выступлениями, посвященными Корее, корейскому опыту, профессора Ли Тэрим и профессора Лим Юл Чул. Эти выступления дополняли друг друга. В них было прояснено имеющее место сложное отношение в Корее к российским политическим событиям, к России в целом. И даже наметилась тема влияния российских корейцев на восприятие России в Корее. В отличие, например, от Японии.

Наш общий вывод, наверное, может быть таким:

для России важно посмотреть на себя восточными глазами, азиатскими глазами. Не знаю, насколько важно для азиатских стран посмотреть на себя российскими глазами, но то, что для России это значимо, – несомненно. И не только в плане некоего восточничества или какого-то азиатофильства, а с точки зрения опыта модернизации, опыта нового политического развития. Важно уметь взглянуть на себя в азиатских контекстах. Включение же в эти контексты еще и философской, идеологической составляющей позволит действительно обогатить наше понимание самих себя.

Л.В. Поляков. Мне представляется, что такое интегрированное восприятие в целом совпадает с теми ожиданиями, которые у нас были в отношении работы первой секции.

Напомню, что вторая секция была посвящена современной Азии – «Традиционные ценности и модернистские вызовы». Ее модерировал Михаил Витальевич Ремизов.

М.В. Ремизов. Название подразумевало некую антиномию консерватизма и модернизации, но вывод, который я для себя сделал, состоит в том, что там, где возникает противопоставление консерватизма и модернизации, возникает формула неуспеха и неразвития. Формула успеха и формула развития возникают там, где имеет место их синергия, взаимодополнение. Был очень хороший пример страновой модернизации в лице Кореи XIX века, о чем говорил Константин Асмолов, где противостояли друг другу прогрессисты и патриоты, где прогрессисты как бы были патриотами чужой страны, а патриоты никак не ассоциировались с развитием и, в том числе, с эффективным заимствованием техник и институтов. Вопрос о патриотах чужой страны – актуальная для нас тема даже в сугубо западном понимании модернизации, то есть как вестернизации. Есть очень точно выраженная позиция Эдварда Шилза, блестящего социолога: быть современными, значит, становиться западными без бремени зависимости от Запада. Это наши прогрессисты, становящиеся патриотами чужих стран, часто забывают.

Отдельная большая проблема, которая напрямую связана с историей восточноазиатских модернизаций второй половины XX века и ко-

торую, может быть, нам еще удастся обсудить, это проблема зависимого развития. Развитие Японии и в меньшей степени, но тоже вполне ощутимо – Республики Корея шло под зонтиком США и при их поддержке. Определенную роль сыграли Соединенные Штаты и в истории модернизации Китая. Предваряя дальнейшую дискуссию и пытаясь дать ей импульс, я хотел напомнить, что существовало окно возможностей для зависимого развития в период биполярного мира, когда была конкуренция больших систем. Но с конца 1970-х – начала 1980-х годов это окно захлопнулось. После краха биполярности в этом мире уже нет возможности успеха через зависимое развитие, по крайней мере для крупных стран. Этот дискуссионный тезис можно было бы обсудить.

Что же касается примеров успешного симбиоза консерватизма и модернизации, то прозвучал пример тоже из XIX века в выступлении японоведа Александра Евгеньевича Куланова относительно реставрации Мэйдзи. Модельный пример. Если же брать историю успеха и форсированного развития второй половины XX века, то и здесь мы видим роль консерватизма как культурной ценностной платформы для форсированного развития. В чем это проявляется, какие консервативные краеугольные камни лежат в основе этих восточноазиатских историй успеха? Прежде всего идея национального реванша, которая очевидно прослеживается во всех историях экономического чуда. В случае с Японией – реванш мирным путем еще недавно такой жестко милитаристской страны. В случае с Кореей – стремление отыграться, компенсировать историю колониализма. И то же самое с Китаем: очень часто на различных конференциях, говоря о предпосылках истории успеха, китайские спикеры упоминают об унижительном периоде колониализма, который является точкой отталкивания для национального самосознания. В случае с КНР консервативный элемент реформы, модернизации, был связан с уходом от левачества «культурной революции» к апелляции к конфуцианским ценностям. В случае Японии и Южной Кореи – это активация феодальной этики в форме корпоративной этики, которая хорошо работает в условиях современного промышленного капитализма.

Эту идею мы можем вынести из состоявшегося обсуждения и работать с ней дальше. Работать не столько для изучения исторического опыта, сколько для проектирования – чтобы попытаться найти те формы сочленения русской традиции с идеями развития, которые могут создать нашу собственную, аналогичную восточноазиатским, историю успеха.

Л.В. Поляков. Постараюсь представить обобщенную картину того, что получилось в третьей секции. Участники предыдущих Бердяевских чтений в Калининграде помнят, что мы тогда построили работу по принципу «прошлое, современность, будущее». И в этой секции мы попытались заглянуть за горизонт, представить, как будет выглядеть евразийское пространство в будущем. Были даже представлены радикальные проекты этой сборки. В частности, в докладе Станислава Витальевича Хатунцева мне послышались нотки здорово-агрессивной устремленности к той цели, которая сегодня кажется утопической, но завтра может стать реальностью. Эта цель была мягко обозначена как широкое сопротивление панамериканизму, претендующему на доминирование, в том числе, на пространстве Евразии. Альтернатива независимой Евразии – одна из плодотворных консервативных идей.

Дмитрий Валентинович Мосяков продемонстрировал некий парадокс, связанный с тем, что модернизация, придуманная на Западе, для того чтобы превратить весь мир в некое гомогенное западopodobное пространство, в действительности демонстрирует свою прямо противоположную оборотную сторону. То есть все три кита в модернизационной концепции – политическая демократия, неограниченный рынок (или, как часто говорят, рыночный фундаментализм) и господство универсальной массовой культуры – все это опровергается опытом той самой модернизации Востока, где, наоборот, успешные примеры демонстрируют авторитарные режимы, где роль государства вопреки рыночно-фундаменталистской аксиоматике крайне высока и где вместо доминанции массовой культуры во всех ее проявлениях происходит интенсивное возвращение к традиционным ценностям. И я добавил бы: в этом смысле Восток начинает играть на Западной территории, потому что если мы следим за тем, как наиболее рафинированные

деятели западной массовой культуры реагируют на этот процесс, в частности, если мы смотрим кинофильмы Тарантино, то, безусловно, его эпопея «Kill Bill» показывает, что именно восточные ценности становятся предметом не просто интереса западного потребителя культуры, а уже начинают конкурировать с проектом массовой культурной глобализации.

Мне представляется своевременным размышление Любви Борисовны Кареловой об устаревании и рамках ориентализма, опять-таки такой западной придумки, которая, претендуя на статус научной объективности, несет в себе прагматичную, корыстную концепцию: Восток нарисован Западом, для того чтобы утвердить свое западное господство над Востоком, и отказ от ориентализма, охарактеризованного еще Эдвардом Саидом – это настоятельная потребность. Причем отказ, в том числе, и в сфере образования, потому что все начинается с мозгов, с детских мозгов. Необходимо задавать свою рамку, пора посмотреть на мир своими глазами, а не жить в смиренной рубашке ориентализма. И в этом смысле, не только пришла пора взаимного восприятия ценностей, как об этом говорилось в первой секции, но пора выработки русского взгляда и на Восток, и на Запад, и, соответственно, на самих себя.

Демонстрация того, насколько была успешна и насколько была проблематична трансформация китайской внешней политики, в докладах Василия Борисовича Кашина и профессора Ли Сина есть то самое заглядывание в будущее, весьма продуктивное во всех отношениях. Наш великий сосед – это больше чем партнер, это наши друзья, мы знаем это из опыта личного общения. Дружба поддерживается тем, что мы понимаем друг друга и очень тонко и деликатно относимся друг к другу, поэтому, если мы будем представлять себе, какие формы может принять в будущем трансформация китайской внешней политики, то тогда мы сохраним этот дружеский настрой и попытаемся не делать того, что могло бы нас отдалить друг от друга.

Мне представляется, что мы уже заложили серьезную основу для того, чтобы продолжать размышлять. Каждый из нас унесет с собой не только аромат Дальнего Востока, Владивостока, но и новые мысли, находки, интерпретации. А сейчас продолжим нашу работу.

Пути России и Азии

{ Секция четвертая }

*О.А. Матвейчев
Россия и Китай: как наводились мосты*

*Е.С. Холмогоров
Почему Россия не Азия*

*А.Г. Гачева
Евразийство: от восточничества к всечеловечности*

*А.В. Виноградов
Притяжение Азии. Китайский опыт для России*

*В.В. Сумский
Пути Восточной Азии и путь России*

*Б.Д. Сыромятников
«Сигма»: «Восток или Запад?»*

*А.А. Тесля
Дальневосточный фронт в интеллектуальной изоляции*

Россия и Китай: как наводились мосты

Тема «Россия и Запад» всегда превалировала в русской общественной мысли над сюжетами взаимоотношений с Востоком. Страны дальней Азии, не исключая Китая, имеющего с нами колоссальную по протяженности общую границу, находились где-то на отдаленной периферии внимания – несмотря на, казалось бы, значительный интерес к экзотическим культурам и немалое количество публикаций, первые из которых появились еще в XVIII веке. Но эти страны, в том числе и Китай, традиционно воспринимались лишь чем-то вроде диковинной шкатулки, наполненной тайнами и чудесами.

Когда заходила речь о Китае, Японии или Индии, то, как правило, с оговорками, что они представляют собой совершенно другой мир, своего рода «вещь в себе», недоступную для понимания европейца и обретающуюся в стороне от столбовой дороги развития цивилизации. В этом смысле отечественные ученые транслировали западную точку зрения, выраженную, в частности, Гегелем, утверждавшим, что «Китай и Индия находятся еще, так сказать, за пределами всемирной истории, как предпосылка тех моментов, лишь благодаря соединению которых начинается животворный исторический процесс» [5, с. 157]. Даже признаваемый европейцами приоритет Китая в важнейших изобретениях не являлся, по их мнению, аргументом в пользу цивилизованности и высокоразвитости этой страны. «Китай задолго до нас знал книгопечатание, артиллерию, воздухоплавание, хлороформ, – писал Виктор Гюго. – Но в то время как в Европе открытие сразу оживает, развивается и творит настоящие чудеса, в Китае оно остается в зачаточном состоянии и сохраняется в мертвом виде. Китай – это банка с заспиртованным в ней зародышем» [6, с. 37].

Сходным образом рассуждал и русский мыслитель, убежденный западник Петр Чаадаев. По его словам, Индия и Китай «предназначены для великого поучения, которым мы должны воспользоваться. ...Мы можем там наблюдать, во что бы обратился род людской без нового импульса, данного ему всемогущей рукой. И заметьте, что Китай, по-видимому, с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, наиболее ускорили среди нас движение вперед человеческого ума: компасом, печатным станком и порохом. И что же? На что они ему послужили? Объехали ли китайцы кругом Земного шара? Открыли ли они новое полушарие? Есть ли у них литература, более обширная, чем та, которой мы обладали ранее изобретения книгопечатания? В злосчастном искусстве войны были ли у них Фридрихи и Бонапарты, как у нас?» [21, с. 403–404].

Матвейчев Олег Анатольевич, кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии факультета философии НИУ «Высшая школа экономики».
E-mail: matveyol@yandex.ru

Слабая информированность о восточных цивилизациях и культурно-политическая предвзятость породили миф об отсталости Востока и односторонности цивилизаторских процессов. Между тем, взаимовлияние и взаимообогащение восточной и западной культур – процесс, пусть и дискретный, но имеющий очень долгую историю. И, судя по всему, гораздо более долгую, чем было принято считать до недавнего времени.

Около десяти лет назад в науках, изучающих древнейшую историю человечества, произошел качественный скачок. К традиционно медленным и колоссально трудозатратным наукам – антропологии, археологии и палеолингвистике – прибавилась ДНК-генеалогия [10, с. 14]. Данные о редких, раз в несколько тысяч лет, мутациях в Y-хромосомах позволяют реконструировать «одиссею человечества» с момента возникновения общего предка до наших дней. Распространенность определенного типа мутаций получила название гаплогруппы. Определенные гаплогруппы можно ассоциировать с народами, известными в истории.

По картине мутаций в ДНК новая наука позволяет воссоздавать миграции человеческих популяций, происходившие в далеком прошлом – до десятков тысяч лет назад, – и рассчитывать время этих миграций с точностью до сотен лет. С помощью методов ДНК-генеалогии было, в частности, установлено, что группа носителей индоевропейской гаплогруппы R1a1 примерно 3600 лет назад перешла с Южного Урала в Индию. В настоящее время примерно 16% всего мужского населения Индии (или 100 млн человек) относятся к гаплогруппе R1a1 [10, с. 525], причем в высших кастах этот показатель достигает 72% [23]! Таким образом подтверждается гипотеза о том, что именно индоевропейские народы, придя в Индию, основали там кастовую систему и заняли высшие касты.

Вместе с языком переселенцы дали местным народам индоевропейскую религию и космогонию (структурное и содержательное сходство индийских Вед с другими индоевропейскими источниками, от Авесты до греческих теогоний и «Голубиной книги» /сборника восточно-славянских духовных стихов XV–XVI веков, уходящих корнями в далекую эпоху индоевропейской общности/, отмечали многие исследователи, в том числе Антуан Мейе, Жорж Дюмезиль, Владимир Топоров, Александр Зайцев, Томас Гамкрелидзе, Вячеслав Иванов, Михаил Серяков и др.). Аналогичное вторжение индоевропейцев в течение III–II тыс. до н.э. было в Иран, Грецию и на другие территории.

На основе индоевропейской ведической религии и брахманизма сформировался индуизм, одна из наиболее крупных по числу последователей религий мира, а также буддизм, ныне – одна из ведущих мировых религий. Буддизм распространился в Китае, а затем – в чаньской версии – был привнесен в Японию, став частью ее национальной религии – синто, которая сформировала национальный характер японцев, принципы японской эстетики и основы духовной организации всего японского общества (именно синто называют источником так называемого японского экономического чуда). Таким образом, индоевропейское влияние затронуло не только Индию, но и страны Дальнего Востока.

Дальше других в Центральную Азию продвинулся один из самых загадочных индоевропейских народов – тохары. Остатки их цивилизации и памятники письменности были найдены в Китае, на территории современного Синьцзяна. Их изучение показало, что всего лишь тысячу лет назад здесь существовал архаичный язык, сохранивший реликтовые формы индоевропейской основы и более близкий к языкам западных, а не восточных индоевропейцев, в окружении которых они находились. Было также выяснено, что тохарская культура оказала влияние на китайскую. Факты первых контактов тохарского и древнекитайского языков относятся еще к III веку до н.э., причем заимствование слов происходило как из тохарского в китайский, так и наоборот [16, с. 19].

Таким образом, общение между Западом и Востоком, взаимообогащение культур и взаимовлияние на идентичность народов было куда более древним, чем свидетельствует историческая память. Но и позднейшие культурные взаимовлияния, несмотря на устоявшийся миф о «самоизоляции» восточных стран, были вполне плодотворными.

Первые сведения об Индии приводятся еще у Геродота, правда, о ее народе галикарнасец знал лишь из слухов. По-настоящему открыли Индию для греков походы Александра Великого. Китай же оставался для европейцев *terra incognita* еще несколько веков. Понятие «сина» как название народа, живущего по ту сторону Эрифрейского моря, то есть Индийского океана, впервые фиксируется у Птолемея – слово это употреблялось индийцами, начавшими морские сношения с Китаем еще во времена династии Цинь (255–206 годы до н.э.), отсюда и наименование страны¹.

Морские путешествия в Китай из Римской империи продолжались до III века; затем господство над путями мировой торговли на суше и на море перешло к персам, и европейцы забыли о стране «синов» до XII века, пока с Востока не пришли первые новости о среднеазиатских завоеваниях «пресвитера Иоанна» – потомка волхвов, царствующего по-за краями армян и персов. Отправленные в Монголию европейские послы и миссионеры выяснили, что к легендарному царю-несторианину эти завоевания не имели никакого отношения. Тем более что истинные завоеватели к тому времени уже успели дойти до Адриатического моря и повернули вспять в 1242 году лишь вследствие получения известия о смерти великого хана Угэдэя.

Дальнейшие миссии к монгольскому престолу были немногочисленны и целей своих (обращение варваров в христианство, склонение их к союзу против мусульман) не достигли. После изгнания монголов в 1368 году и с утверждением династии Мин подобные контакты прекратились.

Настоящее открытие Китая, а затем и Японии и Кореи, произошло уже в XVI веке – в результате португальских военно-коммерческих экспедиций², а затем – деятельности иезуитов, принятых при императорском дворе и даже вошедших в Математический трибунал, где они щедро делились с китайцами передовыми астрономическими знаниями. Иезуиты просвещали китайцев и в области военного дела, географии, гидравлики, переводили на китайский произведения европейских ученых и философов, в том числе Евклида и Аристотеля. Одновременно на европейские языки были переведены работы Кун Фу-цзы (Конфуция, как транскрибировал его имя Маттео Риччи), что произвело настоящий интеллектуальный переворот на Западе. В докладах Риччи, отсылаемых в Европу, Китай рисовался страной, управляемой философами, и в этом смысле он воспринимался многими западными мыслителями как идеальное государство, опыт которого должны взять на вооружение европейские правители. «Китайское правительство показывало в течение более четырех тысяч лет и продолжает показывать людям сейчас, что можно управлять ими без того, чтобы их обманывать; что не ложью надо служить богу истины; что суеверие не только бесполезно, но и вредно для религии» [4, с. 365], – писал восхищенный Вольтер, видевший в Китае поучительный для Европы пример «философской монархии». Постоянно подчеркивая древность китайской цивилизации, Вольтер недвусмысленно указывал, где

¹ Интересно, что китайцы относили название «Чина», или «Махачина» («Да-цин»», «Великая Чина»), к Римской империи, также основываясь на неверно понятых словах индийцев.

² Надо сказать, что португальцы не идентифицировали страну, называемую индийцами «Чина» с «Катаем» Марко Поло – государством великого хана со столицей Ханбальком (Пекином), полагая, что последний находится где-то к северо-западу от территорий, достигнутых ими через Малаккский пролив.

именно находится колыбель человечества, и попутно опровергал ненавистные ему библейские легенды, в том числе о всемирном потопе. Почитателями китайской государственности и энтузиастами конфуцианского учения были Бенедикт Спиноза, Пьер Бейль, Никола Мальбранш, Христиан Вольф, Мэтью Тиндаль и др.

Живо интересовался деятельностью «Общества Иисуса» в Китае Лейбниц, переписывавшийся и лично общавшийся с Гримальди, Вержю, Бувэ и др. Через них немецкий философ, в частности, познакомился с трактатом «И-Цзин», неправильно истолковав который, он создал комбинаторику и двоичную логику, став, таким образом, предтечей компьютерной революции. Особые надежды Лейбниц возлагал на Петра I, государя великой державы, которой надлежит стать мостом в Китай для выполнения там торговых и просветительских миссий.

Еще одним важным заимствованием из Китая стала введенная в некоторых германских государствах и во Франции система аттестации чиновников посредством экзаменов. Эта система вызывала восхищение даже у таких завзятых «западников», как Гегель: «Все считаются равными, и в управлении принимают участие только те, у кого есть способность к этому. Таким образом, сановниками назначаются только научно образованнейшие лица. Поэтому на китайское государство часто указывали как на идеал, который должен был бы даже служить образцом для нас» [5, с. 166].

Пользовались европейцы и китайскими изобретениями, заимствованными, впрочем, опосредованно – через арабов, монголов и даже Россию. В то время, когда европейцы утратили всякие связи со странами дальней Азии, активное взаимодействие с ними вели арабы, которым были хорошо известны сухопутные и морские пути в Индию и Китай. Арабы вели с китайцами успешные войны и развивали экономические связи, перенимая важнейшие изобретения, в том числе бумагу, компас, порох и пр. Именно через арабов они попали к европейцам.

Ряд других изобретений добрались до Европы иными путями. Например, технология книгопечатания наборным шрифтом шла через уйгуров из Синьцзяна на Кавказ, а оттуда в Малую Азию и в Александрию.

В период, когда осуществлялась экспансия китайского интеллектуального продукта в халифат и далее в Европу (VIII–XIII века), Поднебесная представляла собой могущественную державу, не только обладающую самой крупной в мире экономикой, но и чрезвычайно развитую в культурном и техническом отношении. Помимо перечисленных технологий, Китай располагал эффективным сельским хозяйством, позволяющим собирать два-три и более урожаев в год, высокоразвитой механикой, высокоэффективной метеорологией. В стране возводились грандиозные ирригационные и гидротехнические сооружения; на тысячу лет раньше, чем в Европе, возникло здесь литейное дело, а промышленное использование угля в плавильном производстве началось раньше на 1300 лет – в III веке. Еще в Ханьскую эпоху (две тысячи лет назад) китайцы познакомились со свойствами нефти. Китайское происхождение имеет и ракетная техника, причем использовалась она не только для фейерверков, но и в качестве оружия (в 1232 году с помощью пороховых ракет оборонялись от монголов жители осажденного Пекина).

На многие столетия опередили европейцев китайские математики (значение числа π они установили еще III–II веках до н.э., а отрицательные числа, которые вошли в европейскую алгебру лишь в Средние века, были известны в Срединной империи уже в начале нашей эры). Поразительны и успехи китайской медицины. Анестезия впервые стала применяться здесь свыше двух тысяч лет назад, а оспопрививание распространилось еще в догомеровские времена (в Европе – в начале XVIII века). Именно китайцы первыми стали проводить операции на сердце и составлять обширные систематизированные фармакопеи¹.

¹ О вкладе Китая в мировую науку и технику подробнее см., напр.: [12; 11 и др.].

Основательно изучивший данную проблему Джозеф Нидэм приводит в своем фундаментальном труде «Наука и цивилизация в Китае» список из нескольких десятков принципиальных изобретений только в области механики, приоритет в которых принадлежит китайцам (табл. 1), при том что изобретений, появившихся на Западе раньше, чем в Китае, он нашел лишь четыре – винт, нагнетательный насос для жидкостей, коленчатый вал и часовой механизм (табл. 2) [22, р. 242–243].

Таблица 1

Передача технологий из Китая на Запад

Технология	Количество веков до появления на Западе
Цепной насос с квадратными лопатками	15
Дробильные валки для измельчения материала	13
– с использованием силы воды	9
Воздуходувные машины в металлургии, использование силы воды	11
Роторный вентилятор и роторная веялка	14
Поршневые кузнечные мехи	ок. 14
Ленточный ткацкий станок	4
Банкоброш для выравнивания нити на бобинах при прядении шелка и использование силы воды в прядильном производстве	313
Тачка	9–10
Парусник	11
Передвижная мельница	12
Эффективная упряжь для тягловых животных:	
– грудной ремень	8
– хомут	6
Арбалет	13
Воздушный змей	ок. 12
Вертолетный винт (вращаемый при помощи шнура)	14
Зоотроп (движимый восходящим потоком горячего воздуха)	ок. 10
Глубокое бурение	11
Чугун	10–12
Карданный подвес	8–9
Арочный мост	7
Цепной подвесной мост	10–13
Шлюзные ворота каналов	7–17
Принципы конструирования морских судов (водонепроницаемые переборки и т.д.)	> 10
Ахтерштевень	ок. 4
Порох	5–6
Применение пороха в военном деле	4
Магнитный компас:	
– намагниченная ложка	11
– с иглой	4
– металлический портативный	2
Бумага	10
Книгопечатание:	
– ксилография	6
– подвижный (наборный) шрифт	4
– металлический подвижный (наборный) шрифт	1
Фарфор	11–13

Таблица 2

Передача технологий с Запада в Китай

Технология	Количество веков до появления в Китае
Винт	14
Нагнетательный насос для жидкостей	18
Коленчатый вал	3
Часовой механизм	3

Исследуя влияние Поднебесной на европейскую культуру, китайский философ Чжу Цяньчжи (朱謙之) пришел в середине XX века к выводу, что оно фундаментально недооценено. По его мнению, именно китайские заимствования оказались главным стимулом к формированию современной западной цивилизации. Так, европейский Ренессанс был порожден «четырьмя великими изобретениями» – бумагой, печатным делом, компасом и порохом; китайская философия лежит в основе германского монархического либерализма и французской революционной идеологии, она сформировала взгляды Вольтера, Гольбаха, Монтескьё, Дидро и даже Гегеля, как известно, призывавшего навсегда вычеркнуть восточную мысль из истории философии.

Теория Чжу Цяньчжи представляется весьма интересным образчиком критики пресловутого европоцентризма, от которого, пожалуй, больше всех досталось монголам. В просвещенной Европе им принято было отказываться в какой-либо цивилизованности, монголов представляли стихийной разрушительной толпой варваров. Такими их рисовал и Гегель. По его словам, обычно они влачат бессмысленное патриархальное существование, однако «часто они собираются большими массами и благодаря какому-нибудь импульсу приходят в движение. Прежде мирно настроенные, они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения. ...Они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала» [5, с. 134–135]. Эта трактовка жива в западной историографии до сих пор, хотя даже беглое изучение вопроса показывает, что монгольская цивилизация во многих аспектах превосходила современную ей европейскую.

Захватив в XIII веке Китай, монголы заимствовали у покоренного народа многие блага цивилизации, однако и сами дали ему немало нововведений, одним из которых была ямская система коммуникаций. Именно на эффективности транспортной и почтовой службы во многом основывалось величие стомиллионной империи Хубилая, простиравшейся от берегов Днепра до Желтого моря. Система почтовых станций (ямов), на каждой из которых всегда стояли наготове до нескольких сотен лошадей, позволяла стремительно доставлять важные донесения на значительные расстояния (до 500 км в день). Скоростной обмен сообщениями связал многочисленные территории в единый механизм, легко управляемый из центра через передаточные звенья – бюрократию.

Настаивая на высочайшей эффективности системы управления, внедренной монголами на покоренных территориях, выдающийся русский востоковед академик Василий Бартольд решительно опроверг западнический миф о монголах как о дикой бессистемной орде. «Монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, – настаивал он. – Везде вы видите после монголов большую политическую устойчивость, чем до монголов. ...Московского царства не могло появиться без монгольского

ига. ...То же самое произошло в Китае, несмотря на его старые традиции. До монголов китайское государство часто распадалось на отдельные части, и даже в момент завоевания монголами было разделено на два государства. Но после монголов, вплоть до новейшего времени, Китай составлял одно целое. Вообще в странах от России до Китая мы видим больше политической устойчивости после монголов, чем до них, на что, конечно, оказала влияние их система управления» [3, с. 719–720].

Не случаен вектор политической деятельности русских князей, направленный в те годы не на Европу, а на Орду как на более эффективное и развитое государство (русские князья и представители духовенства часто совершали путешествия ко двору великих ханов, годами жили в Орде). Какую страну в XIX веке мы назовем развитой – у которой есть железные дороги или у которой их нет? Какую страну мы назовем развитой в XX веке – у которой есть Интернет или у которой его нет? Ответ очевиден. То же и с монгольской империей XIII–XIV веков, обладавшей эффективнейшей на тот момент технологией связи, которая со временем стала достоянием возрождающейся России. «Продолжительное владычество татар – это величайшей важности событие, – утверждал Петр Чаадаев. – Оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогло ей развиться и созреть» [20, с. 161].

По мнению Бартольда, дольше всего монгольские традиции отражались на русской внешней политике и на посольском церемониале. После исчезновения или ослабления Орды на русского царя отчасти была перенесена монгольская государственная идея; его стали называть «великим беком, белым ханом» [2, с. 364]. В XV веке Россия начала движение на Восток, стремясь подчинить себе области распавшейся монгольской империи. В 1483 году состоялся первый русский поход на Сибирь. А несколько ранее (1466–1472) состоялось первое русское путешествие в Индию – знаменитое «хождение за три моря» Афанасия Никитина, не принесшее коммерческого успеха (индийские товары оказались неподходящими для России), однако расширившее знания русских о таинственном Востоке. Следующее путешествие в Индию состоялось уже при Петре I, однако миссия Семена Маленького (1696) тоже не привела к открытию торговли.

Успешнее были действия в Сибири и на границе с Китаем, которые велись казаками. Первым русским послом к пекинскому двору стал Иван Петлин (1618), привезший в Тобольск китайскую грамоту, прочесть которую, однако, там никто не мог.

Активные попытки установить дипломатические и, как следствие, торговые отношения с Пекином начались после походов Ерофея Хабарова, Афанасия Пашкова и других, приведшие к освоению Приамурья и расширению влияния на Маньчжурию. Эпопея мирного завоевания Сибири, когда многие из языческих народов охотно принимали православие и русское подданство, не имела прецедента во всемирной истории. Ясак в виде пушнины, который они выплачивали в казну, был необременительным. Казаки и стрельцы обучали аборигенов земледелию, учили строить теплое жилье, снабжали железными орудиями труда и оружием для охоты. В Сибири и на Дальнем Востоке возникли первые русские остроги – крепости с гарнизонами, защищавшие как русское, так и аборигенное население от набегов чужаков. В результате экспедиций Дежнева, Хабарова, Атласова, Пояркова и других первопроходцев к российскому государству была присоединена огромная территория, охватывающая весь северовосток Евразии.

Вместе с тем официальные посольства, отправленные в Пекин во второй половине XVII века, трудно назвать успешными, что было связано со специфической китайской придворной этикетой. Чиновники из «Ведомства церемоний» за-

ставляли прибывающих из разных стран, в том числе и из России, посланцев зарубежных «вассалов» тщательно репетировать, а затем неоднократно – перед грамотой императора, при въезде в пределы империи, перед передними (южными) воротами дворца, перед пустым тронном и, наконец, во время аудиенции императора – исполнять обряд коленопреклонения. В случае невыполнения ритуала провинившихся дипломатов высылали из страны. Так было, например, с боярским сыном Федором Байковым, прибывшим в Пекин в 1665 году и отказавшимся исполнить обряд *коуту*, дабы «царской чести не порушить» – вместе с посольством он был вынужден уехать, не повидав императора, и увезти обратно свои подарки [7, с. 128–131].

Не намного более удачной оказалась и миссия Николая Спафария (1676), также уехавшего ни с чем, однако привезшего в собой познавательнейший и выдающийся в литературном отношении «статейный список» о своем путешествии, содержащий массу сведений о еще неведомом и таинственном Китае [17].

С воцарением Петра I внешняя политика государства концентрируется на западном направлении. Именно с этим связано заключение в 1689 году Нерчинского договора, по которому к Китаю отходил ряд российских территориальных приобретений, в том числе Приамурье, а основанная Хабаровым героическая крепость Албазин подлежала уничтожению. Нередко Нерчинский договор трактуют как политический провал России, объясняют его военной слабостью нашей страны на Дальнем Востоке. Однако русские имели в то время подавляющее военное превосходство над Цинской империей (казачьи отряды добивались побед даже при двадцатикратном численном перевесе маньчжуров). Территориальные же уступки объясняются сугубо прагматическими мотивами: взамен утраченного Приамурья Россия получала право на регулярную (и сверхприбыльную) торговлю с Китаем, обладавшим огромным рынком.

Первый казенный караван был отправлен из России в 1693 году. В 1715 году в Пекине была открыта Духовная миссия – посольство России в Китае. В 1727 году был подписан Кяхтинский договор, по которому на русско-китайской границе создавался торговый центр поистине грандиозного масштаба. Оборот торговли через Кяхту достигал 16 млн руб., что превышало 10% всего внешнеторгового оборота России.

В конце XVII – начале XVIII века Россия «открыла» Японию. К тому же времени относятся первые соприкосновения России и Японии на Курильских островах и Хоккайдо. Экспедиции И. Козыревского (1711), И. Евреинова и Ф. Лужина (1719), М. Шпанберга (1738–1739) способствовали планомерному освоению этих территорий. К 1779 году значительная часть коренного населения Курил и Хоккайдо приняла российское подданство и указом Екатерины II была освобождена от всех податей. В «Пространном землеописании Российского государства» 1787 года в список принадлежащих России территорий были включены Курильские острова вплоть до острова Хоккайдо, статус которого не был определен, так как Япония имела город в южной его части. Японцы проникли на эти земли лишь в конце XVIII – начале XIX века, практически уничтожив коренной народ. «Начавшаяся в 1880-е гг. активная колонизация японцами привела не только к почти полной утрате их языка и культуры, но и значительному сокращению численности самого народа. В настоящее время айнов осталось не более 15–20 тысяч» [14, с. 14].

В XVIII–XIX веках из всех стран Старого Света наиболее тесные сношения с Китаем имела Россия. Торговля Европы с Китаем была, по сути, односторонним процессом: вывозя из Поднебесной предметы роскоши (шелк, чай, фарфор, лаки, гобелены и прочие элементы модного в те времена стиля *шинуазри* / *chinoiserie*), европейские страны ничего не могли предложить взамен самодостаточной экономике Китая, что обусловило колоссальный по масштабам отток

серебра. Вплоть до середины XIX века внешнеторговое сальдо было абсолютно в пользу Китая, пока англичане не нашли, наконец, товар для коммерческой экспансии на китайский рынок, посадив страну на опиум (в конце XIX века наркотики составляли 30% китайского импорта).

Одновременно с развитием отношений с Россией в XVIII – середине XIX века неуклонно сворачивались связи между Китаем и Западом. «С концом XVIII в. кончается и “флирт Европы с Китаем”, – свидетельствует видный российский китаевед Ольга Фишман. – Облик Китая потерял свое экзотическое очарование. Философы больше не оправдывали свой деизм обращением к Конфуцию; политические теоретики и экономисты перестали пропагандировать китайскую систему правления; даже китайское искусство уже не влекло к себе: взор, заново настроенный на классицистическую строгость, не мог теперь наслаждаться прихотливой и хрупкой прелестью китайских изделий. .. Возрождение греко-римской древности в интеллектуальной жизни Европы, развитие естественных наук и техники, колониальная экспансия, основывавшаяся на превосходстве технологии и военного искусства, – все это сыграло свою роль в европоцентризме, возникшем в это время» [19, с. 521–523].

И процесс этот был обоюдный. В 1757 году цинские власти закрыли четыре из пяти портов, ранее открытых для европейской торговли. В 1773 году была запрещена деятельность иезуитов. Эти события традиционно трактуются в западной историографии как «политика самоизоляции» Китая, однако никакой самоизоляции, конечно, не было, поскольку, сокращая взаимодействие с Западом, Китай активно развивал связи с Россией.

Апогей этой активности приходится на вторую половину XIX – начало XX века. В 1858 году был подписан Айгуньский договор, вернувший России часть Приамурья, в 1860 году – Пекинский договор, по которому России передавался Уссурийский край и ряд льгот на территории Китая. В 1896 году был заключен Московский договор о союзе России и Китая против Японии, в том числе предоставивший России право на постройку железнодорожной магистрали через Маньчжурию (КВЖД), ставшую мощным фактором утверждения нашей страны как тихоокеанской державы. В 1898 году была подписана конвенция об аренде Россией портов Порт-Артур и Дальний, по сути, превращавшихся в российские военно-морские базы. В том же году был заложен Харбин – ярчайший символ российско-китайского сотрудничества. Размах строительства этого города был таким, что его сравнивали со стремительно растущими американскими городами. Всего за несколько лет он превратился в настоящий мегаполис, расположенный на перекрестке водных, сухопутных, железных и торговых дорог и, подобно Дикому Западу, привлекавший пассионариев со всей Российской империи.

Даже в условиях военных соприкосновений с Россией (как было, например, во время Боксерского восстания 1900 года, когда русские войска вошли в захваченный мятежниками Пекин), местное население относилось к нашей стране весьма благодушно: в северном соседе жители Поднебесной видели воплощение конфуцианского принципа справедливости, в отличие от Запада, строящего свою политику по отношению к Китаю на хищничестве и неуважении к традициям.

И это неудивительно, ведь в течение всей второй половины XIX века Запад усиленно превращал Китай из великой еще недавно державы¹ в практически бес-субъектное пространство, колонию империалистических держав, разделивших ее на сферы влияния. Отвечая на вызов эпохи, правящая элита инициировала так

¹ К началу XVIII века у Китая была самая крупная экономика в мире, страна с населением 200 млн человек занимала ведущие позиции в мире и по уровню жизни, и по военной мощи.

называемую политику самоусиления, лозунгом которой стал тезис «китайская мудрость для фундаментальных принципов, западная мудрость для практического использования» (*диюнь, 体用*), выдвинутый видным сановником-реформатором того времени Чжан Чжидуном. Кроме прочего, это означало заимствование (в духе древних легистов) Китаем у Европы того, что наиболее наглядно определяло преимущество европейцев, а именно – материальную составляющую западной культуры, прежде всего вооружение и технику двойного и гражданского назначения.

Кроме того, в среде китайской интеллигенции стал проявляться интерес к различным европейским учениям. Ряд китайских ученых и либеральных политиков (Вэй Юань, Ху Ши, Янь Фу, Лян Цичао, Кан Ювэй и др.) выступили с проектами заимствования Китаем западной демократии и движению по западному пути, превосходя в своем самобичевании даже самых отпетых российских либералов сегодняшнего дня. «Беда Китая не в том, что он утрачивает свою национальную сущность, а в том, что ее пытаются сохранить, – утверждал, например, философ Ху Ши. – Китай уступает странам Запада не только в материальном и теоретическом отношении, но и стоит ниже других стран в сфере морали, науки, литературы, искусства, музыки. Даже в физическом здоровье мы уступаем людям Запада» [цит. по: 1, с. 132].

С либеральными реформаторами нещадно полемизировали социал-демократы во главе с Сунь Ятсеном, доказывавшие, что Китай должен идти по особому пути развития, отличному от западного, который, по их мнению, является единственным источником имущественного неравенства и социальных конфликтов. В качестве идеала будущего они рассматривали социализм, для построения которого, однако, в Китае пока не существует объективных условий. Таким образом, путь к социализму должен вести через формирование капиталистических отношений. «Моя идея, – писал Сунь Ятсен, – состоит в желании использовать иностранный капитал для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономические формы, двигая человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации» [18, с. 189].

Одновременно развивалось и радикальное революционное движение, представители которого не верили в теорию «мирного перерождения» Китая и рассматривали в качестве способа социальной трансформации политическую революцию. Подобно реформаторам, они обращались в поиске путей политического переустройства своей страны к западным учениям, в том числе к теориям немарксистского социализма, анархизму и марксизму. Впервые небольшой отрывок из Маркса был опубликован на китайском языке в 1903 году. Однако настоящим толчком к распространению марксизма в Китае стала Октябрьская революция. «Китайцы обрели марксизм благодаря русским, – писал впоследствии Мао Цзэдун. – Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм... Идти по пути русских – таков был вывод» [13, с. 292–293].

Из всего богатого спектра марксистских течений интерес китайской интеллигенции привлекло лишь одно – послефевральский ленинизм, ядром которого являлась концепция перманентной революции. Этому в значительной степени способствовала прямая теоретическая и практическая помощь китайским революционерам со стороны партии Ленина и Коминтерна, а также Советского государства в первые годы после Октябрьской революции. Таким образом, марксизм начал восприниматься в Китае сквозь призму большевистского опыта, оказавшись своего рода «двойной производной» от «классического» марксизма.

Позднее марксизм в его китайском варианте трансформировался в маоизм: через рецепцию сталинской теории социалистической государственности Мао Цзэдун осуществил преодоление господствовавших в раннем китайском марксизме троцкизма и послефевральского ленинизма. Именно в этом виде

китайский марксизм уже в 1960-х годах был воспринят западными «левыми» интеллектуалами, в том числе Жаном-Полем Сартром, Мишелем Фуко, Юлией Кристевой. Искренне считая председателя Мао преемником революционной философии Маркса, напрочь догматизированного «обуржуазившимися Советами», они сознательно забывали о подлинных источниках маоизма¹.

Таким образом, как можно заметить, советский марксизм оказал решающее влияние на господствующую и ныне в Китае идеологию маоизма. Прочие западные идеологии в Поднебесной оказались неспособны сцементировать китайское общество и не прижились, несмотря на то, что Китай традиционно считал себя «морем, вбирающим в себя все реки».

Отношения СССР и Китая в XX веке были крайне неровными – от абсолютно союзнических при Сталине («русский с китайцем – братья навек») до совершенно враждебных – после событий на Даманском и Жаланашколе. Однако все это время взаимопроникновение культур было, пожалуй, беспрецедентным. В 1950-х годах в Советском Союзе были изданы чуть ли не все китайские классики, а в Китае, соответственно, русские. Даже в условиях охлаждения отношений с Китаем публиковались современные переводы древних китайских философов [8], которые вызвали широкую волну увлечения Древним Китаем. Многие песни популярнейшего Бориса Гребенщикова пестрят цитатами из указанного сборника. Огромное влияние восточной культуры испытали Григорий Чхартишвили, Виктор Пелевин и другие писатели и мыслители, имеющие сегодня решающее влияние на российскую культуру.

Китайская, японская, индийская темы были модны и востребованы в XX веке не только в России, но и на Западе. В частности, это касается буддизма, даосизма, ряда индуистских сект, йоги, аюрведы, а также традиций китайского чаепития, икебаны, оригами и боевых искусств. Сотни тысяч россиян, увлекающихся карате, дзюдо, айкидо и т.п., вместе с приемами борьбы воспринимают восточную философию отношения к жизни, кодекс чести, этику взаимоотношений с ближними.

Но, возможно, гораздо важнее для современной России изучение не модных обычаев чаепития и школы Брюса Ли, а опыта Дэн Сяопина.

Важно иметь в виду, что Китай, вроде бы как открытый в последние годы к западной культуре, сохранил не только свою традиционную идентичность, но и идеологию, доставшуюся по наследству от Советской России. Учение Мао Цзэдуна не было отброшено, подобно учению Маркса – Ленина в России, в эпоху широких политических и экономических реформ Дэн Сяопина, оставшись фактором, в значительной степени определяющим как внутреннюю, так и внешнюю политику этой могущественной державы, и сам образ поведения китайской цивилизации на мировой арене.

К началу дэнсяопиновской модернизации КНР представляла собой страну, совершенно подорванную «Великим скачком» и «культурной революцией». В Китае недоедало 80% населения, лишь треть взрослых умела писать и читать. Одна и та же одежда носилась от поколения к поколению, а символом благополучия служили велосипед и наручные часы. Страна страдала от чудовищных неурожаев, во время которых вымирали сотни тысяч человек и даже отмечались случаи каннибализма.

В результате проведенных под руководством Дэн Сяопина блестящих экономических реформ уже через десять лет народ перестал голодать и бедствовать. Темпы роста ВВП в КНР в 1979–2002 годах составили более 9% в год, в два раза выше, чем за предыдущие тридцать лет [15, с. 11].

Однако уже к середине-концу 1980-х годов на фоне первых успехов китайской экономики Америка активизировала идеологический прессинг про-

¹ Характерно, что количество цитат из Маркса и Энгельса в произведениях Мао абсолютно мало по сравнению с выдержками из традиционной китайской литературы и работ Сталина – всего только 4% общего количества цитат.

тив КНР, понимая, что своего возрождения Китай добился на пути социалистического развития. Как и в случае с СССР, Вашингтон сделал ставку на то, чтобы сокрушить китайскую крепость изнутри. В том числе за счет мушкетирования вопроса о нарушениях прав человека в КНР, поощрения сепаратизма в Синьцзяне и Тибете, навязывания концепции «мирной эволюции», создания и финансирования некоммерческих организаций, активного вещания на КНР западных радиостанций и пропаганды американских духовных и материальных ценностей.

Как и в СССР, политическая перестройка в Китае шла на фоне мощного движения против существующего режима. Претензий к нему у китайцев было немало. Страна была буквально истерзана экономическими экспериментами Мао, в ней лишь недавно закончилась «культурная революция», являвшаяся, по сути, новой гражданской войной. Элиты КНР были истощены репрессиями¹. Китай не имел веса на международной арене, круг его союзников исчерпывался Албанией и Пакистаном. В середине 1980-х годов опросы свидетельствовали, что более половины молодых пекинцев утратили доверие к правительству.

Насколько опасен оказался для Китая таран либерализации, подкрепленный «стихийным либерализмом», можно судить по событиям в Пекине в мае-июне 1989 года, когда партии удалось «удержать ружье в своих руках» лишь за счет жестокого подавления мятежа на площади Тяньаньмэнь. Тяньаньмэньские события Дэн Сяопин охарактеризовал так: «Капитализм намеревается, в конечном счете, одержать победу над социализмом. В прошлом он пытался осуществить это с помощью оружия, атомной и водородной бомбы, что вызвало отпор со стороны народов мира. Теперь он прибег к мирной эволюции» [9, с. 409]. Идеи «мирной эволюции» от социализма к капитализму споткнулись о «четыре основных принципа», сформулированных Дэн Сяопином в 1982 году. Этих принципов (придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, руководящей роли партии, а также марксизма-ленинизма и идей Мао) руководство КНР придерживается и по сию пору.

Сохранив основы своего строя, КНР, по сути, спасла себя от неминуемого распада. Этой участи в похожих условиях другому великому государству – Советскому Союзу – избежать не удалось. Пытаясь дестабилизировать КНР по схеме, успешно применявшейся в СССР, американская разведка пошла в конце 1980-х годов по неэффективному пути. Ставка на «раскачивание» ситуации через создание демократических организаций и на формирование агентуры влияния в высших государственных и партийных органах КНР привела к большим финансовым затратам и закончилась провалом.

Очевидно, идеологический фактор оказался на рубеже 1980–1990-х годов решающим для сохранения политического status quo в КНР. Сохранение социалистического строя, пусть даже насильственными методами, обеспечило и сохранение территориальной целостности и, безусловно, способствовало экономическому подъему страны.

Итак, мы можем предложить для обсуждения несколько важнейших, на наш взгляд тезисов.

1. Миф об отсталости Востока и односторонности цивилизаторских процессов породили слабая информированность о восточных цивилизациях и культурно-политическая предвзятость.

2. Древнейшее проникновение на Восток индоевропейской культуры фиксируется на основании археологических, этнолингвистических исследований,

¹ Чего стоит лишь тот факт, что в высшем руководстве КПК не было ни одного человека, который не был бы репрессирован в те годы (всего же, по сведениям, опубликованным «Жэньминь жибао», за десять лет «культурной революции» в Китае пострадало около ста (!) миллионов человек).

а также методов ДНК-генеалогии в районе II тыс. до н.э. Индийские Веды структурно и содержательно сходны с другими индоевропейскими источниками, от Авесты до греческих теогоний и «Голубиной книги». Общение между Западом и Востоком, взаимообогащение культур и взаимовлияние на идентичность народов было куда более древним, чем свидетельствует историческая память.

3. В обозримом историческом прошлом влияние китайской культуры на европейскую началось задолго до начала постоянных контактов Китая и Запада – через арабов, Кавказ и Русь. Китайские изобретения послужили материальной базой европейского Ренессанса, а китайская философия легла в основу политических преобразований в Европе и революционных открытий в науке.

4. В XVIII–XIX веках из всех стран Старого Света наиболее тесные сношения с Китаем имела Россия. Тезис о том, что, гранича с дальневосточными странами «на самых дальних наших рубежах», мы и взаимоотношения выстраивали с ними, так сказать, по остаточному принципу, не выдерживает критики.

5. «Политика самоизоляции» Китая – миф, придуманный европейцами для оправдания своей нерациональной политики по отношению к Поднебесной.

6. Государственная идеология современного Китая имеет российское происхождение, представляя собой модифицированный российский марксизм.

7. Союз «Россия – Восток» в разных формах, от ШОС до Евразийского союза – не конъюнктурное образование, оно имеет под собой серьезную культурно-историческую основу, а значит, и большое будущее.

Литература

1. *Асланов Р.М.* Китайская модель социализма: экономическая эффективность или социальная справедливость? // Коммунистическая партия Китая: История и современные проблемы: К 80-летию Коммунистической партии Китая. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001.
2. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1977. Т. IX.
3. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Издательство восточной литературы, 1963. Т. II. Ч. 1.
4. *Вольтер.* Несведущий философ // *Вольтер.* Философские сочинения. М.: Наука, 1988.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука. 1993.
6. *Гюго В.* Человек, который смеется // *Гюго В.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 10.
7. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петелина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966.
8. Древнекитайская философия: Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1; 1973. Т. 2.
9. *Дэн Сяопин.* Избранные произведения (1982–1992). Пекин, 1994. Т. 3.
10. *Клёсов А.А., Тюняев А.А.* Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М.: Белые альвы, 2010.
11. *Крюгер Р.* Китай. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008.
12. *Мао Цзо бэнь.* Это изобретено в Китае. М.: Молодая гвардия, 1959.
13. *Мао Цзэдун.* О демократической диктатуре народа: К 28-й годовщине основания Коммунистической партии Китая // *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае: Статьи и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002.
14. Омская сенсация: Серия акварелей Бёзана Хирасавы «Жизнь и обычаи айнов». М.: Издательская программа «Интерроса», 2008.
15. Перспективы Китая: Научный доклад ИПМИ № 1. М.: Институт прикладных международных исследований, 2003.
16. *Сверчков Л.М.* Тохары: Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMIASIA, 2012.
17. *Спафарий Н.М.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
18. *Сунь Ятсен.* Программа строительства страны // *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М.: Наука, 1964.

19. *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
20. *Чаадаев П.Я.* Письмо А.И. Тургеневу (август – ноябрь 1843 г.) // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 2.
21. *Чаадаев П.Я.* Философические письма: Письмо шестое // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 2.
22. *Needham J.* Science and Civilization in China. Cambridge Univ. Press, 1954. Vol. 1.
23. *Sharma S., Rai E., Sharma P., Jena M., Singh S., Darvishi K., Bhat A.K., Bhanwer A.J.S., Tiwari P.K., Bamezai R.N.K.* The Indian Origin of Paternal Haplogroup R1a1* Substantiates the Autochthonous Origin of Brahmins and the Caste System // Human Genetics. Vol. 54 (2009). P. 47–55.

Аннотация. В статье констатируется, что общение между Западом и Востоком, взаимообогащение культур и взаимовлияние идентичностей народов было куда более древним, чем свидетельствует историческая память. При этом влияние китайской культуры на европейскую началось задолго до начала постоянных контактов Китая и Запада. Китайские изобретения послужили материальной базой европейского Ренессанса, а китайская философия легла в основу политических преобразований в Европе и революционных открытий в науке. В XVIII–XIX веках из всех стран Старого Света наиболее тесные сношения с Китаем имела Россия. Политика же самоизоляции Китая – миф, придуманный европейцами для оправдания своей нерациональной политики по отношению к этой стране. При этом государственная идеология современного Китая имеет российское происхождение, представляя собой модифицированный российский марксизм.

Ключевые слова: индоевропейцы, взаимовлияние культур, российско-китайские отношения, история Китая, история России, китайские реформы.

Oleg Matveychev, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of Practical Philosophy, Faculty of Philosophy, Higher School of Economics (National Research University).
E-mail: matveyol@yandex.ru

Russia and China: How Bridges have Been Built

Abstract. The article assumes that the dialogue between the East and the West, the mutual enrichment of cultures and the mutual impact on the identity of the peoples goes back further in history, than historical evidence shows. The influence of the Chinese culture on the European one was visible long before the establishment of relations between China and the West. Chinese inventions formed the material basis of the European Renaissance and the Chinese philosophy laid the foundation for political change in Europe and the revolutionary scientific discoveries. In the 18th-19th centuries Russia had the closest ties with China of all the countries of the Old World. China's self-isolation policy is a European myth to justify its irrational policy towards this country. The state ideology of modern China is of Russian origin, as it is modified Russian Marxism.

Keywords: Indo-Europeans, Mutual Culture, Russian-Chinese Relations, Chinese History, Russian History, Chinese Reforms.

Л.В. Поляков. Спасибо, Олег Анатольевич, за несколько парадоксальных тезисов. Думаю, покойный Владимир Сергеевич Соловьев радуется сейчас, слыша ваши слова о том, что есть единое человечество и что оно было всегда. Это один из ключевых тезисов, характерных для русской философской мысли, которую вы сейчас воспроизвели с помощью ДНК-генеалогии и прочих новейших инструментов. Но, в общем, если дей-

ствительно картина такова, то значит наши усилия во многом втуне. Ведь мы пытаемся как бы заново создавать нечто, убеждать друга друга в том, что не Запад есть Запад, а Восток есть Восток, а наоборот, что, может быть, Восток есть Запад, а оказывается, так давно все и было. Давайте попробуем послушать теперь другую сторону, что называется *altera pars*, в лице Егора Станиславовича Холмогорова.

Почему Россия не Азия*

Место России в Азии, ее взаимоотношения с Востоком, находятся в плену коварных омонимий. Несомненно, с точки зрения чистой географии, Россия есть держава азиатская ровно в той степени, в которой в Азии находится большая часть ее территории. Однако есть Азия и Азия. С чисто географическим представлением сопряжен определенный культурный и оценочный комплекс, соединяющий вместе самые разные цивилизации и противопоставляющий их Европе.

Отыскивая Европу в Азии

С понятием о Европе у нас традиционно связываются персонализм, рационализм, сциентизм, капитализм, инновации и демократия. С понятием об Азии – холизм, интуитивизм, мистицизм, попытки так или иначе этически ограничить капиталистическую рациональность и, в той или иной степени, совместить заимствованные инновации с традицией, а связанные с Европой права человека и гражданина – с правами общества как целого и власти как определенного трансцендентного принципа.

При этом сравнении «азиатскому» сплошь и рядом выставляется более низкий балл по сравнению с «европейским». Тем самым выбор между Европой и Азией является не только ценностным, но и оценочным. Быть «европейцем» даже и сегодня вопрос самооценки, вопрос престижа. И это связано с тем, что, несмотря на блестящие достижения Азии в последние десятилетия, все же достижения преимущественно в европейских (включая, разумеется, американские) практиках.

Экономическое чудо Японии, удивлявшее во второй половине XX века, базировалось на достижениях европейской науки и техники и европейских же экономических концепциях Фридриха Листа и Йозефа Шумпетера. То, что японцам удалось совместить европейские технологии и свою традиционную этику, лишь подчеркивало неустранимость «европейского» из этого синтеза. Японским, а стало быть и европейским, путем пошли другие страны АТР.

И вот уже на наших глазах вырос новый экономический гигант – Китай, в котором правит партия, выбравшая в качестве основы выработанный в Европе (включая Россию) марксизм, оказавшийся в известном смысле «Фридрихом Листом для бедных». Марксизм не имел бы и половины своей привлекательно-

* Расширенная версия статьи, опубликованной в информационном бюллетене Форума «Бердяевские чтения» «Самопознание» (2015. № 5).

Холмогоров Егор Станиславович, публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники». E-mail: natapa@ya.ru

сти в третьем мире, не будь в него встроен индустриализм, листовское учение о развитии производительных сил, производственных отношений. Китайская индустриализация – это достижение одной европейской теории, пересказанной в рамках другой европейской теории, и базируется она на результатах европейской науки и «революции прилежания», приближающей стандарты «азиатского» труда к западному.

Современные достижения Азии, как бы нам ни хотелось верить в обратное, говорят скорее в пользу Европы. Преуспев в производстве, потреблении, накоплении, даже изобретении, Азии не удалось и по сей день создать систему инновационных толчков, которая свидетельствовала бы о реальном переходе экономического лидерства.

Хотя на примере конкуренции двух электронных гигантов “Samsung” и “Apple” мы наблюдаем другой любопытный процесс – самоподавление западных, слишком оригинальных инноваций ради того, чтобы приблизиться к более усредненной, но в силу этого и более конкурентоспособной форме. Еще не выбравшись в полной мере из плена вторичности, Азия уже берет числом, побеждая за счет отдачи от масштаба.

Но где место России в этом соревновании Европы с ее отражением? Россия ощутимо преуспела в ранней европеизации и модернизации, усвоив прежде всего не технологии и институты, но сами принципы функционирования европейской цивилизации Нового времени – научный рационализм и инновационность. Военные и технические победы России XX века даже заставили Запад на секунду усомниться в нерушимости своего лидерства.

Однако собственную версию рецепции европейских ценностей Россия выработала более трех столетий назад и с тех пор находилась скорее перед обратной проблемой – как бы отыскать собственные органические цивилизационные начала, чтобы избавиться от мучительной культурной шизофрении.

Там, где страны Азии решали задачу вестернизации, или же «модернизации без вестернизации», там Россия как минимум с середины XIX века решала задачу собственной девестернизации, но при этом такой, которая бы сохранила достигнутые в нашем европеизме ключевые преимущества – прежде всего способность к научному поиску и генерированию инноваций.

Движение в славянофильском направлении, становившееся всё более решительным на переломе XIX–XX веков, было весьма эффективным, однако затрагивало лишь тонкую пленку на поверхности необъятной крестьянской стихии, а потому внезапно сменилось катаклизмом Революции, причудливо соединившей чисто западную идеологию и клочкотание народных хилиастических сектантских форм. Но наибольших успехов в девестернизации, нельзя не признать, мы достигли на пути бескомпромиссного западничества конца прошлого столетия, когда Россия переместилась в список не самых развитых стран третьего мира, некоторым образом «победив» европейскую науку, медицину, образование, социальную политику. И всё это под лозунгом ускоренной интеграции с Западом. Нельзя не признать, что самое отчаянное славянофильство было бы «более лучшим» способом сохранения результатов трехсотлетней вестернизации, нежели российское западничество.

В итоге мы оказались в парадоксальном для себя контексте. Мы обречены на догоняющую модернизацию. Но догоняем уже не Европу и Америку, а Азию. Мы ищем родства, диалога и даже союза с Азией. Но ищем их на самом деле не в том, в чем Азия – это Азия, а в том, в чем Азия – это Европа. Мы хвалим трудовую конфуцианскую этику, а на самом деле завидуем внешнеторговому обороту, хвалим мудрую политику политической преемственности, а на самом деле восхищаемся умением привлекать инвестиции и распоряжаться ими.

Вызывающие нашу симпатию неотрадиционные институты Азии, – это надстройка (порой – весьма изящная) над листо-марксо-шумпетеровым индустриальным базисом. Не сохранив его, мы уподобляемся человеку, который, сняв голову, восхищается прической соседа.

Как только мы осознаем, что в современной, динамичной, высокоразвитой, успешной Азии мы ищем удачно перенесенную на новую почву Европу, причем такую Европу, с которой можно дружить против старой Европы и Америки, многое в нашем «синофильстве», «японофильстве», «азианизме» и «восточничестве» достигнет здоровой ясности.

Россия хотела бы вернуться в Европу из тех трущоб, в которые погрузили ее 1990-е. Лучшего пути в Европу, нежели тот, который избрала динамичная Азия, пути *эмуляции*, используя выражение Эрика Райнерта, европейского индустриализма при сохранении социальной и политической стабильности, Россия вряд ли может найти. И это роднит нас с Азией. Роднит в общем «европеизме».

Роднит в стремлении не допустить того, чтобы Запад, политическими ли «цветными революциями» и экспортом «демократии», экономическими ли манипуляциями «Вашингтонского консенсуса», затолкал нас назад в трущобы. Мы не хотим назад в трущобы – и в этом мы азиаты.

Трансазиатский альянс по политической и экономической защите от Запада своего освоения европейских достижений – вот та почва, которая действительно роднит Россию и великие державы Азии вопреки существенной разнице их традиционных цивилизационных ориентаций. Россия, Китай, Индия, Иран кардинально различны и в чем-то даже непримиримы в своем православии, конфуцианстве, индуизме и шиизме, но едины в своем «европеизме» модернизационного развития, противостоящем западному африканизирующему глобализму и строительству мировой империи.

Поэтому, когда мы пытаемся изобрести некое родство мировоззрений, менталитетов, духовной структуры, которые сближают Россию с Азией, когда мы пытаемся изобрести геополитические концепции, «азиатизирующие» Россию, то мы идем по заведомо ложному пути.

Вымышленное царство

Наиболее заметной концепцией, пытавшейся разместить Россию в определенном контексте и в Европе, и в Азии и в то же время вне их и «между» или «над» ними, стало евразийство. В начале XXI века оно превратилось в одну из универсалий русского политического языка, порой приобретая гротескные формы. Не так давно мне встретился, к примеру, заголовок «Евразийскому союзу – евразийскую статистику».

Реальность, которая скрывается за риторикой официального евразийства, довольно скромна. По сути, перед нами вполне рациональная фридрих-листовская идея формирования единого таможенного и торгового пространства между странами, охваченными этим пространством прежде в Российской Империи и СССР, с тем чтобы не допустить их функционализации и разорения в рамках системы глобальной (читай Западной) торговли, как то произошло, к примеру, с «вестернизированной» в 1990-х Монголией.

Эта скромная, прозаичная, но абсолютно убедительная цель не имеет надобности в плотных облаках клубящейся вокруг политической мистики. На среднеазиатском фронте к этому добавляется необходимость выставить заслон распространению агрессивного исламизма, зато ситуация отягощается процессом массовой миграции, создающей серьезные внутривнутриполитические риски в России.

Но запущенная еще первыми евразийцами фабрика политических мифов продолжает работать, выдавая на гора всё более фантастические продукты, по смыслу зачастую прямо противоположные практической политической задаче, стоящей перед идеологией.

Созданный Николаем Трубецким образ «наследия Чингисхана» был призван обосновать единство политического пространства постимперской России, укрепить идею господства русских в Северной Евразии, якобы перенятого русским «белым царем» у великого завоевателя и его потомков чингисидов.

Однако не прошло и столетия, как в трудах Льва Гумилева и его эпигонов произошла примечательная метаморфоза. Россия уже не утверждалась в господстве через обращение к монгольскому наследию, а напротив – ограничивалась в исторических правах в прошлом и настоящем. Вместо русоцентричности евразийство стало монголоцентричным, тюркоцентричным, номадоцентричным, исламоцентричным. Русская государственность приговорена была задним числом к тяжелой работе – играть роль кочевой империи, не будучи ею.

Воспевание русско-монгольского братства в совместном евразийском противостоянии «духовной угрозе с Запада» привело ко всё более осязаемому обвинительному уклону в отношении русских при описании любых конфликтов России и Степи. Апофеозом этого обвинительного уклона стал, пожалуй, миф о мести за убитых монгольских послов, ставшей, якобы причиной (и, как получилось, оправданием) разрушительного монгольского нашествия на Русь.

Эпигонами евразийства изобретена была «многовековая общая судьба» народов России, Средней Азии и Китая, к которой апеллируют теперь сплошь и рядом. И вот уже взваливший на себя непосильную ношу историограф Борис Акунин уверенно заявляет, что в XIII–XV веках «страны с названием Русь не существовало» и «Русь формально входила в состав китайской империи Юань».

Не трудно представить себе, как, начитавшись российско-французского детективщика, китайские энтузиасты ваяют карту «Исторического Китая в начале XIV века», охватывающей всю Россию и окрестности. И не трудно представить разгорающийся впоследствии скандал.

На самом деле «единая евразийская империя Чингисхана, соединившая общей судьбой Россию, Среднюю Азию и Китай», есть картографический и историографический фантом, типичное «вымышленное царство». Чингисхан был выдающимся военным организатором, но ни в коем случае не «Завоевателем Мира». Объединив Монголию и завоевав в Средней Азии Хорезм, он успел начать, но не завершить, покорение тангутского царства Си Ся и чжурчженьской империи Цзинь, располагавшихся в Северном Китае.

Считать Чингисхана «Завоевателем Мира» не более уместно, чем считать Филиппа Македонского завоевателем Персии на том основании, что он создал послужившую его сыну Александру военную организацию и базовую державу. Честь создания всемирной империи по праву принадлежит сыновьям и внукам Чингиса, действительно распространившим власть монголов чрезвычайно широко, хотя и на очень короткий срок.

Уже кааны Гуюк и Мункэ из поколения «внуков» могли править своими двоюродными братьями не безоговорочно (Мункэ и вовсе был ставленником и марионеткой клана потомков Джучи – Батыя и Берке). На последний год жизни Мункэ (1259), пришлось максимальное расширение внешне единой империи – в походе на Ближний Восток Хулагу взял Багдад, монголам подчинялись Иран, Средняя Азия, Северный Китай, Половецкая степь. На поклон в Каракорум ездили русские князья.

Но в 1260 году началась война братьев умершего Мункэ – Хубилая и Ариг-Буги. Первого поддержал властитель Востока Хулагу, второго – властитель будущей Золотой Орды Берке, и в 1262 году они начали кровавую войну между

собой. Берке перестал подчиняться центральной власти, олицетворяемой Хубилаем, и именно с этим связаны были странные антимонгольские восстания на Руси, сопровождавшиеся расправами над баскаками, но не повлекшие со стороны Сарая никаких репрессий. Русские расправлялись именно с посланцами из Каракорума – едва образовавшаяся связь с «Азией» была навсегда преврана.

Лишь в 1267 году, уже после раскола империи, Хубилай начал завоевание империи Сун, Южного Китая, где, в отличие от империи Цзинь, правили действительно китайцы. Когда же он, воспетый Марко Поло и европейскими поэтами как «Кубла-хан», закончил завоевание Южного Китая в 1279 году, в его руках не было и не могло быть никакой даже самой призрачной власти над Русью.

Когда в 1304 году между всеми чингисидами установился непрочный мир, никакой Империи уже не было. Была конфедерация нескольких империй, которых роднили лишь общий предок правителей, Чингисхан, и всё более истончавшийся слой завоевателей – монголов. Старшей признавалась империя Юань, охватывавшая Китай и Монголию, – китайцы уничтожили ее в 1368 году. В Иране, Закавказье и Ираке существовало государство потомков Хубилая – ильханов, окончательно распавшееся к 1353 году. Власть потомков Чингиса в среднеазиатском улусе Чагатай все больше вырождалась, пока в 1370 году не перешла в руки ни разу не чингисида – железного хромца, Тимура.

Придворный Хубилая, Марко Поло, упоминает Русь в своей знаменитой книге, созданной около 1298 года: «Росия большая страна на севере. Живут там христиане греческого исповедания. Тут много царей и собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры... Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактакай, ему они платят дань и никому более...». Как видим, ни о каком, пусть даже самом ассоциированном членстве России в империи Юань тут речи не идет и идти не может. Выдуманная Акуниным (и если бы им одним!) «общность исторической судьбы» России, Средней Азии, Монголии и Китая оказывается фантомом, порожденным невежеством, а интерпретация России как «части Азии» – недобросовестной фальсификацией.

Золотая Орда начала распадаться в то же самое время (всем чингисовским империям суждено было погибнуть одновременно) – в Орде началась «великая замятня» 1359–1380 годов. Но ее жизнь продлили еще на сто лет два парадоксальных обстоятельства.

Во-первых, Золотая Орда не была построена как государство на месте покорённых цивилизованных народов. Батюю хватило сообразительности не учреждать свою ставку в Киеве и не объявлять себя великим князем Киевским Борисом Георгиевичем (как вполне можно было переименовать Батюю Джучиевича). Орда осталась до конца своей истории внешним по отношению к оседлым народам образованием, паразитом на теле Руси и Восточной Европы, и это укрепляло ее силы. Русские не могли свергнуть Орду так, как китайцы свергли Юань и поставили свою империю Мин. Против Орды приходилось не восставать, а воевать.

Вторым обстоятельством, сплотившим Золотую Орду, была... Куликовская битва. Разгром Мамай русскими вынудил кочевников Половецкой степи сплотиться и перейти к стратегической обороне. Ясная цель – удержать дань с Руси, продолжить организованно грабить Русские земли – продлила жизнь этого политического трупа еще на сто лет.

Итак, изображаемой на картах единой «Монгольской империи», от сожженного монголами Кремля до побережья Южного Китая, никогда не существовало. Наиболее приличные из картографов и пишут не «граница Монгольской империи», а «граница завоеваний Монголов». В XIII веке не существовало

никакой технологии, которая позволила бы из единого центра управлять сразу несколькими соединенными вооруженной силой цивилизациями – Китайской, Русской, Иранской, Арабской, Великой Степью – и такими лимитрофами, как Средняя Азия и Кавказ. Не было таких технологий и у монголов. Нет их, собственно говоря, и сейчас.

С 1262 до 1865 года, когда был взят Ташкент, между Россией и Средней Азией не было ничего общего. Ни общей судьбы, ни общей власти, ни общих учреждений, ни хотя бы общих угнетателей и поработителей.

Общего не было настолько, что разгромивший Тохтамыша Тимур внезапно повернул от Ельца и никакого интереса к завоеванию Руси не проявил. На Руси сложилось предание о чудесном явлении Тимуру Богородицы, велевшей ему отступить. Тот, кто для азиатского мира был ужасом, для Руси прошел стороной, а православие оказал даже некоторую услугу. Через семь лет после отхода от Москвы, в 1402 году, он разгромил в битве при Анкаре турецкого султана Баязида и использовал его как подставку под ноги, тем самым на полвека продлив историю Византии.

«Наследие Чингисхана» вообще играет со своими пылками адептами дурную шутку. Не так давно один из них огорошил меня заявлением, что «нам тесновато будет русское национальное государство, нам подавай Империю, нам нужен Улус Джучиев». В ответ я достал карту и попросил его убедиться в том, что размеры реального Улуса Джучи значительно меньше даже РФ с ее обкорнанными по беловежской мерке границами, меньше тех границ русского национального государства, которые оно приобрело к концу XVII века, перед преобразованием в Российскую Империю. И уж тем более несопоставимо меньше той формы, которую оно приобрело в качестве Империи.

Если отнестись к ностальгии об «Улусе Джучи» с незаслуженной серьезностью, то России следовало бы отказаться от огромных безлюдных пространств Ямала с его газом, Югры с ее нефтью, Таймыра с его никелем, Якутии с ее алмазами, Колымы с ее золотом. Всего этого монгольская «евразийская интеграция» не затронула. Не появлялись монголы и в Арктике. Туда плавали русские поморы, а отнюдь не «природные евразийцы». Вытеснение исторической России фиктивной «Евразийской Империей» – это, помимо прочего, попытка отрезать от нас наши ресурсы, заменив их чужими проблемами.

Решить вопрос о месте России в Азии на основе евразийских доктрин, особенно в их эпигонском изложении, попросту невозможно. Реальная Россия подменяется здесь фикциями, самовоспроизведение которых порождает на выходе такие перлы, как трактат «Великий хан Батый – основатель российской государственности» (автор Геннадий Тюньдешев; Минусинск, 2013). Прodelав в прошедшие девяносто лет парадоксальный логический круг, евразийство от поиска основ геополитической и цивилизационной идентичности России перешло к их отрицанию.

Русский Остров

Самым ценным в евразийском наследии является понятие «месторазвития», то есть уникального географического пространства, которое задает параметры исторической судьбы и культурного облика народа и цивилизации. Однако, пытаясь дать геополитическую характеристику этого месторазвития, евразийцы ошутимо запутались, когда мифология начала подменять географию.

Давая географическую характеристику Евразии в своих «Географических и геополитических основах евразийства», П.Н. Савицкий утверждал: «Евразийский мир есть мир “периодической и в то же время симметрической системы зон”... Здесь обращает на себя внимание **равенство интервалов, охватываю-**

щих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам. Это и даёт основание говорить о “периодической системе зон России-Евразии”. Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы говорили выше, но в смысле симметрий юго-северных. **Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь)».**

Казалось бы, всё ясно: Евразия – это месторазвитие с удивительно точной симметрией, в которой крайними элементами являются тундра и степь, а средним – лес. Но не тут-то было. Как идеолог, в той же статье Савицкий предлагает совсем другую интерпретацию евразийского месторазвития. «Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область **степной и пустынной полосы**, простирающейся непрерывной линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют *Евразией в точном смысле этого слова*» [курсив мой – Е.Х.].

Выясняется, что подлинной Евразией является не Евразия, не пространство формирования и исторического возрастания русского народа, а лишь Великая Степь, пространство кочевых империй. «В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур».

Мало того, выясняется, что Россия некоторым образом приговорена к тому, чтобы служить посредником и коммуникатором между Востоком и Западом и лишь так исполняет свое историческое предназначение, которое оказывается, таким образом, не связанным с собственной исторической судьбой русских, а как бы навязанным извне. «Только в той мере, в какой Россия – Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом».

Внутреннее содержание России определяется у Савицкого конфигурацией ее соседств: «Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта западный и юго-восточный».

Почему Россия обязана служить мостом между Востоком и Западом? Удобно ли все время жить на мосту или в проходном дворе? В чем выгода России от такого посредничества? Почему содержание русской особенности должно определяться ее соседствами? Если мой сосед слева любит играть на трубе, а сосед справа жить не может без гольфа, то почему я должен играть в гольф трубой, а не могу любить, к примеру, академическую греблю? Все эти вопросы не получают ответа, так как посредничество превращается в императив. Причем императив чужой, сформированный кочевыми империями, от которых русские большую часть своей истории страдали и подвергались набегам, а затем вдруг вынуждены заступить их место.

Двигаясь от Трубецкого и Савицкого к Гумилеву и его эпигонам, евразийство всё больше сосредотачивало свое внимание на Великой Степи. Именно степные империи представили истинной формой Евразии, а Россия оказывалась их поздним атипичным преемником. В сущности, получалось, что русские занимают в Евразии не свое место, не обладая требуемой хозяйственной, военной и культурной организацией, а лишь заимствуя ее элементы у степняков.

Утрируя, но не сильно, эту позицию, можно сказать, что эта логика приводит к утверждению, что русские – это европейцы, притворившиеся азиатами, покрывшие Евразию, мыслимую как Великая Степь, и уничтожившие ее.

Столь неверные следствия говорят о неверности исходной посылки, а конкретнее – представления о Евразии как о единстве и борьбе Леса и Степи и о том, что Россия осуществляет себя как наследница империй Великой Степи. Мы замечаем, что вся Россия представляет собой удивительно целостную, однородную географическую среду, для которой граница Европы и Азии по Уральскому хребту (и тут Савицкий трижды прав!) не носит сколько-нибудь определяющего и принципиального характера. На одних и тех же широтах и в одном и том же приближении к морю Россия удивительно сходна в своих частях, несмотря на огромную протяженность территории. Архангельск в ней не более Европа, чем Владивосток – Азия, но и то и другое в одинаковой степени Россия. Это удивительное чувство испытываешь, к примеру, на Сахалине, южная часть которого была возвращена лишь в 1945 году, и тем не менее сперва ты ощущаешь себя, особенно в урбанистической среде, как где-то в Московской или Вологодской области, и лишь затем обнаруживаешь специфичные детали, вроде нерп, которых отгоняют колотушками от своих сетей рыбаки-нивхи.

Очевидно, что существует нечто, объединяющее Россию во всех ее частях, отличая в то же время от Европейской и Азиатских геополитических платформ. И это нечто – не мифический «Хартленд» Маккиндера, декларирующий свою континентальность, сухопутность, определяемый через гидрологический критерий – отсутствие выхода к открытым морям.

Не слишком трудное географическое и историческое наблюдение легко выявит то качественное отличие русского пространства от сопредельных пространств, которое и создает географическую и геополитическую особенность России. Это – чрезвычайно тесное переплетение многочисленных и, как правило, полноводных рек, практически вплотную соприкасающихся друг с другом бассейнами до легкости создания между ними системы волоков, а позднее – каналов. Рек, выходящих к морям, по которым возможно плавание от устья до устья. Рек, окруженных множеством больших и малых озер, пригодных и для плавания, и для хозяйства, и для удобного размещения населения.

Россия – это не просто суша, но суша со всех сторон окруженная и пронизанная изнутри водой. Другими словами, Россия – это остров. Или система островов, каковыми являются, к примеру, Британия и Япония.

Гениальная интуиция Вадима Цымбурского уловила эту географическую характеристику и выразила ее в знаменитой политической метафоре, под которую мыслитель подвел определенный исторический фундамент. Но Цымбурский никогда не придавал понятию «Остров Россия» определенного географического содержания, рассматривая как «сушу» этого острова пространства, занятые носителями русской культуры, а как «проливы» – лимитрофные государства и народы.

Однако *Русский Остров* – больше, чем метафора. Перед нами вполне осязаемое окруженное доступной для плавания водой пространство, имеющее за счет внутренних водных путей высокую связанность и отделенное этими же путями от других геополитических пространств. Начать войну с Россией чаще всего означало пересечь реку или атаковать ее берега с моря. Распространить пределы России означало присоединить бассейн той или иной реки или побережье моря, на которое эта река выходит.

Тем самым мы обнаруживаем у Русского Острова не только метафорическое или абстрактное геополитическое, а конкретное географическое содержание. Это большое пространство, имеющее ярко выраженную физико-географическую доминанту – тесное сплетение многочисленных речных бассейнов.

Значительная часть определяющих Русский Остров рек имеет ледниковое происхождение. Многие из них – это реки северного стока, уходящие в Арктический (Северный Ледовитый) океан, послуживший, несмотря на свою трудность, прекрасным коммуникатором между речными устьями, что содействовало невероятной скорости русского продвижения на восток.

Общие границы Русского Острова можно очертить так: это Неман и система Днестр – Прут – Дунай на западе; Балтийское море и впадающие в него Нева и Западная Двина на северо-западе; Черное и Азовское моря на юго-западе; Арктический океан с впадающим в него множеством рек на севере; Кубань, Терек и Каспийское море, а восточнее – верхние течения сибирских рек на юге; Берингово и Охотское моря, Сахалин и Курилы на востоке; Байкал и система Амур – Уссури на юго-востоке.

Нетрудно заметить, что за обозначенными рубежами переплетенные в единое целое речные системы практически исчезают, а тем самым и отсутствуют условия, формирующие Русский Остров. Однако выход за естественные речные границы оказывается для России возможен там, где моря подкрепляют геополитические векторы, заданные реками. Так, выход России на Кавказ и в Среднюю Азию за линию Терека и верховьев Иртыша, был обусловлен использованием Черного и Каспийского морей. Кольский полуостров Россия контролировала по морю, следуя направлению вектора Северной Двины. На Дальнем Востоке море позволило перекинуть мост на Аляску. Именно с морского направления Россия в конечном счете завладела пограничным Амуром, когда Г.И. Невельской открыл его устье.

Всюду, где русское расширение упиралось в безводную сушу, пустыню, голую степь, оно становилось проблематичным или вовсе прекращалось. И, напротив, там, где удавалось соединить два речных бассейна вместе, русская экспансия становилась неукротимой. Именно так была преодолена формальная граница между Европой и Азией по Уралу, когда экспедиции Ермака удалось нащупать сочетание рек, позволявших перейти через «Камень».

Русская цивилизация может быть осмыслена нами как цивилизация *акватическая*, то есть опирающаяся прежде всего на водные пространства, но использующая их не для орошения, как «гидравлические цивилизации» К. Виттфогеля, а для интенсивных коммуникаций, позволяющих создать сеть поселений на огромных расстояниях друг от друга, при этом поддерживая между ними столь же, если не более интенсивную связь, нежели это возможно было в странах, объединенных преимущественно сухим путем.

Именно здесь секрет того колоссального размера, которого с первых же шагов достигло Древнерусское государство. Если подходить к делу с педантизмом, то большая его часть, конечно, должна быть изображена как сеть тонких нитей протянутых по водным артериям от одного города на реке до другого. Но картографы привыкли закрашивать территории с большим размахом, поэтому Древняя Русь предстает перед нами как огромное территориальное государство. Этот масштаб создавали именно речные коммуникации.

Разумеется, русская цивилизация была не единственной, в развитии которой реки сыграли решающее значение. Скорее напротив – таких цивилизаций абсолютное большинство. Однако, как правило, речь шла о единоречье, максимум – двуречье, как в Китае. Подлинное многоречье стало достоянием лишь России.

О генезисе этого русского типа освоения можно высказывать только догадки. Выскажу гипотезу – не более: мы имеем дело с синтезом прекрасной адаптации к внутренним водным путям, характерной для восточных славян, и неутолимой страсти к дальнему мореплаванию, характерной для викингов. Возникновение славяно-варяжской этнополитической системы подстегнуло к

созданию новой системы пространственного освоения – стратегического рекоплавания. Уже «премьера» русской истории – нападение русов на Константинополь в 860 году – это рейд по рекам Русской равнины, а затем Черному морю, по меньшей мере от Киева, а может быть, и от Ладоги. Упомянуть «Путь из Варяг в Греки», стержневой для становления Руси, пожалуй, и не требуется в силу его очевидности. Русы с такой свободой проходили по своим внутренним водным путям, что европейский хронист Адам Бременский был уверен в существовании пролива между Балтийским и Черным морями.

Как изобретение колеса и освоение всадничества исторически и геополитически актуализировало Великую Степь как нечто целое, самостоятельную историческую реальность, а не просто набор безлесных пространств, так и освоение стратегического рекоплавания актуализировало Русский Остров. Где всадник, там найдется и степь, где гребцы, там и река.

Осмысляя Русский Остров, мы получаем возможность по-новому взглянуть на весь процесс русской колонизации, выведший Россию к Тихому океану и позволивший ей сформировать, по терминологии выдающегося русского географа и геополитика В.П. Семенова-Тянь-Шанского, систему «от моря до моря», превратив Россию в чрезматериковую державу. Конфигурация Русского Острова предоставила эту уникальную возможность, поскольку для острова тянуться от моря до моря, пусть даже и на тысячи и тысячи километров более чем естественно.

При осмыслении русского движения «навстреч солнцу» нам придется, пусть и не без сожаления, отказаться от представления о движении России из Европы в Азию как аналоге движения Европы в Америку. В этих исторических драмах есть историческая синхронность, есть известное количество общих сюжетов, таких как опора на огнестрельное оружие, расположенное на корабле (в русском случае, как правило, речном). Но в целом освоение русскими предназначенного для нас Острова отнюдь не тождественно покорению европейцами Нового Света.

Русская колонизация начинается в пределах Европы с освоения русского Севера и выхода к Баренцеву морю и без всякой паузы и разрыва перетекает за Урал. Никакого противопоставления «европейской» Перми и «азиатского» Тобольска мы, разумеется, не обнаружим. Мы вообще не обнаружим границ Европы и Азии. Мы обнаружим лишь течения рек упорядочивающие русское пространство.

Характерной особенностью русского продвижения на восток является арктический охват. К.И. Зубков отмечает два потока русского движения на восток: «Первый, следовавший в основном вдоль таежной и приморской тундровой широтной зоны Сибири, по общему правилу, на 20–30 лет опережал второй, который тормозился на границе Леса и Степи частыми военными столкновениями с воинственными кочевыми народами Азии и необходимостью осуществления специальных оборонительных и военно-экспедиционных мероприятий» [1, с. 27].

Весьма показателен здесь русский алгоритм освоения Енисея. «Выход русской колонизации на рубеж Енисея на Севере был закреплен в целом в начале XVII в., когда были заложены Мангазейский острог (1601), Туруханское и Инбатское зимовья (1607); контроль над средним течением Енисея был установлен в 1618–1619 гг. со строительством Маковского и Енисейского острогов; начало же утверждения русских на верхнем Енисее относится лишь к 1628 г. – времени закладки Красноярска» [1, с. 27].

Русское движение в Сибирь было движением не в Азию, но в Арктику. Оно продолжало тот ход «на Север», где тесно переплелись монастырская, крестьянская и новгородская пушноторговая колонизация, который и создал для тесных княжеств Северо-Восточной Руси предпосылки собирания в Россию. Но по-настоящему

оформление России произошло лишь с выходом в Сибирь. Как отмечал Цымбурский: «Россия не присоединяла Сибири – она *создалась Сибирью*».

На протяжении всего великого похода «навстреч солнцу» русские не покоряют и не уничтожают Азию, а отодвигают ее, выводя пространства Русского Острова из-под действия азиатизирующих сил.

Азия выступает здесь не как пространство, куда выходит Россия, а как конкурент русских в освоении геокультурно не маркированных пространств. Считающийся самым важным актом сибирской исторической драмы поход Ермака был не «покорением» коренной Сибири, а перехватом её у фактического узурпатора хана Кучума, вассала правившей в Бухаре династии Шейбанидов. Присоединяя Сибирь к Русскому Острову, Россия отгораживала ее от влияния Азии, Востока, представленного ханствами Средней Азии.

Однако на своем пространстве Россия имеет право цивилизационного первородства. Россия не «продвигается в Азию», а размечает новое геополитическое пространство, символом чего становится основание новых городов. «Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов» – отмечает британский историк Фелипе Фернандес Арместо [9, с. 52].

Никакой цивилизации без городов не существует. Стены городов позволяют отличить цивилизацию от пустых земель. Движение Запада в Индийский и Тихий океаны, и даже в Новый Свет было связано с захватом уже существующих цивилизационных структур, внедрением в сложившиеся форматы цивилизаций. Кортес и Писарро основали Мехико и Лиму, предварительно взяв и разрушив Теночтитлан и Куско. Альфонсо Альбукерки создавал опору португальской морской мощи в Индийском океане – Гоа и Малакку – в урбанизированном пространстве развитых азиатских цивилизаций.

В случае русского движения на восток, города возникали там, где не было городов со времен поселений индоевропейцев эпохи Синташтинской археологической культуры, забытых человечеством так прочно, что открытие в 1980-х годах Аркаима произвело настоящую сенсацию. В логике сверхдолгой временной протяженности, историческое движение России может рассматриваться как возвращение первенства индоевропейских народов в географической зоне, где оно было утрачено в начале I тысячелетия нашей эры, когда гунны и турки сменили скифов и сарматов.

На берегу Острова. Случай Приамурья и Уссурийского края

Движение русских на восток совершалось в известной конкуренции, причем как с севера, так и с юга.

С севера на протяжении XVI–XVII веков наблюдались попытки «обхода» России океанической цивилизацией Запада, с упорством отправлявшей экспедицию за экспедицией для поиска северного пути в Китай, диктовавшегося старой картографической ошибкой, представлявшей Обь проливом, ведущим аж до самого Ханбалыка. Лишь запрет русским правительством плаваний на Мангазею на долгое время положил конец этой эпопее, оставив монополию внутреннего пути в Азию за Россией.

С юга Россия сталкивается с конкуренцией азиатских цивилизаций за контроль над теми или иными берегами и проливами Русского Острова. Самый выдающийся случай подобной конкуренции составило, конечно, решение вопроса о Приамурском и Приуссурийском краях. В географическом смысле они, несомненно, составляют органическую часть Русского Острова, однако их близость к цивилизационной платформе другой великой цивилизации, Китая,

впервые поставило русское геополитическое продвижение перед известными препятствиями.

Впрочем, несправедливо трактовать спор вокруг Приамурья как «русско-китайский конфликт». Это было столкновение русских казаков, основавших на Амуре Албазинский острог и готовых к дальнейшей экспансии, с Маньчжурией, полукочевой империей, как раз тогда ведшей завоевание разрушенного внутренними конфликтами Минского Китая. Маньчжурская империя Цин основывалась на жестоком унижении китайского населения, и потому понимание ее как Китая возможно лишь в рамках специфичной китайской традиции, которая стремится присвоить Поднебесной все права и достижения господствовавших над нею варваров (в русле этой традиции и демагогические заявления о «вхождении Руси в империю Юань»).

До русско-японской войны Россия вообще не приходила в столкновение с высокими цивилизациями Азии, имея дело лишь с кочевническими или посткочевническими образованиями, каковыми были Маньчжурский Китай, Персия при Каджарах, Османская империя, ханства Средней Азии. Политическое первенство кочевого элемента во всех этих случаях создавало дополнительные предпосылки для конфликтности с Россией.

Фактически Маньчжурия была в Приамурье нападающей стороной, пытаясь вытеснить неудобных соседей, превосходивших ее качеством военного дела, но уступавших в численности. В 1685 году, собрав десятитысячную армию, маньчжурам удалось взять и разрушить Албазинский острог, а в 1689-м – навязать России Нерчинский договор, отрезавший русских от Амура.

Характерно, что маньчжурское правительство само не было уверено в собственных силах и попыталось создать на пути дальнейшего русского продвижения «зону отчуждения». Аборигенное население Приамурья было выселено. Еще раньше, в 1668 году, была принята политика «ивового палисада» – китайцам было категорически запрещено селиться в пределах Маньчжурского домена. Таким образом, опустошенные от местного населения, огражденные запретом от потенциальной китайской колонизации и закрытые межгосударственными договорами земли Приамурского и Приуссурийского краёв были превращены в искусственную пустыню. Развитие производительных сил этого региона было искусственно сдержано Маньчжурской империей.

В XVIII веке Россия не слишком успешно пыталась заинтересовать пекинских властителей трансграничной торговлей, которую те всячески ограничивали, что дало отчасти искусственное преобладание южным торговым маршрутам, на которых действовали англичане, и укрепило предпосылки опиумных войн. Ослабленная в этих войнах империя Цин не могла уже противостоять завершению освоения Русского Острова.

Россия применила в этом споре с Азией уже не раз использовавшийся до этого в Арктике океанский охват, движение не от истока к устью опорной реки, а, напротив, от устья к истоку. Пришедшей из Кронштадта экспедиции Г.И. Невельского удалось открыть пролив между материком и Сахалином и Амурский лиман, тем самым доказав геополитическую принадлежность региона к Русскому Острову с его переплетением озер, морей и рек.

Маньчжурская политика искусственной пустыни сыграла с цинцами злую шутку. Невельскому хватило всего пятидесяти солдат, чтобы закрепить за Россией многие тысячи квадратных километров. Все его насильственные действия свелись к тому, что при первой высадке он пригрозил пистолетом начавшему дерзить маньчжурскому купцу, а, поставив того на место, допросил и узнал: «1) что им запрещено спускаться сюда по Амуру, что они бывают здесь самовольно, с ведома только лишь мелких чиновников города Сен-зина (около трехсот верст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями,

которых выменивают у гиляков, гольдов и мангунов на товары и большей частью на водку (араки); 2) что на всем пространстве по берегам Амура до Каменных гор (Хинган) нет ни одного китайского или маньчжурского поста. Что все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят» [6].

Расспрашивая же гиляков, Невельский установил, «что же касается китайцев, то они никогда и не являлись сюда». Возможно, Китай имел шанс составить России конкуренцию на берегах Амура и Уссури и сделать их частью своей Срединной империи, отняв от Русского Острова. Но этот шанс был упущен благодаря маньчжурской политике опустынивания. «Китайское Приамурье» применительно к XVII–XIX векам есть опять же «вымышленное царство». Поэтому так анахронично и неуместно звучит суровый тон «Истории Китайской Народной Республики», изданной в 2012 году Институтом Китая современной эпохи по поручению ЦК КПК: «Царская Россия в 1858 году по Айгунскому договору отхватила более 600 тысяч кв. км территории к северу от реки Хэлуцзян и к югу от хребта Синъаньлинь, в 1860 году по Пекинскому договору отрезала более 400 тысяч кв. км территории к востоку и югу от озера Балхаш. В 1881 году по исправленному договору в Или и по пяти протоколам о демаркации границы отрезала более 70 тыс. кв. км территории в районе Или. За эти десять с лишним лет Россия в общей сложности грабительски захватила более 1,5 млн кв. км территории Китая» [цит. по: 3, с. 18].

Парадоксально, но факт – именно присоединение Приамурского и Приуссурийского краев впервые открыло эти земли для китайской колонизации. Вскоре наплыв китайцев стал столь значителен, что в русских правительственных кругах и публицистике во весь голос начала обсуждаться тема «желтой опасности», отразившаяся, в частности, в трудах путешественника, писателя и разведчика В.К. Арсеньева.

Целью экспедиций Арсеньева было не только военно-топографическое исследование Уссурийского края, но и оценка китайского проникновения и связанных с ним рисков. Образ китайцев в его произведениях ощутимо двойся. С одной стороны – это жестокие разбойники-хунхузы, это китайские колонисты, хищнически истощающие природу, безжалостно эксплуатирующие представителей местных малых народов – тазов и удэгейцев, ищущих защиту только у русских «капитанов». Эти китайцы встречают русского офицера, представителя русской власти, с крайней враждебностью. С другой стороны, китайцы – это надежный помощник Арсеньева Чжан Бао, это трудолюбивые фермеры, выращивающие женьшень, это старик, намеревающийся вернуться назад в Китай к брату.

При этом главную угрозу для русского начала в крае представляют, по мнению Арсеньева, не столько китайский разбой и нарушение законов России, сколько трудолюбие и предприимчивость, которые практически не оставляют места разворачиванию мирной русской колонизации, сосредотачивая производительные силы края в руках китайцев.

Книги Арсеньева сыграли огромную, возможно, решающую роль в закреплении Уссурийского края за Россией. Арсеньеву удалось нарисовать яркий образ Дерсу Узала, охотника-гольда, своеобразного гения места, средоточия уссурийской природы и мудрого гармоничного сосуществования с нею. Дерсу символически передает этот край как наследие русскому «капитану». Исплыванный, исхожденный и описанный Арсеньевым мир тем самым невосвратно становится русским миром.

Как видим, в маньчжурском стремлении оставить русских без поддержки местного населения была своя доля правды. Русские, осваивая свой Остров, и в самом деле с величайшим искусством использовали поддержку и сотру-

ничество местных народов, опираясь на их поселения как на свои базы, а на их охотников, подобных Дерсу, как на проводников. Конкурируя с «Азией», с высокими восточными цивилизациями, Русский Остров нуждался в коренных народах и не только не подавлял, но и приветствовал их.

«Поддерживать Индию. Помочь Китаю. Защитить Иран»

Ни геополитически, ни культурно Россия не находится «в Азии», представляющей собой ряд преимущественно сухопутных геополитических «платформ». Однако Россия обладает своими интересами и особенностями отношений с Азией, не похожими на те, в которых находятся к Азии европейские державы и Америка.

Это понимание особого места России в системе азиатских отношений заточено отнюдь не только против поверхностного евроцентризма, но и против паназиатства, стремившегося вычеркнуть Россию из Азии как чуждую, «европейскую» силу.

«Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое, в противовес выдвигавшейся от времени до времени желтой расой доктрине «Азия для азиатов»», – отмечал В.П. Семенов-Тянь-Шанский [8, с. 740].

С другой стороны, Азия выступает для России как неубиваемый козырь в ее «Большой игре» с Европой и прежде всего с враждебной англосаксонской Империей. Этот козырь – непосредственный доступ России к континентальным платформам Азии – стал осознаваться Европой еще в XVI–XVII веках, когда английские купцы начали упрашивать русских царей открыть им путь в Персию. Но ходу им не давали – покупая персидские товары на грандиозном торге в Астрахани, русские не пускали западноевропейцев по Волге южнее Нижнего Новгорода.

Пути в Азию дальше этого предела Россия западным соседям не открывала, стараясь к выгоде для себя сохранить положение транзитной державы. Мудрая политика, которой следует придерживаться и впредь, когда сегодня уже Китай ищет транзитных коридоров для выхода в отдаленную от него Европу. Не упустив своих выгод в эпоху торговой экспансии Запада, Россия вряд ли ошибется, действуя так же в эпоху торговой экспансии Востока.

Но могла быть и воинственная интерпретация русского ключа к Азии. Вспомним грандиозный замысел Павла I и Наполеона сокрушить еще непрочное британское господство в Индии маршем русских казачьих корпусов. Мечта авантюристичная, но отнюдь не безумная – недавние подвиги русских в Персии при Екатерине II показали полное превосходство русской военной силы над восточными народами, преграждавшими путь до Индии, а в самой Индии британцы просто численно не смогли бы противостоять русским.

Всё следующее столетие кошмар русского вторжения нависал над Британской Индией. Русское же продвижение в Среднюю Азию мыслилось как обеспечение логистического моста этого вторжения. Русские военные географы, подобные А.Е. Снесареву, с особым пристрастием изучали Афганистан. Даже распространение русского влияния в Тибете, Маньчжурии, Китае в конечном счете осмыслялось в логике «Большой игры».

Разочарованный кражей побед русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Берлинском конгрессе, идеолог панславизма Н.Я. Данилевский рисовал грандиозный план азиатского «обхода» Англии, не подпускающей Россию к Проливам: «России ничего другого не остается, как постараться, чтобы проливы потеряли для нее всякую ценность, чтобы свободное сообщение с Индией

утратило для нее всякое значение. Князю Паскевичу приписывают слова, что путь в Константинополь идет через Вену. Видимо, и путь к Босфору и Дарданеллам идет через Дели и Калькутту». Данилевский рисует целую программу действий России в Азии: «угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию».

Сегодня Индия не является британской, напротив, это растущая независимая держава-цивилизация, в суверенитете и крепости которой Россия жизненно заинтересована. Поэтому достаточно лишь немного переделать формулу Данилевского, обладавшего удивительным даром геополитического пророка, чтобы получить готовую доктрину России на азиатском направлении: *«Поддерживать Индию, быть готовыми помочь Китаю, защитить Иран»*.

Используя доступ со своего острова к азиатским платформам, Россия должна поддерживать их независимость против англосаксонской державы. Именно эту природу носит обозначившийся в рамках ШОС четверной альянс России, Китая, Индии и Ирана. И именно поэтому вопреки экономической мощи Китая только Россия может играть в нем роль «коренного», поскольку только в России заключен тот «тыл», который придает этим великим державам-цивилизациям общую устойчивость против океанского давления Англосаксонской империи.

Россия со своего внутреннего континентального Русского Острова обречена на противостояние в «Большой Игре» в Азии против внешнего Англоамериканского Острова. Она должна поддерживать независимость и силу азиатских цивилизационных платформ, не давая им скатиться к вассалитету перед англосаксонской империей. Даже один такой «вассал», как Япония, малый остров против большого острова России, может причинить слишком много неприятностей.

При этом Россия сегодня действует в контексте усиливающейся экспансии самих азиатских держав. И Китай, и Индия, и Иран – давно уже не объекты, но субъекты мировой политики, причем Китай становится субъектом перворазрядным. И здесь возникает ключевая проблема баланса между глобальным и региональным политическим положением России. «Регионализм» в азиатской политике для России чреват известными рисками, особенно в отношениях с той громадной силой, которую являет Китай.

Как участники глобальных процессов Россия и Китай заинтересованы друг в друге, обречены на союз и на совместную программу ослабления американского и, шире, западного доминирования в мире. Те угрозы и препятствия, которые создает Запад России и Китаю, разнесены в пространстве. Таким образом, как глобальные политические игроки Россия и Китай просто обязаны реализовывать свои глобальные стратегические проекты, обращенные в противоположных направлениях, и отбивать общих врагов.

Но Россия и Китай являются не только глобальными игроками, но и соседями. А соседи, увы, всегда немножко враги. Постоянное переплетение региональных интересов и противоречий создает постоянный риск порчи даже очень хороших отношений. И успех стратегического сотрудничества России и Китая в известном смысле зависит от того, сумеют ли они в достаточной степени отвернуться друг от друга.

Но, с третьей стороны, чисто экономическая логика побуждает Россию и Китай разворачиваться друг к другу для оптимального совместного использования ресурсов, приграничной торговли, транспортных коридоров. А это возвращает нас к проблеме перенаселенности Китая и создаваемой китайской экономикой экологической нагрузки на ресурсы, пробуждает вновь фантомы «желтой опасности» и реванша.

Россия заинтересована прежде всего в южном направлении китайской экономической и цивилизационной экспансии, завещанном еще адмиралом

Чжэн Хэ. На этом направлении интересы обеих держав не сталкиваются, а сами они взаимно усиливают друг друга.

Но чем более китайское геополитическое действие сдвигается к северу, тем больше пространство возможных недоумений и напряжений. Реализуя мечту о новом Великом шелковом пути, Китай не только создаст экономическую конкуренцию российским трансасиатским транспортным коридорам, но и зону политического напряжения, так как вынужден будет охранять узлы этого пути, пресекать внешнее воздействие на них, вступая в неизбежную внешнеполитическую конкуренцию с Россией. Движение Китая строго на Запад помимо России и в обход России неизбежно создаст зону повышенной геополитической турбулентности.

От того, как Россия и Китай смогут разобраться в этом клубке сотрудничества и противоречий, зависит, возможно, ход мировой истории в ближайшие столетия.

Восток Будды и Восток Христа

Погружаясь в тему «духовного родства» России и Азии, России и нехристианского Востока, мы оказываемся в теософском тумане вымыслов и догадок. Найти реальные следы «восточничества» в традиционной русской культуре оказывается непросто. Трудно оспорить с фактами в руках точку зрения академика Д.С. Лихачева: «Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смее утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции и, разумеется, Греции, чем у южных и западных славян. Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии» [5, с. 12].

Более того, знакомство с реальным Востоком порождало у русского человека скорее недоумение и неприятие. Здесь достаточно сравнить восторженные записки Марко Поло, ставшие источником вдохновения всего перевернувшего мировую историю предприятия по поиску Индии, и скептический тон Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря»: «Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все овощь, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ» [2].

Повесть Афанасия – исповедь о страданиях православного русского человека, оказавшегося в плену Востока и через то фактически «лишившегося христианства», то есть традиционного православного устава жизни. Вместо этого он погружается в непривычную среду, в которой, впрочем, возможны своеобразные цивилизационные коалиции «против общего врага»: «Познася со многими индеяны. И сказах имъ веру свою, что есми не бесерменинь исаядениени семь христианинь, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учили ся от меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонь своих не учили крыти».

Отправившись на Восток, Афанасий не без некоторого удивления открывает в себе... белого человека: «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуѣку... А любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пиль да ѣль, то ему халяль».

Евразийская пропаганда постаралась объявить Афанасия... мусульманином. Хотя весь его текст проникнут неприязнью к исламу, в доверие к индусам

он входит именно потому, что христианин, а «ходжа Юсуф Хорасани» – его торговый псевдоним, не более. Мало того, Афанасий описывает несколько случаев прямых предложений от правителей сменить веру и описывает свой отказ. Весь текст «Хождения» полон тоски по русской вере на родной земле. И даже время Афанасий старается исчислять по постам и Пасхам: «О благовърнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и въры ся да лишают крестьяньские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по въре крестьянской. Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великия дни, аз же грѣшный не въдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рождества Христова не знаю, ни иных праздников не въдаю, ни среды, ни пятницы не въдаю – а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азь же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару в Маздраньской земль, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по въре кристьяньской».

Реальный опыт взаимодействия русских с Азией говорит против предположений о каком-то специфическом русском ориентализме или криптоориентализме. Русский ориентализм есть побочное дитя русского европеизма. Он возрос на чисто западных источниках и лишь со второй половины XIX века среди русских интеллектуалов начала вызревать мысль, что соседство России и Востока дает лучший доступ к восточным источникам, к восточной среде, а может быть и к пониманию Востока, чем у западных исследователей.

По дорогам внутренней Азии отправились экспедиции, от которых, впрочем, слишком часто веяло разведывательной миссией. Появились такие уникальные по своим познаниям и проникновению в предмет ученые, как В.В. Бартольд, Ф.Ф. Щербатской. Русское востоковедение стало масштабным проектом, в рамках которого оказались возможны такие уникальные достижения, как единственный полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня на европейский язык.

Однако предполагаемое «сродство с Востоком» носит прежде всего характер всё того же соседства и стремления к взаимной поддержке против натиска Запада. А главное – базируется на предположении о большей уважительности, большем чувстве равенства русских по отношению к Востоку, о чем многократно писали русские публицисты тех лет: англичанин привязывает мятежного сипая к пушке и считает индуса рабом, в то время как русский дает туземцу равные права.

Однако не было ли это чувство равенства иллюзией? Гражданское равноправие в Российской Империи возможно было лишь до тех пор, пока речь шла о гражданских, а не об избирательных правах. Напротив, любое приближение к системе, где имело значение большинство голосов, приводило к взрывам, округлявшим национальное большинство даже ценой территориальных потерь. Миф о российском имперском равенстве народов возможно было поддерживать лишь в автократической системе, и то не без некоторого труда.

Вспомним, как сурово одернул Ф.М. Достоевский тех, кто считал, что Россия не должна вступаться за христиан в Турции, поскольку часть граждан России – мусульмане. «Хозяин России есть русский», – отвечает им Достоевский в «Дневнике писателя», и никакого права вето на исполнение русскими православной миссии внутренний Восток России не имеет.

Для понимания всей сложности темы «Россия и Азия» особое значение имеют соображения Достоевского заключающие его последний «Дневник писателя», своеобразное геополитическое завещание мыслителя, учившего, что «в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан».

Достоевский начинает с сетований на невнимание русского общества ко всему за пределами Европы: «Вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. “Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?”» [4, с. 504].

Для него русское продвижение в Среднюю Азию, победы Скобелева, взятие Геок-Тепе, это провозвестие грядущего доминирования Российской Империи над азиатскими народами, создание репутации России, которая станет выше репутации любой другой империи: «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: «Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился». И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его... У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, – но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему...» [4, с. 504].

Это суждение еще вполне традиционно геополитическое, однако затем Достоевский задает раннюю версию русского восточничества. Россия не просто имперская держава, долженствующая доминировать в Азии. Она сама есть азиатская держава: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [4, с. 504].

Русское славянофильство, традиционно носившее скорее неовизантийский характер, здесь переосмысливается в более общей дихотомии Европы и Азии. Россия со своей особенной идеей отвергается Европой, а значит должна обрести себя в Азии. «Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до “металла и жупела” московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утрату духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых Бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты... Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина! Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть «идея», своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает...» [4, с. 505].

Однако следующие шаги, который делают более поздние восточники, такие, как князь Ухтомский, Достоевский не делает. Он не высказывает предположения, что в силу своей мистической, иррациональной природы азиатские цивилизации более сродни русской идее, более способны к ее усвоению, нежели европейцы. Более того, сделав опасно близкий шаг к «России – Азии», До-

стоевский возвращается назад к пониманию России в качестве Европы и русской Азии как козыря в вековом споре с Европой. Исход к Востоку – это не поиск «братьев» среди азиатских народов, а обретение русскими своих сокровищ.

Азия мыслится Достоевским как средство национального самоусиления. «Азия – это русская Америка» – здесь, очевидно, под Азией мыслится уже не столько пространство древних азиатских цивилизаций, а Сибирь и Туркестан в той мере, в которой последний казался еще почти пустым пространством (что нам сегодня может показаться странным, но до успехов медицины, приведших к перенаселенности Средней Азии, соответствовало действительности). Азия предстает у Достоевского путем к обретению самой себя. «Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это “страна святых чудес”, и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными... С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, – тотчас найдем что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями...» [4, с. 508–509].

И вот уже звучат формулировки привычного цивилизаторского дискурса: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия... Цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, – а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем облепившимся, всем без дела уставшим» [4, с. 509–510].

Достоевский возражает против абсурдности тезиса об «убыточности» русской Азии, предвосхищая ту программу освоения ее богатств, которая развернулась в XX столетии: «Если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, – всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить... К добытому хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они дремлют теперь миллионами, и дороги бы новые к ним провели!» [4, с. 509–510].

При этом русское освоение Азии мыслится Достоевским как народная колонизация, как заселение, распространение русского этноса, а не только как политическое и экономическое господство. Движение в Азию для Достоевского есть умножение Русской Земли. «Где в Азии поселится “Урус”, там сейчас становится земля русской. Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила...» [4, с. 510].

Как видим, мысль Достоевского балансирует между пониманием Азии как инструмента русского самоусиления, пространства русской народной колонизации и идеей «цивилизаторской миссии» и предположением об особой «азиатской» природе России и русских, которая должна быть осознана в оппозицию

Европе. Почему Достоевский, договорившись до «русские – это азиаты», внезапно отступает назад в «страну святых чудес» – Европу? Да потому, что продолжение этой «азиатской» мысли вело бы к той или иной форме отречения от Христа. Позднее это противопоставление «Востока Ксеркса» и «Востока Христа» мы найдем у Владимира Соловьева, который, однако, пойдет в антивосточничестве еще дальше, до лжепророчеств о панмонголизме.

Реакция Соловьева, впрочем, более понятна, если учесть, что в следующую эпоху русское «восточничество» решается на более радикальные предположения об азиатском духе России, о глубинном внутреннем сродстве русского и восточного способов постижения мира. Этот аспект русской идеи, нашедший наиболее полное отражение в публицистике князя Эспера Ухтомского, представляется теперь обширной и древней исторической традицией, благодаря работе Мануэля Саркисянца «Россия и мессианизм Востока» [7].

Саркисянец увязывает с восточными влияниями возникновение русской народной утопии, мессианизм и хилиазм, становление которых относит к XVII веку. Этот хилиастический идейный комплекс, как он справедливо отмечает, был совершенно чужероден Европе, которая уже находилась в стадии светского рационалистического утопизма, зато представляется исследователю родственным восточным религиозным и этическим системам.

Однако рискну поспорить. Речь идет не о действительном культурном и мировоззренческом родстве России и Востока, а о единстве принципов всех цивилизаций «Осевого времени». Когда Ухтомский утверждал, что один и тот же русский царь может восприниматься как православный самодержец в России, как аватар Вишну в Индии, как Сын Неба в Китае, как Белый Царь для степных азиатских народов, то это свидетельствует лишь о гомологичности структуры этих цивилизаций, когда единство между трансцендентным и мирским порядками может быть скреплено посредствующей фигурой сакрального монарха. Шмуэлю Эйзенштадту блестяще удалось показать близость символических ориентаций всех цивилизаций «Осевого времени», но он же показал и их значительные отличия. Общего в них было только то, что все эти цивилизации – китайская, индийская, русская, исламская – не стали «Западом». Их переход к Новому времени был обусловлен вызовом Запада и в еще большей степени – западной военной и экономической угрозой.

Найти черты положительного родства в этом отрицательном сходстве было задачей не просто трудной, но чреватой серьезными рисками, главным из которых была отмеченная Саркисянцем угроза дехристианизации России. Видеть в православии некий мистицизм и холизм, которые якобы делают его ближе к буддизму или вишнуизму, чем к римо-католицизму, – очевидная натяжка, попытка подменить метафизическое содержание доктрин чертами внешнего сходства религиозного стиля, к тому же измышленного. Мистицизма можно сколько угодно найти и в католичестве, а вот православная доктрина соборности слишком персоналистична для нехристианского Востока.

Вера в Иисуса Христа как единственного истинного Бога и Спасителя навсегда разделила Россию с нехристианским Востоком, а ее связь с Западом слабеет ровно в той мере, в которой Запад уходит от христианства.

Именно поэтому крайность русского «восточничества», как у Блаватской и Рерихов, пришла к попытке охватить и поглотить Христа «восточным контекстом», превратить его в одного из индуистских «махатм». Привело это, по большому счету, лишь к выпадению данного направления из русского контекста.

Экуменическое утверждение родства китайской, индийской и русской цивилизаций означало бы отречение от Христа, что остро почувствовал Достоевский, так внезапно ушедший от «русские – азиаты» назад в «страну святых чудес». Впоследствии Георгий Флоровский выставил тот же суровый религи-

озный счет евразийцам, указав на то, что, начав с утверждения идентичности русской цивилизации, они скатываются к растворению основы этой идентичности – православного христианства.

Не случайно пик отмеченного Саркисянцем восточнического восторга приходится на первые послереволюционные годы, когда русская культура, как казалось, покончила со своей религиозной, православной христианской основой, перешла в область восторженно-неопределенной мистики братства, сливающей континенты и народы.

Русское восточничество так же, как и русское азиатство, оказывается в плену своеобразной омонимии. Будучи, несомненно, Востоком, детищем Восточной церкви, противопоставленной латинскому Западу, православная Россия в то же время не может быть Востоком в отношении к христианству как таковому. Ее история начинается с замечательного утверждения христианского персонализма, множественности человеческих лиц, в «Поучении» Владимира Мономаха. И, конечно, движение к восточному имперсонализму для нее невозможно. «Восток» христианского мира и «Восток» в системе «Восток – Запад» – это в известном смысле противоположности.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004.
2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068>
3. Галенович Ю.М. «Исторический счет» к России и СССР в «Истории Китайской Народной Республики». М.: Восточная книга, 2014.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14: Дневник писателя.
5. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
6. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России (1849–1855 г.). М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. URL: <http://fanread.ru/book/5242388/?page=27>
7. Саркисянц, Мануэль. Россия и мессианизм Востока. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
8. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк по политической географии // Геополитика: Антология. М., 2006.
9. Фернандес-Арместо, Фелипе. Цивилизации. М.: АСТ, 2009.

Аннотация. В статье обсуждается вопрос об исторической и геополитической принадлежности России к миру Азии. Автор скептически оценивает гипотезу евразийцев об общности наследия Чингисхана, якобы вводящего Россию в круг азиатских народов. Монгольская империя, принадлежность к которой русских княжеств не продлилась и двадцати лет, представляет собой, по мнению автора, «вымышленное царство». Геополитическое лицо России определяется не евразийством, а формирующей Россию плотной сетью речных и морских коммуникаций, которую автор вслед за Вадимом Цымбурским предлагает именовать «Русским Островом». Движение России в Сибирь было не «проникновением в Азию», а освоением этого острова, что автор показывает, в частности, на примере присоединения Дальнего Востока. Азия рассматривалась в русской мысли, утверждает автор на примере Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского, как пространство геополитического утверждения русской государственности и крепость, которую нужно защищать от англосаксонского проникновения. В то время как утверждения «восточников» об особом духовном сродстве России и Азии наталкивались на непреодолимую преграду в виде неустрашимости христианства как ядра русской идеи.

Ключевые слова: Россия, русские, Азия, Евразия, евразийство, Чингисхан, Русский Остров, Сибирь, Арктика, Ермак, реки, Китай, Дальний Восток, Невельской, Арсеньев, Данилевский, Индия, Достоевский, восточничество, христианство.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-In-Chief, “Russian commentator” and “New Chronicle” Online Magazines. E-mail: natapa@ya.ru

Why Russia is not Asia

Abstract. The article addresses the issue whether Russia belongs to Asia historically and geopolitically. The author is skeptical about the Eurasian hypothesis about the common heritage of Genghis Khan, allegedly making Russia an Asian nation. The Mongol Empire, to which Russian principalities belonged for merely 20 years, is viewed by the author as “a fictitious kingdom.” Geopolitically Russia is not defined by Eurasianism, but is shaped by numerous rivers and seas, which the author suggests calling “Russian island”, the term coined by Vadim Tymbursky. Russia’s exploration of the Siberia region was not the “penetration into Asia,” but rather the exploration of the island, which illustrated by the expansion of the territories to the Far East. Citing N. Danilevsky and F. Dostoevsky, the author stresses that according to Russian thinkers, Asia belonged to the Russian state geopolitically, with Russia regarding it as the fortress to be protected from the Anglo-Saxon invasion. Meanwhile, the “Easterners’” vision of a special spiritual affinity of Russia and Asia encountered an insurmountable obstacle as Russian Christianity is inalienable as the cornerstone of the Russian Idea.

Keywords: Russian, Russians, Asia, Eurasia, Eurasian, Genghis Khan, Russian Island, Siberia, Arctic, Ermak, Rivers, China, Far East, Nevelskoy, Arsenyev, Danilevsky, India, Dostoevsky, Orientalism, Christianity.

Л.В.Поляков. Спасибо, Егор Станиславович. В ответ на предложение профессора Матвейчева теории взаимного слияния востока, юга, запада и севера в некое единое человечество мы услышали прямо противоположную концепцию неслиянности: Россия – это не Запад, не Восток и не Евразия, Россия – это непоглощаемое никем и ничем ядро, существующее как остров. Таким образом, полюса обозначены прямо противоположные.

Б.В.Межуев. Честно говоря, у меня нет четких тезисов по этой проблеме. Хотел бы скорректировать некоторые моменты, касающиеся концепции «Остров Россия». Начну с того, что касается самой идеи Русского Острова. В самой первой своей постановке, в 1993 году, эта концепция, опубликованная в журнале «Полис», базировалась на некоем парадоксе, который очень ясно ощущается именно во Владивостоке. Этот парадокс – в легкости нашей геополитической экспансии на восток. Казаки очень легко присоединили всё, что стало именоваться Сибирью. А Уссурийский край и вообще был присоединен дипломатическим путем. Другой парадокс. В 1920-х годах большевики относительно легко воссоединили территорию той страны, которая раньше называлась Россией. (Что во многом и породило феномен евразийства.) Как это вообще могло произойти так легко? Никакого устойчивого очага борьбы против большевизма так и не возникло. Владивосток не стал Тайванем. А с учетом огромных

расстояний такое можно было бы помыслить. Такая легкость геополитической экспансии не сопровождается аналогичной легкостью экспансии геоэкономической. Экономика не идет вслед за геополитикой – территория присоединяется, но освоения трудных пространств – выражение Цымбурского – не происходит. Это один из вопросов, который он поставил, и до сих пор ясного ответа нет. Сам Цымбурский пытался дать объяснение через некую культурософию – дескать, причина в том, что западные рубежи по цивилизационным, культурным причинам оттягивают от Востока внимание российской власти, российских денег, российской культуры, российской власти. Но тогда возникает другая проблема. Один из важных элементов концепции «Остров Россия» – идея цикличности. Применительно к нашему сюжету это проявляется в том, что интерес к Востоку бывает сильный, какой-то неизбежный, но – краткосрочный. Как правило, он возникает тогда, когда Россию оттесняют из Европы, – после Крымской войны, после Берлинского конгресса, после Версальского договора и всего последующего. И такое вытеснение провоцирует интерес к Востоку – восточничество, евразийство и так далее. Появляются соответствующие концепции, в том числе и те, о которых мы говорим сегодня. Вопрос в том, почему этот интерес настолько краткосрочен. И не может ли так оказаться, что и наш интерес к Востоку падет жертвой очередного цикла.

Евразийство: от восточничества к всечеловечности

В январском выпуске «Дневника писателя» за 1881 год Достоевский, стремясь отчетливо и «ответчиво» определить те задачи, которые встают, по его мнению, перед современной Россией, заговорил о приоритете внутреннего развития, о необходимости «оздоровления корней», питающих древо державного и народного целого. Он призывал оставить в покое Европу, относящуюся к России подозрительно и враждебно, не признающую самобытности ее исторического и духовного склада. Европу, которая смешивает универсализм с однородностью, не понимает и не желает принимать иное, меряя народы, что примыкают к ее восточным границам, по своей частной и потому заведомо короткой мерке. Нужно направить творческие силы России на устройство внутригосударственного хозяйства, от земледелия до промышленности, от финансов до железных дорог. И одновременно сменить внешнеполитический вектор, повернувшись лицом к Азии, к огромным пространствам материка, заботясь об укреплении государственного и культурного влияния и на территориях, вошедших в состав российской державы, и на прилегающих землях.

Мы уже привыкли считать очевидной преемственность между этим призывом Достоевского в Азию, подкрепленным суждением писателя о двойственности русской души («русский не только европеец, но и азиат» [11, с. 33]) и платформой сборника «Исход к Востоку» (София, 1921), который объединил на своих страницах статьи четырех молодых мыслителей (филолога Н.С. Трубецкого, экономиста П.Н. Савицкого, философа Г.В. Флоровского, искусствоведа П.П. Сувчинского), положив начало восемнадцатилетней истории одного из самых заметных и крупных – в идеологическом, культурном, общественном смысле – течений русского зарубежья. Да и сами идеологи евразийства, выстраивая постфактум свою духовную генеалогию (славянофилы, А.П. Шапов, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и др.), включали Достоевского в число предшественников.

На первый взгляд преемственность очевидна. Достоевский призывает направить «взгляд наш на Азию» [11, с. 33], обозначая восточный вектор российской политики, и родоначальники евразийства декларируют этот вектор самим названием сборника – «Исход к Востоку». Достоевский говорит о самобытности исторических и духовных начал, определяющих бытие народного целого, и евразийцы выстраивают образ России как особого историко-географического и этнически культурного единства – Евразии, склад и судьба которой иная, чем у народов Европы. Однако у Достоевского – и это главное отличие его позиции от той, что декларируется в «Исходе к Востоку», – восточничество не отменяет все-

человечности. У писателя движение в Азию не означает разрыва с Европой, не отделяет Россию от европейского человечества китайской стеной: «Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это “страна святых чудес”, и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными» [11, с. 36]. Идя в Азию, Россия лишь временно дистанцируется от Европы, устраняя перекос в отношениях, при котором, как иронически замечает писатель, «мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки» [11, с. 33]. Уделяя внимание восточной своей половине, забытой в угаре рабского европейничанья, она восстанавливает целостность своей исторической и духовной природы. И тем самым готовит почву для будущего влияния не только в Азии, куда приходит с цивилизаторской миссией, но и в Европе – влияния не материального, не внешнего, но духовного, того, о котором Достоевский сказал в знаменитой «Пушкинской речи»: «Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и все соединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательно слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [10, с. 148]. И не случайно в главах «Дневника писателя» 1881 года, посвященных движению в Азию, он напоминает о том, как «на пушкинских празднествах в Москве» сказал «одно словцо» «про будущее великое значение в Европе народа русского» [10, с. 36].

Вектор восточнический у Достоевского скрещивался с вектором всечеловеческим, оказывался не равноправным, но подчиненным ему. Восточничество мыслилось притвором храма, всечеловечность – храмовым и алтарным пространством, где служилась литургия истории. Истории, в которой писатель, как и его собратья Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев, видел «работу спасения», приводящую к «братству людей, всепримирению народов, обновлению людей на истинных началах Христовых» [7, с. 49–50].

Иначе обстояло дело у идеологов «Исхода к Востоку». Восточничество было здесь отрицанием всечеловечности. Поворот к Азии сопровождался демонстративным отрясанием праха Европы. И это было закономерно. Главный идеолог начального евразийства Н.С. Трубецкой шел отнюдь не за Достоевским, а за Н.Я. Данилевским, за его концепцией культурно-исторических типов, согласно которой ни о каком всечеловеческом единстве, ни о каком братстве землян не может быть речи, можно говорить лишь о сосуществовании этнически и культурно разнообразных народов на пространстве Земли, подобно тому, как сосуществуют виды в царстве животных. У каждого из этих народов – своя судьба, за другие народы он не ответчик, зосимовского чувства вины и ответственности за всех и за вся испытывать не может, да и не должен.

В книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920), давшей толчок возникновению евразийства, идея культурно-исторической самобытности оборачивалась замкнутостью и обособлением, не включалась в контекст универсального развития, а противопоставлялась ему. Всечеловечность, которая у Достоевского мыслилась соборным единством народов, Трубецкой был готов приравнять к космополитизму, стирающему духовное и культурное своеобразие наций. Она представляла завуалированную экспансию западничества на русскую почву, лукавством европейской культуры, которая, будучи «лишь созданием ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов, имеющих общую историю», претендует на то, чтобы быть «культурой всего человечества» [42, с. 88]. Да и не только Европа, ни одна страна, по убеждению Трубецкого, не может претендовать на то, чтобы ее исторический

и духовный опыт был признан всеобщим, всечеловеческим опытом, ее миссия стала всечеловеческой миссией.

Последнее утверждение было бы хорошим оружием против шовинизма, против эгоистического самопревозношения народов, против национальной и расовой селекции, если бы не одно «но». Трубецкой, ставя на одну доску культуру Европы и культуры туземных народов, забывал о том, что культура Европы больше, чем просто культура, она неразрывно связана с христианством и именно в качестве носительницы новозаветного идеала значима для народов, входящих в орбиту христианского мира. Тот же Достоевский, критикуя современный Запад, ушедший на путь секулярности, обожествивший комфорт, сделавший ставку на автономную, а значит атомарную личность, никогда не ставил под сомнение христианские корни Европы. И видел в России страну, которая призвана поднять брошенное христианское знамя, явить народам мира образ Христа, который на Западе «искажился и истощился» [5, с. 123], уступив место «князю века сего».

Сама оппозиция «Россия и Запад» у Достоевского несла иной смысл, нежели тот, который в «Исходе к Востоку» будут придавать ей евразийцы. Для Трубецкого это противостояние двух различных цивилизационно-культурных регионов, для Достоевского (как и для его предшественников и духовных братьев И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, Ф.И. Тютчева, Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова и др.) – противостояние двух идеалов, которые несут они миру: «идеала Мадонны и идеала Содомского», царства Христова с его заповедью о любви и единстве и «царства мира сего» с его эгоизмом, соперничеством, борьбой всех против всех. Каждый из этих идеалов универсален, обращен ко всему человечеству, вне зависимости от его культурных и национальных различий, каждый стремится повести за собой народы земли, но универсальность второго – дурная, черная, нивелирующая; универсальность первого – благая, светлая, преображающая. От того же, за каким из этих идеалов будет победа, напрямую зависят, по Достоевскому, и судьбы истории, и конечные судьбы мира и человека.

Что касается Н.С. Трубецкого, то он сознательно оставлял в стороне вопрос о религиозном идеале истории, о том, станет ли история мира *движением* навстречу Творцу, в котором обретет свою полноту и каждая национальная личность, или пребудет на противобожеских, ложных путях. Ему был ближе культурно-философский подход Данилевского, согласно которому единого человечества нет, а есть народы, подобно всем живым существам проходящие свою юность, расцвет и закат, и так – в вечном круговороте, от весны к осени, от рождения к концу – движется жизнь человечества, лишённая векторности, не переходящая ни в какое новое качество.

Идея восходящего движения истории, которую Достоевский и его современники Федоров и Соловьев рассматривали в христианской системе координат – как восхождение от человечества к Богочеловечеству, от разъединенного, атомарного социума к обществу по типу Троицы, ранними евразийцами не принималась. Г.В. Флоровский, один из создателей первоначальной платформы движения, прямо указывал на то, что евразийство принципиально отвергает «хилиастический историзм», руководится *трагическим* сознанием, утверждающим неизбывный антиномизм бытия [49, с. 127], и «воспринимает мир как непрестанную борьбу веси Божией с градом антихриста – борьбу, тяготеющую к апокалиптическим катаклизмам» [47, с. 102].

Разрыв первоначального евразийства с традицией русской христианской историософии, стоявшей на идее всечеловечности, ощущался и там, где его идеологи пытались сформулировать основы национальной идентичности. Ориентация начал «романо-германской цивилизации», по мнению авторов «Исхода

к Востоку», абсолютно чуждых русскому духу, поиск оснований национально-культурной самоидентификации вели идеологи течения на Восток, заставляли обнаруживать в русской национальной стихии тюрко-монгольские, «туранские» черты: пассивность, «наклонность к созерцательности» [41, с. 133], подчеркнутую обрядовость быта и веры. Напротив, и славянофилы, и Тютчев, и Достоевский полагали основой русского национального характера христианскую составляющую: смирение, «потребность самоспасения», любовь к ближнему, самоотречение и жертвенность, способность «положить душу свою за други своя»... Россия, по их убеждению, должна явить человечеству образ подлинно христианского устройства – и каждой отдельной личности, и целого социума. Примечательно, что Достоевский, обращая Россию в Азию, видел здесь поприще для благовестия, просвещения других народов Светом Христовой истины. Да, писатель хорошо чувствовал то, что евразийцы называли «месторазвитием», – особенности национального ландшафта, совокупность природных, географических и климатических факторов, формирующих неповторимый «космос» народа, влияющий и на склад национального характера, и на культуру, и на особенности социального и государственного устройства: достаточно вспомнить знаменитый пассаж статьи «По поводу выставки» из «Дневника писателя» 1873 года: «Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведет в Вене большого эффекта. “Эта скудная природа”, вся характерность которой состоит, так сказать, в ее бесхарактерности, нам мила, однако, и дорога. Ну а немцам что до чувств наших? Вот, например, эти две березки в пейзаже г-на Куинджи (“Вид на Валааме”): на первом плане болото и болотная поросль, на заднем – лес; оттуда – туча не туча, но мгла, сырость; сыростью вас как будто пронизывает всего, вы почти ее чувствуете, и на середине, между лесом и вами, две белые березки, яркие, твердые, – самая сильная точка в картине. Ну что тут особенного? Что тут характерного, а между тем как это хорошо!.. Может быть, я ошибаюсь, но немцу это не может так понравиться» [6, с. 70]. Но смысл и значение среднерусского ландшафта, «этой скудной природы», по выражению цитируемого здесь Достоевским Тютчева, в итоге определялся для писателя тем, что эту «нищую и неурядную» землю «в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя». Без религиозно-нравственной составляющей месторазвитие народа русского для писателя отнюдь не играет такой роли, какую будет играть оно для идеологов евразийства.

Разумеется, авторы евразийской доктрины, будучи убежденными противниками атеизма, полагали религиозность одной из стержневых характеристик, которыми определялось своеобразие евразийства как культурно-исторического и ментального целого. Однако в ее понимание они вносили свои характерные акценты. Так, П.П. Сувчинский в программной для начального евразийства статье «Инобытие русской религиозности» вводил понятие «бытового исповедничества». Полагая характерной чертой того строя веры, который сложился в Средневековье в западном, католическом ареале, спиритуализм, эмансипацию от быта, от материи жизни, он противопоставлял спиритуалистически понятому христианству ту сплетенность веры и повседневного уклада жизни, которая была характерна для культуры Древней Руси, где «домостроительство Божие было воспринято <...> как благословенное бытостроительство» [38, с. 104]. Петровский период русской истории, ориентированный на европейский идеал, Сувчинский рассматривал под углом всё углублявшейся секуляризации русского быта, как частного, так и государственного. Вехой на этом пути стала и революция, отделившая Церковь от государства и активно разрушавшая бытовую православную

традицию. Сувчинский подчеркивал, что перед русской интеллигенцией встает проблема искания новых путей сближения христианской веры с «меркнущим бытом», при этом она сама должна дополнить свое духовное христианство «бытовым, “восточным” исповедничеством», должна обрести потребность «религиозно осознать и запечатлеть всю совокупность жизненных явлений и личных действий» [38, с. 104].

Это укоренение христианства в быт и обряд лежало в русле характерной для русской философии идеи восстановления цельности жизни, где мысль, чувство, действие должны быть одно. Однако, педалируя внешние формы, в которых выражается религиозное чувство, легко было нарушить равновесие между внешним и внутренним, подменить обрядоверием работу духа. Сливаясь с национальной культурой на уровне обряда, христианство оказывалось перед реальной опасностью редуцироваться до атрибута народности, о чем предупреждающе писал Достоевский в романе «Бесы», утратить пафос вселенскости, забыть о том, что в нем «нет ни эллина, ни иудея» (Гал. 3, 28), автоматически уравнившись в правах с другими религиозными верованиями, забывая о том, что оно – вера, спасающая мир, ведущая его к преображению.

Однако евразийство – и в этом безусловное его достижение – почти с первых шагов своего становления стало справляться с креном в этнографизм, недооценкой религиозной составляющей истории, с отказом от христианства как вселенской религии и сведением православия к бытовым, внешним формам. Доктрина движения не была застывшей. Она интенсивно развивалась. От сборника «Исход к Востоку» (София, 1921) к сборнику «На путях» (Берлин, 1922) и «Евразийскому временнику» (Вып. 3–5, Берлин, 1923–1927), от программных манифестов «Евразийство. Опыт систематического изложения» (Париж, 1926) к «формулировкам» 1927 и 1932 годов [13; 14]. От альманаха «Версты» (Вып. 1–3, Париж, 1926–1928) и газеты «Евразия» (1928–1929), обозначившей раскол на правых и левых, до «Евразийского сборника» (Париж, 1928), сборника «Тридцатые годы» (Париж, 1931), «Евразийских тетрадей» (Вып. 1–6, Прага, 1934–1936), отражавших платформу правого евразийства, и брюссельского «Евразийца» (1931–1934), находившегося на левых позициях. Свою идейную краску в движение вносили издания, выходившие в лимитрофах (газета «Свой путь». Вып. 1–6, Кохтла-Ярве, 1931–1932; сборники «Новая эпоха», Нарва, 1933; «Поток Евразии», Таллин, 1938). Живая, творческая мысль евразийства, объединившего в своем составе философов, историков, правоведов, экономистов, богословов, публицистов, писателей, не стояла на месте. И если идея России-Евразии как особого геополитического региона, со своей неповторимой исторической судьбой и собственным духовным заданием, была для теоретиков евразийства незыблемой, то представление о сущности этого задания, об ориентирах развития новой России, о ее месте в мировой истории эволюционировало и весьма заметно. Одно из направлений этой эволюции и было связано с соотношением понятий «восточничество» и «всечеловечность», в результате чего евразийцы, поначалу фактически разорвавшие с традицией русской христианской историософии, для которой, как скажет, ссылаясь на Хомякова, В.В. Зеньковский, «в истории творится “дело, судьба всего человечества”, а не отдельных народов» [12, с. 201], постепенно с ней сближались, вбирали ее в себя.

В статье «Религии Индии и христианство», напечатанной во втором евразийском сборнике «На путях» (Берлин, 1922), Н.С. Трубецкой специально подчеркивает, что, говоря об исходе к Востоку, евразийцы не призывают своих соотечественников к усвоению той или иной азиатской культуры, тем более к синтезу христианства и восточных религий: такой синтез, по его убеждению, и невозможен, ибо духовные основы этих религий с христианством несовместимы. Мысль эта демонстрируется философом на примере исторического

развития религии Индии от почитания богов ведийского пантеона до буддизма, вишнуизма и шиваизма. А в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой прямо выступает против «тех, кто в христианстве видит лишь одну из многих религий земного шара, продукт определенных историко-культурных условий» и тем самым ставит его «на одну доску с другими продуктами определенных культур», вводя «как элемент в общую схему многообразных культурных проявлений человечества». Он подчеркивает универсализм христианства, «единственной истинной религии» [40, с. 377], тем самым существенно уточняя и корректируя собственные установки периода «Европы и человечества».

Иначе начинает звучать в евразийстве и противопоставление России и Запада. Теперь это не только два разноликих культурно-исторических типа, но два духовных мира, два религиозно-нравственных идеала, на русской почве воплотившихся в феномене славянофильства и западничества, в традиции революционно-демократической, с одной стороны, и религиозно-философской, с другой. И если в сборнике «Исход к Востоку» Г.В. Флоровский давал негативную оценку послепетровского периода русской истории как поверхностного, нетворческого, говорил о его «глубинной ненациональности» [48, с. 158], то в статье П.Н. Савицкого «Два мира», опубликованной в сборнике «На путях», XIX век предстает поприщем «русского религиозного творчества», заря которого разгорается в лице Гоголя, славянофилов, Александра Иванова, Достоевского, колыбелью русской классической литературы, «наиболее творческие» фигуры которой «принадлежали не к преемству материализма и неверия, но к преемству православного учительства» [26, с. 113, 122].

Но самое главное – в евразийстве крепнет и развивается идея религиозного смысла истории и христианства как зиждущего центра истории. Уже в сборнике «Исход к Востоку» прозвучало требование перехода от «эпохи науки» к «эпохе веры», обращающей человека к «основным, конечным проблемам существования» [20, с. VI–VII]. И затем евразийцы не раз повторяют: бытие таких социальных образований, как нация и государство, точно так же, как бытие личности, не может быть прочным без религиозной опоры, без связи, как сказал бы Достоевский, «с другими мирами и с вечностью» [10, с. 165]. Отсутствие «высшей идеи существования» [8, с. 47–49] ненормально для социума; общество, отрекшееся от Бога и Его закона, оказывается в самоубийственном тупике, его развитие неизбежно приобретает уродливые, искаженные формы. Как подчеркнет П.Н. Савицкий в одном из первых опытов целостного изложения евразийской доктрины, «из опыта коммунистической революции» вынесли евразийцы «одновременно старую и новую» мысль о том, что «здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозное общежитие, безрелигиозная государственность должны быть отвергнуты» [27, с. 90].

Но, провозглашая необходимую связь всякого истинного и прочного социального и государственного строительства с христианством, евразийцы неизбежно оказывались перед необходимостью пересмотра самого взгляда на христианство как религию, трансцендентную земной жизни и истории, религию только личного спасения, не признающую полезным для христианина слишком большое участие в делах мира сего. Против такого одностороннего взгляда на христианство выступали те христианские мыслители, которые стояли на идее оправдания истории: П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев. И не просто стояли, но и выстраивали целостный идеал христианского социума, в котором все сферы жизни, от экономики и политики до педагогики и культуры, были служением, созданием Царства Христова.

Вниманию к этой линии русской мысли способствовало сотрудничество в евразийских изданиях А.В. Карташева, а также приход в движение таких мыслителей, как Л.П. Карсавин и В.Н. Ильин. Они значительно укрепили позицию П.Н. Савицкого, изначально склонявшегося к тому, чтобы строить евразийское мировоззрение на основе деятельного, творческого христианства, ослабив в свою очередь позицию Г.В. Флоровского, сторонника трагического взгляда на движение истории.

Уже во втором евразийском сборнике – «На путях» – печатается статья Карташева «Реформа, реформация и исполнение церкви», в которой он говорит о необходимости церковно раскрыть «вопрос о религиозном смысле исторического процесса». «Ведь не для того же существует на земле человечество после Христа, чтобы только вновь и вновь грешить и вновь и вновь каяться» [21, с. 67, 68]. Современные атеизм и материализм, обретшие твердую опору в большевизме, стремятся к безрелигиозному, прометеистическому строительству «рая на земле», тем самым искажая изначально христианское чаяние «Царства Божия на земле», обетование которого дает двадцатая глава «Откровения», и, что особенно нестерпимо, дискредитируя саму идею активности человека в истории, приводя к ложному выводу о том, что эта активность может быть только бесовской. Настала пора для Церкви, чувствующей свою ответственность за судьбы мира, «прекратить этот грабег ее собственного идеала», стать водителем человечества на пути к «Царствию Божию», в конце концов расширяться до «необъятных пределов» этого Царствия [21, с. 90]. И хотя П.Н. Савицкий снабдил статью Карташева редакционным предисловием, в котором обозначил границы приятия евразийцами его точки зрения, в частности с осторожностью отозвался о хилиастических предпочтениях богослова («Мы лишены живого чувства земного “тысячелетнего царства”»), он полностью солидаризировался с его жаждой «творческого и пророческого церковного Духа, который просветил и освятил бы историю и жизнь» [34, с. 26–27]. И сам в программной статье «Два мира», открывавшей сборник «На путях», утверждал, что евразийцы сочетают в себе «напряженное здешнее делание с утверждением мира духовного, в котором делание это, получая отведенное обширное, важнейшее место, преклоняется, подчиняется целям Высшего Царства» [26, с. 120–121]. И даже Г.В. Флоровский, убежденный критик «розового христианства», высказался в сборнике о необходимости строительства православной культуры, оцерковления жизни, подчеркивая, что «человек поставлен на землю затем, чтобы в непрестанном творческом напряжении свободно идти к открытым и доступным для его сознания благим и благословенным целям» [48, с. 164].

«Религия, призванная в живом единстве питать, преисполняя смыслом, совокупность социального бытия, не может быть мертвенной схемой, вынуждаемой Разумом формулой Богопризнания» [26, с. 123], – из такого тезиса исходят теперь евразийцы. Она должна пронизать собою все формы человеческого общежития, наполнить животворящим смыслом все сферы дела и творчества человека, в том числе экономическое и государственное строительство: «действие в хозяйстве и государстве разрешается и освещается озарением религиозным» [26, с. 123]. Сама «хозяйственная техника», подчеркивает Савицкий, «с религиозной точки зрения» «есть средство к осуществлению Завета, вложенного Творцом в создание человеческого рода» [27, с. 93], заповеди об обладании землей. Провозглашая смену «эпохи науки» «эпохой веры», евразийцы не отрицали науки как таковой, они лишь ополчились против того отношения к науке и технике, которое утвердилось в секулярной цивилизации Нового времени, когда научное знание и техническое умение были превращены в идолов и одновременно стали челядью мира, покорными слугами того, что Достоевский называл «интересами цивилизации», – «это производство, богатство, спокойствие, нужное капиталу» [9, с. 48].

Евразийцы опровергают мысль, «будто вера и наука – две независимые друг от друга и даже взаимно враждующие области. Нет веры без науки и нет науки без веры. Истинная вера содержит в себе всю науку со всеми ее исканиями и сомнениями» [15, с. 359]. Они убеждены: «сами по себе подлинная наука и опирающаяся на нее техника материально полезны и необходимы и именно в наш век, когда и злая метафизика (исторический материализм!) выступает в обличье науки, подлежат сугубому утверждению» [33, с. 131].

Говоря о необходимости активно противодействовать духу материализма и безверия, все глубже проникающему в плоть современного мира, о необходимости изжить «охватившее Европу и Россию обеспложивание духовной и веростной жизни, проистекшее из утраты живого и действенного религиозного чувства» [33, с. 131], утверждая христианство и православие религиозным стержнем исторического и духовного бытия России-Евразии, евразийцы вставали на почву русской религиозно-философской мысли с ее пафосом христианизации жизни. Более того, у них появляется та концепция Церкви, которая была выдвинута А.С. Хомяковым, затем углублялась и развивалась Ф.М. Достоевским, Н.Ф. Федоровым, В.С. Соловьевым и которая прямо исходила из стержневой для этих мыслителей идеи истории как «работы спасения», подготовки элементов этого мира к преображению, неразрывно связываясь с идеей вселенскости. Прочитую брошюру «Евразийство. Опыт систематического изложения» (Париж, 1926), составленную Л.П. Карсавиным и обобщившую главные идеи течения в эпоху его духовной и творческой зрелости: «Церковно-христианская деятельность есть искупление и спасение человека, т. е. его усовершенствование и в конце концов и в существе, говоря терминами святоотеческого богословия, его обожение (teosis). Совершенствоваться же значит совершенствоваться в себе и через себя весь мир, т. е. возводить и образовывать его из материала для Церкви Божией в действительное Царство Божие. Полнота Церкви предполагает оцерковление всего» [15, с. 369].

Такое видение церкви – как становящегося Царствия Божия – задает социальному и государственному строительству ту самую перспективу, которая была намечена у Достоевского в словах старца Зосимы, – перспективу «преображения общества как союза почти что языческого во единую, вселенскую и владычествующую церковь», в соловьевской концепции теократии, в федоровской идее внехрамовой литургии [43, с. 102]. «Культура и государство, – подчеркивают идеологи евразийства в середине 1920-х годов, – начально организованный материал собственного своего церковного бытия. Они то, что может и должно стать Церковью» [15, с. 369].

Вот как трансформировалось евразийство за какие-нибудь неполные пять лет: от трактовки истории как поля бытования культурно-своеобразных наций и отрицания в ней единого религиозного вектора до идеи преобразования всего в «действительное Царство Божие» и понимания Церкви «как центра преобразующегося в нее грешного мира» [15, с. 369].

Церковь стоит на соборности, осуществляя на земле ту высшую, сверхприродную, благодатную форму соединения, которая явлена человечеству в Тайне Троицы, в божественном образце неслиянно-нераздельного, питаемого любовью единства, «единства без слияния, различия без розни» [43, с. 96]. Н.Ф. Федоров недаром писал: «Учение о Божественном Триединстве превращается в вопрос о нашем человеческом много- или всеединстве (о Церкви)» [43, с. 102], подчеркивая, что, лишь устроив свою христианскую жизнь по этому образцу, человеческий род преодолет неродственность. И евразийцы этот высший религиозный принцип соборности распространили на нацию, государство, народ. Радикально пересмотрев концепцию личности как «отъединенного и замкнутого в себе социального атома» [15, с. 356], которая легла в основу

этики индивидуализма, они противопоставили ей «понятие личности как живого и органического единства многообразия» [15, с. 356], подчеркивая, что человек может состояться как личность, полностью осуществить себя в бытии только в союзе с другими личностями, союзе веры, любви и дела. И исходя из такой трактовки, стали рассматривать социальную общность, народ, государство как тоже своего рода личности, но личности особые – «соборные или симфонические». Так возникла сформулированная Л.П. Карсавиным концепция симфонической личности, разрешавшая антиномию индивидуализма и коллективизма через образ совершенного, благого устройства, в котором единство уникальных, самобытных личностей не подавляет и не умаляет каждую из них, но предоставляет безграничные возможности для их самораскрытия. Нация складывается из индивидуальных личностей, а человечество – из наций, каждая из которых есть также симфоническая личность, соединяющая в своем составе миллионы человеческих индивидуальностей, и все это единство, чтобы быть действительно нерушимым, должно держаться пониманием абсолютной ценности и необходимости каждого звена этой всечеловеческой вертикали.

Так вошедшая в евразийство с первых этапов его становления теория «культурно-исторических типов» была переосмыслена в христианской системе координат, освобождаясь от присущего ей ранее биологизма, от веры в то, что в царстве истории полагаются столь же непереходимые границы между народами, принадлежащими к разным культурно-историческим типам, как между видами в царстве природы. С введением в евразийскую доктрину концепции симфонической личности идея самобытничества оказывалась одной из главных скреп идеи соборности, уже не противопоставляясь «всечеловечности», но прямо работая на нее. И это видение человечества как симфонического, соборного целого, которое слагается из народов, самобытных и уникальных, как самобытен и уникален каждый приходящий в этот мир человек, прямо соотносилось с тем образом человечества, который предстал в «Дневнике писателя» 1877 года: «Не чрез подавление личностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душою и духом, участь у них и уча их; и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю» [9, с. 100].

По мере того, как евразийцы переставали смешивать понятие всечеловечности с космополитической однородностью, они начали обсуждать и столь дорогую для русских религиозных философов от Хомякова и Ивана Аксакова до Достоевского, Федорова, Булгакова мысль о всемирном призвании России. При зарождении движения идея мессианства России подчеркнута была отодвинута на задний план, теперь же именно ее евразийцы постепенно ставят во главу угла христианской геополитики. «Явственнее, чем другие народы, – пишет П.Н. Савицкий в третьем выпуске «Евразийского временника», – русские имеют одновременно две родины: Россию и мир; <...> наряду с делом национально-прикладническим, делом внутреннего сплочения и оздоровления, делом внешнего мироустроительства, Россия предопределена к действию вселенскому, призвана поднять и понести уроненную западным человечеством нить веры – нить, без которой человечество непременно и скоро заблудится и сгинет в темном лабиринте» [33, с. 130]. От этого тезиса уже было недалеко до признания в духе Тютчева, Достоевского, Соловьева, что свой опыт христианского строительства Россия-Евразия призвана расширить на мир, объединяя народы земли в их движении ко Христу, а не от Христа. В свое время, говоря о

миссии России среди славянских народов, Достоевский выстраивал ее в перспективе вселенскости: «Славянство – лишь первое собрание. Оно расширится на всю Европу и мир как христианство» [8, с. 214]. Теперь евразийцы могли бы подхватить эту формулу, разве что поставив на место «славянства», внимание к которому, традиционное для русской славянофильско-почвенной мысли, было потеснено вниманием к кочевым, скифским народам, «евразийство» – как явление, с их точки зрения, более синтетическое и масштабное, способное вовлечь в орбиту влияния и славяно-православные народы, живущие в Восточной Европе, и народы азиатского региона, входящие в состав бывшей Российской империи, наследником которой стал СССР.

Движение к идеалу вселенскости и всечеловечности ощутимо и в историософских построениях евразийцев эпохи Кламара. К осени 1928 года, когда в парижском пригороде Кламар началось издание газеты «Евразия», евразийство уже несколько лет выстраивало себя не только как культурно-философское, но и как социально-политическое учение, призванное сменить большевизм, который, собрав тело империи, не может сообщить этому телу подлинного духа жизни. В центр рефлексии выдвинулся вопрос об идее-правительнице, об идеале, который должен одушевлять бытие державного целого. В 1927 году Н.С. Трубецкой формулирует концепцию идеократии, согласно которой в основе каждой культуры лежит своя, органически присущая ей идея. Она формирует особый, непохожий на других облик национального целого, влияет на становление общественных и государственных институтов, а будучи осознана, образует особую систему власти – идеократию, в которой «правлящий слой» спаян единством мировоззрения, государственное строительство всецело подчинено задачам, которые выдвигает перед гражданами идея-правительница. Утвердившийся в Советской России строй евразийцы считали «ложной» идеократией, предполагая сменить его идеократией «истинной», основанной на евразийском учении.

Далеко не все зачинатели евразийства были согласны с таким поворотом дел. Тот же Г.В. Флоровский с самого начала манифестировал евразийство как течение не политическое, а культурно-философское, задача которого – пробуждение самосознания, «проповедь личной ответственности, призыв к творческому осознанию проблем жизни, к внутреннему “перерождению”» [49, с. 126]. Мыслитель предостерегал от соблазна обсуждать евразийскую систему идей «в плоскости политической идеологии, как программу действия» [49, с. 126], видеть в евразийстве рецепт организации социума и покинул движение уже в 1923 году, как только почувствовал, что такие деятели, как Савицкий, намерены перевести философские идеи в русло общественной практики.

Предостерегал евразийцев от политизации и Г.В. Вернадский, автор евразийской концепции русской истории. Когда противоречия между правыми и левыми дошли до раскола, он бросил упрек П.Н. Савицкому в том, что тот ввязался в политическую игру, и призвал лидера правых от запятнанных политических лозунгов вернуться к чистому культурфилософскому творчеству, к разработке идейных и духовных оснований евразийства на его зрелом этапе¹.

Позиция Г.В. Вернадского диктовалась тем, что он был прежде всего ученым, евразийские историко-культурные сюжеты были для него самодостаточны и не требовали немедленного выхода в политическую и социальную практику. В позиции Г.В. Флоровского была своя нерушимая логика, полностью отвечавшая его историософским воззрениям, согласно которым всякая попытка гармоничного устройства внутри истории представлялась ему утопией и соблазном. Но для тех деятелей движения, которые утверждали религиозную ценность исторической жизни, видя в ней не только поляризацию сил добра и

¹ Г.В. Вернадский – П.Н. Савицкому. 10 апреля 1929 года // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 79–80 об.

зла, но и начало теозиса, вопрос о действии обойти было нельзя. На передний план выдвигался вопрос о целях и путях социального делания, о государстве правды, основанном «на неразрывной связи человека с Богом» [27, с. 90]. Идеологи Кламара, левые евразийцы, П.П. Сувчинский и Д.П. Святополк-Мирский, в отличие от Трубецкого, Флоровского, Вернадского менее всего хотели видеть в евразийстве только теорию, пусть самую блестящую и ученую. Отказ от политической мысли и действия, строгая установка на «теоретическую разработку вопроса»¹ казались им непозволительной узостью. Евразийство, подчеркивали они, должно стать опорой строительства – государственного, общественного, экономического, культурного, одушевить собою все сферы и планы жизни.

Примечательно, что резкий критик кламарского уклона П.Н. Савицкий, в сущности, стремился к тому же. Он хотел сделать евразийство творческой силой истории, добиться того, «чтобы религиозные начала стали действительны в “политике” и жизни» [25, с. 275]. «Религиозная правда, – подчеркивал он, – должна раскрыться как *правда социальная* и освятить *социальное деланье*» [29, с. 5]. В духовном преображении «новой социальной России», в переводе колоссальной энергии народных масс в созидательное русло состоит, по его убеждению «величайшая задача нашего времени» [29, с. 5].

И правые, и левые евразийцы стремились к соединению философской мысли и политического действия и в равной степени опирали его на этический и духовный фундамент, который давало им христианство в его восточно-православном изводе. И те и другие были заряжены волей к целостному, общему делу (формула, в конце 1920-х годов с равной частотой появлявшаяся и у левых, и у правых идеологов евразийства). Но договориться друг с другом так и не смогли, сорвавшись во взаимные склоки, пойдя на поводу «человеческих, слишком человеческих» чувств и амбиций и не сумев за нападками друг на друга разглядеть то общее, что объединяло их гораздо сильнее, нежели до предела заостренные расхождения.

Главным пунктом расхождения правых и левых стала философия Маркса. Внимание к ней левых евразийцев диктовалось именно потребностью в практике. Марксизм привлек кламарцев своим пафосом делания, не отвлеченного философствования, а именно делания (знаменитый тезис Маркса о Фейербахе). Другой вопрос, что само дело, которое предлагал миру марксизм, они считали недостаточным и ущербным и последовательно упрекали коммунистическую доктрину в безрелигиозности. Отталкиваясь от идей Маркса, левые евразийцы стремились построить собственную концепцию социального действия, но при этом дополняли ее ценностями русской христианской мысли. И тут настоящим открытием для них стала философия Н.Ф. Федорова. В «синтетической концепции Федорова» [23] левые евразийцы нашли опору и своей установке на реальное историческое действие, и «религиозному обоснованию культуры» [3], и утверждению смысла хозяйства. «Для многих из нас “Философия Общего Дела” была ключом, открывшим нам истинное содержание нашей собственной философии. Он помог нам преодолеть бытовое понимание православия в сторону истинной христианской онтологии и этики (этики Общего Дела)» [35], – писал на страницах «Евразии» Д.П. Святополк-Мирский.

Центральной темой газеты стала тема русской революции и ее перспектив для России и человечества. По сравнению с классическим евразийством трактовка революции у кламарцев изменилась не просто существенно, но радикально. В сборниках «Исход к Востоку» и «На путях», обозначивших программу евразийства, как она сложилась в начале 1920-х годов, русская революция представляла стихийным бунтом народа против европеизации, против

¹ Там же. Л. 80 об.

навязываемой чуждой культуры, форм жизни, духовных ценностей и ориентиров, а большевизм, взявший в итоге верх, – наиболее агрессивным обликом западничества, снова, уже в России советской, закабалившим народную личность. Идеология коммунизма воспринималась как «особым образом отраженная идеологическая сущность европейских “новых веков”» [27, с. 89–90] и в этом смысле объявлялась чуждой исконным началам евразийского мира. Левые евразийцы фактически отвергли эту трактовку. Они стремились уловить религиозный, метафизический смысл русской революции, понять ее как начало новой, не только исторической, но и онтологической эры. Революция, утверждали кламарцы, «освободила людей от отчуждения и пассивности», призвала «к активно-проективному преобразованию природы», восстанавливая на новом витке первоначальное религиозно-трудовое отношение человека к миру, бывшее свойством первобытных обществ. Однако в революции труд и активность масс секуляризованы и тем самым ущербны. Преодолеть эту ущербность как раз и может помочь «Философия общего дела», укорененная «в религиозной православной традиции» [23], дающая высшее оправдание труду человека, христиански освящающая активность. Федоров – «основоположник новой органически-народной традиции религиозной мысли и дела» [39], и его идеи прямо создают фундамент «новой трудовой культуры», открывающей эру «освобождения человечества», подлинного исторического творчества [22].

Пафос вселенскости здесь очевиден. Как в свое время идеологи «перманентной революции» стремились зажечь вселенским пожаром народы всех стран, так теперь левые евразийцы стремятся одушевить человечество идеей Мирodelания. Впрочем, говоря об Общем деле, они рассматривают его только на уровне социума. Центральной идеи философии Федорова – идеи имманентного воскрешения, соучастия человеческого рода не только в социальном строительстве, но и в эсхатологическом акте, левые евразийцы не принимали – в отличие от некоторых представителей правого лагеря, таких как В.Н. Ильин, который высоко ставил христианский проективизм Федорова, называл его «пророком бессмертия и воскрешения, пророком соборного общего дела, в самом важном для человечества – в борьбе со смертью» [19, с. 110] и сравнивал его с преподобным Серафимом Саровским.

После раскола движения, произошедшего в 1929 году, центром собирания евразийских сил становится Прага. Главный лидер движения П.Н. Савицкий отчетливо понимает: евразийская работа должна носить не только организационный, но и идеалотворческий, проективный характер. На новом витке евразийцы поднимают государственный, общественный, национальный, религиозный вопросы, ставят проблемы культуры и языка, философии истории и философии хозяйства [2; 31; 57; 24; 4]. В экономической сфере они выступают за развитие государственно-частной системы хозяйствования, подчеркивают роль планирования при сохранении свободного хозяйственного самоопределения личности. В сфере религиозной – за безусловную свободу вероисповедания. Касаясь политики государства в области культуры, подчеркивают, что главная цель этой политики – способствовать «проявлению духовной инициативы и духовной энергии как отдельного человека, так и человеческих коллективов» [14, с. 26], критикуя с этой точки зрения культурную политику Советской России: она насильственна, директивна, лишает науку и культуру их главного существа – «свободного духа исканий» [14, с. 26].

Говоря об обустройстве России-Евразии, идеологи евразийства 1930-х годов в то же время считали, что движение должно ответить на главные вопросы времени, представить аксиологическую модель, актуальную не только для евразийского региона, но и для мира. В этом смысле уроки русской религиоз-

ной философии и опыт Кламара не прошли для них зря. Мысль о вселенскости, столь чуждая движению на его начальном этапе, крепла и вступала в свои права.

«Идея всечеловечества, выдвинутая русской культурой и более всего Достоевским, должна получить свое научное оформление» [32, с. 63], – читаем в программной статье Савицкого в сборнике «Тридцатые годы», подводившей итоги десятилетней эволюции евразийства и намечавшей его будущие ориентиры и цели. Видя во всечеловечестве определяющую «установку русского сознания» («нет в мире народа, судьбы которого были бы безразличны для русских» [32, с. 62]), идеолог движения провозглашает лозунг «От россиеведения к мироведению» [32, с. 59]. Путь России-Евразии должен быть подчинен не столько требованиям ее культурно-исторического типа, сколько всечеловеческим, всемирным задачам, принцип племенной – уступить место высшему, религиозному принципу. Другое дело, подчеркивает Савицкий, что восхождение ко всецелому и всемирному идеалу, долг того, что Достоевский называл «всеслужением человечеству», начинается для нации с самопознания и самоопределения, и через это познание своего и решение национальных задач закладывается путь «к познанию общего», «к выполнению задач вселенских» [32, с. 63] – тезис, в котором влияние автора «Дневника писателя» буквально лежит на поверхности.

Вторил Савицкому и Г.Н. Полковников, представитель «молодой философской смены» [30, с. 387, 386], заявившей себя в евразийстве в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В книге «Диалектика истории» (Париж, 1931) он предпринял попытку построения евразийской историософии на основе гегелевского учения о диалектике. «Рационалистическая цивилизация Запада», где сознание оторвано от интуиции, мысль от чувства, где горделивый разум утверждается в богоборчестве и «правду о человеке на земле» ставит на место «Божественной правды», во всем противоположна иррациональному, погруженному в стихию интуитивизма Востоку [24, с. 34]. Но враждебные тезис и антитезис должны примириться в новом спасительном синтезе, который бессознательно искала Россия, стоящая между двумя мирами и причастная каждому из них, на протяжении всей своей тысячелетней истории. Этот синтез, уже сознательно и свободно, утверждала в последние два века и русская мысль, прежде всего в лице Достоевского, который, «пережив в себе весь путь Запада, весь путь самоутверждения человека, став как бы на вершине этого процесса, наметив его высшую точку в последнем отрицании, в последней страшной свободе человека», «наметил и его перелом и диалектическое завершение в примирении с Богом» [24, с. 162].

Полковников убежден: в третью, синтетическую эпоху истории, которую открывает миру Россия-Евразия, найдут свое разрешение антиномии бытия и сознания, сталкивавшие Запад и Восток на протяжении многих веков: единичное и общее здесь примиряются в идее соборности, разум и чувство – в даре «сердечного ума», Истина Бога и истина человека – в идеале «свободного обожения человека». Так полагается путь к «мировой всечеловеческой культуре», являющейся целостным синтезом самобытных национальных культур, в каждой из которых по-своему и неповторимо отражается Абсолютное [24, с. 162, 167, 169].

Завязавшееся еще в Кламарский период внимание к философии Федорова, само по себе свидетельствовавшее об универсальности устремлений лидеров левого евразийства, усиливается в 1930-х годах. Проводником федоровских идей в евразийскую среду становится К.А. Чхеидзе. Он стремится дать движению, обессиленному расколом, новый творческий импульс, вывести евразийскую концепцию, которая на первых этапах своей истории мыслила себя обращенной лишь к тем народам, которые живут на пространстве России-Евразии, на уровень всечеловеческого мировоззрения. «Философия общего дела», с его точки зрения, открывает пути этого перехода. Она глубинно национальна, несет в себе дух славянства и одновременно планетарна, вселенска: «Сердце

учения Ник. Фед. Федорова состоит в объединении человечества на путях творчества и любви. Его любовь универсальна. Она обгоняет века, устремляясь к «конечному идеалу». Она преодолевает время, восстанавливая в сознании человечества его долг в отношении ушедших поколений» [56, с. 843].

В учении Федорова Чхеидзе особенно интересовала идея совершенного общества, общества «по типу Троицы», в котором личности, подобно Божественным ипостасям, связаны неслиянно и нераздельно, пребывают в родственно-любовном, жизнетворящем единстве. «Человечество должно принять Образ пресв. Троицы за образец собственного своего устройства» [51, с. 691], – эти слова Чхеидзе не раз повторяет в своих выступлениях, письмах, статьях. Сближая идеи Федорова и концепцию философии хозяйства С.Н. Булгакова, он подчеркивает: заповедь обладания землей, данная человеку в книге Бытия, есть завет возделывать и преображать эту землю, требование его «соучастия в обожении мира» [53, с. 16, 17]. Завет этот обращен ко всем людям планеты, вне зависимости от того, к какому «культурно-историческому типу» они относятся. И если евразийство не хочет остаться локальной идеей, имеющей значимость лишь для одного, пусть и обширного региона, оно должно вместить в себя философию Федорова с ее пафосом «вселенского делания».

Идеи Федорова Чхеидзе прямо использует в дальнейшей разработке проблемы идеократии. В отличие от Н.С. Трубецкого, который рассматривал идеократическое устройство социума всецело в конкретно-исторической и политической плоскости, не сообщая идеократии никакого метафизического оттенка, он прямо выводит эту идею в план христианской философии истории. Опирается он здесь на построения философа и правоведа Н.Н. Алексеева, двигавшегося от идеократии к эйдократии и предложившего назвать тот тип государства, который предносился взору идеологов евразийства, не идеократическим (слово, несущее в себе партийный, политический смысл), а эйдократическим, ибо «эйдос в отличие от психологически окрашенного слова “идея” не есть одно из возможных многочисленных понятий о существующем, но необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира» [1, с. 592]. Евразийское учение об идеократии-эйдократии Алексеев выстраивал, держа в уме соловьевское понятие теократии, указывая, что высшим принципом эйдократического государства «является верховная из идей – идея религиозная» [1, с. 592]. От такого образа государства уже было недалеко до образа христианского социума, создающего Царство Божие на земле, который еще в 1922 году прозвучал в статье Карташева «Реформа, реформация и исполнение церкви».

Держа в уме построения Н.Н. Алексеева, а также книгу «О конечном идеале» (Харбин, 1932) Н.А. Сетницкого, где были сформулированы понятия целостного идеала, предполагающего полноту счастья и всеобщность спасения, и идеалов частичных, дефектных, дробных, К.А. Чхеидзе выдвигает концепцию совершенной идеократии. Анализируя две ведущие идейные системы XX века – коммунизм и фашизм, – он подчеркивает ущербность идеала, лежащего в их основе. Обе эти системы замкнуты в рамках сущего, пытаются создать идеальный строй с не преображенными, смертными, одолеваемыми самостью людьми, проповедуют селекционный подход (неважно – расовый или классовый), полагают в свою основу насилие... Чхеидзе подчеркивал: истинная, совершенная идеократия может быть построена только на активно-христианском идеале, идеале обожения, победы над смертью, благого вселенского творчества. И именно поэтому необходимо «соразвитие и взаимопроникновение» евразийства, выдвинувшего задачу общественного устройства на идеократических началах, и философии Федорова, в которой этот идеал выражен во всей полноте¹.

¹ Чхеидзе К.А. Ответ на письмо Н.А. Макшеева // ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Ед. хр. 46.

Религиозно-философский масштаб, который обрела концепция идеократии в евразийстве 1930-х годов, заставил евразийцев на новом витке обратиться к проблеме «национальное и вселенское» и по-новому понять интернационализм, который в начальном евразийстве находился под большим подозрением, представлял как продукт «романо-германского», сиречь космополитического, мировоззрения, доказательством чему служили для идеологов «Исхода к Востоку» интернационалистские лозунги большевиков. И в самой доктрине движения идея общности наций и культур, укорененных каждая в свое месторазвитие, превалировала над идеей интернациональной. Но с момента вхождения в евразийскую концепцию идеи симфонической личности противопоставлять национальное и интернациональное стало уже невозможно.

Следуя концепции симфонической личности, евразийцы рассматривали Россию-Евразию как пространство соборного единства больших и малых народов. И в газете «Евразия», одним из ведущих сотрудников которой был Л.П. Карсавин, национальная тема звучала полногласно и полнозвучно. В газете была постоянная рубрика «Национальности СССР», в которой печатались очерки о народностях, входящих в состав многонационального государства. А параллельно, считая себя вестниками новой органической трудовой эры, в которую должно вступить человечество, идеологи «Евразии» озвучивали интернационалистские лозунги. И не только озвучивали, но стремились дать интернационализму твердый фундамент, подчеркивая объективно идущие в мире процессы интеграции. Мировое хозяйство, развитие техники и науки, совершенствование средств связи, интенсивное культурное общение наций – все это создает предпосылки единства. «Интегрирование международной жизни настолько самоочевидно, настолько встало в проблему сегодняшнего дня, что всякий узкошовинистический национализм звучит в наши дни фальшиво и ложно» [16]. Критикуя «дух ложного национализма», приводящий к обособлению национальной личности от общей жизни рода людского, левые евразийцы были готовы покуситься даже на священную теорию культурно-исторических типов, в некотором роде легализовавшую это обособление, создававшую почву для того самого «евразийского национализма», в котором упрекал идеологов движения Н.А. Бердяев. «Проповедовать в наше время дифференциацию культурно-государственных жизней по меньшей мере наивно», – такие *невозможные* для классического евразийства заявления звучали со страниц газеты «Евразия».

В свое время лидер сменовеховства Н.В. Устрялов подчеркивал, что сама по себе идея интернационализма, будучи правильно понята, не исключает «лица необщего выраженья» каждой отдельной нации, «духовные возможности всечеловеческого объединения» «вполне укладываются в рамки великих религий человечества» [42а, с. 420]. И постклармарское евразийство ставит интернациональную проблему именно на религиозную, а в лице Чхеидзе – на активно-христианскую почву. В лоне течения в конце 1920-х – начале 1930-х годов формируется концепция «идеократического интернационала». Речь в ней идет уже не только об устройении общей жизни народностей России-Евразии, но и о духовно-культурном и хозяйственном сближении народов, примыкающих к ее границам, а в перспективе – и об устройении общей жизни народов земли.

Еще в 1921 году в рецензии на книгу Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» П.Н. Савицкий так обозначал поле влияния российско-евразийского мира: «К границам России примыкает ряд народов и стран, которые, не входя в пределы России и стремясь в большинстве случаев сохранить полную свою политическую от нее независимость, связаны, однако, с Россией некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств. Страны эти не являются “романо-германскими”, но в ряде случаев так же, как и Россия, служили и служат объектом “европеизации”. В то же время многие

из них заключают в своем прошлом и настоящем залог духовного своеобразия. Народы и страны эти, весьма вероятно, могут стать союзниками России или примкнуть к ней в ее культурно-историческом противополжении «Европе». Не исключено, что это случится (а отчасти уже имеет место) в отношении некоторых славянских народов, турок, персов, монголов, застенного Китая...» [28]. Не выходя за пределы теории культурно-исторических типов, идеолог евразийства говорит о собирании народов, которые потенциально может осуществить Россия-Евразия, только в плане «противополжения» евразийского собирания европейскому целому. Но помимо этого разделяющего акцента, еще очень далекого от вселенскости, в статье Савицкого присутствует краткая, но значимая характеристика того главного принципа, на основе которого Россия-Евразия будет собирать вокруг себя народы Земли: в отличие от Европы, строящей свои взаимоотношения с народами, «вовлеченными в сферу европейской колониальной политики», на неравноправии, доминировании, подавлении национальных культур, «Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого «братания» наций», и ее культура (слово «симфоническая» пока не звучит, но в потенции содержится в нижеследующем определении) является «в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии» [28]. И здесь прямая преемственность с тем, как определяли сущность русско-славянского или славяно-греко-российского единства Ф.М. Достоевский и Ф.И. Тютчев, противопоставляя германскому единству, спаянному «железом и кровью», единство, основанное на любви.

Во второй половине 1920-х – 1930-е годы тема тютчевского стихотворения «Два единства» стала особенно актуальной. И в связи с ростом национал-социализма в Германии, за которым евразийцы прозорливо видели призрак будущей европейской войны, и в связи с агрессивной политикой Японии, стремившейся доминировать в Азии и в 1931–1932 годах оккупировавшей Маньчжурию. Идея создания «Соединенных Штатов Европы», активно обсуждавшаяся в европейской и эмигрантской прессе после Первого пан-европейского конгресса (Вена, 1926), дополнялась идеей пан-азиатского союза, с которой активно выступала Япония, и обе идеи, носившиеся в воздухе эпохи, вызывали у евразийцев вопрос: какой в перспективе такого разворота событий должна быть политика России-Евразии, и что именно должна противопоставить она двум этим мощным союзам, чтобы не быть раздавленной с двух сторон.

Подступом к его осмыслению стала концепция «государства-мира», сформулированная Н.Н. Алексеевым. Рассматривая «территориальные типы государств», он выделял четыре основных типа: волость (в размере нескольких родов или семейных общин), «земля» (объединение волостей под одной общей властью), «царство» (к этому типу относятся «национальные государства Нового времени») и, наконец, «государство-мир», которое выходит за границы национальных царств, вбирая в свой состав другие народы и земли. «Месторазвитием» «государства-мира» является та или иная часть света, и «государство-мир» стремится «заполнить» ее собою. Такие государства-миры в современности представляют собой Британская империя, Франция с ее колониями, Соединенные Штаты, Китай и Россия-Евразия [2, с. 27–28].

Опираясь на классификацию Н.Н. Алексеева, К.А. Чхеидзе в статье «Лига Наций и государства-материки» попытался взглянуть на перспективы этого объединения наций. Помимо пан-американского (Соединенные Штаты Америки) и пан-евразийского мира (Европа и будущие «Соединенные Штаты Европы»), он выделяет и другие «намечающиеся или чаемые (теми или иными идеологами) миры: пан-азиатский и пан-исламистский» [55]. Каждый из этих миров будет стремиться вовлечь в свою орбиту близлежащие народы и страны. Соответственно роль России-Евразии как пятого государства-материки он видит в том,

чтобы создать мощное поле культурного и духовного тяготения для прибалтийских государств, стран Балканского полуострова, для «Маньчжурии, Западного Китая, Тибета», выводя их из-под исламистского и пан-азиатского влияния, вводя в орбиту будущего пан-евразийского союза [55, с. 324].

Статья «Лига Наций и государства-материки» была написана в 1927 году. К.А. Чхеидзе находился тогда под влиянием идей Н.С. Трубецкого и, подобно ему, стремился удержаться в границах реальной истории, не ставя свои размышления под софиты вечности. Предложенная им модель была конкретна, реалистична, всецело оставаясь в рамках концепции культурно-исторических типов, согласно которой у исторических образований нет ни общего задания, ни объединяющей их общей судьбы. Однако спустя четыре года в статье «Из области русской геополитики», помещенной в сборнике «Тридцатые годы» (Париж, 1931), он перестает придерживаться только этой концепции и приходит к представлению о человечестве как планетарном субъекте истории. Соединяя идею месторазвития, выраженную в трудах П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, антропогеографию своего учителя А.Н. Фатеева и теорию государств-материки Н.Н. Алексеева, он встраивает их в контекст русской христианской историософии, прочерчивая лестницу восхождения от древних племен, имевших свои локальные месторазвития, к античным полисам, затем к государствам, «где субъектом истории является народ или совокупность народов», к «государству-материку» и, наконец, к будущему всепланетарному единству, когда «месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории – всё человечество» [52, с. 336, 340].

В статье «К проблеме идеократии», помещенной в сборнике «Новая Эпоха» (Нарва, 1933) и первоначально носившей название «К организации идеократического интернационала», намеченная Чхеидзе концепция получает законченное развитие. Текущий момент истории он рассматривает как момент становления государств-миров («Америка, Европа, Россия и отчасти Япония приближаются к современной форме организации государства-мира», «остальным странам света», таким как Индия и Китай, это еще предстоит), а ее грядущую фазу – как фазу «организации государств-миров в некоторое высшее объединение – всемирное» [54, с. 362].

В статье «Лига наций и государства-материки» Чхеидзе представляет возникновение крупных многонациональных образований следствием интеграционных процессов, идущих в истории. В статье «К проблеме идеократии» он помещает этот факт в неизмеримо более широкую систему координат, соотнося его с вопросом о сущности и развитии жизни, о человеке и его творческом задании в мире.

Еще В.С. Соловьев видел во «внутреннем росте человека и человечества» проявление «космического роста», «усложнения и усовершенствования природного бытия» [37, с. 630]. И Чхеидзе, апеллируя к Соловьеву, представляет «грядущее объединение человечества» необходимой ступенью «мироздательного процесса» [54, с. 356, 358]. Процесс этот духоматериален, человек является проводником божественного, духовного начала в мир, возводя материю к Богоматери.

Идея космизации мира, в котором должен соучаствовать человек как носитель и орудие Логоса, входила в сознание Чхеидзе не только через Соловьева. В не меньшей степени он опирался на Федорова, о. Павла Флоренского, В.Н. Ильина, который в конце 1920-х годов сформулировал понятие материологизма, определяя его как «признание Логоса, действующего в материи» [18]. Концепция материологизма позволяла примирить Шестоднев с эволюцией, посмотреть на эволюционный процесс сквозь призму телеологии, увидеть в нем восходящую линию развития – к порождению человека, соединяющего в себе

физическое (природное) и духовное (божественное), и затем к богочеловечеству как цели мирового процесса, утверждению совершенного, обновленного бытия. Чхеидзе активно будет продвигать в евразийстве именно такое видение развития мира. Как и П.Н. Савицкий, который, подхватывая мысль Ильина, подчеркнет, что в основе евразийского монизма лежит теория «номогенеза, т. е. эволюции на основе закономерностей, предустановленных Божественной волей» [25, с. 275].

И Л.С. Берг, автор концепции номогенеза, и В.И. Вернадский, с идеями которого Чхеидзе был знаком через Г.В. Вернадского, и Н.А. Умов, о котором узнал из работ А.К. Горского, выдвигали идею антиэнтропийной сущности жизни, противостоящей закону дезинтеграции, рассеяния энергии. В отличие от косной материи, ниспадающей в «неупорядоченное хаотическое состояние», «живое стремится упорядочить хаос, превратить его в космос» [цит. по: 17, с. 34–35]. Чхеидзе прямо следует этой трактовке. «Борьба за жизнь есть, в сущности, организация бытия», и во главе ее стоит человек, «высшая и конечная форма жизни» [54, с. 356], Человек – «организационный центр вселенной» и в этом своем качестве призван «к сознательному участию в деле организации жизни мира, Космоса» [54, с. 356, 357].

В такой онтологической и антропологической перспективе социальная организация человечества мыслится одной из ступеней организации бытия. Слияние национальных и государственных организмов сначала в государства-материки, а затем во всечеловеческий организм необходимо для того, чтобы человеческий род смог исполнить свое задание в мире. Человечество «добивается упорядочения и замирения своей внутренней жизни для обращения своей энергии на исправление и усовершенствование внешней» [54, с. 362].

Ключевую роль в стремительно набирающем темп процессе собирания человечества Чхеидзе отводил идеям и идеалам, представляющим собой ценностные ориентиры развития, его нравственные направляющие и маяки. Он был убежден: от того, какой идеал торжествует в истории, зависит, станет ли планетарное единство реальностью, или же человеческий род сорвется в очередную братоубийственную войну. Подобно Н.А. Сетницкому, критиковавшему дробные идеалы и противопоставлявшему им целостный, богочеловеческий идеал, он отводил созидательную роль в истории только последнему. И выражал мысль, которая позднее прозвучит у В.И. Вернадского, – о соответствии или несоответствии идей, воздвигавшихся человечеством на своих знаменах в разные эпохи истории, эволюционному вектору, устремляющему к созданию всечеловеческой общности: «Без сомнения, мы вступили в фазу вселенскости. <...> Намечается состязание и победит тот, кто возвысится до прозрения высшего, истинного идеала. В этом суть нашей эпохи» [46, с. 702].

Переводя эти рассуждения в конкретный план, соотнося с ближайшими задачами евразийства, Чхеидзе подчеркивал, что последнее должно дать ответ и на вызовы германского национал-социализма, и на агрессию Японии, полагающую главным инструментом объединения Азии милитаризм. Задача движения, подчеркивал он, активно работать «в двух направлениях: Дальневосточном и Европейском» [50, с. 17], способствуя умиротворению, переводя энергию агрессии в мирное русло.

В свое время Н.Ф. Федоров, задаваясь вопросом «возможен ли мир» [45, с. 314] и при каких условиях мир возможен, выдвигал проект всеобъемлющей регуляции, ключевым шагом к которой виделось ему обращение армии в естествоиспытательную силу, употребление накопленной в ней интеллектуальной и научно-технической мощи не просто в мирных, но в спасительных целях – на исследование природы и регулятивную работу в ней. Не разоружение, о котором так много писали и говорили политики и публицисты рубежа веков, но переоружение, «обращение орудий истребления в орудия спасения» [44, с. 276], по христианскому принципу обращения зла в добро –

в этом видел мыслитель реальный путь к предотвращению войн. Современник Чхеидзе, философ Н.А. Сетницкий, транспонируя эту идею на реалии начала 1930-х годов, писал о том, что путь к разрешению дальневосточного конфликта, к предотвращению военных столкновений между Японией и Китаем, Японией и СССР лежит именно на путях регуляции. Эти страны, в отличие от климатически благополучной Европы, регулярно страдают от стихийных природных бедствий: бездождия, засух, наводнений, землетрясений, муссонов. Соответственно и созидательной почвой сотрудничества могут и должны стать дождевание, «борьба с языком пустыни», превращение в плодородные оазисы пустынных, безводных пространств, «овладение воздушной стихией» и атмосферическая регуляция, а в перспективе и овладение «магнитно-тектоническими» процессами, сотрясающими всю поверхность нашей планеты» [36, с. 218, 246].

Сетницкий убежден: к союзу России, Китая, Японии, в котором не будет политики, но будет сотрудничество во имя жизни, в перспективе истории присоединятся и другие государства, «ибо в строительстве климата, в создании условий, обеспечивающих возможность жить на земле, заинтересованы все страны и все народы» [36, с. 246]. Мыслитель грезит о будущей «универсальной климатотехнике и архитектонике, связанных с общей для всей земли планетарной архитектурой» [36, с. 246], о выходе в космос и управлении космическими процессами, намечая контуры той «организации мировоздействия», в которой человеческий род сможет по-настоящему реализовать свое единство.

Ряд положений этой работы перекликался с построениями евразийцев в экономической и геополитической сферах. Определение «центральных задач» хозяйственной деятельности СССР, Японии и Китая, а также тезис об их возможном сотрудничестве Сетницкий строил на анализе географических и климатических особенностей этих стран. Подобно евразийцам, он опирался на идею планового хозяйства, но при этом давал ей расширительную трактовку. В плановости мыслитель полагал инструмент построения новой, регулятивной модели развития мировой экономики, избавления ее от возможных потрясений и кризисов, перевода на новые рубежи, откуда открывались бы уже совершенно иные, религиозные, жизнотворческие перспективы, в полном своем объеме сформулированные в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова и «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова.

Работу «СССР, Китай и Япония» Чхеидзе активно продвигал в евразийской среде, что, впрочем, и не удивительно. Выраженная в ней идея-проект предполагала ту высокую, всеземную и всечеловеческую точку зрения, при которой «месторазвитием» является уже не локальное пространство острова, полуострова, материка, но «весь земной шар», а человечество становится субъектом не только планетарной, но и вселенской истории. В статье «Проблема идеократии», написанной для сборника «Вселенское Дело», посвященного памяти Федорова, Чхеидзе почти цитирует Сетницкого, говоря о перспективах научного и технического развития и о цели подлинного, благого прогресса – «овладение космическими энергиями и, следовательно, овладение Космосом». Смысл регуляции, утишающей хаотические, стихийные силы мира, он видит в том, чтобы просветлить в природе ее Божеский лик, восстановить «родство человека с природой», поднимая ее до человека [54, с. 375].

Работы Чхеидзе стали вершинной точкой движения евразийства от восточничества к всечеловечности, перехода «из состояния «особности» в состояние «вселенскости»» [50, с. 17]. Сам же он писал об этом движении так: «В жизни ЕСТЬ диалектика. Может быть, диалектика и есть жизнь? Во всяком случае – сопряжение противоположностей и единство во множестве – есть факт жизни. <...> Евразийство начало с крайнего утверждения «своего» и от-

рицания “общечеловеческого”, для того чтобы на заре тридцатых годов прийти к идеологической экспансии, к выходу за рамки “особого мира” и включению своего “тока” в “провода”, обегаящие весь мир...» [50, с. 17].

Литература

1. *Алексеев Н.Н.* Теория государства // *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998.
2. *Алексеев Н.Н.* Теория государства: теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. Париж, 1931.
3. *Арапов П.С.* Культура как форма организации эмпирии // *Евразия.* 1928. 29 декабря.
4. *Вернадский Г.В.* Опыт истории Евразии. Берлин, 1934.
5. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974. Т. 11.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21.
7. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1981. Т. 23.
8. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1983. Т. 24.
9. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1983. Т. 25.
10. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26.
11. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 27.
12. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М., 2001.
13. Евразийство (формулировка 1927 года). Прага, 1927.
14. Евразийство: Декларация. Формулировка. Тезисы. Прага, 1932.
15. Евразийство: Опыт систематического изложения // Пути Евразии. М., 1992.
16. *Иванов В.Д.* Об интернационализме // *Евразия.* 1929. № 14. 23 февраля.
17. *Ильин В.Н.* Загадка жизни и происхождение живых существ. Париж, 1929.
18. *Ильин В.Н.* Материализм и материологизм // *Евразия.* 1928. № 2. 1 декабря.
19. *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре. СПб., 1997.
20. Исход к Востоку. София, 1921.
21. *Карташев А.В.* Реформа, реформация и исполнение церкви // На путях. Утверждение евразийцев. Москва; Берлин, 1922.
22. От необходимости – к свободе // *Евразия.* 1929. № 33. 10 августа.
23. От редакции // *Евразия.* 1929. № 10. 26 января.
24. *Полковников Г.В.* Диалектика истории. Прага, 1931.
25. *Савицкий П.Н.* Газета «Евразия» не есть евразийский орган // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940: Документы и материалы. М., 1999.
26. *Савицкий П.Н.* Два мира // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997 (впервые: На путях. Утверждение евразийцев. Москва; Берлин, 1922).
27. *Савицкий П.Н.* Евразийство // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.
28. *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия // Русская мысль. 1921. № 1–2.
29. *Савицкий П.Н.* Задание евразийства // Евразийский сборник. Прага, 1929.
30. *Савицкий П.Н.* Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. М., 1997.
31. *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. Берлин, 1931.
32. *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Париж, 1931 (подп.: П.В. Логовиков).
33. *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997 (впервые: Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 3).
34. *Савицкий П.Н.* [Предисловие к статье А.В. Карташева] // На путях. Утверждение евразийцев. Москва; Берлин, 1922.
35. [Святополк-Мирский Д.С.] Путь евразийства // *Евразия.* 1929. № 8. 12 января.
36. *Сетницкий Н.А.* СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции. Харбин, 1933.
37. *Соловьев В.С.* Идея сверхчеловека // *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2.
38. *Сувчинский П.П.* Инобытие русской религиозности // Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3.
39. [Сувчинский П.П.] По поводу писем Н.Ф. Федорова // *Евразия.* 1929. № 24. 4 мая.
40. *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана (впервые: Евразийский временник. Берлин, 1923. Вып. 3).
41. *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры. (Этническая основа русской культуры) // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 2000 (впервые: Исход к Востоку. София, 1921).

42. Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.
- 42а. Устрялов Н.В. О нашей идеологии // Устрялов Н.В. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
43. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 1.
44. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 2.
45. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М., 1997. Т. 3.
46. Н.Ф. Федоров: Pro et contra: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 2.
47. Флоровский Г.В. О народах не-исторических // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000 (впервые: Исход к Востоку. София, 1921).
48. Флоровский Г.В. О патриотизме праведном и греховном // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
49. Флоровский Г.В. Письмо к П.Б. Струве о евразийстве // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
50. Чхеидзе К. Номер девятнадцатый // Евразиец. 1932. № 20. Май.
51. [Чхеидзе К.А.] Записка К.А. Чхеидзе о философии Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 2.
52. Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики // Чхеидзе К.А. Путник с Востока (впервые: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 8).
53. Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Новая Эпоха. Политика. Экономика. Обзоры. Нарва, 1933.
54. Чхеидзе К.А. К проблеме идеократии // Чхеидзе К.А. Путник с Востока (впервые: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 8).
55. Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки // Чхеидзе К.А. Путник с Востока (впервые: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 8).
56. [Чхеидзе К.А.] Речь К.А. Чхеидзе на открытии выставки к 30-летию со дня смерти Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 2.
57. Якобсон Р.О. К характеристике Евразийского языкового союза. Прага, 1931.

Аннотация. Автор рассматривает историю евразийского движения с точки зрения притяжения / неприятия его идеологами идеи «всечеловечности», выдвинутой Достоевским и ставшей одной из базовых категорий русской христианской историософии. Первоначальное евразийство, опиравшееся на теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и декларировавшее «исход к Востоку», ставило «всечеловечность» на одну доску с «космополитизмом». Однако по мере развития евразийской доктрины, ее обогащения идеями и ценностями русской религиозно-философской мысли, утвердилась иная позиция: восточничество подчинилось всечеловечности, месторазвитием стала планета Земля.

Ключевые слова: евразийство, восточничество, всечеловечность, русская религиозно-философская мысль.

Anastasia Gacheva, Ph.D. in Philology, Professor, Senior Research Fellow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. E-mail: a-gacheva@yandex.ru

Eurasianism: From Orientalism to Universal Humanity

Abstract. The author examines the history of Eurasianism in terms of its acceptance or rejection of the “universal humanity” notion, which was suggested by Dostoevsky and has become one of the basic categories of Russian Christian historiography. Initially Eurasianism, which based on N. Danilevsky’s theory of cultural-historical types, declared that “Exodus to the East” equated “universal humanity” with “cosmopolitanism”. However, with the development of the Eurasian doctrine, its enrichment with ideas and values of Russian religious philosophy, a different position became rooted: Orientalism submitted to universal humanity, and the Earth has been viewed as the development site.

Keywords: Eurasian Orientalism, Universal Humanity, Russian Religious-Philosophical Thought.

Нобуо Симотомаи. Ввиду ограниченности времени хотел бы коснуться только трех пунктов. Сначала о Бердяеве. Вчера коллеги говорили, что американцы мало читают Бердяева. У нас в Японии Бердяев был всегда – хотя не так много, но ему уделялось внимание. Бердяев – это своего рода марксистский феномен, это антипод марксизма. Бердяев – результат того культурного поворота, который имел место в конце XIX – начале XX века. Напомню, что марксизм появился в Германии, Японии и России почти одновременно, хотя в Японии чуть позже. И с тех пор в японских университетах всегда были марксисты. И потому в рассуждениях о марксизме, октябрьском перевороте и большевистском коммунизме всегда была и есть известная неясность. С одной стороны, Бердяев – антипод марксизма. С другой – японский марксист должен читать его, должен как-то трактовать марксизм, коммунизм. Да, марксизм и ленинизм – не одно и то же. У нас до сих пор идет дискуссия. В предстоящие два года будет активно обсуждаться вопрос, каково историческое значение всего этого. Да, тридцать лет назад говорили о всемирном значении Октябрьской революции, которую Бердяев именовал всего лишь переворотом. Какая разница между той «революцией» и этим «переворотом»? Каково их значение на фоне оживления религии в начале XX века, неокантианства, богоискательства. Для японцев всё это важно до сих пор. В Азии до сих пор есть коммунизм. И потому бердяевский консерватизм также имеет большое значение. Это мой первый пункт.

Второй пункт – очень кратко о результатах девятого Всемирного конгресса социологов, который закончился две недели назад. Конгресс впервые состоялся в Японии и в Азии. Перед нами, организаторами, возник вопрос, как трактовать Россию – Азия она или Европа, – особенно на фоне российского поворота к Азии. Наш подход был таков: Азия неодинакова, как и различна Европа. Хотел бы подчеркнуть, что для японских русистов очень важно азиатское измерение России. Из 1310 гостей из разных стран мира было почти 200 россиян и 50 ученых из Казахстана. Это был диалог между Западом и Востоком. И мы играли роль моста. Это мой второй пункт.

Третий – о том, как японские эксперты по России оценивают ее поворот к Азии. Я участвовал в экспертной комиссии при японском МИДе. В частности, там обсуждался вопрос, как реагировать на посткрымскую ситуацию. Наша концепция была такова: Крым всегда служил барометром отношений России с Западной Европой. В свое время Крымская война оказалась той гранью, после которой министр иностранных дел Горчаков сделал поворот к Азии. И девяносто лет спустя Крым вновь знаменует историческую грань. Тот Крым, который возник год назад, это снова поворот к Азии. Несмотря на все разногласия, это большой шанс для азиатских, включая японских, экспертов. Поэтому мы внимательно следим за развитием ситуации. Разумеется, этот поворот не есть результат Крымского кризиса – еще десять лет назад ваш президент Владимир Владимирович Путин предпринял соответствующие шаги к нему. Из участников нынешней семерки мы, японцы, более осторожно относимся к санкциям по отношению к России, хотя и не можем оправдать ее действия в Крыму. Но мы все-таки стремимся делать шаги вперед, и, надеюсь, осень этого года будет более динамичной и интересной.

Л.В. Поляков. Большое спасибо, профессор Симотомаи. Мне кажется, на наших с вами глазах родилась новая концепция России XXI века, которую сформулировал профессор Симотомаи: «Москва – третий Крым, а четвертому не бывать».

А.А. Маслов. Коллеги, хотел бы отреагировать на ряд высказанных тезисов, в том числе – профессора Симотомаи, который затронул вопрос о развороте России на Восток. Когда мы говорим о развороте России на Восток и об общности или, наоборот, о распадении русской и китайской или японской культур – эта дискуссия очень давняя. Напомню три момента, которые у нас почему-то мало обсуждаются. Первый: концепция разворота на Восток задумывалась, если не ошибаюсь, в 2005–2006 годах. Именно тогда был подготовлен для российского правительства документ «Разворот на Восток». Он получил одобрение, но не получил

развития. Я принимал участие в деятельности той рабочей группы. Документ содержал прежде всего моменты расширения культурно-политических и экономических связей.

Сейчас, на мой взгляд, никакого разворота на Восток не происходит. И главный вопрос заключается в том, а чем вообще можно измерять этот разворот? Если будем измерять исключительно экономическими цифрами, имеет место падение товарооборота со всеми нашими восточными партнерами. В том, что касается отношений с Китаем, на мой взгляд, улучшения их не происходит. Впрочем, не происходит и ухудшения – формируется весьма реалистичная модель взаимодействия, когда каждая страна занимает то место, которое обуславливается ее экономическим потенциалом, а не просто ображениями дружбы. И в этом плане, уйдя с Запада, Россия не получила всего того, что потеряла на Западе по экономической схеме.

Второй момент. С точки зрения экономики, разворот на Восток абсолютно провален или по крайней мере пока не произошел. Если говорить о культурном развороте на Восток, здесь тоже надо определить критерий, произошел он или нет. Да, Китай стал расхожим тезисом в научных и околонучных публикациях, стал темой, на которой пытаются топтаться, прошу прощения за это выражение, сотни профессиональных и непрофессиональных людей. Более того, возрождаются дискуссии, которые на самом деле в науке отработаны давным-давно.

Вот, например, дискуссия о Нидэме вновь возникла. Я согласен с профессором Матвейчевым о важности изучения его многотомного труда. Напомню, что первое издание вышло в 1940 году. Советское китае- и востоковедение отработало концепцию Джозефа Нидэма в 1983–1984 годах. Сегодня люди знакомятся с тем, что уже отработано, и культурный шум заставляет нас верить в то, что идет разворот на Восток в этом плане. Но обратите внимание, никакого заметного прироста научного осмысления Востока, по крайней мере в российской научно-культурной среде, не наблюдается.

И третий важный момент – последствия выдвижения тезиса о развороте на Восток. Под красивые разговоры о том, что Россия ищет себе новых партнеров на Востоке, мы, по сути,

входим в китайскую концепцию разумной атрибуности, о которой в иной терминологии здесь говорил Василий Кашин – об особом типе даннической зависимости от Китая. Эта концепция воспроизводилась, на мой взгляд, где-то с III века новой эры, она продолжается до сих пор. Речь идет о включении в культурно-экономическую среду Китая, когда от страны требуется признание высочайшей власти китайского императора. Ну, а дальше Китай, действительно, в разумных пределах будет поддерживать эту страну.

Концепция разворота на Восток, как она сегодня обсуждается, это попытка расписать в бессилии самостоятельно решить внутренние проблемы. Разворот на Восток сам по себе не плох, плохо то, что мы в конце концов не выдвинули никакой креативной составляющей этого разворота.

Л.В. Поляков. Спасибо большое, Алексей Александрович. Как всегда, Высшая школа экономики резко и бескомпромиссно ставит проблему. Ответ на предложение наших китайских друзей включаться в систему альтруистического лидерства ясен и понятен.

Сейчас я обращаю свою просьбу к нашим друзьям и коллегам из Малайзии и Сингапура. Может быть, они прокомментируют ситуацию из Юго-Восточной Азии. Я вижу поднятую руку господина министра иностранных дел.

Билахари Каусикан¹. Мне очень интересно находиться здесь. Несколько комментариев. Вы знаете, что я работал послом Сингапура в Российской Федерации и мой отец был первым сингапурским послом в Советском Союзе. Поэтому для меня это продолжение семейного дела. По мере того как я слушал вчера и сегодня утром доклады, мне пришла такая мысль: судьба России в том, чтобы восприниматься азиатской страной Западом, и западной – азиатами. Вы обращаетесь к восточной культуре, когда сталкиваетесь с отрицанием и крахом иллюзий в отношениях с западным сообществом. Мой совет тем, кто хотел бы лучшего для России, заключается в том, чтобы не за-

¹ Перевод с английского *Н.В. Панич*.

ниматься излишне много вопросами идентичности и культуры. Вы те, кто вы есть, вы там, где вы есть, и мы все находимся в мультикультурном мире, где у каждого своя идентичность и своя культура. Возьмите для примера любую страну: Японию, США, Россию, Европу, Сингапур, Китай, Малайзию – у каждой свои особенности. Безусловно, не следует забывать о вопросах культуры, но мы должны избегать доминирования одних вопросов над другими. Когда я был послом в России, страна переживала переходный период – на смену советскому строю пришло современное общество. Так что я не понаслышке знаю, как Россия переживала сложные времена. И я говорил своим друзьям в шутку: проблема России заключается в том, что здесь слишком много слушают иностранцев. Например, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, а в те годы – Джеффри Сакса. Сейчас вам удалось стабилизировать ситуацию, и мы очень благодарны вам за это. Поэтому я призываю вас не слушать слишком много ни представителей Азии, ни представителей Запада.

Л.В. Поляков. Спасибо, господин Каусикан. Повторяю свою просьбу к нашему гостю из Малайзии. Господин Шазми Али, как Малайзия смотрит на возможность большего присутствия России в Азии?

Шазми Али¹. У меня несколько комментариев. Прежде всего мы много говорили об азиатской культуре, но если сегодня азиат попробует определить азиатскую культуру, то он не сможет подобрать нужные слова, потому что такого понятия, как единая азиатская культура, не существует. Азию можно разделить на несколько частей. Культура Куала-Лумпура кардинально отличается от Калькутты или Куньмина. И даже у нас в Малайзии культура очень разнообразна. Нам сложно дать оценку азиатской культуры как чего-то целостного. На огромной территории существует множество видений и подходов. Это первое. В последнее время во многих местах мы отмечаем наличие городской и сельской культур

с их отличительными чертами. Будь то Сеул, Сингапур или Куала-Лумпур, городские жители, особенно молодежь, ведут себя схожим образом, они действуют похожим образом, хотя могут быть выходцами из разных стран, говорить на разных языках. И, может быть, для того чтобы Россия в будущем лучше понимала свою идентичность, надо определить, кого вы хотите представлять? Городских или сельских жителей? Потому что учитывать интересы таких групп легче, чем пытаться сочетать многочисленные культуры.

И еще один тезис, который я, воспользовавшись предоставленной возможностью, хочу озвучить в этом высокоинтеллектуальном обсуждении. В Азии живет более трех миллиардов человек. Большинство из них не могут принимать участие в таком или аналогичном форуме. Их суждения зависят от того, что они видят и слышат. К сожалению, те, кто контролирует СМИ, сегодня формирует представления всех. (Сейчас говорю от лица малазийцев, а не от имени всех азиатов.) Если мы спросим обычных малазийцев: «Что вы думаете о России?» – они не смогут ничего сказать о культуре вашей страны, не говоря уж о Толстом или Бердяеве. Об этом они ничего не знают. Но им известны те факты, которые на слуху. Например, они знакомы с такой фигурой, как Роман Абрамович – хозяин футбольного клуба «Челси». Им знаком, например, Сергей Бубка – обладатель олимпийских медалей, установивший множество удивительных мировых рекордов. Сейчас сильно влияние голливудских фильмов, где не очень лестно отзываются о России. Таким образом, если вы хотите подключить к диалогу простых граждан, а не только элиты, то СМИ являются одним из инструментов. Кроме того, сейчас можно наблюдать огромный приток азиатских туристов в Европу. Ранее большинство азиатов предпочитало не выезжать за пределы страны, сейчас они ездят по всему миру. Развитие российского туризма позволит большему числу людей приехать в Россию, и они смогут открыть для себя такую замечательную страну, как Россия, как это сделал я за эти дни.

Л.В. Поляков. Хочу акцентировать внимание на нескольких мыслях, которые новы и важны

¹ Перевод с английского *Н.В. Панич*.

для нас. Одна из них – Азия разная. Это вновь вводит в наш дискурс проблематику модернизации. Тезис господина Али переключает нас к следующему этапу Чтений. Действительно, разрыв между городской и сельской культурами – это разрыв, который проходит, что называется, поверх всех других культурных различий.

Вторая мысль – как нам удастся эта самопрезентация культур. Какой могущественный посредник управляет этим процессом? Разумеется, это медиа. То, что малазийцы лучше знают Романа Абрамовича, чем Льва Толстого, это целиком и полностью заслуга, конечно же, медиасферы, которая предпочитает рассказывать о «Челси».

Притяжение Азии. Китайский опыт для России

Период истории, когда Россия вместе с Китаем была частью монгольского политического пространства, коренным образом изменил судьбу русской цивилизации. С этого момента в борьбе с вторгшейся азиатской идентичностью, нарушившей естественный, европейский ход нашей истории, начала формироваться российская цивилизация. Уже тогда Россия становилась евразийской, а азиатский компонент появился в ней задолго до того, как она стала евразийской географически. Именно этот азиатский ген впоследствии позволил России освоить обширные пространства Евразии, не дав шанс Польше реализовать свой геополитический проект. Ни один другой европейский народ не смог бы этого сделать, европейцы могли только колонизировать, то есть подчинять себе культурные пространства Азии и Африки и удерживать их силой. Азиатский ген России блокировал отторжение Азии, поэтому Российская империя не была разделена на колонии и метрополию и развивалась как единый политический и культурный организм¹.

Россия изменилась, но простить себе этого не могла. Естественное неприятие навязанной идентичности стало причиной того, что она стремилась возвратиться к своим истокам и по-прежнему мыслила себя европейской державой, хотя была уже другой. Считать себя европейской было для нее тем легче, что на протяжении всего этого времени Запад быстро развивался экономически и политически, расширяя свое влияние, в том числе на Восток. Представляя Запад, Россия шла в авангарде этого процесса, получая все выгоды от принадлежности к наиболее сильной части мира.

Сейчас впервые за многие столетия ситуация может в корне измениться. Поворот на Восток – это не только политический курс российского руководства в условиях мирового кризиса и санкций, это признание цивилизационной ценности и состоятельности *современного* Востока, его заслуг в проведении модернизации и поисках ответа на вызовы Запада. Теперь Восток уже не однозначно варварский и отсталый – он себя реабилитировал. Сначала Япония, затем азиатские «драконы» и «тигры» и, наконец, Китай продемонстрировали успехи во всех сферах экономической и общественной жизни. В таких обстоятельствах нам нечего больше стыдиться своих азиатских корней, и российский политический класс уже не боится и все чаще вспоминает свою евразийскую идентичность. В информационно-пропагандистском пространстве всё чаще ут-

¹ Особую роль в этом сыграло монгольское завоевание. Орда, как известно, терпимо относилась к православию, стремясь жестко контролировать лишь административно-политическую власть. Сохранившее в результате такой секуляризации более высокую степень своей автономности православие и стало фундаментом русской идентичности – более духовной, чем политической и этнической.

верждается, мнение, что татаро-монгольского ига не было, а был некий «союз дружественных племен», который, возможно, вытеснит из общественного сознания «братский союз трех славянских народов». И вот уже место Украины все прочнее занимает не менее братский, но евразийский Казахстан.

Такая перемена в умонастроениях означает, что евразийство как идея созрело для нового этапа практического воплощения. Ядром этого нового политического образования, вероятно, уже стал Евразийский экономический союз. Воплощенные в нем историко-культурная неоднородность, этническая и религиозная многослойность являются обязательным критерием цивилизации и дают ей широкий набор методов и средств, повышая ее устойчивость и жизнеспособность¹. Признание, быть может, вынужденное экономической слабостью и геополитической уязвимостью, сложносоставного, неоднородного характера Большой России может стать началом нового этапа цивилиогенеза, усилить азиатский дрейф и, одновременно, осознание себя не частью Европы, а носителем самостоятельного цивилизационного начала.

Нынешний выбор в пользу Востока – пока не окончательный, но, похоже, неизбежный. Всего двадцать пять лет назад Россия во имя европейской идентичности, ставшей особо привлекательной после неудачи социалистического проекта, постаралась избавиться от азиатского бремени в лице среднеазиатских и закавказских республик, чтобы из социалистической стать европейской, но так и не нашла себя в Европе и вернулась, уверенная в предначертанности своей евразийской миссии.

Ясное понимание характера и цивилизационного статуса России меняет представление о целях современного этапа развития. Это уже не модернизация европейского государства с неизменными либеральными ценностями, а преобразование евразийской цивилизации, главная задача которого не избавиться от азиатского бремени в пользу демократии и свободы, а сохранить свою идентичность и найти ей место в современности, интегрировав в нее достижения современного мира.

На смену фазе универсализма мировой истории, порожденной культурой модерна и европейским превосходством, приходит фаза идентичности, возвышающая Восток. Активизация восточного направления мирового развития проявляется не только в повороте России в Азию, но и в усилившемся влиянии Востока на Европу, прежде всего в результате мусульманских миграционных потоков, представители которых сохраняют свою культурную самобытность и в Европе. Фаза идентичности завершает эпоху классических модернизаций и открывает новые перспективы для России.

Участие во второй волне модернизации, которая охватила целый ряд европейских стран, в том числе Германию, Испанию, для России было основано на ошибке восприятия. Она считала, что является частью европейской цивилизации, просто наряду с некоторыми другими европейскими народами немного отстала. Поэтому приближение к передовому западноевропейскому обществу действительно могло восприниматься в качестве цели. Не случайно марксизм как первая экономическая и политическая теория модернизации появился в Германии², а практическое воплощение получил в России. Научный социа-

¹ Эта идея, высказанная А. Тойнби, вытекает из появления «родственно связанных цивилизаций». См. [3, с. 91–92]. В.И. Уколова связывает жизнеспособность цивилизаций с последовательным освоением жизненной среды и «переносом Вызовов и Ответов из внешней среды внутрь общества» [3, с. 13].

² Являясь прямой наследницей римского мира уже без малого двести лет, Германия активно ищет собственные варианты цивилизационного проекта для Европы и, несмотря на многочисленные неудачи и порой трагические последствия, сохраняет ведущую роль в интеграционных процессах на европейском пространстве.

лизм не просто взял в качестве цели наиболее развитое и передовое на тот момент западноевропейское общество, а попытался его улучшить с точки зрения принципов самой европейской цивилизации, прежде всего за счет гуманизма, социальной справедливости и рациональной организации общественного производства. В этом было главное отличие идеи социалистической модернизации от буржуазной, капиталистической, выведшей Западную Европу на лидирующие позиции в мире. В результате на определенном этапе Россия оказалась во главе общеевропейского движения, но, следуя своей цивилизационной траектории, не смогла надолго остаться в этом качестве и пошла своим путем, отдалившись от ценностей европейского социализма.

Революции начала XX века в России были реакцией на внутренний кризис, вызванный новым этапом мирового развития, и социалистический проект был только одним из возможных вариантов исторического движения, число которых всегда увеличивается в периоды кризиса, как, кстати, и сейчас. У социализма в России имелись альтернативы, которые были ближе ее цивилизационной природе, но уступали социализму в части соответствия доминировавшим тенденциям мирового развития, прежде всего экономическим. Поражение в конце 1920-х европейского социалистического проекта в России было связано с высокой абстрактностью и отвлеченностью поставленной цели. Ее запредельно высокие требования были необходимы для эмоционального подъема и начала революционного переустройства, но недостаточно конкретны для долговременной стратегии.

Наибольших результатов советский социалистический проект достиг тогда, когда отошел от идеалов европейского социализма и приблизился к своей азиатской природе – в сталинский период. Именно тогда произошло фактическое сокращение объективно измеряемого разрыва в уровне развития с западными странами, которое состоялось не в рамках приближения к европейским корням, а в рамках самостоятельного цивилизационного проекта.

Кризис в СССР начался с очередной попытки уйти с исторической траектории и вернуться к европейским основам государства и общества, с десакрализации власти в 1956 году и вслед за этим революционного по природе и сакрального по характеру социального проекта, то есть как только началось возвращение к изначальным гуманистическим ценностям социализма, к раннему Марксу. В Западной Европе социалистический проект между тем увенчался успехом. Социализм смог улучшить капитализм в рамках общего европейского движения. Западноевропейским социал-демократиям удалось построить социально справедливое общество. Швеция, Дания, Норвегия и даже Франция стали примером стран, если и не построивших социализм, то уже победивших капитализм. Открывшийся Западу, чтобы положить конец конфронтации и холодной войне, М. Горбачев был очарован успехами европейских социал-демократов и захотел хотя бы частично воплотить их опыт в России. Его ошибка состояла в том, что цивилизационная идентичность России опять была принесена в жертву притягательной западной идее. Логическим итогом деградации советской модели стало провозглашение общечеловеческих ценностей, «социализма с человеческим лицом», лишившее цивилизационный проект социально-исторического смысла. Следующим этапом, порожденным крахом советского проекта, стало еще более откровенное желание воплотить в России западный капитализм и окончательно порвать с евразийской идентичностью. Но, отбросив в 1990-х идеологические ограничения, цивилизационная природа взяла реванш, и на место казарменного социализма пришел не менее далекий от европейского оригинала бандитско-олигархический капитализм.

На рубеже XXI века продолжавшийся кризис в России и неожиданные успехи все еще социалистического Китая задали новую систему координат и

показали, что целью модернизации на новом историческом этапе является не повторение западного опыта, а сохранение идентичности и адаптация ее к современности.

Анализ общего с начала 1980-х годов процесса реформ в Китае и России может помочь вскрыть причины столь разных, местами диаметрально, результатов. Главная из них, как представляется, в том, что в Китае была ясная цель, понимаемая властью и принимаемая обществом, не менявшаяся на протяжении ста пятидесяти лет – восстановить свое место в мире, а не улучшить западную общественную модель, чего хотели большевики, совершая Октябрьскую революцию, или приблизиться к облагороженному социализму, чего добивался М. Горбачев в 1980-х годах.

Китай тоже не сразу освободился от заблуждений в формулировании стратегической цели и прошел несколько этапов поиска, прежде чем понял, что заимствование западного опыта является не целью, а всего лишь инструментом, чтобы сократить разрыв и преодолеть отставание. А единственно достойной целью для Китая может быть только цивилизационная миссия, оригинальный вклад в историю человечества. Поэтому его текущая задача заключается даже не в построении гармоничного социалистического общества, о котором еще десять лет назад говорил бывший генеральный секретарь Ху Цзиньтао, еще пытавшийся соединить китайскую традицию и коммунистический идеал, а в воплощении «китайской мечты», о которой в XXI веке предельно откровенно сказал Си Цзиньпин.

Изменение характера эпохи и вслед за этим русла мировой истории – всегда вызов для цивилизации. В выборе между выполнением исторической миссии и задачей просто выжить и сохраниться заключен главный конфликт современной России. Перед ней стоит выбор: подтвердить свой цивилизационный статус, взяв на себя груз исторической ответственности, либо его потерять и добровольно стать частью другого исторического субъекта, другой цивилизации, превратиться, по словам Н. Данилевского, в этнографический материал.

Появление на Востоке успешного и конкурентоспособного цивилизационного центра создало не просто новый полюс притяжения, но подтвердило принципиальную возможность творить и подсказало, что историческое движение современной России возможно не только в одной плоскости, по горизонтали – между Востоком и Западом, Европой и Азией, но и по вертикали – вверх по пути прогресса и вглубь цивилизационной природы.

Какие уроки может дать России опыт китайских реформ и модернизации?

Первое. Наличие не политически, а исторически обоснованной цели, может быть, недостаточно четко и окончательно сформулированной, но указывающей верное направление. Китай не открыл, а лишь подтвердил уже давно известную истину: с Нового времени, когда в стремлении уподобиться Богу Европа перенесла высокую цель из горнего мира в дольний, ясная, исторически обоснованная и практически подтвержденная цель является обязательным условием модернизации и вообще общественного развития.

Второе. Понимание высшей, цивилизационной идентичности прежде всего политическим классом, потому что именно власть во имя светлых и далеких целей всё время пытается надругаться над цивилизационной природой, избавиться от нее ради приближения к конъюнктурно сформулированному идеалу. Желание КПК сохранить «китайскую специфику» и отойти от универсальных представлений о социализме на протяжении десятилетий подвергалось критике со стороны КПСС и других европейских компартий, упрекавших ее за отход от социализма и за национализм. Но Китай выдержал давление, сохранил собственное представление о целях развития и потом успешно попытался его реализовать.

Социалистический Китай, конечно, тоже прошел через этап десакрализации в «культурную революцию», но КПК сумела принять стратегическое решение и подвести официальную черту историческому периоду поисков на шестом пленуме ЦК (1981), дав оценку и «культурной революции», и роли Мао Цзэдуна. Она признала ошибки и тем самым воссоединилась с народом, вернула сакральный авторитет власти, обязательный в авторитарном государстве. Это и стало той точкой, с которой Китай стартовал по пути успешных реформ.

Без принципиальной оценки недавних исторических событий в России, 1980-х и 1990-х годов, невозможно восстановить историческую траекторию развития государства и цивилизации и двигаться вперед. Ее отсутствие, безусловно, способствует поддержанию социально-политического мира, но в переходный период приоритет политической стабильности для государства может обернуться ловушкой, историческим тупиком для цивилизации. До тех пор, пока сама власть не даст оценку недавнему прошлому, продолжится ее стихийная, разрушительная по своим последствиям десакрализация.

А между тем, оценка предыдущего периода в обществе фактически уже произошла, и это означает, что Россия стоит накануне следующего шага. Вопрос заключается только в том, кто отважится его сделать и найти позитивное продолжение. В любом ответе на него будет воплощен один из основных конфликтов современного этапа российской истории: чьи интересы выражает власть – государства, народа или цивилизации? Необходимо определиться с местом государства в истории: не государство на службе общества, как в Европе, и не общество на службе государства, как часто было в отечественной истории, а, возможно, государство на службе цивилизации.

Третье. Россия, для которой Западная Европа с высоким уровнем жизни, развитой экономикой, передовой наукой и техникой всегда была ориентиром, на предыдущем этапе так и не смогла реализовать этот идеал, а новый так и не сформулировала. Китайский (и не только китайский) опыт показал, что многообразие может существовать и на уровне идеалов, а жизнеспособной в современном мире может быть не только западная модель¹. После всех болезненных ошибок важно не бояться творить. В аналогичной ситуации после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году Дэн Сяопин продолжал подталкивать реформы и как-то сказал: «Если есть возможность прыгнуть, надо прыгать» [4, с. 1324].

Четвертое. Универсальная методология модернизации – открытость и заимствования. Китай добавил к ней еще одну отличительную черту – эксперимент, который, во-первых, воплощает отказ от универсализма, и, во-вторых, приближает замысел к действительности. Именно на эксперимент ложится задача проверки соответствия внешних заимствований цивилизационной природе. Необходимо признать принципиальную возможность многообразия, и тогда эксперимент не будет крамолой.

Пятое. В отличие от европейских наций-государств большие государства Евразии многообразны и разнолики. Их цивилизационная идентичность больше и выше, чем конкретные экономические и политические институты, которые могут сосуществовать в общем большом пространстве, не конфликтуя, на Западе – за счет принципов государственного суверенитета и федерализма, на Востоке – за счет других механизмов.

¹ Предложенное Дж. Рамо в 2004 году понятие «пекинский консенсус» стало первой после холодной войны альтернативой «вашингтонскому консенсусу». Сейчас многочисленные эксперты уже открыто говорят и «делийском консенсусе», признавая успехи Индии не только в экономическом развитии, но и в построении собственной общественно-экономической модели.

Внутреннее многообразие цивилизации не противоречит идентичности и создает предпосылки для широкого использования эксперимента. В Европе еще с античности истина рождается на кончике пера, а не на кончиках пальцев. Высокая мера абстрактности наделяет ее всеобщим, универсальным характером. В Китае истина по-прежнему конкретна, там до сих пор «переходят реку, ощупывая камни».

Создание в конце 1970-х годов «специальных экономических зон», где допускались иные, несоциалистические экономические и политические механизмы, проложило путь к рыночной экономике по всей стране. Воссоединение с Гонконгом и Макао, сохранившими свое законодательство, политическую и судебную систему, на основе принципа «одно государство – два строя», существенно изменило фундаментальные представления современной западной науки о государстве, общественном строе и суверенитете.

К этому следует добавить, что правовые нормы в Китае часто не строгие, там по-прежнему правит человек, а не закон. Но именно эта черта правовой системы Китая, приближая юридический закон к реальности, повышает его эффективность. В Шэньчжэне уровень экономического развития и благосостояния такой же, как в Японии, а в Цинхае и Тибете – как в Индии или даже Бангладеш. Регулирование общественных отношений в этих регионах невозможно с позиций единой, строгой нормы. Китай вообще старается избегать категоричности, в стремлении к гармонии он не исключает возможные альтернативы и поэтому получает возможность достраивать.

Сочетание разных методологических приемов, экономических и политических механизмов и социальных практик, стойко воспринимающееся в Европе как эклектика, в Китае приводит к позитивным результатам. Единственно возможное объяснение его успехов в признании качественного отличия китайского общества и законов его функционирования от западных.

Шестое. Китай сохранил ведущую роль государства в развитии. Являясь страной авторитарной политической культуры, он нашел способ модернизировать авторитаризм за счет его институализации, создал механизмы подготовки и периодической смены руководства, распределения власти по поколениям и властных функций внутри поколения. Таким образом, был найден способ воспроизводства эффективного, реагирующего на внешние и внутренние вызовы государства. Легитимность власти в Китае достигается не избирательным процессом, всеобщими выборами и пропорциональным представительством, а высоким профессионализмом чиновников и их эффективностью – авторитетом [подр. см. 1].

Седьмое. Создание институализированной системы контроля. В китайской политической системе эффективность управления обеспечивается не за счет разделения полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти, а за счет строгого контроля за исполнением решений. Поскольку в авторитарной системе нет полноценного разделения властей, то и контроль за исполнительной властью важнее законодательных функций. Не закон, а всеобъемлющий контроль – вот главный инструмент авторитарной власти. В Китае все центральные политические институты имеют свои контролирующие органы. Избираемая, как и ЦК, съездом Центральная комиссия по проверке дисциплины – в КПК, Министерство контроля – в Госсовете, контрольные функции выполняет Народный политический консультативный совет Китая, изначально выполнявший роль негосударственного механизма обратной связи.

Восьмое. Способность мыслить в категориях не политического, а исторического времени. Это достижение китайской цивилизации, которое не было утрачено и оказалось действенно в период модернизации. Осваивая новые территории, прежде всего Новый Свет, Запад сбрасывал негативную историческую инерцию и ускорял развитие – скорость, а не стабильность стала главным

критерием успеха современного государства. Китайская цивилизация научилась осваивать время. Она не ставит перед собой сверхзадачи, решить которые должна на протяжении жизни одного поколения. Даже для такого динамичного процесса, как модернизация, ставятся цели, на достижение которых отводятся десятилетия и столетия. Например, текущая стадия исторического развития – «начальный этап социализма» в Китае – будет продолжаться «сто лет или более», политика в отношении Гонконга и Макао «не изменится на протяжении пятидесяти лет». Эти и другие ключевые положения закреплены на высшем партийном и государственном уровне.

Осознав себя цивилизационным субъектом, Россия тоже может ставить цели исторического масштаба и не стараться достичь их за пять или десять лет, когда мы хотели обогнать Европу и Америку: «пятилетку за три года» в 1930-х при И. Сталине, «коммунизм за двадцать лет» в 1960-х при Н. Хрущеве, «ускорение» в 1980-х при М. Горбачеве. Построить демократию в России за десять лет невозможно, а институализировать авторитаризм за это время, думаю, по силам. Критерий эффективного использования времени – необратимость изменений. Китай научился осваивать время и для того, чтобы осваивать его эффективно, не торопиться.

Идея принципиальной эволюционности как характерная черта китайской цивилизации, а теперь еще и модернизации, предопределила метод преобразований: отказ от революционного радикализма, неизбежно связанного с разрушением и, главное, с возможной обратимостью. Эволюционный метод, напротив, предполагает сохранение, укрепление и постепенное достраивание идентичности. Но одного этого, конечно, недостаточно, нужно системное и осознанное движение вперед, новый проект.

Не всё из китайского опыта можно и нужно заимствовать, но черпать вдохновение в нем, безусловно, можно.

У России нет пятитысячелетнего исторического ресурса, как у Китая, но у нее есть другой фундаментальный ресурс – пространство, которое тоже можно эффективно использовать. Россия, как и Европа, может попытаться сбросить негативную инерцию, сместив центр тяжести на Восток, сначала, может быть, только политический. Например, к первопрестольной и северной добавить еще одну столицу – восточноазиатскую, расположив ее в АТР, наиболее динамичном регионе современного мира, уже ставшем одним из его экономических центров. Создание Министерства по развитию Дальнего Востока – шаг в правильном направлении, но явно недостаточный. Для реализации стратегических решений допустимо изменить Конституцию, ввести пост вице-президента с постоянным представительством на Дальнем Востоке, переместить на восток одну из палат Федерального Собрания, то есть сменить вектор и не расширять Москву до границ Евросоюза¹. Н. Назарбаев, вероятно, единственный из действующих лидеров постсоветского пространства владеющий стратегической культурой сверхдержавы и опытом реализации крупного социально-исторического проекта, не побоялся в критический момент перенести столицу на север и придать Казахстану не центральноазиатский, а евразийский импульс развития.

Освободиться от азиатского бремени России не удалось не только во внутренней, но и во внешней политике. Не только трудовые мигранты, но и политические союзники у нас остались только на Востоке. Россия готова участвовать в обоих интеграционных проектах на пространстве Евразии, реализуя свое гео-

¹ Пять лет назад автором были высказаны некоторые похожие идеи, в том числе о создании Министерства по развитию Дальнего Востока (создано в 2012 году). См. [2, с. 11].

политическое преимущество. Сегодня в России не вызывает неприятия мысль не только о Великой Европе от Лиссабона до Владивостока, но и о Великой Азии от Шанхая до Санкт-Петербурга.

Если раньше, когда мировая история была сосредоточена в Европе и Северной Америке, геополитика была связана с нациями и государствами, то сейчас, в глобальном мире, она связана с цивилизациями. На Западе Россия часто еще ведет себя как государство и часть европейского пространства, потому что для нее Европа всегда была берегом, к которому можно пристать. После появления центра притяжения в Азии возвращение к этому берегу целиком может оказаться невозможным и даже бессмысленным. Бурное развитие восточно-азиатских соседей помогло осознать, что в АТР Россия выступает уже не как государство, а как цивилизация, настолько очевидны ее отличия. И Европа теперь должна понимать, что всякая изоляция России на Западе будет способствовать ее интеграции на Востоке, и ценить, что благодаря России родственное европейскому культурное пространство протянулось на всю Северную Азию, от Европы до Америки, потому что ничего не бывает вечным.

В 2015 году незаметно прошла важная, но всеми забытая дата – тридцать лет начала «перестройки». В середине 1980-х годов национальный интеллект попытался воспользоваться открывшейся возможностью и совершить хождение во власть и политику, но безуспешно, и вернулся на кухни. Возможно, досада от неудачи уже прошла, за тридцать лет выросло новое поколение без фантомных болей, драматически сократившееся численно, но более зрелое и независимое, и сейчас имеет смысл предпринять новую попытку. С учетом имеющегося опыта, когда власть не всегда прислушивается к интеллекту (как желудок к голове – одна из главных причин ожирения), возможно, стоит подумать об их объединении не на основе власти, а на основе интеллекта.

Литература

1. Виноградов А.В. Политическая модернизация: проблемы институализации в Китае и России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб., 2012. № 2. С. 66–77.
2. Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества. М., 2011, РИСИ. С. 11.
3. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
4. Дэн Сяопин нянь пу. Ся цзюань (1975–1997). [Хроника Дэн Сяопина. Т. 2 (1975–1997)] Пекин, 2004.

Аннотация. Дискуссия о цивилизационной принадлежности России продолжается уже несколько столетий. Поворот России на Восток в контексте мирового экономического кризиса и западных санкций добавил этой дискуссии актуальности и остроты. Несмотря на бесспорную принадлежность России европейской культуре, ее формирование как евразийской цивилизации началось в XIII веке в результате монгольских завоеваний. Она стала евразийской задолго до того, как оказалась евразийской географически. Формирование в Азии нового экономического и политического центра мира вернули привлекательность азиатским моделям, а успешный опыт китайских реформ дал России основания и дополнительные аргументы для поиска собственной модели развития, сопоставления ее не только с нормативными европейскими представлениями, но и с азиатскими образцами.

Ключевые слова: евразийская цивилизация, цивилизационная принадлежность России, социалистический проект, китайская модернизация, опыт китайских реформ, институализированный авторитаризм.

Andrey Vinogradov, Ph.D. in Political Science, Professor; Head, Center for Political Research and Forecasts, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Attraction of Asia. Chinese Experience for Russia

Abstract. The discussion on Russia's civilization identity has been under way for several centuries. Russia's pivot to the East amid the world's economic crisis and western sanctions adds spice and relevance to the discussion. Despite the undisputable European origin of the Russian culture the history of Russia as the Euroasian civilization started during the Mongolian conquests in 13th century. Russia became Eurasian long before it became Eurasian geographically. The rise of the new global economic and political centre in Asia revived the positive attitude to the Asian development models, and the success of Chinese reforms gives solid ground and additional arguments for Russia's quest for its own social development model that could be compared with the existing Asian examples as well as European normative theories.

Keywords: Eurasian Civilization, Russia's Civilization Identity, Socialist Concept, Chinese Modernization, Chinese Reforms, Institutionalized Authoritarianism.

Пути Восточной Азии и путь России

Отправной пункт моих заметок – то представление об Азии, которое складывается по сумме выступлений, прозвучавших на IV Бердяевских чтениях. Это представление сводится к тому, что у Китая и его динамичных соседей, несмотря на известное замедление темпов экономического роста, всё, в общем-то, в порядке. Успехи этих стран в делах общественной модернизации феноменальны, и в обозримом будущем они упрочат свои мировые позиции еще больше.

Характерно, что на фоне подобных мнений практически ни у кого не возникло желания подискутировать о том, есть ли у современной России какая-то особая роль (не говоря уже о миссии) на Востоке. А ведь прямое предложение обсудить эту тему высказывалось. Подозреваю, что дискуссии не получилось, потому что большинство участников Чтений не видят тут предмета для серьезного разговора.

Попробую все-таки выйти на эту тему, сосредоточившись не столько на Китае, сколько на сопредельных ему странах Юго-Восточной Азии. Что там происходит? К каким результатам приводит там ускоренная модернизация? Так ли однозначно благотворен и безболезнен этот процесс, как порой представляется нам? В состоянии ли Россия сделать нечто такое, что существенным и позитивным образом скажется на положении этих стран в будущем?

Среди десяти стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), нет экономических гигантов. Однако мысленно убрав из китайского, японского, южнокорейского или американского товарооборота ту долю, которая приходится на страны АСЕАН, получим сумму «вычета», близкую к триллиону долларов. Да, в основном это вроде бы средние и малые страны (хотя как-то не с руки помещать в категорию «средних» Индонезию с ее 250-миллионным населением, а в категорию «малых» – Сингапур, входящий в число крупнейших финансовых центров мира). Но этой группе стран удалось добиться редкого в развивающемся мире сочетания политической стабильности с экономическим динамизмом и на редкость удачно вписаться в систему многостороннего сотрудничества в Большой Восточной Азии. АСЕАН уже давно воспринимают там как величину, которая заведомо никому не угрожает, никого ни к чему не хочет и не может принуждать, но вместе с тем обладает моральным авторитетом игрока, настроенного на компромисс, на поиски развязок во всевозможных спорах, на диалог. Официальное признание «центральной роли» АСЕАН в строительстве «новой региональной архитектуры» безопасности в Восточной Азии – показатель того, насколько этот игрок нужен всем (от США до России и от Японии до Новой Зеландии).

Сумский Виктор Владимирович, доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН при МГИМО МИД России. E-mail: victor.sumsky@gmail.com

Казалось бы, тот момент, когда, по множеству признаков, центр мировой экономической активности перемещается в Восточную Азию, должен стать звездным часом АСЕАН. Вместо этого на экспертных собеседованиях в последние год-два все чаще поднимается вопрос об «азиатском парадоксе». Имеется в виду сочетание вроде бы сохраняющегося экономического динамизма с ростом политической нестабильности (будь то внутри соответствующих стран или в их отношениях между собой).

Как это понимать, и в чем тут парадокс? Если оценивать ситуацию трезво, то ничего парадоксального в ней нет. Надо лишь помнить о неразрывных связях экономики с политикой и исходить из того, что, становясь новым мировым центром экономической жизни, Восточная Азия становится центром притяжения для великого множества разнородных сил – очень часто формально негосударственных, но опосредованно с государствами связанных. Сходясь и сталкиваясь в этом пространстве, они энергично ищут свою выгоду. Где-то по ходу этих поисков они вступают в партнерские отношения, а где-то сталкиваются лбами. Кто-то с кем-то сотрудничать может, а кто-то нет. Рядом с новыми альянсами завязываются новые узлы противоречий. Как следствие всего этого повышается общая политическая температура региона. Есть ли тут что-то из ряда вон выходящее? По-моему, нет. Для нового центра экономической и политической активности (в дела которого – не будем забывать – вовлечены все без исключения великие державы современности со всем тем, что их объединяет и разделяет) всё вполне естественно и объяснимо.

Анализируя симптомы политической нестабильности и разногласий, отмеченные в ЮВА в последние несколько лет, мы увидим, что они одновременно проявляются буквально на всех уровнях: на уровне отдельных национальных государств, на уровне двухсторонних отношений между подавляющим их большинством, на уровне таких региональных подсистем, как акватория Южно-Китайского моря или бассейн реки Меконг. Взаимное наложение всех этих проявлений нестабильности – весьма неприятный аспект данной ситуации. Помимо прочего, и вовнутрь АСЕАН, и на отношения Ассоциации с ее партнерами не может не проецироваться всё то, что происходит между США и КНР. Превращая регион в арену борьбы за мировую гегемонию, их обостряющееся противостояние закрепляет новый, глобальный статус Восточной (и Юго-Восточной) Азии.

При общеизвестных успехах и положительных последствиях модернизации есть ли какая-то связь между нею и ростом политической нестабильности в этой части мира? Не вдаваясь в подробности, подчеркну: такой видный теоретик модернизации, как Сэмюэль Хантингтон, рассматривал ее как уход от одного устойчивого состояния (а именно, от мира традиции) к другому (а именно, к миру модернити), без возможности «махнуть» из первого во второе «одним прыжком». Связывая модернизацию с длительным пребыванием общества в состоянии переходности, неустойчивости и неопределенности, Хантингтон в одном из главных своих трудов – монографии «Политический порядок в меняющихся обществах» (*Political Order in Changing Societies*, 1968) – подробно описал ее как глубоко дестабилизирующий процесс. С момента выхода этой книги в свет прошло без малого полвека – срок вполне достаточный для того, чтобы проверить ее основные положения практикой. Подтверждает ли опыт развивающихся стран главные тезисы автора? По-моему, ответ очевиден.

С феноменом успешной модернизации тесно связаны, между прочим, такие вещи, которые мы в России не всегда готовы с ней отождествить. Это, в частности, политический авторитаризм.

Одним из важных достижений советского востоковедения (точнее – той научной школы, которую создал Нодари Александрович Симония) является подход к авторитаризму как к явлению, присущему именно переходным эпо-

хам. На этапе переходности и общество в целом, и основные его группы пребывают в размытом состоянии. Ни одна из этих групп (в отличие от, допустим, английской буржуазии XIX века) не может полностью взять под контроль государство, превратить его в инструмент своих внутриклассовых компромиссов и утвердить таким способом демократию. Обратной стороной структурных слабостей общества становится рост автономности государства. В лице гражданской и/или военной бюрократии оно получает возможность диктовать свою волю остальному обществу. Но эта воля может выражаться, в том числе, в разработке и реализации программ социального реформирования. Дмитрий Валентинович Мосяков высказывается в том смысле, что Юго-Восточная Азия показала: авторитарная модернизация может быть эффективнее, чем какая-либо другая. Возможно, меня поправят, но лично я не вижу на современном Востоке примеров «эффективной неавторитарной модернизации». Во всяком случае, ничего подобного в Юго-Восточной и Восточной Азии второй половины XX века (да и начала века XXI) мы не обнаружим.

Получается, что авторитарная модернизация – вещь отнюдь не противостественная. Однако именно поэтому она в избытке производит такие «продукты жизнедеятельности», которые в условиях завышенных ожиданий (а это тоже следствие успешной модернизации) начинают работать против нее самой. Образцовый продукт такого рода – коррупция.

В книге, на которую я ссылался выше, С. Хантингтон очень подробно объясняет, как и почему модернизация «раскручивает» коррупцию. В условиях переходности, когда традиционные ценности теряют свое прежнее значение, а ценности современные еще не сформированы, господствует обстановка морального релятивизма. При одновременном росте «общественного пирога», который можно и нужно делить, складываются идеальные условия для желающих обогатиться без оглядки на закон. Характерно, что неуклонно растущие масштабы коррупции – едва ли не главная тема общественных дебатов в большинстве стран – участниц АСЕАН, сильнейший раздражитель для оппозиционных группировок и первейший повод для уличных выступлений с тенденцией перерастания в «цветные революции» (попытки которых отмечались в последние годы не раз и не два).

Ситуацию, складывающуюся сейчас в Юго-Восточной Азии, не понять, не приняв во внимание, что все упомянутые процессы протекают в недрах очень пестрых в этническом и религиозном отношении обществ, в обстановке социальных дисбалансов, растущего разрыва в доходах различных групп населения. Эта комбинация факторов не может не влиять на умы представителей формирующегося гражданского общества. В общем, пока решаются одни проблемы, зреют другие. И чем быстрее растут экономики (а они растут очень быстро), тем быстрее копятся новые проблемы. Поневоле приходит на ум, что возможны случаи, когда разрешить подобные коллизии обычным, эволюционным путем будет очень трудно.

Я уже упоминал, что в двусторонних отношениях между странами АСЕАН сохраняется немало нерешенных проблем и проблем очень старых. Связано это с тем, что во второй половине 1960-х годов, когда создавалась АСЕАН, на их общей повестке дня стояла прежде всего борьба с «коммунистической угрозой». Отразить ее казалось столь важным, что, объединяясь в свою ассоциацию, страны АСЕАН негласно договорились забыть обо всем, что их разобщает, ради решения тогдашней сверхзадачи. Но вот холодная война закончилась, льды ее растаяли, и вместе с ними разморозились старые распри. И сегодня, когда анализируешь, что происходит между этими странами в двустороннем плане, выясняется, что проблемы (типа пограничных и территориальных споров) есть почти у всех со всеми. Исключения из этого правила составляют те, кто не граничит между собой ни по суше, ни по морю (как, например, Лаос и Сингапур).

Про ситуацию вокруг Южно-Китайского моря скажу лишь одно: этот узел завязывается все туже и туже, и там существуют предпосылки для очень больших неприятностей (вплоть до военно-морских противостояний США, защищающих принципы «свободы судоходства», с КНР, будто бы посягнувшей на таковые). Впечатления же, что «асеаноцентричные» диалоговые площадки типа Регионального форума АСЕАН по безопасности или Восточноазиатского саммита приспособлены для предупреждения назревающих конфликтов, пока нет. А ведь помимо американско-китайских трений есть еще серьезные и не стихающие противоречия между Китаем и Японией. Ну и, наконец, появились новые темы в отношениях России с Соединенными Штатами и с Западом в целом, что тоже не может не сказываться на положении в Азии.

Тут пора перейти к вопросу о том, в чем реальное значение России для Азии сегодня. Недавно в Институте востоковедения проходила международная конференция по проблематике Южно-Китайского моря. Отставной французский генерал делал там сообщение о том, как влияет ситуация на Украине на ситуацию в Восточной Азии. Много ожидая от этого доклада, я был немало удивлен, когда он завершился констатацией, что события на Украине не влияют на Восточную Азию никак. Вот ведь что получается: события на Украине рвут по швам (по причинам, которые, наверное, никому не надо объяснять), не только европейский, но и мировой порядок в сфере безопасности. А региону, становящемуся центром мировой экономики и политики, от этого ни холодно, ни жарко.

У меня на этот счет другое мнение. Трагедия Украины – один из результатов усилий США, направленных на переоформление своей глобальной гегемонии путем создания двух гигантских зон свободной торговли, трансатлантической и транстихоокеанской. В рамках данного курса Соединенные Штаты пытаются навязать свои правила торгово-инвестиционных игр практически всем ключевым политическим и экономическим партнерам. Курс этот реализуется администрацией Обамы с большой натугой. Причины этого понятны. Слишком уж напористо настаивают американцы на своем в рамках обоих проектов, и слишком очевидна их чисто экономическая невыгода и для Европы, и для Азии. Но есть и другая трудность: все-таки в последние двадцать лет очень упрочились отношения Китая с остальной Азией – как и отношения России с Европой. В силу этого успех американской операции предполагает какие-то специальные меры по отсечению Китая от Азии и по отсечению России от Европы. В течение последних пяти-шести лет американцы занимаются этим все более усердно и откровенно.

Возникает вопрос, каким образом они рискнули выбрать такую стратегию, учитывая, что она, так или иначе, толкает Россию и Китай навстречу друг другу? Должно быть, по той причине, что никогда особенно не верили (и, кажется, не верят до сих пор), что мы с Китаем способны развить реальное стратегическое сотрудничество. События 2013–2015 годов если не опровергли эту точку зрения, то начинают ее опровергать. И тут, конечно, у американцев возникает соблазн каким-то образом разорвать формирующуюся российско-китайскую связку.

Как это сделать? Похоже, остановились на том, что для начала самое простое – изъять из этой связки ее предполагаемое слабое звено, то есть Россию. С этой целью и задумана, в числе прочего, украинская операция. Первый ее этап – отрыв Украины от России через соглашение с Евросоюзом (при деятельной помощи Германии). Далее следует возбуждение массового недовольства внутри страны за счет экономических санкций, манипуляций с ценами на нефть и экспорта «цветной революции» в украинском варианте. Венец всех этих усилий – смена режима и перевод Российской Федерации под внешнее управление по украинской модели. Осуществив такой сценарий, Америка могла бы уже вплотную заняться своим главным противником.

Чтобы вообразить последствия подобного гипотетического поворота для Азии, достаточно принять во внимание вот что. Пока отношения между Россией и Китаем таковы, каковы они сейчас, – ни изоляция России, ни сдерживание Китая в сколько-нибудь полном смысле этих слов невозможны. Но стоит России дрогнуть, и драматически осложнится не только положение Китая, но и положение остальной Азии (вплоть до АСЕАН, которая, утерев бывшие возможности маневрирования между Пекином и Вашингтоном, будет вынуждена склониться перед последним). Обратной стороной резкого усиления позиций США станет смазывание перспективы полицентричного мира – той перспективы, которую вместе отстаивают Россия и Китай, и в связи с которой только и может наступить пресловутый «Азиатский век».

Если кому-то эти допуски покажутся страшилками, то они ведь ничуть не страшнее и не фантастичнее того, что уже устроили на Украине Белый дом, ЦРУ и госдепартамент (вкуче с частными военными компаниями из Соединенных Штатов и доморощенными неонацистами). Украинский сценарий США не оставляет места полюбовному урегулированию по модели win-win, столь любимой азиатами. Из тех отношений с Америкой и Западом, в которые мы вошли сейчас, быстрого и безболезненного выхода нет, если мы дорожим своей страной как самостоятельным субъектом мировой политики и истории.

Обороняя тот рубеж, который Россия обороняет сейчас, она сохраняет для успешно модернизирующихся азиатских стран возможность превращения в полноценные субъекты полицентричного мира. И в этом смысле она защищает большее, чем саму себя, – так же, как это было, когда она отражала нашествия Наполеона или Гитлера. Будем помнить, что теперь за нами еще и Азия, но пусть и Азия тоже это поймет. Боюсь, что пока она не понимает этого в полной мере.

Похоже, государственно-политические элиты Восточной Азии еще не осознали до конца, что эволюционная фаза перехода от мира единоличной гегемонии к миру полицентричному уже в прошлом. Предпочел бы воздержаться от сильных выражений, но если прежняя фаза была эволюционной, то новая напоминает начало мирополитической революции.

Аннотация. Хотя в начале XXI века темпы экономического роста и модернизации стран Восточной Азии остаются сравнительно высокими, в политической жизни многих из них (как и на уровне всего региона) все более явно проступают симптомы нестабильности. Объясняя это явление на примере стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), автор увязывает свои тезисы с вопросом о роли современной России в обеспечении внешнеполитических предпосылок «Азиатского века».

Ключевые слова: модернизация, авторитаризм, коррупция, «центральная роль» АСЕАН и «новая региональная архитектура» в Восточной Азии, влияние украинских событий на Восточную Азию, полицентричный мир.

Victor Sumsky, Ph.D. in History, Director, ASEAN Center, MGIMO University, Russian Ministry of Foreign Affairs. E-mail: victor.sumsky@gmail.com

East Asian Ways and Russian Way

Abstract. Though in the early 21st century the East Asian economic growth and modernization pace remain relatively high and stable, the political sphere becomes increasingly volatile at both state and intraregional level. The author explains it addressing the ASEAN states. The special focus is made on Russia's role and foreign policy impact on the emerging "Asian century".

Keywords: Modernization, Authoritarianism, Corruption, "Central Role" of ASEAN and "New Regional Architecture" in East Asia, Implications of Ukraine Crisis on East Asia, Multipolar World.

Л.В. Поляков. Итак, наши коллеги нарисовали картину опыта модернизации Китая и Юго-Восточной Азии. Были сформулированы и уроки для России. Мне представляется, сейчас самое время открыть дискуссию.

Джонго Нам. Я – журналист, и меня обучали задавать провокационные вопросы. Хотел бы дать комментарий по поводу ваших подходов к вопросам развития АСЕАН. Как сказал коллега из Малайзии, не следует воспринимать страны АСЕАН как что-то единое целое. Это не одна цивилизация. И тем более нельзя смешивать с ними индусов, месопотамцев... Мне представляется, что наши российские друзья слишком обобщают, воспринимая несколько крупных цивилизаций как единую. Так, многие думают, что АСЕАН является очень диверсифицированным. Он не диверсифицирован, он просто разнолик. Мы здесь пытаемся воспринимать собаку и кошку как одно животное. Мой аргумент состоит в том, что среди стран, входящих в АСЕАН, невозможно нечто общее. Ваш подход очень европоцентричен. Кроме того, у меня сложилось впечатление, что вы пытаетесь анализировать всё с точки зрения великих российских философов, которые жили в XIX веке. Несколько лет назад я познакомился с китайским журналистом – сначала думал, что это китайский американец, потому что он был в американских джинсах и вел себя как американец. Китайское общество очень быстро меняется. Но вы пытаетесь обобщить Китай или Корею с точки зрения философии XIX века, Гегеля, например. Мне кажется, это невозможно с помощью старых рамок или методов мышления воспринимать современность.

Л.В. Поляков. Я прошу доктора Тюркера включиться в нашу дискуссию и представить свой взгляд на проблему модернизации. Кемаль Ататюрк в этом смысле – знаковая фигура. Каковы уроки турецкой модернизации?

Ташансу Тюркер. И предыдущий оратор, и посол Сингапура акцентировали внимание на тех моментах, которые представляются важными

и мне. В Турции друзья меня иногда называют черноволосым русским. Дескать, ты влюблен в русскую философию и поэтому ведешь себя как русский. В связи с этим хотел бы, чтобы мою критику вы восприняли как критику внутреннюю. В этих двух выступлениях принципиально важна практичность. В российской же интеллектуальной среде принято играть в слова, разрабатывать собственные концепции. Но как эти концепции соотносятся с реальностью? Хотел бы вернуться к пониманию цивилизации. Что оно означает с точки зрения модерниста? Каждая концепция создана в целях некоего исторического измерения. Во время Второй мировой войны слово «цивилизация» не было популярным, поскольку существовала другая концепция. Нации в советской и западной науке было легко разделить на «западные» (или свободные) и «советскую». Но после окончания войны официальным лицам необходимо было найти общие слова для достижения всеобщего понимания, и слово «нация» здесь не очень хорошо подходило. К тому времени Европа была уже перекармлена термином «нация». В Европе началось становление будущего Европейского Союза – явления, преодолевшего нацию. Это было время создания субидентичности региональных зонтиков для общерегиональной интеграции. Видимо, поэтому слово «цивилизация» оказалось важным. И нынешнее внимание к нему российских интеллектуалов, на мой взгляд, есть отражение той же реальности.

Теперь об азиатской цивилизации. Думаю, через пятьдесят лет мы будем о ней говорить всерьез. Когда экономический союз станет свершившимся фактом. Но пока об этом говорить рано. Западный стиль социальных наук предполагает анализ, в российском больше философичности. И разница здесь как между искусством и гуманитарными науками.

В практическом измерении вопрос заключается в следующем: где находится Россия и где находится Турция в концепции цивилизации? Последние тридцать лет Турция пытается стать членом Европейского Союза, показывая тем самым, к какой цивилизации она себя относит. Россия же пытается создать новый экономический союз. В нем придется формировать идентичность. Но если союз не получится, задача формирования

идентичности нерешаема. Нельзя формировать идентичность просто в умах людей, это задача не философская, а политическая. И если мы говорим о цивилизационной идентичности (Азия), не думаю, что мы можем говорить о Корее, Японии и Китае как о некоей совокупности – они совсем разные, они являются частью разных экономических регионов.

Мы можем вернуться в те годы, когда Сталин давал определение нации. Если мы говорим о европейской цивилизации как модели нового управления, тогда мы опять будем говорить о цивилизации в Азии. Важно смотреть на это как на своего рода портал, открывающий путь к интеграции в экономике. Вы задали очень важный вопрос: о процессах модернизации в Турции. Думаю, турецкие интеллектуалы были очень практичными, особенно если сравнивать их с российскими. Моя кандидатская диссертация была посвящена как раз этому – конвергенции идей турецких и российских интеллектуалов в XIX веке¹. С российской стороны я нашел очень большой объем материалов, но с турецкой мне постоянно не хватало идей. Российские философы генерируют большое количество материала, в Турции же политиков гораздо больше, чем философов. Последние же всегда ориентированы практически. К тому же Турция была неразвитой страной, и нам легко было определять те сферы, которые необходимо модернизировать и интегрировать в европейскую цивилизацию. Решением этой практической задачи и занимались турецкие философы в последние двести лет. Для российских же философов и интеллектуалов вообще реальность была иной. Думаю, что российский интеллектуализм как раз является следствием политического и экономического развития страны. Необходимо было создавать что-то новое, создавать что-то изнутри, чтобы это исходило из человека.

Что такое Россия? Все вы помните, что отвечал Тургенев Достоевскому на вопрос о сути идеологии. Каждая идеология должна содержать

представления об идентичности. Это может быть некий «золотой век», это может быть что-то, что создает вас. И это очень сложно. Думаю, этот процесс цивилизации, идентичности России, концепция Азии в России и концепция России в Азии – всё это важное начало в интеллектуальной сфере. Но это требует увязывания с экономическими и политическими процессами.

Л.В. Поляков. Мы восхищены вашим глубоким знанием русской интеллектуальной истории, русских духовных споров. Наверное, помните тургеневский роман «Дым». Там был поставлен мучительный вопрос: «Кто мы такие – русские?».

И этот вопрос возвращает нас к одному из аспектов сегодняшней темы – «Китайская модернизация, опыт и уроки для России». Я вижу руку коллеги Ванчугова. Прежде чем я передам ему слово, хочу отметить, что перенимать опыт и извлекать уроки может только тот, кто понимает, кто он. В этом смысле ваше требование такой ясной идентичности очень современно, и в этом смысле турецкий выбор, стремление в Евросоюз и подтверждение тем самым своей европейской идентичности – тоже значимый урок для России.

В.В. Ванчугов. Хотел бы предварить свое краткое выступление обращением к книге Николаса Бергрюэна и Натана Гардельса под интересным названием «Умное управление для XXI столетия» и с многообещающим подзаголовком «Средний путь между Западом и Востоком». Моя задача, конечно, не афишировать эту книгу, а предложить вам посмотреть на те концепты, которые там прописываются, как на некую схему сборки, которую можно использовать, чтобы создать совершенно новую конструкцию. Суть этой сборки – сочетание необходимости модернизироваться, сохраняя базовые ценности, базовые установки, не утрачивая основополагающие элементы. Суть книги в следующем: диалог между Западом и Востоком, диалог между цивилизациями должен предполагать некую политическую и экономическую выгоду. Без них все так называемые диалоги цивилизаций – типичное бла-бла, до тех пор, пока есть ресурсы. Как только

¹ Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии: XIX – начало XX в. Дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2007. Место защиты: Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. – *Примеч. ред.*

ресурсы заканчиваются, подобные формы медленно исчезают.

Что может предложить Запад, что может предложить Восток? В данном случае – США и Китай. Попробую посмотреть как сторонний наблюдатель. Штаты могут предложить и предлагают всем демократию. (Кто не соглашается, тем ее навязывают.) Китай – меритократию, власть достойных. И Николас Бергрюен предлагает искусство компромиссов. Он понимает, что экспорт демократии не проходит, по крайней мере в случае с Китаем, и Китай не испытывает никаких комплексов, что он не обладает той демократией, какой необходимо обладать, по мнению Штатов. Как пишет Николас Бергрюен, это система управления красных мандаринов. Поэтому, считает он, и Штаты, и Китай должны слегка модернизировать, трансформировать свои принципы управления. Штаты должны двигаться по пути рационализации демократии, демократия должна стать разумной, то есть Бергрюен соглашается, что она на данный момент разумной не является. А меритократия должна стать более открытой. И вот при таких допущениях, при таких легких трансформациях возможен подлинный диалог цивилизаций, контакты, за которыми последует взаимная выгода¹.

Какой урок мы, Россия, можем из этого извлечь? Китай не испытывает никаких комплексов по поводу того, что у него нет той демократии, которая существует в так называемых развитых странах. У нас же почему-то всё время такой комплекс – как бы нас не назвали недемократической страной. И мы боимся рассуждать о меритократии – о власти достойных. У нас были одно время разговоры о так называемой суверенной демократии, но всё это потом стихло. Мы не можем четко обозначить свои позиции по вопросу, что есть демократия, и испытываем при этом комплексы. Хотя налицо некий легкий тренд – рассуждать относительно меритократии, о системах управления, – нам необходимо быть более

прагматичными, исходя из того, что и азиатские страны, и США гораздо прагматичнее нас. Только формы их прагматизма другие. Пора распрощаться с образами, забивающими наше массовое сознание по поводу Востока, Китая как конфуцианской страны, мягкой, почтительной, уступчивой. Китайцы не менее жесткие прагматики, чем американцы. С ними тоже возможен разговор, как и с американцами, но необходимы четкие принципы относительно демократии. Пока у нас не будет этой четкости, мы – неинтересный собеседник и для Штатов, и для Китая. Нам не хватает не только экономической, но и интеллектуальной силы. Мы все время хватаемся за наше наследие XIX – начала XX века. Но Чайковский, Достоевский, Толстой уже не работают, как прежде, ибо приходят Абрамовичи, забывая информационное пространство. Нового в культурном отношении мы ничего не продуцируем, в сфере политологии мы тоже отсутствуем, мы просто пережевываем западные концепции. И в экономике мы занимаем маргинальное положение. Пока нас спасают «старые друзья», армия и флот, но и здесь ресурсы не бесконечны. Поэтому, участвуя во всевозможных диалогах цивилизаций, мы должны смотреть на них как на некое пространство, благодаря которому мы можем заявлять свою позицию, учиться жесткости. Разговор с Западом и с Востоком должен быть не языком уступок, не демонстрацией искусства компромиссов, а вербализацией своей твердой позиции. Необходимо наше повсеместное интеллектуально-концептуальное присутствие.

Л.В. Поляков. Хотел бы напомнить, что наша дискуссия идет о модернизации и о том, как она влияет на конфигурацию глобального мира. Мы в XX веке, казалось бы, установили довольно прочный миропорядок, который держался на биполярности. Вообще-то биполярность это, конечно, плеоназм, потому что достаточно говорить просто «полярность» – были два полюса, и на них держался мир. Затем мы оказались в противоположном состоянии однополярного мира, в рамках которого претендентом на единственный полюс выступают Соединенные Штаты Америки. Сегодня мир пытается перейти в

¹ См. об этом также: Bell, Daniel. Chinese Meritocracy and the Limits of Democracy // Diplomat. December 17, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/12/interview-daniel-bell/> – Примеч. ред.

некую третью фазу. Пока в нашем сегодняшнем дискурсе мы фиксируем происходящее как переход к многополярному миру. И в роли глашатая этого нового мира та самая Россия, которая, по представлению Запада, проиграла холодную войну и, в изложении Василия Ванчугова, сегодня находится в состоянии полной деградации и интеллектуальной импотенции. Насколько эта роль для России естественна и имеем ли мы право выступать в роли провозвестников нового миропорядка, если наш нынешний интеллектуальный, моральный и экономический капитал столь скуден?

М.А. Маслин. Хотел бы сначала определить наше собрание. Хотя здесь присутствуют иностранные интеллектуалы, оно все-таки – интеллигентское. А русский интеллигент и западный интеллектуал существенно различаются. Один такой интеллигент в конце XIX века совершил путешествие на Сахалин. Звали его Антон Павлович Чехов. Он писал с пути: «Держимся за маленькую и грошовую Болгарию, не понимая, какие богатства у нас на востоке». Взгляд интеллигента, ставшего реалистом. В этом реализме я вижу главное достоинство. Нас объединяет идеал-реализм, пользуясь термином Николая Лосского. Сообщения востоковедов совершенно блестящие, они основаны на многолетних полевых наблюдениях за реальностью Азии. Но в то же время эти наблюдения создают некую идеал-реалистическую конструкцию, которая исключительно важна. Убежден, что если на наше собрание пригласить тех людей, которые в России ведают экономикой, они бы всё это выслушали, но остались при своих мнениях, потому что круг их представлений заранее очерчен. Поэтому я согласен с коллегой Кареловой в том, что пора уже выходить за рамки сложившейся реальности. Но как мы можем выйти за эти рамки, если все показатели, например, в области образования заточены под Болонскую систему. Все показатели ориентированы на критерии Scopus. Зачем всё это? Уже вся философская Германия стонет от этого засилия – даже философские журналы о Канте и Гегеле постепенно переходят на английский язык, что вызывает протесты немецкого философского

сообщества. Потому соотношение реальности и идеал-реализма – главное на нашей конференции.

Возвращаясь к замечательным докладом об опыте Китая, я хочу сказать, что востоковедение как универсальная дисциплина, как полидисциплинарная область знания заставляет нас глубже взглянуть на метафизические основания цивилизаций и понять, что основа модернизации – не консюмеризм, а национальная духовная традиция. Именно такая модернизация происходит в Китае. Во всяком случае, имеет место попытка опереться на традицию. Китаеведы очень хорошо показали, что называемое китайской мечтой не имеет четких контуров. Думая, таков же путь модернизации и для России. В предисловии к сборнику «Вехи» – это такой русский философский бестселлер – Михаил Осипович Гершензон писал, что для русского интеллигента область мыслей и область дела (турецкий коллега заметил эту особенность русского интеллигента) коренным образом расходятся: область мыслей – это одно, а область дела – другое. Надеюсь, что все-таки область мыслей, которую блестяще продемонстрировала наша конференция, сблизится, так или иначе, с областью дела.

Л.В. Поляков. Спасибо, Михаил Александрович, за такой комплимент после разгромного выступления Василия Викторовича. Все-таки интеллигентская мягкотелость начинает обретать какую-то новую мускулатуру. Надеюсь, ни одно слово, сказанное здесь, не пропадет, войдя в очередной номер «Тетрадей по консерватизму».

Е.С. Холмогоров. Теперь уже не в качестве докладчика, который пытается пройти по минному полю, никого не обидев, а в качестве выступающего, который может себе позволить известное злоязычие. Сегодня мы наблюдаем подлинное пиршество российской интеллигентской традиции, которая состоит в том, чтобы найти еще какую-нибудь за границу, где было бы лучше, чем в отечестве. Раньше мы такую за границу откапывали где-нибудь на Гудзоне, на Темзе, в крайнем случае на Сене или на Шпрее. Теперь мы нашли такую за границу на Хуанхэ и в Сингапуре. Такой по-

ток восторженных оценок, направленный на Китай, на китайскую модернизацию, на некое абсолютное чудо, по сравнению с которым у нас всё позорно и ужасно, – что мне хочется задать ехидный вопрос: объясните, почему мы имеем ситуацию, когда некоторую важную часть нашей страны отделили от нас, но мы ее себе вернули, а замечательный Китай некоторую часть страны, которую опять же у него увели, пока вернуть не смог? Значит, в русской системе есть какие-то свои положительные моменты, которые позволяют проводить подобного рода операции, причем делать это достаточно быстро и качественно.

Что же касается модернизаций Китая, Южной Кореи, Японии, их принципиальный философско-экономический смысл, на мой взгляд, довольно прост. Он выражен в гениальной книге Эрика Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными». Либо ты создаешь индустриальную производящую экономику с возрастающей отдачей (и тогда она делает тебя богаче), либо, как это было заложено нашими перестройщиками в 1990-х годах, уничтожаешь такую экономику, вписываешься в какой-то Вашингтонский консенсус и постепенно беднееешь, либо беднееешь очень быстро.

Но давайте все-таки не будем забывать о трудностях, которые стоят перед азиатскими странами, и о трудностях, которые стоят перед нами в связи с контактом с ними. Меня поразила прозвучавшая здесь формула об овладении Китаем временем. Я вспомнил начало романа «Троецарствие» Ло Гуаньжуна: «Великие силы Поднебесной после длительного разделения стремятся соединиться и после продолжительного соединения стремятся к разделению вновь». В истории Китая мы наблюдаем циклы соединения и стремительного роста, а затем – странные катастрофы и распад. Вышел ли Китай из этой череды циклов? Преждевременно смотреть на Китай как на нового экономического мессию. Давайте проявим выдержку и просто посмотрим, что будет дальше.

Если у Китая всё пойдет отлично, меня лично это, безусловно, только порадует. Но в каком направлении он будет двигаться? Обсуждая Россию, мы все время стремимся определить,

как и куда она движется. Но почему-то не задаемся вопросом, как и куда будут двигаться наши китайские друзья. Я вижу здесь как минимум две альтернативные стратегии, каждая из которых уже проявилась. Одну я для себя назвал стратегией Чжэн Хэ, другую – стратегией Чжан Цяня. То есть в первом случае это движение в Индийский океан по пути великого адмирала и создание там сферы китайского экономического преобладания, китайского цивилизационного лидерства. И в этом случае никакого, хотя бы в силу геополитической удаленности, внутреннего конфликта, скажем, с Россией не предвидится. Но что если Китай пойдет путем Чжан Цяня, который сейчас называется Великий шелковый путь? То есть в направлении, где в последние столетия имели место интенсивные усилия России. Мы можем сто тысяч раз быть друзьями. Но если Китай вложил в некий режим большие средства, а Россию по тем или иным причинам этот режим не устраивает, то Китай вполне естественно будет защищать свои инвестиции. И вот уже наше тесное соседство провоцирует не только союз, но и конфликтность.

Поэтому лучше не накручивать себя, умерить эмоциональный восторг по отношению друг к другу. У великого австрийского эколога Конрада Лоренца есть работа о серых гусях. У гусей этих есть такое явление – триумфальный крик, два гуся приветствуют друг друга, приветствуют всё более и более интенсивно. И вдруг на пике восторга они набрасываются друг на друга. Мы сегодня стараемся предстать какими-то мистиками и философами, стараемся доказать, что русская душа – специфически-мистическая. На мой взгляд, и русская цивилизация, и китайская цивилизация довольно-таки прагматичны. И чем более рационально мы будем подходить друг к другу, тем больше будет прока от нашего сотрудничества.

Я был в совершенном восторге от того, как сегодня нас корейский коллега одернул – дескать, что вы всё говорите о некоей абстрактной Азии... Действительно, мы придумываем себе эту Азию, потом начинаем придумывать какое-то в ней свое старинное членство на том основании, что когда-то давно нас завоевали монголы. Вот представьте себе, что приходит

Бангладеш к Соединенным Штатам и говорит: «Знаете, у нас с вами общая судьба, и мы, и вы были когда-то английской колонией». Это абсурдная постановка вопроса. И потому хочу вновь призвать к рациональности по отношению друг к другу.

Л.В. Поляков. Да, не станем уподобляться этим гусям, чтобы не превратиться в источник для фуа-гра, а будем хладнокровными циниками.

К.В. Асмолов. Несколько коротких ремарок. Конечно, Азия разная и Восток разный. Но, хочу заметить, что Запад тоже разный, в то время как и в глазах либералов, и в глазах антилибералов Запад один. Как часто, уважаемые коллеги, вы слышали не фразу «давайте сделаем, как на Западе», а «давайте сделаем, как в Канаде» или «как в Германии», или «как в Бельгии»? Как часто мы говорим не просто о модели, а о варианте, когда опыт каждой конкретной страны пытаемся приложить, проанализировать и сказать, что вот эти элементы нам пригодятся в формировании идеологии или в строительстве государства, а эти являются скорее негативным уроком? Особенно учитывая нынешние разговоры про отсутствие идеологии, про некий кризис, пора бы перейти на следующую ступеньку и начать думать над тем, какой именно должна быть идеология будущей России, какие элементы, творчески переработанные, должны в нее войти. Без этого мы будем погрязать в словоблудии и терять время.

Есть еще одна важная деталь, о которой сегодня уже говорили. Попытка создания неких единых структур вместо анализа конкретики ведет к опасным шорам. Я наблюдаю, как работают западные think-tanks, те, которые кажутся из России некими идеальными системами, разрабатывающими коварные сверхсложные планы, по сравнению с которыми протоколы сионских мудрецов или план Даллеса – детские упражнения. Так вот – ничего этого нет. *Миром правят не тайные ложи, а явная лажа.* И любопытно наблюдать, как их специалисты, находящиеся примерно в той же нише, что и люди, присутствующие здесь, рассказывают о сложных, многокомпонентных, коварных планах Путина, который строит длительную, очень сложную

стратегию по глобальному доминированию. И мне это слегка напоминает цитату из анимэ, где главный антагонист в решающий момент делает каменное лицо и говорит, что все это было just as planned. Естественно – чтобы скрыть реальное положение дел.

Поэтому давайте не будем приписывать чужим планы того уровня сложности и того уровня проработки, которые на самом деле при нынешнем качестве исполнителей, при нынешнем уровне организаторов, при нынешнем уровне сбора и анализа информации невыполнимы. Это поможет нам бороться не с мультяшной реальностью, а с реальными угрозами.

Арун Моханти. У меня тоже несколько ремарок. Здесь прозвучали прекрасные доклады о китайской модернизации. Из индийского опыта мы видим четыре фундаментальных условия успешной модернизации. Во-первых, должна быть стабильность, во-вторых, предсказуемость, в-третьих, должна быть эволюционность, в-четвертых, учет национальной традиции. Почему в Китае модернизация столь успешна, а в России она не произошла? Китай провел свою модернизацию в условиях стабильности. У них сохранилась однопартийная система, хорошо это или плохо – не будем сейчас обсуждать. Но эта партия обеспечила стабильность. Поэтому в коммунистический Китай пришли десятки миллиардов инвестиций. А когда Россия проводила свою модернизацию, там, в годы перестройки и после распада Советского Союза, не было стабильности. Инвестиции не приходят туда, где нет стабильности. Во-вторых, предсказуемость. Да, в Китае однопартийная система, но она создает предсказуемость. Инвестиции любят предсказуемость. Этого не было в России. Если вы помните историю перестройки, она начиналась с так называемого ускорения, то есть с экономической модернизации. Но там не было четкого плана, а потом Горбачев совсем забыл об этом ускорении. Затем началась политическая модернизация, которая сама по себе являлась нестабильностью. А после распада Советского Союза вообще наступил беспредел. Поэтому российская модернизация не могла быть проведена успешно. Да, Россия вроде бы стала

демократической страной, в отличие от Китая. Но эта демократия не обеспечила предсказуемости. Что будет после Ельцина? Каким будет переход власти в России? И поэтому инвестиции не пришли.

В-третьих, должна была эволюционность модернизации. Китай двигался шаг за шагом. Первая реформа у них была в сельском хозяйстве, потом пришла очередь индустрии. В России не было такой эволюционности – вы хотели из коммунистического рая сразу попасть в капиталистический рай. Не было и четкого плана модернизации.

Наконец, в-четвертых, не был учтен российский менталитет, который весьма специфичен. И внутри Европы, и внутри Азии менталитет отличается от страны к стране. У России тоже своеобразный менталитет. Поэтому российские реформы полностью провалились.

Если принимать что-то из индийского опыта, то, по моему мнению, следует прежде всего проанализировать роль государства. В России первые десять лет после распада Советского Союза философия была: чем дальше государство уходит из сферы экономики, тем лучше. Таким образом были созданы дополнительные условия для провала реформ.

Сейчас много разговоров насчет поворота России на Восток. По-моему, при Иване III или Иване Грозном было заявлено, что российский орел должен смотреть на запад и на восток. И так вроде бы и надо. Но если проанализировать российскую внешнюю политику, то можно увидеть, что Россия обычно смотрит на Запад за счет Востока. Думаю, что поэтому быстрая переориентация просто невозможна. Но очевидно, что интересы России имеются и на Востоке, и на Западе. В 1990-х годах говорили: мы – часть западной цивилизации и всё делаем для улучшения отношений с Западом, даже если это за счет Востока. Но сейчас пришли санкции, поэтому возникло желание Запад игнорировать и улучшать отношения с Востоком. По-моему, такой подход не рационален. Понимаю, у России есть большие интересы на Востоке, но при этом нужны технологии, оборудование с Запада. Восток, возможно, в такой мере не может обеспечить Россию технологией, оборудованием. Но тем не менее есть три стра-

ны – Япония, Китай, Индия, – которые могут в какой-то степени быть источником оборудования и технологий. Но данное обстоятельство игнорировалось на протяжении последних 15–20 лет. Поэтому необходим серьезный анализ азиатских рынков, необходимо понимание того, какую выгоду Россия может от них получать. И, кроме того, на Востоке есть рынок для российского машиностроения. Азия – это рынок для российской тяжелой промышленности, от которой еще что-то осталось – космос, машиностроение. Соответственно, поворот на Восток должен быть эволюционным и прагматическим.

Следующий мой тезис – о Дальнем Востоке. Это огромный регион. Михаил Александрович Маслин сказал, что он впервые во Владивостоке. Это я к тому, что московские капиталисты, может быть, сюда и не придут. Но сюда придут деньги из Японии, из Китая. Мы в Индии тоже проводим информационную работу, с тем чтобы наши предприниматели шли сюда. Успех пока невелик, но все же несколько индийских фирм уже работают, создали рабочие места, причем это не торговые, а промышленные предприятия. Здесь же огромная территория. Может быть, тут можно будет проводить модернизацию сельского хозяйства. Например, очень многое в модернизации сельского хозяйства Канады сделано индийцами. Мы говорим: российское правительство «за», поэтому давайте, приезжайте развивать сельское хозяйство на Дальнем Востоке. Но наши предприниматели говорят: Дальний Восток – это так далеко, там холод, там зима страшная. Но я говорю: ведь Канада еще дальше, и зима там суровее. В общем, имеет место информационная проблема, люди не знают, где Дальний Восток, какие там условия. В этом плане надо что-то делать, чтобы этот обширный регион стал интересен для восточных предпринимателей. Сейчас здесь, на Дальнем Востоке, создано Министерство развития. Думаю, это – одна из его задач.

Советское государство – плохое он было или хорошее, – но у него была эта самая мягкая сила. Тогдашняя идеология и была мягкой силой для азиатских стран. А сейчас никакой политики в этом направлении Россия не прово-

дит. Бандиты, зима, водка – вот такие представления о России у многих. А ведь ваша страна за последние десять лет изменилась, условия для бизнеса существенно улучшились. Но об этом нет никакой информации. И поэтому, как мне кажется, Путин на встрече с российскими послами в 2012 году сделал акцент на укреплении политики мягкой силы.

Л.В. Поляков. Спасибо за ваш доклад. Обобщая итоги и опыт китайской и индийской модернизаций, вы показали, что все четыре условия, которые были у китайцев и индийцев, отсутствовали в российском случае. Что же касается проблемы мягкой силы... Коллеги, конечно, никакая мягкая сила, soft power, просто так не изобретается. Но, например, наш форум «Бердяевские чтения», так или иначе, работает в том направлении, чтобы soft power у России возникла. Консервативный поворот, обращение к традиционным ценностям вселяют в наших азиатских партнеров и друзей надежду и оптимизм.

Мы предполагаем, что консерватизм как широкое интеллектуальное и мировоззренческое течение заключается в том, чтобы уважать уникальность, неповторимость и культурную суверенность каждой цивилизации. Если этот меседж будет понят и принят в Азии, то, может быть, это восполнит тот дефицит мягкой силы, который образовался после крушения Советского Союза и отказа от идеологического господства под знаменем коммунизма.

Тадаси Анно. В минувшем году я посетил Читинскую область (ныне – Забайкальский край). Маленький город Забайкальск находится на границе с Северным Китаем. За этой границей лежит китайский город Маньчжурия. Десять лет назад население Забайкальска было 10 тысяч, население города Маньчжурия – тоже 10 тысяч. Сейчас в Забайкальске семь тысяч, в Маньчжурии – 400 тысяч. Город Маньчжурия является одним из самых успешных, развитых провинциальных городов Китая. Почему они успели так быстро развиться? Всё благодаря богатствам из России – импорту леса и розничной торговле. Город Маньчжурия – это один большой молл, где российские покупатели хорошо платят за китайские товары.

Налицо четкая, комплексная стратегия развития. Китайцы создали специальную экономическую зону на территории города, создали новый промышленный комплекс для лесопереработки, построили торговые комплексы. На российской стороне РЖД построило небольшой новый терминал для облегчения транзита товаров.

Разительные различия двух городов обусловлены различиями качества стратегии развития. И не только самих городов, но и стран. На нашем форуме ключевое слово – умеренный консерватизм. В прежние годы, особенно в 1990-х, ваши либеральные политики не могли решить эту проблему, они даже не задумывались о значимости этих различий. И я очень надеюсь на способность умеренного консерватизма найти какой-то эффективный ответ.

Конечно, опыт азиатских стран будет полезен, особенно для вас, то есть для умеренных консерваторов, другими словами – для прагматического, разумного консерватизма. Просто открыть территорию Дальнего Востока и обеспечить эффективный транзитный коридор между Европой и Азией, просто установить либеральный режим, как мне кажется, не годится. Это вряд ли для национальных интересов России. Надо создать какую-то эффективную платформу для генерации добавленной стоимости внутри России.

Очень надеюсь, что умеренные консерваторы смогут повысить качество стратегии развития. И мы, на азиатской стороне, к этому готовы, потому что это обеспечит главное – совместное развитие. Мы очень надеемся, что Россия будет в Азии. Почему? Потому что Россия имеет некоторые факторы, некоторые элементы для решения азиатских проблем. Это не только Сирия, это не только нефть и газ. Это новые ценности, это качественное образование, это другие экономические элементы. Всё у вас есть, чего в Азии не хватает.

Л.В. Поляков. Большое спасибо за веру в Россию, которой у нас самих иногда не хватает. Мы чувствуем вашу дружескую поддержку. Тем более что этот консерватизм – не тактический поворот, а то, что выстрадано. После метания между крайностями коммунизма и либерализма мы вышли на некий средний путь,

который можно обозначить словом «консерватизм», разумный консерватизм. Наш президент в одной из бесед с китайским коллегой назвал себя прагматиком с консервативным уклоном. Именно на этом основании можно разрабатывать прагматичные концепции, учитывающие взаимный интерес, учитывающие, я адресуюсь к коллеге из Индии, специфику менталитета.

А.В. Виноградов. Прозвучал вопрос – почему Россия вернула себе Крым, а Китай не вернул Тайвань? А зачем? И какова цена? В 1943 году, во время антияпонской войны, Чуйков разговаривал с Чан Кайши и спросил его: «Почему вы ведете такие пассивные действия с японцами?». И Чан ему ответил: «А зачем? Это болезнь, нужно переболеть». В 1974 году, после революции в Португалии, вопрос о возвращении Макао Китаю на принципиальном уровне решен. Это была инициатива португальской стороны. Тогда еще была «культурная революция», и с точки зрения идеологических дивидендов, ускорение возвращения было бы колоссальным плюсом. Потом ситуация повторилась с Гонконгом. Вернуть можно. Но что вернуть? Просто территорию? А в ситуации с Гонконгом речь шла о возвращении крупнейшего финансово-экономического центра. Когда я говорил об овладении временем, то имел в виду именно это. Может быть, формулировка не очень хорошая. Овладение – это эффективное использование времени относительно цели. Конечно, все аналогии ущербны. Можно сегодня и дорого, а можно завтра и дешевле. Когда есть почти пять тысяч лет цивилизации, в общем, это измерение может быть различным. Теперь относительно критериев развития. Развитие можно измерять не только в экономической и военно-политической мощи. Можно измерять и в таких категориях, как поэзия, живопись, философия. Достижение гармонии тоже может быть величайшей целью. А развитие, такое развитие, какое мы видим в западном мире, где существует выбор, это всегда разрушение. Отказываясь от чего-то, мы уже не можем достичь гармонии. Но гармония – вполне достойное состояние. То есть имеется выбор между стремлением к счастью и стремлением гармонии. И последнее, относительно перспектив Китая. Десять лет назад, когда я и мои коллеги высту-

пали в невостоковедных аудиториях, основная масса слушателей – 99% – говорила: «Ну да, у Китая есть успехи, а что будет после?». Когда же в сходной ситуации обсуждался Европейский Союз, абсолютно все говорили: «Из этого кризиса Евросоюз выйдет окрепшим». Очевидно, что тогда были двойные стандарты, от которых в последнее время наше общественное мнение, кажется, избавилось. И поэтому, когда мы говорим о перспективах Китая, давайте, будем признавать то, что хорошо. И точно так же признавать то, что плохо. Профессионалы, эксперты знают, сколько у Китая проблем, но пока в целом – хорошо.

В.В. Сумский. В течение всей нашей конференции я ждал, когда мы выйдем на проблему силы и бессилия России. И вот, наконец, на одном из заключительных заседаний мы на нее вышли, и это было неизбежно. Мы, в духе вековой российской традиции, услышали, что у нас ничего нет. У нас нет государства, у нас нет внешней политики, у нас нет спинного хребта, у нас нет ни интеллектуального, ни производственного потенциала. Но все-таки что у нас есть? Хотелось бы ответить на этот вопрос, хотя бы коротко. Насчет государства. Я бы сказал простую вещь: сам факт существования России в тех параметрах и в тех границах, в которых мы ее видим, является неопровержимым доказательством ее силы. И дело даже не только в том, что сообщаются бассейны сибирских рек. Дело в том, что мы иногда не отдаем себе отчета в том, какой колоссальный интеллектуальный и административный ресурс требуется для того, чтобы держать всё это вместе. Мы недавно перевели и опубликовали двухтомные мемуары Махатхира Мохамеда, бывшего премьер-министра Малайзии. Там есть такая любопытная часть, где он пишет, что крайне неудобно, просто невозможно было управлять Малайзией в условиях, когда там было два часовых пояса. Причем, различие было даже не в час, а в полчаса. И ему пришлось ввести декретное время. Одной строкой он пишет: «В голове не укладывается, как Россия управляется в условиях девяти часовых поясов». Это – по поводу государства и по поводу того, сильна или не сильна Россия.

Мне кажется, что Россия была сильна даже в 1990-х годах, тогда как мы вообще ждали, когда она окажется в руинах.

Что касается внешней политики и умения занять или не занять позицию. Просто составлю такой смысловой ряд. Грузия 2008 год, срыв «цветной» революции в 2011–2012 году в России, позиция по Сирии, позиция по Сноудену, наконец, Крым и Украина. Все эти вопросы надо было решать быстро, некоторые из них было невозможно решить без каких-то наработок, сценарных заготовок. Для меня это – признак силы. Как является признаком силы и то, что мы знали: и за Грузию, и за Крым, и за Сноудена, и за всё остальное, перечисленное, платить придется. И вот эта готовность заплатить цену для меня тоже является признаком силы. Насчет того, что ничего не производим и ничего не делаем. Сетования на то, что сидим на нефтяной игле, хочется дополнить констатацией: в нашей экспортной выручке углеводороды дают 20%. Просто для интереса, как говорят, для смеха, попробуйте составить список того, откуда приходят остальные экспортные доходы. Насчет интеллектуального продукта. Знаете, никогда в России не было таких книжных магазинов, и не было при их посещении иллюзии того, что уже не осталось на свете такого предмета, по которому не написана солидная книга. Думаю, и это не есть показатель интеллектуальной бедности.

Наконец, последнее. К вопросу о том, что мы имеем, чего, может быть, не имеют другие, включая даже такую великую страну, как Китай. В 2007 году я был в Пекине во время XVII съезда КПК. Это был момент, когда Китай запустил спутник к Луне. Я через пару дней, когда его запустили, ждал, что будет сообщение, что он облетел Луну. Но нет, на главной торговой улице Пекина был установлен огромный экран, и там была показана траектория меняющейся геоцентрической орбиты этого спутника. Он всё удалялся и удалялся от Земли, чтобы выйти в такую точку, от которой он, наконец, сможет оторваться и полететь к Луне. У нас же эти технологии и эти разгонные блоки были уже в конце 1950-х годов. Вы ведь помните, как советские спутники облетали Луну, фотографировали ее обратную сторону?

Будем все-таки реалистами – мы гораздо сильнее того, как мы иногда самих себя представляем.

Д.В. Мосяков. Сначала краткое замечание по поводу выступления Василия Викторовича Ванчугова, очень интересного с моей точки зрения. Он затронул очень существенную проблему, когда говорил об аморфности государственных, политических, интеллектуальных структур.

Возникает ощущение, что это связано не столько с какими-то социокультурными вещами, сколько с тем, что сама власть обладает очень узкими возможностями для социального, экономического и иного конструирования. Если начинать какое-то социальное конструирование и менять содержание существующего режима в сторону, может быть, его относительного ужесточения – тут же возникает аллюзия, что мы идем в направлении, давно осужденном, масса людей этого боится, масса людей выступает против этого. То есть нет свободы в социальном конструировании, в конструировании власти. Власть ограничена страхами о несуществующих угрозах.

То же можно сказать и об экономическом конструировании. Любая попытка вернуться к какому-то варианту планирования, которое используется в массе азиатских стран, – тут же вызывает аллюзии, что это возвращение чуть ли не к плановой экономике, то есть возвращение к старому, от чего мы с таким трудом ушли. И всё это связано в первую очередь с тем, что мы не сумели, как это ни парадоксально, несмотря на огромные усилия, решить вопросы по нашей истории. Мне нравится, как в Китае эти вопросы решили, например, о Мао Цзэдуне: 30% ошибок, но 70% полезной и действительно способствующей росту и развитию Китая деятельности. И это дает возможность власти быть свободной, в любой момент из прошедшего опыта доставать элементы.

По поводу мягкой силы – то же самое. Как мы можем конструировать и вообще формировать какую-то мягкую силу, если реально все рычаги информационного контроля находятся вне нас? Недавно был интересный опрос, какие страны симпатизирует или не симпатизируют России.

Выяснилось, что на первом месте Вьетнам, где почти 80% опрошенных ответили позитивно. Так вот, очень много лет Вьетнам был плохой. Он плохо развивался. И там были большие проблемы с правами человека. Но как только Соединенные Штаты поменяли свою политику в отношении Вьетнама, тон в отношении Вьетнама изменился мгновенно. Из wrong country, где все плохо, он превратился в страну, где все хорошо, которая развивается нормальными темпами.

Меня это поразило с точки зрения масштабов происходящего. Не какая-то одна газета или, например, CNN стали говорить хорошо про Вьетнам. Нет – это распространилось сразу в очень широком спектре, казалось бы, независимых средств массовой информации. Как будто зажегся какой-то огонек, и все начали писать про Вьетнам хорошо.

В такой ситуации нам трудно рассчитывать на перемену имиджа – это огромная, тяжелейшая работа. Не говорю, что не надо эту работу вести. Но мы находимся в рамках неких обстоятельств, на которые повлиять, по большому счету, не можем. Мы должны просто понимать это, потому что сила и энергия возникают в условиях свободы. Когда вы получаете определенную свободу в социальном конструировании, тогда у вас появляются и сила, и энергия, и свобода. А когда вы все время связаны, все время выстраиваете какую-то прагматичную политику, выясняется, что вы несвободны.

Л.В. Поляков. Трезвая самооценка наших возможностей при всей оправданной критике в адрес собственной власти есть вполне консервативный подход. Консерватор – отнюдь не апологет. Его задача – критически взглянуть на реальность, потому что без этого невозможно развитие.

Конечно же, позиционирование вовне, через медиа-сферу, весьма продуктивно. Коллега из Малайзии, господин Али, уже касался этой темы, упомянув о соревновании Толстого и Абрамовича: Толстой проигрывает потому, что Абрамович на первом плане. Точно так же и в отношении Вьетнама. Вчера Вьетнам был непонятно кто, а сегодня это почти лучший друг. Причем это делается синхронно. Все, навер-

ное, помнят момент, когда произошла трагедия с малазийским лайнером. От имени наших участников приношу искренние соболезнования малазийскому коллеге. Мы прекрасно помним – еще не успел остыть пепел сбитого самолета, как во всех западных газетах появились заголовки «Путин – убийца». Действительно, имеется мощнейший механизм, машина пропаганды, которая под рубрикой свободы прессы последовательно и агрессивно продвигает необходимые позиции. И здесь отнюдь не мягкая сила, а сила, я сказал бы, сильнее любой жесткости. Не танками, не пушками, а ударом по мозгам обеспечивается господство.

Я регулярно смотрю “Russia Today”, телеканал, который работает во враждебной среде. Когда он начал вещание, у меня был скепсис, я думал так: «“Russia Today”, ну давайте про Россию как можно больше». А там, наоборот, подбирают сюжеты, актуальные для конкретной страны. Скажем, американская редакция там работает на актуальной американской проблематике. Например, в замечательную рубрику “Cross Talk”, которую ведет Питер Лавелль, приглашают «альтернативных» американских интеллектуалов для обсуждения ключевых проблем. И это работает, это делается виртуозно. Не в стиле советской пропаганды, когда наши монстры типа Зорина сидели и рассказывали нам, как загнивает западный мир, а мы должны были этому верить. Нет – американские, британские и другие эксперты рассуждают на острые современные темы, но в антипропагандистском ключе.

Думаю, есть надежда и у нас, что внешнее позиционирование все-таки будет меняться в позитивном направлении, в том числе и в странах Востока. Повторяю, я говорю, как дилетант.

Я не востоковед, не могу читать ни китайских, ни индийских (кроме англоязычных) газет.

Не могу читать японских, вьетнамских, малазийских газет. Может быть, Игорь Евгеньевич Денисов из Института международных исследований МГИМО расскажет нам о том, как отражается Россия в прессе восточноазиатских государств.

И.Е. Денисов. Согласен, вопрос об образе России весьма актуален. Мы здесь много говорили

о том, в какую Азию возвращается Россия. Но не менее важно говорить о том, какая Россия возвращается в Азию, поворачивается к Азии. Для того чтобы произвести естественный выбор главного вектора нашей внешней политики, мы должны уходить от двух крайностей: от фобий в отношении Азии и от высокомерия в отношении Азии.

Хотел бы поблагодарить Егора Станиславовича Холмогорова за то, что дал нам два примера, соединив в своем выступлении вроде бы несоединимое – по-видимому, напитавшись восточной философией. По поводу его сравнения Тайваня и Крыма – полностью согласен с Андреем Владимировичем Виноградовым. Крым – прекрасный пример для того, чтобы показать силу России, но Тайвань – это не самый удачный пример для того, чтобы показать слабость Китая.

Китай в тайваньском вопросе как раз проявляет государственную мудрость и силу. Посмотрите на состояние экономических отношений до того, как началось сближение, и сейчас. Тайвань экономически полностью зависит от материкового Китая, великолепно развиваются гуманитарные обмены. Почему же Китай не воссоединяет Тайвань, могу ответить просто: не хочет, не время для этого. Тайваньские инвестиции на материк составляют 61 миллиард долларов. Зачем же в такой ситуации сравнивать Тайвань с Крымом?

Теперь по поводу фобий, то есть о Центральной Азии. Егор Станиславович предлагает нам заняться холодным анализом. Но Китай предлагает не что-то абстрактное, а железные дороги, автомобильные дороги, электростанции, объекты социальной инфраструктуры. Если мы можем делать нечто подобное, давайте делать – вместе с Китаем или отдельно от него. Мы можем еще предложить услуги в сфере безопасности, это наша традиционно сильная сторона в регионе, в то время как она же является наиболее слабой стороной китайской стратегии Экономического пояса Шелкового пути.

Высокомерие иногда проявляется и в нашей практической деятельности. Вы все видели парад на Красной площади 9 мая и кадры прохождения китайского почетного караула, это подавалось как большое достижение. Действи-

тельно, появление военнослужащих НОАК на Красной площади – показатель доверия. Но, наверное, мало кто знает, что в 2010 году китайцы сами предлагали свое участие. На том параде, напомним, по Красной площади прошли военнослужащие США, Великобритании, Польши и Франции, а участника антигитлеровской коалиции Китая почему-то не оказалось. Я разговаривал тогда с китайским высокопоставленным дипломатом: «Вы обиделись такому решению?». Он отвечает: «Да, конечно, обиделись – мы же три раза просили». Не думаю, что здесь был некий умысел с российской стороны. Но дисциплина, последовательность в работе бюрократического аппарата в такой сфере все-таки должны быть.

Знаю случай, когда некий губернатор опоздал на встречу с первым лицом одного из крупных азиатских государств. Гость спросил: «А почему мы ждем? Кого ждем?» Ему сказали, что губернатор опаздывает. Он: «Кто такой губернатор?» – «Это руководитель провинции, так же как и у вас». Он тогда взял и ушел.

Если мы будем с высоких трибун говорить, что возвращаемся в Азию, а наша практическая деятельность будет по-прежнему окрашена высокомерием и конъюнктурой – это будет unsuccessful поворот. Никто не в состоянии оторвать Россию от Азии так, как мы сами это можем сделать. С другой стороны, никто так не может приблизить Россию к ней, как опять же мы сами. То есть дело в нашей уверенности, в нашей самоидентификации, освобождении от имперских комплексов. Можно по-разному относиться к тому, что мы сейчас стремимся всё заимствовать у Китая, но вот еще пример полезного опыта. Китайцы ко всем партнерам относятся как к равным (несмотря на все то, что было совершенно справедливо сказано по поводу системы дани). Это касается и государственного протокола, и освещения визитов в СМИ. Если вы посмотрите «Жэньминь жибао», то, например, о визите Обамы и о визите руководителя Гамбии будет абсолютно равное количество газетной площади, абсолютно равное количество фотографий. Этим они демонстрируют свое стремление подключить всех к своему локомотиву. И в этом один из секретов китайского успеха, а вовсе не в экспансии. По-

чему настолько успешен проект Азиатского банка инфраструктурных инвестиций? Потому что они готовы работать со всеми. Кстати, на парад 3 сентября, несмотря всю сложность отношений с Японией, они японской стороне тоже направляли приглашение. Это, я думаю, то, чему мы можем учиться, если хотим, чтобы наш поворот в Азию действительно увенчался успехами, принес пользу для нашего собственного развития.

Л.В. Поляков. Наш японский коллега хотел добавить пару слов. Прежде чем он это сделает, хочу привести некоторые цифры из исследования “Pew Research Center”. Здесь присутствуют коллеги из Турции, Японии, Республики Кореи, Китая, Индии, Малайзии и Сингапура. Итак, в Турции положительно относятся к России 15%, отрицательно – 64%. В Японии картина близкая к этому – 73% японцев относятся отрицательно к России и только 21% положительно. В Малайзии – 54% отрицательно, 30% положительно. Самые позитивные результаты – в Китае и Индии. Китай – отрицательный имидж России у 37% китайцев, положительный – у 51%. В Индии – 17% отрицательный имидж, 43% положительный. Коллега Мосяков упомянул Вьетнам, который действительно абсолютный лидер: только 10% вьетнамцев относятся к России негативно, зато 75% позитивно.

Тадаси Анно. Вчера и сегодня мы выслушали значительную критику в отношении европоцентризма – в стремлении создать многополярный мир и евразийскую альтернативу. Думаю, наш взгляд в течение двух последних столетия был искажен именно из-за европоцентрической позиции.

С учетом нынешней ситуации в отношениях России и Запада такие антизападные чувства вполне понятны. Несмотря на то, что я японец, я симпатизирую именно российской точке зрения. И наблюдаю за тем, как за последние двадцать пять лет западные СМИ и западные лидеры занимали враждебную позицию по отношению к России и ее руководству. Очевидно, полагая, что они обладают естественным правом диктовать другим свою волю и навязывать свое мнение по поводу

их государственного устройства и политики.

Я слышал много критических замечаний по поводу европоцентристского международного порядка. Но я также озабочен тем, куда приведет нас наше собственное стремление создать новый миропорядок. Похоже, на сегодняшний день преобладание Запада более сильно, более явственно, чем представление о том, какие перспективы нас ожидают и какие пути нам следует избрать. Очень сложно заниматься вопросами построения нового мирового порядка.

Наши китайские и индийские друзья во многом разделяют эту точку зрения. Однополярность – источник деспотизма, и надо этому всячески противиться. Однако Томас Гоббс напоминал нам много-много лет назад: плохой порядок может быть лучше, чем полная анархия. Конечно, многополярный мир, который будет более спокойным, лучше, чем однополярный. Но нам нужно убедиться, что порядок будет поддерживаться. Мир заинтересован в стабильности и порядке. И хотя есть основания критиковать международный деспотизм, путь создания многополярного мира непрост.

Как консерватор и патриот-японец я понимаю эту критику, но мы должны помнить, что процветание международной экономики сегодня во многом зависит от наших общих взглядов, которые относятся к нашим глобальным первоочередным задачам. Это прежде всего безопасность и надежность путей сообщения на суше и на море. А это, в свою очередь, зависит от поддержки общих ценностей и системы сложившихся границ. Но надо признать, что Запад сыграл важную роль в создании системы с предсказуемыми правилами и именно этим объясняется его доминирование в международных отношениях.

Л.В. Поляков. Ваша позиция – блестящий пример критической рефлексии консерватора, который рассматривает любое предложение с точки зрения его реальной осуществимости. Мало критиковать гегемонизм, нужно представить логические основания нового миропорядка. Вы вспомнили Томаса Гоббса, который говорил, что любой порядок лучше беспорядка, потому что если нет порядка, нет государства, то мы существуем в ситуации – то, что он называл по-английски “state of nature”, “bellum omnium

contra omnes” – война всех против всех. Но, Анно-сан, можем ли мы сказать, что не видим парадокса, когда американский гегемонизм, основанный на вере в американскую исключительность, предлагает для мира авторитарный порядок (юниполярный мир), при этом культивируя и пропагандируя идею демократии для всех? Нет ли в этом удивительного обмана, или самообмана, американцев, который мы должны видеть и должны разоблачать? Это было последнее выступление перед последней фазой нашего форума. Передаю бразды правления Борису Вадимовичу Межуеву.

Б.В. Межуев. Мы хотим представить сегодня четвертый и пятый выпуски информационного бюллетеня Форума «Бердяевские чтения» «Самопознание». Первый был посвящен Крыму и сакральной географии, второй – творчеству Ивана Ильина, третий – Константина Леонтьева. И вот два номера, посвященные Востоку. Один из них посвящен Востоку в целом, проблеме отношений России и Востока, миссии России на Востоке, в частности христианской миссии на Востоке. Второй номер более определенно посвящен так называемым восточникам. В принципе, об этом номере надо было говорить здесь на самом первом заседании. Мы пытаемся доказать, что такое явление, как восточничество, существовало, более того, традиция восточничества была довольно серьезной и значительной в русской мысли, русской философии и русской политике. Один из ключевых вопросов заключается в том, почему эта линия всякий раз не срабатывала. Она развивалась, порождала много надежд, в том числе близких тем, о которых сегодня шла речь, но всякий раз завершалась неудачей. Иногда это можно объяснить военным поражением, как поражение при Цусиме в Русско-японской войне; иногда это нельзя объяснить поражением – 1930-е годы, Россия опять отворачивается от Востока, начинает интересоваться в основном западным направлением после победоносных действий – если вспомнить пограничные конфликты на Халхин-Голе. Слово «восточник» имеет американское происхождение. В России оно не было модным. Я нашел только одно употребление этого

термина в «Русской мысли», принадлежащее человеку, о котором пойдет речь в следующем выступлении. Это Сергей Николаевич Сыромятников, путешественник, разведчик, журналист. В одной из своих статей он писал: «Честные искания правды лучше и полезнее для общества, чем стоять горюю за то, во что потеряли веру. Ведь я был западником не из корысти, а потом стал “восточником” не из-за денег или каких-нибудь милостей». Это, пожалуй, единственное в конце XIX века употребление слова «восточник» (и оно было в кавычках) в качестве обозначения идеологической позиции, в качестве обозначения определенной точки зрения, противостоящей западничеству. Впоследствии восточников называли восточниками американские исследователи, когда стали изучать причины возникновения союза России и Китая. В 1940–1950-х годах, когда СССР вступил в союз с Китаем, американцы особенно интенсивно изучали период первого российско-китайского союза в 1896 году. Появилось довольно много исследований, часто это были исследования эмигрантов. Один из эмигрантов русского происхождения, Андрей Малоземов, написал работу, посвященную идеологическим истокам Русско-японской войны, и ввел термин «восточники». То есть люди, которые мечтали о том, что России будет дарована миссия объединить весь Восток, объединить всю Азию, найти новую русскую идею на Востоке. В России так бывает, когда забывают надежды предшествующих эпох. И когда Цусимская катастрофа похоронила эту мечту, произошло и забвение всей той эпохи. Я читал много работ, где говорилось, что до евразийцев русские никогда не думали, что они азиатская нация. В пятом номере «Самопознания» небольшой мой текст посвящен одному из таких людей – увлекающемуся молодому человеку – увлекающемуся не только в романтическом, но и в политическом смысле, – Александру Блоку. На мой взгляд, вся его ранняя мистика, помимо влияния Владимира Соловьева, помимо влияния русских романтиков, это и надежды восточной политики. Его довольно известное произведение «Король на площади» – драма, посвященная революции 1905 года, – связано с тем, что революция происходит в тот момент,

когда в город приходят слухи о том, что корабли, которые отплыли в неизведанные страны, не вернутся обратно.

Все, кто знает русскую поэзию, наверное, помнят известное стихотворение Александра Блока «Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою». Роман Яacobсон в свое время очень точно указал на то, что в этом стихотворении отражена трагедия Цусимской катастрофы. И во многих других произведениях Блока этого времени мы чувствуем ту тему не вернувшихся кораблей. И самое главное – это трагическое известие рушит весь государственный строй.

Если мы посмотрим газеты 1905 года, то увидим, что главной причиной взрыва было даже не 9 января, после которого ситуация в столице стабилизировалась. Главное – Цусимская катастрофа. Когда в мае 1905 года пришло известие о гибели 2-й тихоокеанской эскадры, это событие резко усилило демонстрации и поставило русское государство на грань катастрофы.

Это довольно сильная иллюстрация к тому, насколько надежды на Восток были значимы для легитимности власти. Надежды на то, что Россия обретет какое-то восточное для себя пространство – как писал другой поэт, Валерий Брюсов, «жребий Дальнего Востока». Возможно, эта романтическая мечта, в какой-то степени обеспечивала легитимность государственного строя. Эти мистические, романтические искания разделяли очень многие люди в конце XIX – начале XX века.

Потом это передалось евразийцам. В том же номере статья Василия Ванчугова, посвященная евразийцу, который жил в Харбине, – Всеволоду Никаноровичу Иванову. Там также речь о современных рецепциях евразийской идеи.

То есть вся восточническая линия русской мысли, русской культуры, русской философии нами прослежена так, что человек, взяв этот номер, сможет составить представление о том, чем была восточническая традиция в русской философии и в историографии. К сожалению, историография в значительной степени не российская.

В заключение хочу упомянуть человека, которого мне довелось знать лично, – он выступал

в Московском университете, читал лекцию.

Он умер в марте 2015 года, в очень преклонном возрасте. Это, наверное, последний патриарх русской идеи. Его знаменитая книга «Россия и мессианизм Востока» открыла целое направление в русской культуре, посвященное восточной мечте. Это – Мануэль Саркисянц, возможно, известный востоковедам, потому что довольно много писал о буддистских корнях социализма, о корнях народно-социалистических учений. В частности, большое внимание он уделил происхождению камбоджийского и бирманского социализма. Но первая его книга была посвящена именно русской идее, русской мечте.

Он не смог ее опубликовать в Америке.

Она была настолько пророссийской, что в 1952 году, в период маккартизма, это было невозможно. Саркисянц издал ее только в 1955 году в Германии. Впоследствии ему даже пришлось уехать из Америки, именно в силу того, что этот человек, будучи армянином по происхождению, родившимся в Баку и жившим в основном в Персии, сохранил такую веру в русскую мечту, в русскую идею и русскую культуру.

В этом номере мы публикуем интервью с его душеприказчиком Штефаном Гэем, тоже профессором Гейдельбергского университета. Там рассказ о последних днях этого человека, последних его словах. Саркисянц окончил свои дни в Мексике. Сохранилась огромная библиотека, тридцать тысяч томов. Судя по всему, их печальная судьба ожидает, потому что непонятно, что, собственно говоря, в Мексике этой библиотеке делать. Прямых наследников у него не осталось. Хотелось бы, чтобы библиотекой заинтересовался кто-то, кому она действительно нужна.

Хочу передать слово Борису Дмитриевичу Сыромятникову для презентации, посвященной человеку, о котором я упомянул вначале, человеку, который, наверное, является крестным отцом восточничества – не как изучения Востока, а как самовосприятия России. Этот человек внес огромный вклад в продвижение России в том регионе, в котором мы сейчас находимся, и стоявший у истоков первого российско-китайского союза.

«Сигма»: «Восток или Запад?»

Настоящее сообщение подготовлено не профессионалом и не в строгом соответствии с заявленными организаторами настоящего Форума задачами. Его цель – обратить внимание научного сообщества на труды и деятельность на службе России (официальной и «не для оглашения») известного в дореволюционное время публициста и востоковеда Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы») (19.09.1864 – 10.09.1933). В надежде, что профессиональные исследования его трудов прольют свет на не вполне известные нам идеи, усилия и достижения наших предков по установлению иных, не «западных» отношений с граничными нам странами Дальнего Востока...

Начну это сообщение с определяющего, как мне кажется, ответа на вопрос об «убеждениях» никогда не принадлежавшего ни к какой партии С.Н. Сыромятникова:

«Если ко мне надо привесить какой-нибудь партийный ярлык, как это принято в России, то я назову себя, пожалуй, прогрессивным националистом. Я верю в творческие начала русского народа, верю в конечную победу России над своими врагами, верю в русскую государственность, при которой возможно самое широкое развитие общественной самодеятельности, самоуправления, духовного и нравственного самосовершенствования русского народа».

I

В начале научной и публицистической деятельности (оно может быть отнесено к 1887 году) внимание выпускника Санкт-Петербургского университета С.Н. Сыромятникова было обращено на древнюю историю России, влияние на нее скандинавских и западноевропейских стран: изучение древнерусских летописей, переводы с древнеисландского «Саги об Эйрике Красном» [1], «Русской княжны на французском троне» [2].

Впервые тематика Дальнего Востока и Китая начинает акцентированно проявляться в публикациях столичного «Нового времени» и в публикациях «Сигмы» в нем в 1894 году [3, 4, 5]. Интерес к «Востоку» и к положению России между «Западом» и «Востоком» все более и более увлекает публициста. И к концу этого года «Сигма» задается данным вопросом прямо в заголовке своей статьи – «Восток или Запад»? [6]:

«В обществе после пощечины берлинского конгресса появилось бессознательное желание выделить себя из рядов европейских народов. <...>

Сыромятников Борис Дмитриевич, потомок и собиратель наследия своего двоюродного деда Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы»), одного из главных проводников восточной политики Николая II, принявшего участие в заключении первого договора о дружбе с Китаем в 1897 году. E-mail: grumant45@mail.ru

Теперь мы строим железный путь через всю Азию, от гор до океана, и Европа выражает не только одно восхищение, но и страх вследствие громадности результатов этой задачи. Знакомство с Азией дало новый толчок нашим идеям. Прежде мы говорили о греко-славянском культурном типе, потом о русском, т. е. славяно-финно-татарском, теперь должны заговорить о русско-туранском, о русско-азиатском. Изучение Сибири и Средней Азии сравнительно с Востоком в его целом не могло не навести на мысль о многих чертах сходства нашего быта с бытом Востока. Мысли эти в тридцатых годах возбуждали наше негодование. Польские историки давно уже доказывали Европе, что мы не славяне, а татары, и немцы повторяли их любезность по нашему адресу в своих учнейших сочинениях. Мы сердились, потому что верили в Петра Великого и считали себя европейцами. Теперь многие из нас изверились в принципы Петра, и мы проповедуем то самое, что наши предки называли немецкою и польскою клеветой. Мне кажется, можно сказать, что отличительной чертой истекшего двадцатилетия было упрочение наших связей с Востоком и влияние Востока на наши исторические идеалы.

Мысль об общности наших задач и идеалов с задачами и идеалами азиатского Востока нашла себе выражение в замечательной книге князя Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Е. И. В. Наследника Цесаревича в 1890–1891 гг.» <...>

Помимо красивого, хотя и несколько риторичного описания посещенных Августейшими путешественниками стран загадочного Востока, книга кн. Ухтомского заключает в себе много оригинальных мыслей, с которыми надо считаться всякому, кто интересуется развитием русского самосознания. <...>».

В течение 1895 года в «Новом времени» эпизодически публикуются статьи С.Н. Сыромятникова, посвященные Дальнему Востоку. Здесь следует выделить две из них, о Японии, под общим названием «Ex oriente pox!» [7, 8]. В первой он пишет:

«С Востока надвигается что-то темное, дикое, неизвестное, первые признаки грядущего “панмонголизма”. Запад с интересом ждет развязки восточных событий и вычисляет барыши, которые он получит за примирение сторон и от ослабления России. Мы сохраняем свой, “полный гордого доверия, покой”, хотя дело идет о создании новой Германии на нашем Востоке».

Публицист пытается понять, «<...> что может выйти из разгрома Китая и торжества Японии», отмечая, что: «<...> в нашем характере нет злобы, война для войны не в нашем духе, мы неспособны руководствоваться моралью господ. И вот, к нашим восточным пределам, населенным мирными переселенцами из России и мирными буддистами-инородцами, которые уживались с соседними неподвижными китайцами, приблизился народ, которого называют «янками Востока», но которого, пожалуй, придется назвать римлянами Восточного океана, жестокий, желтокожий народ, воинственный, еще недавно феодальный, нерелигиозный. Стоит заглянуть в его историю, чтобы убедиться, какая опасность грозит от его соседства».

И он заглядывает с читателями в эту историю: «Китайские летописи рассказывают <...>».

Завершается обзор летописных китайских источников следующими выводами: «Бедность религиозного чувства, отсутствие высоких идеалов и замыслов выразились и в храмах, и в литературе, и в самом искусстве, никогда несмотря на изумительную технику не возвышавшимся до высоких образцов. <...>».

Просматривая историю Японии до последнего времени, чувствуешь какой-то холодный ужас от бессмысленной жестокости этого умного народа. Он не знает другого опьянения, кроме опьянения кровью. За отсутствием каких-нибудь широких идеалов, только война, убийство и самоубийство выносит

его из скуки обыденной обстановки среди прекрасной, богатой природы. У него нет религии, нет политических идеалов. Сегодня он воюет за тех, против которых сражался вчера, он сражается для того, чтобы сражаться. Но его самолюбие таково, что при всякой крупной неудаче он со свирепым сладострастием вспарывает себе живот. Буддизм даже в испорченной форме оскорбляет его проповедью милосердия, проповедников буддизма преследуют до середины этого века. Мораль господ в полном расцвете, слабые не считаются людьми.

Так было до вторичного открытия Японии для европейцев, но мы увидим, что так и теперь».

Во второй статье [8] содержится уже и анализ современного соотношения сил на Дальнем Востоке, и некий прогноз надвигающихся на него событий: «...Зная характер этого народа, его воловью настойчивость, улыбающуюся жестокость, большой ум, как у евреев, не сдерживаемый никакими требованиями сердца, его не останавливающуюся ни перед какими жертвами любовь к родине и болезненное самолюбие, – можно предвидеть его будущую судьбу на десятки лет вперед. <...>».

Англичане мечтают уже об образовании на Востоке тройственного союза из Китая, Японии и Англии. Японии дадут разбить мирный, утонувший в религии предков Китай. Она возьмет Корею, займет Пекин до уплаты огромной контрибуции. На эту контрибуцию она удесятит свой флот, вооружит самураев, которых в семидесятых годах было уже около миллиона, будет хозяйничать на Тихом океане вместе с Англией. Нашим судам придется стоять в Сан-Франциско, наша железная дорога придет к замерзающей гавани, которая, может быть, тоже понадобится японцам. А кто знает, что заговорят китайцы, наэлектризованные японским нашествием? И на всю эту перетасовку Востока будут с милой улыбкой смотреть русские люди, которых три года назад корейцы просили занять Корею, и которые находят, что нам в высокой степени наплевать и на свободное море, и на Корею, и на все эти далекие страны, которые лежат где-то там, где можно купить себе жену на месяц и где на русские деньги выстроены чайный дом с вывеской «Кабак Кронштадт»».

Статья заканчивается призывом публициста: «Я никогда не был военным и не умею бряцать оружием, но я никогда не уступал без борьбы того, что у меня пытались отнять. Вот почему я позволяю себе просить русское общество, русских писателей, русских журналистов обратить внимание на то, что творится теперь на Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим панмонголизмом. Не только к борьбе за Приморскую область или Сибирь, а к борьбе за нашу историческую жизнь, за наше развитие, и за те идеалы, которым мы сознательно служили столько веков <...>».

Можно предполагать, что этот призыв был услышан «русским обществом» к лету 1897 года.

II

В столичном «Новом времени» за июль – сентябрь 1897 года появляется обширная серия статей-корреспонденций из Китая С.Н. Сыромятникова, «бывшего первым из журналистов, с самого основания Серединной империи, на аудиенции у Богдыхана». Эта серия статей была опубликована под общим заголовком «В гостях у Богдыхана»:

Сигма. В гостях у Богдыхана. I // Новое время. СПб., 1897. 8(20) июля. № 7672. С. 1. (246)¹.

¹ В круглых скобках проставлены номера публикаций С.Н. Сыромятникова по интерактивному перечню создаваемого оцифрованного собрания его трудов.

Сигма. В гостях у Богдыхана. II // Новое время. СПб., 1897. 9 июля. № 7673. С. 1. (247).

Сигма. В гостях у Богдыхана. III // Новое время. СПб., 1897. 10 июля. № 7674. С. 1–2. (248).

Сигма. В гостях у Богдыхана. IV // Новое время. СПб., 1897. 11 июля. № 7675. С. 1. (249).

Сигма. В гостях у Богдыхана. V // Новое время. СПб., 1897. 12 июля. № 7676. С. 1. (250).

Сигма. В гостях у Богдыхана. Тянь-Цзин. (01) // Новое время. СПб., 1897. 23 июля. № 7687. С. 1. (251).

Сигма. В гостях у Богдыхана. Тянь-Цзин. (02) // Новое время. СПб., 1897. 24 июля. № 7688. С. 1. (252).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Тревожные признаки. I. Тянь-Цзин. 10 (29) июня // Новое время. СПб., 1897. 31 июля. № 7695. С. 2. (253).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Тревожные признаки. II. Тянь-Цзин. 10 (29) июня // Новое время. СПб., 1897. 2 августа. № 7697. С. 1. (254).

Сигма. В гостях у Богдыхана: На китайской стене. I. (01) // Новое время. СПб., 1897. 7 августа. № 7702. С. 1–2. (255).

Сигма. В гостях у Богдыхана: На китайской стене. I. (02) // Новое время. СПб., 1897. 12 августа. № 7707. С. 3. (256).

Сигма. В гостях у Богдыхана: На китайской стене. II // Новое время. СПб., 1897. 19 августа. № 7714. С. 1–2. (257).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Уголок России в Китае. (01). Шанхай, 20 июля // Новое время. СПб., 1897. 18 сентября. № 7744. С. 2. (258).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Уголок России в Китае. (02). Шанхай, 20 июля // Новое время. СПб., 1897. 19 сентября. № 7745. С. 2. (259).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (01). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 21 сентября. № 7747. С. 2. (260).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (02). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 23 сентября. № 7749. С. 1–2. (261).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (03). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 27 сентября. № 7753. С. 1–2. (262).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Старые и новые мандарины. (04). Никко, Япония, 7 августа // Новое время. СПб., 1897. 29 сентября. № 7755. С. 2. (263).

Примечательно, что только пять первых из приведенных выше статей «Сигмы» описывают официальное «посольство кн. Э.Э. Ухтомского», а следующие представляют собой «путевые заметки и наблюдения» уже самостоятельно продолжающего знакомство с Китаем русского журналиста.

Далее под этим же общим названием, С.Н. Сыромятников публикует три статьи о «посещении» им Японии:

Сигма. В гостях у Богдыхана: Поездка в Японию. (01). Сеул, 23 августа // Новое время. СПб., 1897. 22 октября. № 7778. С. 1–2. (264).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Поездка в Японию. (02). Сеул, 23 августа // Новое время. СПб., 1897. 23 октября. № 7779. С. 1–2. (265).

Сигма. В гостях у Богдыхана: Поездка в Японию. (03). Сеул, 23 августа // Новое время. СПб., 1897. 24 октября. № 7780. С. 1–2. (266).

И девять следующих статей о продолжении его самостоятельного «путешествия», уже по Корее:

Сигма. В Корее. I. (01). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 27 октября. № 7783. С. 1–2. (267).

Сигма. В Корее. I. (02). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 1 ноября. № 7788. С. 3. (268).

Сигма. В Корею. I. (03). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 13 ноября. № 7800. С. 2–3. (269).

Сигма. В Корею. II. Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 14 ноября. № 7801. С. 2–3. (270).

Сигма. В Корею. III. Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 21 ноября. № 7808. С. 1–2. (271).

Сигма. В Корею. IV. Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 23 ноября. № 7810. С. 3. (272).

Сигма. В Корею. V. (01). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 29 ноября. № 7816. С. 2. (273).

Сигма. В Корею. V. (02). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 1 декабря. № 7818. С. 2. (274).

Сигма. В Корею. V. (03). Сеул, 13 сентября // Новое время. СПб., 1897. 18 декабря. № 7835. С. 2–3. (275).

Всего 29 (!) статей о «поездке» по «зарубежному» Дальнему Востоку. Но... собранного «материалу» так много, что из Владивостока «Сигма» досылает в столицу еще три статьи о Корею:

Сигма. Внутри Кореи. I: По деревням. (Владивосток, 10 окт. 1897 г.) // Новое время. СПб., 1898. 3 января. № 7849. С. 2. (276).

Сигма. Внутри Кореи. II: По деревням. (Владивосток, 10 окт. 1897 г.) // Новое время. СПб., 1898. 4 января. № 7850. С. 2–3. (277).

Сигма. Внутри Кореи. III: По деревням. (Владивосток, 10 окт. 1897 г.) // Новое время. СПб., 1898. 10 января. № 7856. С. 2. (278).

И, завершив свое «путешествие» (а по сути – протяженную экспедицию по Дальнему Востоку), С.Н. Сыромятников продолжает уже в Санкт-Петербурге обработку и публикацию собранных им данных:

Сигма. С Востока // Новое время. СПб., 1898. 15 января. № 7861. С. 3. (279).

Сигма. На Востоке (1) // Новое время. СПб., 1898. 22 января. № 7868. С. 2. (280).

Сигма. Картинки корейской деревни // Новое время. СПб., 1898. 25 января. № 7871. С. 2. (281).

Сигма. На Востоке (2) // Новое время. СПб., 1898. 30 января. № 7876. С. 2. (282).

Сигма. Наши коммерческие интересы в Корею (1) // Новое время. СПб., 1898. 3 февраля. № 7880. С. 2. (283).

Сигма. Наши коммерческие интересы в Корею (2) // Новое время. СПб., 1898. 5 февраля. № 7882. С. 2. (284).

Сигма. Наши коммерческие интересы в Корею (3) // Новое время. СПб., 1898. 5 февраля. № 7882. С. 2. (285).

При этом он вводит в рассмотрение и угрожающе осложнившиеся внешне-неполитические условия наших развивающихся отношений с зарубежным Дальним Востоком:

Сигма. Англо-японское соглашение // Новое время. СПб., 1898. 14 февраля. № 7895. С. 3. (286).

Сигма. На Востоке (3) // Новое время. СПб., 1898. 20 февраля. № 7896. С. 2. (287).

Сигма. Новая Русь // Новое время. СПб., 1898. 1 (13) марта. № 7905. С. 2–3. (288).

Сигма. Боевые силы Японии. I // Новое время. СПб., 1898. 5 (17) марта. № 7909. С. 2. (289).

Сигма. Боевые силы Японии. II // Новое время. СПб., 1898. 6 (18) марта. № 7910. С. 2. (290).

Сигма. Morituri // Новое время. СПб., 1898. 15 марта. № 7919. С. 3. (291).

Эта серия из 44 (!) идущих одна за другой статей получила «официальное» завершение в публичной лекции С.Н. Сыромятникова о его «путеше-

ствии», прочитанной им в столице под вполне «нейтральным» названием «По Дальнему Востоку». Анонс лекции был опубликован 15 марта 1898 года в «Новом времени». Обращает на себя внимание подзаголовок названия лекции: «О прошлом, настоящем и будущем Японии, Кореи и Китая», характеризующий широту рассмотрения лектором проблематики отношений России с ее дальневосточными соседями.

Конечно же, «присоединение» к посольству князя Э.Э. Ухтомского «Сигмы», который «не знал, входил ли в состав посольства, ибо ехал на свой счет, но к награждению «Двойным Драконом» был представлен и таковой получил и на всех общих аудиенциях посольства присутствовал» [9]; и появление в ведущем столичном периодическом издании такого мощного информационного «заряда» в виде сорока четырех статей по тематике Дальнего Востока в течение всего семи месяцев не было случайностью и не могло не иметь политических и организационных «последствий». И имело их: составленный «Сигмой» негласный обзор «Очерк современного положения Кореи» [10], представленный Императору Николаю II, послужил одним из оснований для отправки на Дальний Восток в 1898 году широкомасштабной (7 партий, 45 участников) секретной русской экспедиции, в которой С.Н. Сыромятников был начальником «5-й партии».

Попытка воссоздать историю разведывательной и тайной, «не для оглашения», дипломатической деятельности С.Н. Сыромятникова на службе России, в том числе историю и результаты этой экспедиции, а также руководимой им секретной экспедиции в Персидский залив в 1900 году, из которой он привез в Петербург предложенный шейхом Кувейта проект договора о протекторате России над Кувейтом, была предпринята в [11].

III

Перед самым отъездом весной 1898 года в фактически инициированную им экспедицию на Дальний Восток, в Северную Корею, С.Н. Сыромятников публикует в «Новом времени» еще одну статью [12], в которой пытается, используя доступные ему научные данные и собственные наблюдения, ответить на вопрос, вынесенный им в название статьи – «Кто такие китайцы?».

Представляется, что содержание этой статьи, в которой публицист-востоковед сопоставляет основы и историю развития государственных Китая и России, менталитеты их народов, оправдывают приведенное ниже довольно объемистое ее цитирование: «После того, как мы без поддержки одетого в железную перчатку кулака получили в пользование «Порт-Артур и Талиенван с соответствующей территорией и водным пространством», невольно возникает вопрос, в какие отношения мы станем с китайцами на Квантунском полуострове? Я не говорю об отношениях юридических, я говорю об отношениях нравственных. С юридической стороны китайцы будут называть нас арендаторами, но мы едва ли будем называть их хозяевами. Я предлагаю называть их старшими братьями, и предлагаю это по многим соображениям, несмотря на то, что в географии сказано, что китайцы принадлежат к желтой расе, к монгольскому племени. Так смотрю я на китайцев даже не с точки зрения наполеоновски поскобленного русского, в котором под легкой корой европеизма открылась татарская древесина. Я говорю с точки зрения науки, ибо наука уже задавала себе вопрос: правда ли, что китайцы монголы? <...>

Смотря на наших друзей-китайцев с точки зрения признаков монгольской расы, мы увидим, что в них монгольского немного больше, чем в нас самих. <...> Откуда же они взялись, что они за люди? <...>

Древнейшая история Китая застаёт маленький китайский народ за 4000 лет до нашего времени к югу от северного колена Желтой реки ничтож-

ным, затерянным среди инородцев прамонгольского племени, которых он осваивает долгой культурной работой. <...>

После первых легендарных князей, называемых историками совершенно неправильно императорами, китайский народ разбился на земли, опять-таки неправильно называемые уделами. Их история с этого времени идет по тому же пути, по которому шла история наша. <...>

<...> когда китайцев сделалось больше, чем инородцев, тогда китайские земли соединились в одно государство под властью первого царя Цинь-ши-хуан-ди в 221 году до Р.Х. Но это объединение не было только политическим. Ему предшествовало объединение культурное и литературное. Каждая из земель имела свою иероглифическую письменность. В эпоху объединения земель, объединился письменный язык, а так как не все слова вошли в общий разговорный язык, то китайская письменность стала богаче языка разговорного. <...>

Общественный уклад их жизни был одинаков с общественным строем древней Руси. <...>

Вместо узкой родовой морали мы получили мораль Христа, – вселенскую, широкую. Центр наших дум, надежд и стремлений был перенесен с земли на небо в то время, как китайцы работали над землей, над земным счастьем, земным удовлетворением. И когда мы рвались вдаль и вширь, китайцы шли в глубину прошлого, выше всего почитая первых предков, первых царей своих, образы которых конфуцианство окружило большим ореолом святости и добродетели, чем окружены у нас образы Владимира, Бориса и Глеба. <...>

В Китае чувствуется атмосфера любовного удовлетворения, он знает чувственность, но не знает влекущей к подвигам страсти. Мы идем вперед к невидимому будущему, к изменчивым идеалам; идеалы Китая позади его истории – они выразились в его добродетельных и справедливых предках.

Из сравнения России с Китаем выясняется, что китайцы действительно наши старые родственники, но родственники до христианства, родственники до широкой возвышенной вселенской морали, разбившей стены народов избранных.

Сигма».

IV

После завершения Русско-японской войны, за (!) линией фронтов которой («между хунхузами и японцами») он выполнял секретные поручения русского командования, университетский товарищ П.А. Столыпина, ставший близким и доверенным сотрудником премьер-министра, С.Н. Сыромятников в течение восьми лет по его поручению редактировал («негласно») правительственную газету «Росси́я». И курировал обширную сеть русских агентов и «агентов влияния» за рубежом, в том числе в Китае, Корее, Японии.

Ограниченный объем настоящего сообщения не позволяет сколько-нибудь подробно рассмотреть период с 1898 по 1916 год в деятельности С.Н. Сыромятникова, востоковеда и публициста, связанной с Дальним Востоком. Ограничусь лишь упоминанием о том, что с 1898 по 1916 год им было подготовлено еще более ста пятидесяти (!) публикаций в ведущих столичных газетах России по проблематике Дальнего Востока.

Из этих последних все же стоит выделить как «программные» следующие:

Сыромятников С.Н. Россия на Дальнем Востоке // Россия. СПб., 1911. 27 марта. № 1643. С. 2. (1022).

Сыромятников С.Н. Русско-китайский вопрос // Россия. СПб., 1912. 17 июня. № 2022. С. 2. (1116).

Сыромятников С.Н. Запросы времени // Россия. СПб., 1912. 22 июля, № 2057. С. 2. (1119).

Сыромятников С.Н. Новый и старый Восток // Россия. СПб., 1913. 3 марта. № 2239. С. 2. (1162).

Следует отметить и ряд принципиальных «особенностей» всех (более 200!) упомянутых здесь дореволюционных публикаций С.Н. Сыромятникова «по Дальнему Востоку»:

– все они, написанные активно работающим и отнюдь не «кабинетным» востоковедом, опубликованы им в «открытой» печати и обращены к широкому кругу читающей российской публики, ориентируя ее на протяжении двадцати лет в бурно развивающихся отношениях России с нашими дальневосточными соседями – Монголией, Китаем, Кореей, Японией;

– даже если не учитывать не менее многочисленные публикации в периодической печати по ближневосточным проблемам, можно предположить, что наше общество не имело (и, пожалуй, не имеет и до сих пор) более значимого профессионального популяризатора задач и достижений отечественного востоковедения, нашей восточной политики.

К 1916 году к своему свободному владению более чем пятнадцатью (!) иностранными языками, Сергей Николаевич добавил китайский и корейский. Причем на уровне, позволившем ему в голодное советское время работать над составлением академических словарей этих языков.

V

Напряженная работа «Сигмы»-востоковеда продолжалась до самой его смерти в 1933 году. Достаточно сказать, что, сотрудничая в 1921–1933 годах с В.М. Алексеевым (обширная, более трехсот писем, переписка с ним сохранилась в Петербургском филиале АРАН [13]), он написал более двадцати пока мною не найденных востоковедческих работ. Таких, например, как:

Сыромятников С.Н. Древний быт китайского народа. 1926. (1299).

Сыромятников С.Н. Схема Китая при Чжоуской династии. 1926. (1300).

[*Сыромятников С.Н.*] *Romanov V.A.* Russia in Manchuria (1892–1906). Leningrad, 1929. (Summary, б/п) <...> (1301).

Сыромятников С.Н. Новый Китай и Конфуций.

Сыромятников С.Н. Самоуправление и местная администрация Китая.

[*Сыромятников С.Н.*] Новый Завет: пер. на китайский яз.

Весьма рельефно активность увлеченно работающего в это время С.Н. Сыромятникова-китаеведа характеризуют несколько выдержек из его писем к В.М. Алексееву [13]:

«4.X.24. <...> работа заинтересовала меня, хотя она очень сухая, и я подумал: “Если бы школа эта была предприимчива, она сделала бы так: обратилась бы в Госиздат, и сказала: “Мы, школа, желаем составить учебник Китаеведения, обнимающий все стороны Китайской жизни, в 20 печ. листов, который вы должны издать. Дайте нам для этого аванс в размере половины сдельной платы”.

*А потом обратилась бы ко мне и сказала: “Ну-ка, покажите, что вы писали о Китае и каков Китайский отдел вашей библиотеки?” А узнав все это, сказала бы мне: “Напишите нам учебник Китаеведения, какой он вам представляется, а мы его проредактируем и снабдим вас теми источниками, каких у вас нет”. Тогда я взял бы *Richard-a*, обработанного отцом Кеннелли, и *Rixthгофена*, и *Reclue*, и *Иоакинфа*, и исправленного *Мора* и написал бы красивую вещь, а Вы ее бы снабдили своим соусом и издали от имени школы. Авторской славы было у меня столько в жизни, что она больше меня не манит, а *Епс. Вг.* так и останется британским сухарем, толстенным, жирным, но все-таки сухарем, жевать который*

скучно.

Я бы из китайской истории взял кроме древности по Flirth-у, период Монголов и сношения с Россией, с двух сторон, с Русской по Бантьему(?), с Китайской по Parker-у, который напечатал китайские источники сношений китайцев с русскими в XVII–XVIII ст.

Но все это мечты. Два листа я сделал, просил денег, не дали, как-нибудь проживу. <...>».

«11.V.25 ...китаисты занимаются черт знает чем, вместо того чтобы заниматься тем, что необходимо всему человечеству, а именно переводом китайских историй, за которым пойдут всякие исследования. Но верный перевод историй это долг китаистов перед всеми их народами. <...>».

«23.V.25. Дорогой Василий Михайлович, все пытаюсь написать Вам по поводу Китайской истории, да здоровье мое было очень плохо, так что трудно писать. Китайской истории еще нет, она не написана в самом Китае, не говоря уже о Европе, но материалы к ней мало, по-моему, издаются, и все материалы с иероглифами полезнее, чем без иероглифов, вот почему материалы Георгиевского полезнее, чем материалы Cordier. История есть история учреждений, история экономического развития, история умственного развития, развития литературных форм, развития искусства. А у нас нет простой, ясной и полной политической истории Китая, которую можно сделать <...>».

«30.V.25. Дорогой Василий Михайлович,

<...> Вы знаете, что я проповедую важность китайской истории не со вчерашнего дня, а пожалуй скоро будет 20 лет, и мне хотелось бы, чтобы патентованные ученые не только признали мои мысли, но и стали на путь их осуществления. А мы все стукаемся лбом о стену, и мне, по Вашему мнению старому дилетанту, приходится собирать материалы по Китайской истории, что должны бы были сделать очень давно китаисты, и быть «полиграфом». В самом деле, кто составил лучшую историю К. литературы? Немец. Кто составил лучшую историю древнего Китая? Немец. Кто составил самые точные хронологические таблицы Кит. истории? Немец. И это при нашей 8000 верстной границе с Китаем и при правильных дипломатических отношениях с Китаем с 1689 г. Кстати, в 1939 году будет 250 лет Нерчинскому договору. Я не доживу, а Вы, вероятно, прочитаете по этому поводу хорошую лекцию. <...> Ваш С. Сыромятников».

«14 января 1927 г. <...> Если бы я должен был купить право на путешествие в Китае за 40 ударов по потылице, я бы не отказался от ударов, ибо что может быть интересней крушения величайшей культуры? Не империи, – черт с ней, – а культуры, пережившей 25 империй, а теперь лопнувшей...».

По мере своих скромных уже в это время сил и возможностей, С.Н. Сыромятников поддерживал развитие отечественной науки о Китае, её связи с зарубежными учеными-китаеводами. И даже пытался «сдемпфировать» попытки не в меру «политически сознательных» сотрудников направить отечественное востоковедение по «узко-марксистскому» пути. Здесь уместно привести выдержку-заметку из его личного дневника [14], которая, конечно же, не была, да и не могла быть нигде тогда в нашей стране напечатана:

«24.XI. 1930. Академик В.М. Алексеев со своими учениками в ударном порядке составляет латинскую азбуку для Красного Китая, чтобы покончить там с безграмотностью. Им, разумеется, удастся составить азбуку, которая довольно удачно передаст китайские звуки и их тоны. Но со введением в Китай латиницы Китая больше не будет. Будут разные народы, говорящие на разных языках и не понимающие друг друга. Китайские племена объединены были в одно целое Конфуцианской культурой и иероглифической письменностью. Революция 1911 года развенчала Конфуция, заменив его американской этикой и философией. Революция 1930 г. уничтожит вторую связь: иероглифическую

письменность. Тогда Китая не будет больше, а будет группа враждующих между собой государств, не более далеких этнически, чем Россия и Польша, не менее враждебных друг другу, чем они. Прощай, Китай! *Finis Sin !*».

В 1931–1933 годах С.Н. Сыромятниковым было «составлено» более 62 тысяч (!) словарных статей для академического китайско-русского словаря [13, № 276].

VI

В заключение следует отметить, что не только обозначенный здесь и далеко не полный перечень востоковедческих и публицистических трудов Сергея Николаевича Сыромятникова, а также необыкновенно большой массив архивных документов о его деятельности, связанной с Дальним Востоком, заслуживают самого пристального внимания отечественных историков, востоковедов и политологов.

Профессиональные исследования научного и публицистического наследия Сыромятникова-«Сигмы», несомненно, помогут осветить один из самых сложных этапов развития не только востоковедения в нашей стране, но и международных отношений на Дальнем Востоке.

Литература

1. Сыромятников Сергей Николаевич. Сага об Эйрике Красном. (*Eiriks saga Raudha*). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. (12).
2. Сыромятников С.Н. Русская княжна на французском троне (Из далекого прошлого франко-русского сближения) // Новое время. СПб., 1893. 5(17) октября. № 6323. С. 2. (37).
3. Сигма. Подальше от культуры // Новое время. СПб., 1894. 28 августа. № 6644. С. 2. (100).
4. Σ. (Сигма.) Библиографические новости // Новое время. СПб., 1894. 2 сентября. № 6649. С. 4. (101).
5. Сигма. Корейцы в России (М.Ф.) // Новое время. СПб., 1894. 15 сентября. № 6662. С. 2. (105).
6. Сигма. Восток или Запад // Новое время. СПб., 1894. 30 октября. № 6707. С. 3–4. (114).
7. Сигма. *Ex oriente nox!* (1) // Новое время. СПб., 1895. 5 марта. № 6830. С. 3. (130).
8. Сигма. *Ex oriente nox!* (2) // Новое время. СПб., 1895. 12 (24) марта. № 6837. С. 3. (131).
9. Сыромятников Сергей Николаевич (псевд. Сигма), журналист. Письмо Константину Васильевичу Кудряшову. 1922. 17 декабря. ОР РНБ. Ф. № 423. Лбовский А.Н. № 1568.
10. Сыромятников С.Н. (Сигма). Очерк современного положения Кореи: Документ-приложение № 32 // *Вонлярлярский В.М.* Отчет о ходе высочайше возложенного на Его Императорское Высочество Великого Князя Александра Михайловича дела о Корею в 1898–1899 гг. // РГИА. Ф. 917 (Вонлярлярские). Оп. 1. Д. 4. (1898 г. /апрель-май/). (234).
11. «Странные» путешествия и командировки «Сигмы»: Историко-документальная повесть-расследование: (1897... 1916 гг.). СПб., 2004.
12. Сигма. Кто такие китайцы // Новое время. СПб., 22 марта 1898. № 7926. С. 3. (293).
13. Сыромятников Сергей Николаевич, писатель. Его письма В.М. Алексею. СПб. Филиал АРАН. Ф. 820. Оп. 3. № 759. Алексеев Василий Михайлович.
14. Записная книжка Сыромятникова Сергея Николаевича (псевдоним «Сигма»). ОР Гос. лит. музея. Ф. 242 С. РОФ 7394. (1302).

Аннотация. В статье рассматривается обширное публицистическое наследие Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы»), посвященное отношениям России и стран Дальнего Востока в 1890–1920-х годах. Особое внимание уделено отличиям этих отношений от практиковавшихся западными странами и Японией.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, Россия, Дальний Восток, Китай, Корея, Япония.

Boris Syromiatnikoff, high voltage test engineer of “TESTSET”, St. Petersburg, Russia; descendant and collector of the legacy of his great uncle – Sergey N. Syromiatnikoff (“Sigma”), one of the main performers of the policy of Nicolas II in the East, who also participated in the conclusion of the first Treaty of Friendship with China in 1897. E-mail: grumant45@mail.ru

“Sigma”: “East or West?”

Abstract. The article describes the extensive journalistic heritage of Sergei Nikolaevich Syromyatnikoff (“Sigma”), dedicated to relations between Russia and the Far East countries in 1890–1920-ies. Particular attention is paid to the differences between these relations and those practiced by Western countries and Japan.

Keywords: conservatism, nationalism, Russia, the Far East, China, Korea, Japan.

Б.В. Межуев. Хотел бы, обращаясь прежде всего к историкам русской философии, сказать следующее. Востоковедческая деятельность, по крайней мере полевая, Сергея Николаевича начинается, как известно, с путешествия вместе с князем Эспером Эсперовичем Ухтомским в Китай, в 1897 году весной. Много раз здесь упоминали имя Владимира Соловьева. Именно он познакомил Сыромятникова с Ухтомским и порекомендовал его в качестве одного из тех, кто может принять участие в экспедиции. В одной из своих публикаций 1905 года Сыромятников пишет, что они вместе с Ухтомским уговаривали Владимира Соловьева присоединиться к экспедиции. Сыромятников подчеркивает, что если бы Владимир Соловьев все-таки принял в ней участие (а такая возможность, видимо, была, хотя, конечно, его физическое состояние как-то не очень предполагало это), то его отношение к Китаю и панмонголизму резко изменилось бы. И «карателем Европы» он выбрал бы кого-то другого, а не Китай. Ухтомский был главным редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», там из номера в номер публиковались своего рода рефераты текстов Владимира Соловьева. И вот в апреле-мае 1897 года что-то происходит между Ухтомским и Соловьевым, какая-то ссора, хотя внешне на их общении она не отразилась. Те, кто знает творчество Соловьева, знает произведение «Три разговора. Краткая повесть об Антихристе». Там есть такой персонаж – лжепророк Аполлоний, который приходит из восточной страны и соединяет таинственную

мистику Востока и знание западной науки. В первой, журнальной, редакции «Трех разговоров» сказано, что он является внебрачным сыном Елены Блаватской. Потом Соловьеву указали на неуместность подобного фривольного обращения с дамами, и он снимает эту приписку. Но сейчас я не об этом. Там есть такая фраза, что Аполлоний убеждает Антихриста, всемирного императора, в том, что в таинственных книгах Востока написано, что он является таким будущим царем, которому предназначено объединить весь мир.

На мой взгляд, это совершенно очевидное указание на Ухтомского – в лжепророке Соловьев изображает своего бывшего друга Эспера Эсперовича Ухтомского. Именно он на фрегате «Память Азова» говорил, что в таинственных книгах восточных народов, буддистских, тибетских, написано о белом царе, который должен когда-то объединить всю Азию. Очевидно здесь указание на роль Ухтомского и на восточничество.

Вообще в «Трех разговорах. Краткой повести об Антихристе» гораздо больше актуально-политического, чем мы привыкли думать. И раскапывание этого политического содержания весьма интересно с точки зрения истории философии. И многие аспекты восточной политики интересовали меня в первую очередь как историка русской философии.

Теперь передаю слово замечательному историку, историку русской мысли Андрею Александровичу Тесле. В четвертом номере «Самопознания» есть и его статья.

Дальневосточный фронт в интеллектуальной изоляции

Я несколько сменю проблематику – вернусь прежде всего к современности и отмечу, что даже заявленная тема – «Россия и Азия» – и разговор об Азии у нас почти сразу же сместились, и это было предсказуемо, к замене Азии Востоком. В свою очередь, этот Восток оказывался неким «Большим Востоком», пространством уже не физической, а ментальной географии. Соответственно этот Восток оказывался пространством, которое позволяет нам одновременно говорить и о Японии, и о Китае, и об Индии, и в том числе даже о Турции.

Но если вернуться от Востока к Азии, стоит напомнить, что у России была и остается собственная Азия – то понятие, которое было очень популярно во второй половине XIX века – «Азиатская Россия», пространство освоения, пространство фронта. И соответственно этому пространству, в первую очередь дальневосточному, с самого начала была присуща двойственность.

Двойственность, во-первых, отношения к нему. Попробую процитировать по памяти знаменитый фрагмент, наверное, многим из вас известный, из переписки Михаила Александровича Бакунина. Он пишет Александру Ивановичу Герцену в 1860 году (в этот момент Бакунин еще в Иркутске, а Муравьев-Амурский, его родственник и до некоторой степени приятель, – генерал-губернатор Восточной Сибири). Бакунин пишет Герцену в Лондон о том, что необходимо защитить Муравьева-Амурского: «И как ты смел присоединиться к нападкам на него?». Далее следует такой сюжет, весьма любопытный. Эту позицию, как ни странно, Бакунин сохранит вплоть до по крайней мере конца 1860-х годов. Он пишет, как быстро меняется отношение: сначала общий восторг русской публики по поводу наших приобретений на Востоке, по поводу Амура; и спустя всего несколько лет этот восторг сменяется общими упреками, разочарованием и стандартными суждениями петербургской и московской прессы «зачем нам этот Амур, зачем нам этот Дальний Восток?» и обвинениями в том, что это приобретение станет обузой, станет камнем на шее России. Это очередное ненужное территориальное приобретение, страсть к экспансии, ничем не сдерживаемая страсть.

Это довольно типичная «центрально-российская» модель. Для самого же дальневосточного пространства было характерно двойное единство самоопределения. По отношению к Европе – как дальний форпост и как движущаяся, подвижная граница с Востоком как объектом – соответственно имел место инструментальный характер знания. Для дальневосточного пространства очень характерна – если мы говорим о конце XIX века, но это отчасти справедливо и для текущего момента, – демонстрация уникальности по отношению к иным,

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).
E-mail: mestr81@gmail.com

демонстрация собственной уникальности, заключающейся как раз в западности, европейскости.

То есть уникальность заключается в том, что на самом краю России вдруг оказывается европейское пространство, в глубокой Азии вновь оказывается Запад. Эта идентификация себя с Европой – и в символичности названия, в котором, если угодно, можно усмотреть наследие римской или византийской мечты, отблески такой мечты. Как бы то ни было, здесь присутствует двойственность.

Акцентируя ваше внимание на индентификации с фронтиром, хотел бы отметить, что на этом форуме оказались не представлены востоковеды ни из Владивостока, ни из Иркутска, ни из других городов. И это не случайно. Это не недоработка организаторов. Это особенность устройства знания. Ведь в принципе, если очень постараться, то можно было бы найти соответствующих представителей, можно было бы их пригласить. Но ключевой момент – если постараться. Ключевой момент – если приложить определенные усилия и стремиться именно к представленности как таковой.

То есть если говорить об устройстве знания, то это знание – центрированное или даже скорее монополизированное имперским центром. Здесь уже вспоминали историю о том, как восточный факультет сначала возник в Казани и затем, спустя несколько десятилетий – если мне память не изменяет, в 1840-х годах – был переведен в Санкт-Петербургский университет и стал уже знаменитым Восточным факультетом.

До некоторой степени аналогично основание в 1899 году здесь, во Владивостоке, Восточного института, роль и назначение которого было и остается – сугубо инструментальное, прикладное знание, то есть подготовка переводчиков. Производство же знания было сосредоточено в центре. А на Дальнем Востоке это знание только применялось или, в лучшем случае, распространялось, воспроизводилось (как уже готовое / приготовленное).

Уже говорилось, что очень многие суждения о Востоке – суждения вне полевого знания. Если говорить о любом здешнем горожанине, то, наоборот, – у любого из них есть полевое знание тех или иных районов Китая, у большинства – Кореи, Японии, в меньшей степени – других стран АТР. Но это знание является исключительно практическим, знанием быстрого непосредственного применения.

То, на что я хотел бы обратить особое внимание, – концептуализация происходит за пределами этого региона. То есть концептуальное знание, знание программное, знание теоретическое – оно не вырабатывается на месте. Более того – оказывается, что язык самоописания, язык понимания своего нахождения в пространстве, это опять же не тот язык, который рождается на местности, а то, что приходит извне. Дальневосточный регион России – это пространство, которое получает языки описания не просто извне, не просто из центра, а это языки описания, которые по факту являются двойным преломлением оптики: фактически здесь происходит некое переложение на местное пространство.

Знание по отношению к Востоку – знание локальное, если угодно – знание дальневосточное. В большинстве случаев оно не выступает как знание-власть, если использовать фукианскую терминологию. То есть это ресурс, которым не обладает данное пространство, и для данного пространства знание, которое присуще ему, это знание, ограниченное частными операциональными рамками, с закрытой или, если угодно, блокированной потребностью к концептуализации.

Б.В. Межуев. Мне представляется весьма интересным наблюдение, согласно которому большая часть русских Дальнего Востока являются стихийными востоковедами. Их позиция, их точка зрения, их мнение требуют понимания, особого исследования, потому что это – способ жизни внутри Востока. Факт русского Востока любопытен ни сколько не менее, чем русской Америки в свое время. Это тоже элемент самопознания. Завершая нашу работу, передаю последнее слово человеку, вместе с которым мы делали эти два номера и который в наибольшей степени принял в них участие, – Василию Ванчугову. Надеюсь, он представит в большей степени четвертый номер, который был фактически его личным проектом.

В.В. Ванчугов. Сначала несколько слов об идеологии нашего издания. Ключевая проблема – это прагматичное отношение к прошлому. Думаю, большинство из вас читают лекции и часто сталкиваются с ситуацией, когда студенты, как бы они положительно к тому или иному профессору и предмету ни относились, задают вопрос: «А зачем нам тот или иной курс, поможет ли он нам в жизни? Мы понимаем, что он есть в учебной программе и его надо пройти, но какова польза?». И приходится заниматься своего рода апологией – почему мы должны изучать философию анархизма Бакунина или метафизику Соловьева, или историю философии Густава Шпета, равно как и многие эпизоды из западной философии.

И такой же вопрос, только часто в более жесткой формулировке, задают и те, кто принимает решения. Те, кто находится в ситуации так называемого консервативного поворота. А консервативный поворот, консервативная установка сознания подразумевают защиту традиционных ценностей и обращение к своему наследию. И возникает вопрос: что из этого наследия взять? Поскольку есть опасность превратиться в своеобразных архивариусов, которые по должности коллекционируют старые рукописи и книги.

И точно так же, как мы отвечаем студентам, мы отвечаем и людям, которые принимают решения в сфере образования и в других сферах внутренней и внешней политики, на вопрос, почему мы должны ценить этого мыслителя. По сути, мы должны отвечать на такой вопрос – какая польза от Соловьева? Мы должны доказать, что от изучения, на-

пример, Владимира Соловьева есть определенная польза.

Поэтому наша задача – а у нас параллельно реализуется проект «Русская idea», сайт консервативной политической мысли, где акцент сделан на актуальной повестке, – прагматическое обращение к прошлому, извлечение из запасников того, что сегодня поможет формированию определенной системы координат. Помню случай, когда практический работник МИД готовился к защите диссертации, и я порекомендовал ему прочесть книгу «Россия и Европа» Данилевского. Он потом благодарил: «У меня появилась какая-то система координат». В этом специфика издания и всей нашей деятельности. В наследии русской мысли есть много такого, что может быть включено в политический процесс, использовано для формирования различного рода систем координат, систем ориентации.

Теперь о четвертом номере, который называется «На перепутье: новый исход к Востоку?». Мы избегали апологетики и не подводили к мысли, что непременно необходимо повернуться к Востоку. Наша задача – аналитическая, то есть *pro et contra*, подобрать различные точки зрения и разобрать возможные сценарии развития событий.

У нас есть раздел «Персоналии, точки соприкосновения». В четвертом номере мы задаем одни и те же вопросы китайскому профессору и японскому научному сотруднику относительно Бердяева, чтобы выявить преломление его творчества в китайском академическом сознании и японском академическом сознании. Китайский коллега – хорошо известный в России профессор Пекинского педагогического университета Чжан Байчунь, который перевел всего Бердяева. Он хорошо знает не только Бердяева, но и русскую философию в целом. Именно русская философия, по его мнению, наиболее приемлема для китайского сознания. Китайским студентам и преподавателям полезнее изучать русскую философию, а не западную, поскольку у нас они обнаруживают точки соприкосновения, точки общего пространства на ментальной карте мира. Весьма интересны и рассуждения японского коллеги Мотохару Тохомиро. Кроме того, публикуются работы, посвященные образам Китая, Вячеслава Сербиненко и Андрея Тесли. Планируется тема «Образ Китая в русской философии». Ценность исследований такого рода в том, что, рассуждая об образах Другого, которые

мы выстраиваем, мы узнаем не только Другого, но и уточняем представление о самих себе. Усматривая в Другом нечто положительное и нечто отрицательное, мы тем самым рассказываем о себе и часто обнаруживаем свои скрытые желания – кем на самом деле нам хотелось быть. Поэтому такие исследования близки к психоанализу, своего рода гуманитарно-философскому психоанализу. Номер органично скомпонован. Здесь и геополитика – идеи и пространство, прагматика – рассуждения о пользе дружбы; поиск персоналий как определенных точек соприкосновения. И еще интересный раздел – христианская миссия в Азии, в частности, модификация и бытие в прошлом и настоящем православия в Китае.

Б.В. Межуев. Прочитав двойное интервью китайского и японского профессоров, я поставил перед собой вопрос: что же так интересует их в Бердяеве? Почему именно Бердяев вызывает такой интерес? Кстати, и книга Саркисянца «Россия и мессианиззм» в качестве подзаголовка имеет «К “русской идее” Н.А.Бердяева», а последняя глава в ней – «Поворот к Востоку и его предпосылки в русской интеллектуальной традиции». И у меня возник такой ответ, что Бердяев, в отличие, может быть, от других русских философов, четко ставит проблему, которая мне представляется центральной для всего русского консерватизма. А именно проблему индивидуальной свободы в контексте общего дела. У него русская мысль, русская идея – в какой-то степени восточная идея, она ассоциируется с представлением о некоем общем деле, общей цели, общем пути, объединяющем всех людей одной цивилизации, одной нации, вовлекающем всех в одно общее определенное действие. Как в этом общем деле, будучи частью этого дела, являясь его соратником, как тогда говорили, сохранить индивидуальное достоинство? Эту проблему ставил еще Герцен, находясь на левом фланге русской мысли. На правом ее ставил Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе». А в философском отношении эти левые и правые составляющие русской идеи воплотились в философии Бердяева.

Мне кажется, именно эта составляющая, именно эта проблематика интересны представителям Востока, тем, которые интересуются Россией. Потому что в западной философии эта проблема поднималась у немцев, но даже в современном англо-саксонском консерватизме, о котором на третьих Бердяевских чтениях мы послушали интересный доклад Бориса Макаренко, – эта проблема так ясно не стоит. Все-таки индивидуализм, который характерен для западного консерватизма, несмотря на его некую воинственность и даже милитарность, в конечном счете есть нечто совершенно иное по отношению к пафосу общего дела, общей работы, общей мысли, общей судьбы, которая, мне кажется, является той ценностью, которая объединяет Россию и восточные цивилизации.

Л.В. Поляков. Это действительно хорошая находка. В России и на Востоке стоит проблема того, как при доминировании общего дела обеспечить автономию личности и личных свобод. Западная же цивилизация строится иным образом. Не случайно в западной политической теории один из важных разделов – изучение логики коллективного действия. Для западного человека важно понять, как автономного индивида включить в процесс коллективного действия таким образом, чтобы оно получилось. Для нас, видимо, типичен обратный подход. Дорогие друзья! Хотел бы выразить свою личную признательность и благодарность за тяжелый труд в непривычной для многих часовой зоне. Несмотря на физические перегрузки, мы смогли создать духовное пространство, в котором каждый имел возможность высказать то, что он думает, каждый внес вклад в новое качество смыслов. И, уезжая с этого форума, мы будем духовно и интеллектуально богаче, чем были два дня назад. Про себя могу сказать, что хотя я и не стал востоковедом, но восточником все-таки стал. От всех нас хочу поблагодарить тех, кто обеспечил нам комфортное языковое пространство. Без тяжелого труда синхронных переводчиков у нас не получилось бы то, что получилось.

АЛИ Шазми

член исполнительного комитета Международного движения за справедливый мир (Петалинг-Джая, Малайзия).

АННО Тадаси

доктор политологии, ассоциированный профессор в Университете «София» (Токио) по политическим наукам и по международным отношениям.

АСМОЛОВ

Константин Валерианович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

БЕНЕДИКТОВ

Кирилл Станиславович

главный редактор портала «Русская idea», писатель, политолог.

ВАНЧУГОВ

Василий Викторович

доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea» и бюллетеня «Самопознание».

ВИНОГРАДОВ

Андрей Владимирович

доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.

ГАЧЕВА

Анастасия Георгиевна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

ДЕНИСОВ

Игорь Евгеньевич

старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО.

КАРЕЛОВА

Любовь Борисовна

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

КАУСИКАН Билахари

посол по особым поручениям МИД Республики Сингапур, старший научный сотрудник Сингапурского университета управления.

КАШИН

Василий Борисович

старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий.

КОЛОМЕЙЦЕВА

Наталья Андреевна

кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Дальневосточного федерального университета.

КУЛАНОВ

Александр Евгеньевич

историк, писатель, член правления Ассоциации японоведов.

ЛИ Син

доктор политических наук, профессор Института государственного управления Пекинского педагогического университета, научный директор Научно-исследовательского центра руссификации при Министерстве образования КНР.

ЛИ Тэрим

старший юрист компании Shin&Kim (Республика Корея) по проектам в России.

ЛИМ Юл Чул

профессор, директор по научно-исследовательской работе Института дальневосточных исследований (IFES) Университета Кеннам (Kyungnam University), Республика Корея.

МАСЛИН

Михаил Александрович

доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова.

МАСЛОВ

Алексей Александрович

доктор исторических наук, профессор, руководитель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики».

МАТВЕЙЧЕВ

Олег Анатольевич

кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии факультета философии НИУ «Высшая школа экономики».

МЕЖУЕВ

Борис Вадимович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета портала «Русская idea», главный редактор бюллетеня «Самопознание», заместитель главного редактора газеты «Известия».

МИНАКОВ

Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.

МИХАЙЛОВ

Родион Владимирович

кандидат политических наук, заместитель председателя Экспертного совета Фонда ИСЭПИ.

МОСЯКОВ

Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН, руководитель Центра

изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании.

МОХАНТИ Арун

доктор политологии, ассоциированный профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Дели, Индия), директор “Eurasian Foundation”.

НАМ Джонго

обозреватель ежедневной газеты «Чуньян Ильбо» (“JoongAng Ilbo”, Сеул, Республика Корея).

ПАНЬ Давей

профессор, директор Центра исследований России и Центральной Азии Шанхайской академии общественных наук.

ПОЛЯКОВ

Леонид Владимирович

доктор философских наук, член Экспертного совета Фонда ИСЭПИ, председатель редакционного совета альманаха «Тетради по консерватизму», профессор департамента политической науки факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики».

РЕМИЗОВ

Михаил Витальевич

кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии, председатель президиума Экспертного совета при Коллегии Военно-промышленной комиссии, член Экспертного совета при Правительстве РФ.

СЕРБИНЕНКО

Вячеслав Владимирович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной философии Российского государственного гуманитарного университета, руководитель Общества историков русской философии имени В.В. Зеньковского.

СИМОТОМАИ Нобуо

профессор Университета Хосэй (Токио), старший научный сотрудник Японского института международных отношений.

СУМСКИЙ

Виктор Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН при МГИМО МИД России.

СЫРОМЯТНИКОВ

Борис Дмитриевич

старший инженер электрической компании «Тестсет» (Санкт-Петербург), потомок и собиратель наследия своего двоюродного деда Сергея Николаевича Сыромятникова («Сигмы»).

ТЕСЛЯ

Андрей Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

ТЮРКЕР Ташансу

кандидат исторических наук, директор Центра исследований Евразии, России и Восточной Европы Университета Анкары (Турция).

У Пин

доктор филологических наук, профессор Пекинского педагогического университета.

ФЁДОРОВ

Валерий Валерьевич

кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ, заведующий базовой кафедрой ВЦИОМ факультета социологии НИУ «Высшая школа экономики».

ХАТУНЦЕВ

Станислав Витальевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета.

ХОЛМОГОРОВ

Егор Станиславович

публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники».

ЧЕЧЕВИШНИКОВ

Александр Леонидович

кандидат исторических наук, главный редактор альманаха «Тетради по консерватизму», заместитель директора Института международных исследований МГИМО.

ЧЖАН Цзяньжун

профессор, генеральный секретарь Центра исследований России и Центральной Азии Шанхайской академии общественных наук.

ЧЖАО Лу

доктор юридических наук, доцент Юридического института и Научно-исследовательского института уголовного права Пекинского педагогического университета, научный сотрудник Научно-исследовательского центра россиеведения при Министерстве образования КНР.

ЧУГРОВ

Сергей Владиславович

доктор социологических наук, профессор факультета международной журналистики международной журналистики МГИМО, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования».

Альманах Фонда ИСЭПИ
Тетради по консерватизму
№ 5 2015

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

Издатель
*Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)*
www.isepr.ru

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60x90 ¹/₈. Усл. печ. л. 36,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 3.

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Индустриальная, д. 40б